

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

11

2002

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11/2002 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- И.В. Сталин в работе над «Кратким курсом истории ВКП(б)» (Вступительная статья **М.В. Зеленова**)... 3

СТАТЬИ

- С.А. Нефедов** — Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние 30
- В.П. Любин** — Итало-советские торгово-экономические отношения в 1920-е годы 54

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- А.Г. Сацкий** — Дмитрий Николаевич Сенявин 73

ВОСПОМИНАНИЯ

- С.Н. Глобачева** — Прелюдия происходящих в мире событий 98

ПУБЛИКАЦИИ

- А.Г. Шляпников** — За хлебом и нефтью 119

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

СООБЩЕНИЯ

- М.Ю. Асиновская** — Русская военная разведка на Балканах в конце XIX века 142

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- С.Н. Третьякова** — Английский писатель-путешественник Стефан Грэхем о России начала XX века 156
- Т.Б. Гвоздева** — Атлетизм в Древней Греции: любители и профессионалы 161

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А.И. Зевелев, М.И. Смирнова** — И.Х. Урилов. История российской социал-демократии (меньшевизма)..... 165
- Н.Е. Тюркова** — Н.М. Муравьев. Сочинения и письма. Т. I. Письма 168
- И.Е. Горелов** — Е.В. Пчелов. Рюриковичи. История династии; Е.В. Пчелов. Романовы. История династии 170
- Д. Михайлович** — И.В. Поздеева, В.П. Пушков, А.В. Дядькин. Московский Печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618—1652 гг.: от восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона 172

И.В. Сталин в работе над «Кратким курсом истории ВКП(б)».

Цель данной публикации — уточнить роль Сталина в создании учебника «История ВКП(б). Краткий курс», хронологию и задачи его работы над текстом всемирно известного издания, а также смысл изменений, внесенных им в макет книги.

Изучением работы Сталина над «Кратким курсом» впервые занялся Н.Н. Маслов¹. Он исследовал фотокопии рукописей Сталина и отредактированного им макета книги и изложил общие изменения текста учебника. Ему же принадлежит первенство в анализе и публикации иных документов, связанных с выходом «Истории ВКП(б)», в частности, стенограммы совещания пропагандистов Москвы и Ленинграда, проходившего с участием Сталина 28 сентября — 1 октября 1938 г., и постановления ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”»².

Новые документы, поступившие из Архива Президента РФ в Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), позволяют расширить наше представление о работе над учебником по истории партии во второй половине 1930-х годов.

При анализе «Краткого курса» часто делается упор на фактическую сторону событий, изложенных в книге, на историографические традиции, на научную сторону текста. Однако это идеологическое произведение является воплощением особого типа исторического мышления, определенного социально-психологического мира, который стал складываться в 1931 г., реализовываться в 1935 г. и оформляться текстуально в 1937—1938 годах. Публикуемые документы говорят о том, что Сталин обращал внимание именно на социально-психологический мир учебника, вмешиваясь, однако, и в фактологическую сторону текста.

Чтобы понять суть изменений, происходивших на последнем этапе работы над текстом «Краткого курса», нужно (хотя бы схематично) проследить работу над учебниками в аппарате ЦК ВКП(б).

После письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» (26 октября 1931 г.) началась череда покаяний авторов различных курсов истории ВКП(б), взаимных обвинений и поисков ошибок в формулировках и использовании ленинских цитат, фактических неточностей при изложении материала. Государство и партийное руководство явно не вмешивались в профессиональные споры, поскольку четкой позиции ни по вопросам истории СССР, ни по вопросам истории ВКП(б) в аппарате ЦК тогда еще не сложилось. Однако сотрудники аппарата ЦК (Отдела культуры и пропаганды

под руководством А.И. Стецкого, Института Ленина под заведованием В.В. Адоратского и др.) создавали особую атмосферу в историко-партийной среде, в которой кристаллизовался и креп «третий голос» (третейский судья) в лице Сталина. Это не значит, что в профессиональной научной среде нет ссылок на авторитеты, не цитируются и не решают споры маститые ученые. Это значит, что в истории остался один редактор и рецензент — аппарат ЦК в лице Сталина.

7 января 1932 г. политбюро приняло опросом постановление «О составлении “Истории ВКП(б)”», которым был определен состав редакции: «Секретариат ЦК — гг. Сталин, Каганович, Постышев, и гг. Молотов, Пятницкий, Стецкий, Адоратский»³. К составителям были отнесены директор Историко-партийного института красной профессуры В.Г. Кнорин, партийные историки Н.Н. Попов, Ем. Ярославский и В.А. Быстрянский, наркомы просвещения России и Украины А.С. Бубнов и Н.А. Скрыпник. Секретарем издания был назначен заместитель директора ИМЭЛ И.П. Товстуха. Последний и вел переписку со Сталиным о подготовке аппаратного учебника, который сначала планировался многотомным. В 1934 г. секретариатом ЦК круг составителей учебника был изменен: к прежнему составу⁴ добавлены новый заместитель директора института Ленина М.Д. Орахелашвили, а также Баранский и Лазьян⁵. С этого момента аппарат ЦК стал не только единственным рецензентом, но и автором учебника по истории партии.

Социально-психологический мир «Краткого курса» складывался под влиянием политических процессов второй половины 1930-х годов. В марте—апреле 1935 г. в Москве прошел громкий политический процесс по делу «рабочей оппозиции». В качестве идеологической подготовки к новому процессу («Кремлевское дело») было принято постановление ЦК ВКП(б) «О пропагандистской работе в ближайшее время». В нем определялись этапы дореволюционного становления не столько партии, сколько марксистской теории. Этим достигалось исключение из истории партии людей. Именно этот аспект станет определяющим в «Кратком курсе». В 1935—1937 гг. это позволило ужесточить цензурный контроль над политической литературой, изъять произведения Г.Е. Зинovieва, Л.Б. Каменева и других «провинившихся». На февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г. была поставлена точка на политической карьере Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова. Это требовало внятного объяснения не только для элиты, но и для рядовых партийцев, заставляло решительнее проявить позицию аппарата ЦК по отношению к существовавшим массовым учебникам по истории партии, в которых имена новых «врагов народа» мелькали в нежелательном для ЦК контексте. Политические репрессии 1937 года, являясь звеном в глубокой реформе идеологического пространства, должны были быть оформлены текстуально. Можно сказать, что эти процессы реализуют основную идею «Краткого курса», являясь, как говорил Сталин, «законом развития» большевистской партии. Итак, к апрелю 1937 г. оформились оценки субъектов «Истории ВКП(б)».

Объекты «Краткого курса», составляющие важную часть социально-психологического мира истории ВКП(б), были оценены также к апрелю 1937 года. Заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК Г.М. Маленков в записке (отправленной Сталину в середине февраля 1937 г.) о качестве кадрового состава ВКП(б) сообщал, что среди секретарей обкомов высшее образование имели 15,7%, а низшее — 70,4%. У секретарей окружкомов эти показатели составляли, соответственно, 16,1 и 77,4%, секретарей горкомов — 9,7 и 60,6%, секретарей райкомов — 12,1 и 80,3% и т.п.⁶ Именно для них, для основных кадров государственного и партийного управления СССР, и был нужен такой единый учебник, в котором бы давалась политграмота по основным вопросам внутреннего развития советского общества, его внешней политики.

Забегая вперед, можно указать на то, что Сталин, выступая с заключительным словом на собрании пропагандистов 1 октября 1938 г., посвящен-

ном «Краткому курсу», говорил не столько о фактическом содержании книги, сколько о необходимости поднять идейный и теоретический уровень партийных кадров ⁷. Стенограмма сталинской речи на заседании политбюро 10 октября 1938 г. по вопросам партийной пропаганды в связи с «Кратким курсом» содержит в качестве основного тезис о необходимости объединения устной и письменной пропаганды, направленной на среднее и высшее звено руководящих партийных работников, всех служащих госаппарата. 12 октября, продолжая поднятую им тему, Сталин уточнил, что необходимо перестроить всю сеть партийного просвещения, партийные и ленинские курсы ⁸. Максимально популярный курс истории ВКП(б), ориентированный на людей с низшим образованием (занимавших руководящие посты), был необходим для обеспечения процесса государственного управления после чисток 1937 года.

3 апреля 1937 г. Сталин написал повестку дня заседания политбюро, назначенного на 7 апреля, в которую входили хозяйственные и некоторые политические вопросы, в том числе «Об организации курсов усовершенствования парткадров, согласно резолюции последнего Пленума ЦК» ⁹. Вскоре после этого он получает письмо заведующего культпропотдела ЦК Стецкого от 3 апреля 1937 г. с отзывом о книге Ярославского «Краткая история ВКП(б)», в которой были найдены ошибочные (с точки зрения автора записки) положения, в том числе путаница в вопросе о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую ¹⁰. Видимо, это письмо послужило толчком для решительного шага в области партийного просвещения. В полученную через некоторое время из секретариата политбюро повестку заседания Сталин дописывает вопрос «Об учебнике по истории ВКП(б)». В качестве докладчика по этому вопросу Сталин называет себя ¹¹. Однако в повестке не указывается, что материал по данному вопросу, который значился восьмым, разослан или будет разослан.

6 апреля Сталин никого в кабинете не принимал, вполне вероятно, именно в этот день он и написал замечания «Об учебнике по истории ВКП(б). (Письмо составителям учебника по истории ВКП(б))», которые были утром 7 апреля разосланы (за номером ПЗ555 ¹²) в качестве материала к заседанию политбюро ¹³. Однако в тот день развернутого постановления по этому письму подготовлено не было.

Учитывая важность вопроса, необходимость его проведения через политбюро, заседание было назначено через неделю — беспрецедентный случай в истории заседаний этого руководящего органа ЦК в конце 1930-х годов.

13 апреля 1937 г. Сталин отредактировал разосланный 7 апреля текст своего письма и 16 апреля вновь направил его членам политбюро ¹⁴. В тот же день на заседании политбюро был рассмотрен вопрос «Об учебнике по истории ВКП(б)». После его обсуждения было принято постановление, в котором (среди прочего) говорилось: «Предложить группе, работающей над учебником по истории ВКП(б), — тт. Кнорину, Ярославскому и Поспелову, положить в основу их работы проект (в подлиннике сначала было написано «указания»). — М.З. ¹⁵ т. Сталина и предложенную им схему периодизации истории ВКП(б)» ¹⁶. Главное, однако, заключалось в других пунктах: «в) Учебник тт. Кнорина, Ярославского и Поспелова предназначить для «Ленинских курсов» (секретарей райкомов). г) Предложить тт. Кнорину и Ярославскому переработать для «Партийных курсов» (секретарей парткомов) на основе обмена мнений свои популярные учебники по истории ВКП(б), придав им более популярный характер» ¹⁷.

Таким образом, в качестве основной задачи составления учебника постановлением политбюро определялось партийное просвещение, но никак не развитие исторической науки. Ответственными были назначены заместители Стецкого Кнорин и П.Н. Поспелов.

После публикации сталинского письма в «Большевике» 1 мая, вечером 5 мая автор внес в него некоторые поправки. 6 мая 1937 г. письмо было опубликовано в «Правде» ¹⁸.

Предложенная Сталиным периодизация и заголовки (сущностное определение) периодов составили костяк «Краткого курса».

Хотя авторам-составителям предлагалось за четыре месяца закончить работу над текстом книги, машинописный вариант, легший на стол заказчика, появился только весной 1938 г., почти через год после постановления политбюро. К этому времени книги по истории ВКП(б), написанные арестованными Кнориным и Поповым, были изъяты из библиотек¹⁹. Арестованы были и некоторые другие составители учебника.

На основании публикуемых документов можно восстановить хронику работы Сталина над текстом «Краткого курса».

К марту 1938 г. первый машинописный вариант учебника был готов. Он был обсужден Сталиным с Пospelовым и Ждановым ночами 4 и 5 марта 1938 года. В начале апреля авторы получили сталинские указания по заключению: разоблачить врагов народа, осужденных процессами 1935—1937 годов. 25 апреля Сталин, уверенный, что учебник вчерне уже готов, проводит через политбюро написанный им проект решения: «1. Признать необходимым издание “Кратких курсов” и “учебников” по высшей географии, всеобщей истории, истории СССР, истории ВКП(б)... — для преподавания в партийных и комсомольских школах и кружках. 2. Образовать специальную комиссию ЦК ВКП(б) в составе тт. Сталина, Молотова и Жданова, поручив ей рассмотреть и одобрение вышеупомянутых “Кратких курсов” и “учебников”»²⁰.

На основании первой машинописной версии был подготовлен макет книги, который Сталин редактировал, видимо, со второй половины мая 1938 года²¹.

Первоначальный текст «Истории ВКП(б)» был переполнен фактическим материалом, поскольку Пospelов избегал теоретических обобщений, могущих навлечь гнев главного редактора книги. По предложению Ярославского (и его пером) в учебнике подробно излагалась дореволюционная биография Сталина, а также биографии «незапятнанных» членов политбюро. Все это было Сталиным из «Краткого курса» вычеркнуто.

При работе над текстом и основной идеей «Краткого курса», над социально-психологическим миром канонического текста, Сталин сосредоточил внимание на внутренней структуре книги, отражающей «закон развития пролетарской партии». Сущность этого закона была записана авторами книги после консультаций со Сталиным в марте 1938 г. и добавлена как третья часть «Введения» к основному корпусу текста: «Преодоление внутривнутрипартийных разногласий путем борьбы является законом развития нашей партии» — указывал товарищ Сталин в своем докладе «Еще раз о социал-демократическом уклоне».

Сам Сталин так видел «закономерный переход от одного этапа развития ВКП к другому»: «1) Борьба за создание рабочей партии нового типа, — партии большевиков (четыре главы). 2 Образование партии большевиков и ее борьба за дикт. пр-та (следующие 3 главы). 3. Партия большевиков у власти (остальные 5 глав)». Такое развитие Сталин обосновал в разделе «О диалектическом и историческом материализме»: это переход из одного качественного состояния в другое качественное состояние, которое возможно только «в порядке раскрытия противоречий», классовой борьбы. Таким образом, закон развития партии, ее история есть постоянная внутривнутрипартийная борьба и борьба с оппозиционными партиями, в том числе с европейскими социал-демократическими партиями. Социально-психологический мир «Краткого курса» есть мир борьбы.

Сталинская идея, пронизывавшая набор фактического материала, требовала значительного расширения корпуса книги за счет теоретических сюжетов. Отсюда — многочисленные вставки Сталина с изложением ленинских работ. Сюда же относятся и его уточнения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, размышления о других важных тезисах марксизма. Другие добавления Сталина посвящены обоснованию борьбы с внутренними врагами, прежде всего с кулачеством, обоснованию

коллективизации, переложению вины и ответственности за кризисное экономическое и политическое состояние страны на внутренних врагов.

Особое место занимают сталинские изменения текста, посвященные внешней политике России и СССР, прежде всего развитию характеристик мировых войн и империализма. Можно говорить, что в 1937—1938 гг. Сталин трансформировал тезис, сформулированный им в письме к членам политбюро «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”» (1934 г.) о развитии империализма уже в середине XIX века. В «Кратком курсе» говорилось, что этот этап развития европейских стран и России настал к началу XX века.

Во второй половине июля — начале августа 1938 г. был создан второй машинописный вариант книги, в котором были учтены все вставки и вычеркивания Сталина. Скорое появление долгожданного учебника было подготовлено юридически: в преддверии окончательного текста, изобиловавшего трактовками работ Ленина и характеристиками избранных эпизодов его биографии, 5 августа политбюро принимает по настоянию Сталина решение «О романе Мариэтты Шагинян “Билет по истории” часть 1-я “Семья Ульяновых”», которым роман был запрещен, а его издатели изгнаны с работы. Однако главный пункт спрятался за этим шумовым эффектом: «Воспретить издание произведений о Ленине без ведома и согласия ЦК ВКП(б)»²².

С 15 по 19, с 21 по 24, с 26 по 30 августа в Кремлевском кабинете Сталин не принимал никого. Это связано с тем, что в тот период он активно работал над новой версией «Краткого курса».

16 августа Сталин пишет членам политбюро, а также Ярославскому и Пospelову записку, в которой следующим образом обосновывает собственные исправления текста книги: «Я исходил при этом из целесообразности подчеркнуть и выпятить теоретические моменты истории партии ввиду слабости наших кадров в области теории и ввиду настоятельной необходимости начать ликвидацию этой слабости»²³.

Текст книги в машинописном варианте рассылался высоким читателям по главе каждый день. Ответы членов политбюро содержат рекомендации, часть которых была учтена Сталиным: вставки в те или иные главы делались «на ходу». Например, приняты поправка Жданова к главе 1 (с. 8), главе 2 (с. 37), учтены замечания редакционного характера Ворошилова в главе 3 (с. 74), и т.п. В 4-ю главу макета книги Сталин по совету Ярославского сделал вставку о богостроителях (в параграфе 1).

Ответы Пospelова до сих пор являются единственным источником, позволяющим уточнить роль Сталина в подготовке окончательного текста, поскольку рецензент хвалит автора за ряд удачных мест в тексте книги. В главе 6-й подчеркнута ленинская позиция по отношению к империалистической войне, в главе 7-й приведены данные о членах партии и расширен материал о первых декретах и сломе старого государственного аппарата, в главе 9-й описана тактика отступления в 1921 г. и т.п. Рукописные вставки и правка старого текста Сталиным этих (и некоторых других) сюжетов пока отсутствуют в РГАСПИ. Вероятно, эти материалы сохранились в АП РФ.

Видимо в это же время Сталин изменил заголовок учебника. Первоначальный вариант гласил: «История ВКП(б). Краткий курс. Под редакцией Ем. Ярославского, П. Пospelова. Одобрено комиссией ЦК ВКП(б) для партийных и комсомольских школ, курсов и кружков». Сталин охарактеризовал курс как «популярный», а в число редакторов включил Жданова. Однако этот вариант им самим был отвергнут. Он убрал фразу об одобрении курса комиссией ЦК, и написал: «Под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). Одобрено ЦК ВКП(б) для партийных и комсомольских школ, курсов и кружков»²⁴.

8 сентября 1938 г., накануне публикации окончательной редакции текста в «Правде», в 7 часов вечера в сталинском кабинете собрались авторы и кураторы «Краткого курса» — Молотов, Жданов, Ярославский, Пospelов, которые больше двух с половиной часов обсуждали вопрос об издании²⁵. К ним на некоторое время присоединился член редколлегии «Правды» Л. Ровинский. Решение было принято к 22.45, и на следующий день «Правда»

оповестила мир о новой эпохе в понимании истории партии. С этого дня они же каждый день по вечерам и ночам собирались для обсуждения публикуемого материала, вносили поправки и получали указания о подготовке очередной главы.

Тогда же продолжалось уточнение заголовков. 11 сентября 1938 г. в макете полосы «Правды» Сталин убрал часть заголовка IV главы, переименовав «социал-демократическую» партию в «марксистскую»²⁶. Ход рассуждений понятен — социал-демократические партии Запада полностью себя разоблачили как оппортунистические, следовательно, РСДРП не могла быть «социал-демократической», она, в отличие от тех, «других» партий, могла быть только «марксистской».

Публикуемые документы раскрывают работу Сталина над главами учебника. Сталинские вставки везде передаются курсивом без оговорок (вставки иных лиц передаются курсивом с оговоркой в примечаниях). Зачеркнутый текст передается в ломаных скобках. Все разночтения с окончательной редакцией текста приводятся в примечаниях. Текст, не зачеркнутый Сталиным в макете книги и в машинописи, но не вошедший в окончательную, опубликованную редакцию, передается в прямых скобках.

Публикацию подготовил **М.В. Зеленев**.

Примечания

1. МАСЛОВ Н.Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия культа личности Сталина. В кн.: Суровая драма народа. М. 1989.
2. МАСЛОВ Н.Н. Из истории распространения сталинистской идеологии (Как готовилось постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”». — Вопросы истории КПСС, 1990, № 7; ЕГО ЖЕ. И.В. Сталин о «Кратком курсе истории ВКП(б)». Стенограмма выступления на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда. 1938 г. — Исторический архив, 1994, № 5.
3. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 867, л. 11.
4. Скрыпник в 1933 г. покончил жизнь самоубийством.
5. РГАСПИ, ф. 81, оп. 3, д. 9, л. 198.
6. ХЛЕВНИЮК О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М. 1992, с. 78.
7. РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1122, л. 25—26 и др.
8. Там же, ф. 17, оп. 163, д. 1218, л. 33—56, 153—155 и др.
9. Там же, ф. 558, оп. 11, д. 27, л. 138—139 (рукопись), л. 137 (машинописная копия).
10. Там же, д. 1219, л. 1—6.
11. Там же, л. 140.
12. Об этом свидетельствует поправка в повестке дня заседаний политбюро от 16 апреля. См.: там же, ф. 17, оп. 163, д. 1144, л. 1.
13. Этот текст см.: там же, ф. 558, оп. 1, д. 3212, л. 12—16.
14. Этот текст см.: там же, л. 17—21.
15. Там же, ф. 17, оп. 163, д. 1144, л. 5.
16. МАСЛОВ Н.Н. «Краткий курс истории ВКП(б)», с. 340.
17. РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 3212, л. 27.
18. СТАЛИН И.В. Об учебнике истории ВКП(б). Письмо составителям учебника истории ВКП(б). — Правда, 6.V.1937; то же: СТАЛИН И.В. Соч. т.1 [XIV]. 1934—1940. Stanford. 1967.
19. Государственный архив Нижегородской области, ф. 4254, оп. 3, д. 3, л. 10.
20. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 998, л. 1.
21. Вывод делается на основании записи приема Сталиным в его Кремлевском кабинете. Он отсутствовал там вторую половину мая, вторую половину июня, вторую половину июля.
22. «Литературный фронт». История политической цензуры. 1932—1946 гг. М. 1994, с. 34.
23. РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1219, л. 37.
24. Там же, д. 1217, л. 1.
25. Исторический архив, 1995, № 5, с. 18.
26. РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5300, л. 4.

Зеленов Михаил Владимирович — доктор исторических наук, профессор Волго-Вятской академии государственной службы. Нижний Новгород.

Часть 1.

Правка глав «Истории ВКП(б). Краткий курс».

№1. Введение. ¹

1. Историческая роль и значение ВКП(б).

<ВКП(б)> — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) есть передовой, организованный отряд рабочего класса <Союза> Советского <их> Союза <Социалистических Республик, высшая форма его классовой организации.>

Ленин — основоположник большевистской партии — создал партию нового типа ², способную повести пролетариат на завоевание власти. Партия большевиков организовала и возглавила борьбу рабочего класса против царизма, против власти помещиков и буржуазии. Партия большевиков привела рабочий класс и всех трудящихся к победе над царизмом <во второй русской> в февральской революции 1917 г., к победе над буржуазией и помещиками в Великой <Октябрьской> Социалистической Революции в Октябре 1917 г., к установлению Советской власти, диктатуры пролетариата в нашей стране. Без партии, способной собрать вокруг себя все массовые организации пролетариата (профсоюзы, советы и др.) и централизовать в ходе борьбы руководство всем движением, пролетариат в России не смог бы осуществить свою революционную диктатуру.

Но партия нужна пролетариату — указывал товарищ Сталин — «не только для завоевания диктатуры, она еще больше нужна ему для того, чтобы удержать диктатуру, укрепить и расширить ее в интересах полной победы социализма». Партия нужна, чтобы вести весь народ к социализму.

³<Партия большевиков есть основная руководящая сила в системе диктатуры пролетариата. Партия большевиков руководила и руководит всеми органами диктатуры рабочего класса; партия обеспечила успешное построение социалистического общества в СССР.

Поэтому ⁴ В Сталинской Конституции СССР так определяется роль и значение Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): «...Наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную Коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных».

Коммунистическая, большевистская партия является единой боевой организацией, связанной сознательной железной пролетарской дисциплиной. Партия сильна своей сплоченностью, единством воли и единством действий.>

Руководство большевистской партии явилось основой всех побед рабочих и крестьян. До революции, при господстве помещиков и капиталистов, наша родина была страной отсталости и темноты, нищеты и бесправия, угнетения трудящихся. При Советской власти наша страна превратилась в передовую, культурную, могучую социалистическую державу с первоклассной промышленностью. <Объем производства наших социалистических фабрик и заводов в 1937 году превосходил объем производства промышленности довоенного времени (1913 год), более чем в восемь раз.> *Этого успеха добился наш народ благодаря руководству большевистской партии.*

<«>В нашей стране *при Советской власти* навсегда ликвидирована капиталистическая система хозяйства и эксплуататорские классы, отменена частная собственность на орудия и средства производства и уничтожена эксплуатация человека человеком. <Как незыблемая основа нашего советского общества, утверждена социалистическая собственность на орудия и средства производства.>

Этой всемирно-исторической победы добился наш народ *благодаря* <под> руководству<ом> партии большевиков<е> — говорилось в обращении Центрального Комитета ВКП(б) ко всем избирателям накануне выборов в Верховный Совет СССР.>

Победа социализма в СССР обеспечила коренное улучшение положения трудящихся. До революции в нашей стране, как и во всяком капиталистическом государстве сейчас, была огромная масса безработных, обреченных на голод и нищету. Каждый рабочий всегда находился под страхом безработицы, неуверенности в завтрашнем дне.

При власти Советов, на основе непрерывного роста социалистической индустрии навсегда уничтожена безработица. Каждый советский гражданин, желающий трудиться, уверен в завтрашнем дне. За всеми гражданами нашей страны законом обеспечено право на труд, на отдых, на образование, на материальное обеспечение в старости и болезни. *Этой победы добился наш народ благодаря руководству большевистской партии.*

В дореволюционной деревне было свыше 40 миллионов бедняцкого населения, людей, уделом которых были голод и нищета. Советский строй ликвидировал помещиков, уничтожил кулацкую кабалу, передал крестьянам свыше 150 миллионов гектар помещичьих и кулацких земель. Под руководством большевистской партии крестьянство объединилось в колхозы, получило от социалистического города огромное количество тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. Победа колхозного строя навсегда избавила крестьянство от бедности и нищеты, вывела советское крестьянство на широкую дорогу радостной, культурной и зажиточной жизни. С каждым годом все быстрее идет подъем материального и культурного благосостояния всего многомиллионного колхозного крестьянства. *Этого успеха добился наш народ благодаря руководству большевистской партии.*

Впервые в истории культура и образование стали при Советской власти достоянием самых широких народных масс и детей трудящихся. Навсегда уничтожено в нашей стране неравноправие женщин. Навсегда уничтожены в нашей родине национальный гнет и неравноправие народов, свойственные капитализму. Все народы Советского Союза живут одной дружной, братской семьей. Великая дружба народов — одна из основ советского строя.

<Всех> этих <великих> завоеваний и успехов добился наш советский народ <под> *благодаря* руководству<ом> большевистской партии <Ленина—Сталина. Своей борьбой и работой *партия большевиков, партия* Ленина—Сталина заслужила безграничное доверие трудящихся. Ленин и Сталин всегда указывали, что сила большевистской партии заключается во взаимном доверии и в тесной связи между авангардом, передовым отрядом рабочего класса, т.е. партией, и всей массой трудящихся.

«Сила большевиков, сила коммунистов состоит в том, что они умеют окружить нашу партию миллионами беспартийного актива. Мы, большевики, не имели бы тех успехов, которые имеем теперь, если бы не умели завоевать на сторону партии доверие миллионов беспартийных рабочих и крестьян. А что для этого требуется? Для этого требуется, чтобы партийные не отгораживались от беспартийных, чтобы партийные не замыкались в свою партийную скорлупу, чтобы они не кичились своей партийностью, а прислушивались к голосу беспартийных, чтобы они не только учили беспартийных, но и учились у них» — говорил товарищ Сталин в своей речи на первом съезде колхозников-ударников.>

<Самым ярким выражением величайшего доверия трудящихся к партии Ленина—Сталина явились выборы в Верховный Совет СССР. 12 декабря 1937 года весь советский народ единодушно голосовал за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, за политику большевистской партии, за новый социалистический строй.

В нашей стране построено уже в основном социалистическое общество. От капитализма человечество может перейти непосредственно только к социализму, то есть к общему владению средствами производства и распреде-

лению продуктов по мере работы каждого. Принцип, закон ⁵ социализма состоит в том, что в социалистическом обществе каждый работает по своим способностям и получает предметы потребления еще не по своим потребностям, а по той работе, которую он произвел для общества. Производительность труда еще не так высока, чтобы обеспечить полное изобилие предметов потребления, поэтому общество вынуждено распределять предметы потребления не соответственно потребностям членов общества, а соответственно работе, произведенной ими для общества.

Но большевистская партия смотрит дальше. Ленин и Сталин учат, что социализм неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм, на знамени которого будет написано: «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Большевистская партия называется Коммунистической партией потому, что она ставит своей конечной целью создание коммунистического общества, достижение его высшей ступени.>

2. Учение марксизма-ленинизма — верный компас партии.

Партия большевиков привела наш народ к победе социализма потому, что она сама руководилась верным компасом — революционной теорией марксизма-ленинизма.

В 1889 году был основан Второй социалистический Интернационал. Но в этом Интернационале, особенно после смерти Энгельса (1895 г.) стал господствовать оппортунизм — *то есть* ⁴ политика соглашательства с буржуазией, *политика приспособления линии пролетариата к интересам буржуазии* ⁴. Разоблачая сущность оппортунизма, Ленин писал, что “оппортунизм есть принесение в жертву временным интересам ничтожного меньшинства рабочих коренных интересов массы или, иначе, союз части рабочих с буржуазией против массы пролетариата” (т. XVIII, стр. 267). Империалистическая война 1914 года сделала этот союз оппортунистов с буржуазией особенно наглядным.

Оппортунизм порождался в течение десятилетий особенностями сравнительно мирной эпохи развития капитализма. В эту эпоху буржуазия уделяла часть своих прибылей и сверхприбылей, получавшихся от эксплуатации колоний, на то, чтобы «прикармливать» верхушку рабочего класса. Этот слой более привилегированных, более высоко оплачиваемых рабочих («*рабочей аристократии*») ⁴, получивших возможность более или менее сносного существования, отрывался от остальной рабочей массы, от ее бедствий, страданий и революционных настроений, стремился к соглашению со своей буржуазией. Этот слой рабочих и явился основной опорой открытых оппортунистов, реформистов. Реформисты заявляли, что надо отказаться от революции и добиваться лишь реформ — небольших уступок в пользу рабочих от буржуазии при сохранении капиталистического строя и власти буржуазии.

Социал-демократические партии II Интернационала, называя себя на словах марксистскими, уже задолго до войны 1914 года стали все больше отступать от марксизма. Они стали все более открыто отрицать учение Маркса о революционном свержении власти капитала, о диктатуре пролетариата. Они заявляли, что политическая борьба пролетариата должна сводиться к мирной парламентской борьбе. Вместо того, чтобы использовать парламентскую борьбу лишь как средство подготовки сил пролетариата для великих революционных битв, партии II Интернационала стали проповедовать полный отказ от революции. Они стали проповедовать лживую, буржуазную теорию «мирного вращивания капитализма в социализм» путем постепенных реформ.

Ленин беспощадно боролся с оппортунизмом II Интернационала и развил дальше учение марксизма в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата.

«Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности». (Сталин).

Маркс и Энгельс жили в период господства домонополистического капитализма, когда капитализм развивался сравнительно плавно, распростра-

няясь на весь земной шар. Эта фаза (ступень) развития капитализма кончилась к концу XIX и к началу XX столетия. Наступила новая, монополистическая, империалистическая фаза развития капитализма.

*Решающую роль в жизни капиталистических государств приобрели мощные объединения капиталистов — монополии (тресты, синдикаты, банки). <Банковский> финансовый капитал стал полным хозяином, он требовал новых рынков, новых колоний.*⁴

Развитие капитализма приобрело скачкообразный, катастрофический характер, противоречия капитализма выступили с особой силой. К этому времени весь мир оказался уже поделенным между различными империалистическими группами. Между тем, пользуясь небывалым развитием техники, одни страны быстро, скачками догоняли и опережали другие в хозяйственном отношении. Все усиливающаяся борьба за рынки сбыта и вывоза капитала, за источники сырья в условиях крайней неравномерности развития капитализма сделала неизбежными периодические империалистические войны за передел мира.

Ленин внес новое в сокровищницу марксизма, дав обоснованный марксистский анализ империализма, как последней фазы капитализма, вскрыв его язвы и условия его неизбежной гибели. Ленин показал, что в условиях империализма возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране.

Ленин внес новое в сокровищницу марксизма <по вопросу>, *развив учение*⁴ о диктатуре пролетариата, которое <ый> является главным вопросом марксизма-ленинизма. Ленин открыл Советскую власть как государственную форму диктатуры пролетариата, используя для этого опыт Парижской Коммуны и русской революции. Ленин разработал крестьянский вопрос как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть. Ленинизм учит, что нужно увязывать борьбу рабочего класса против капитализма с борьбой крестьянства против помещиков. Ленинизм учит, что крестьянство может быть превращено в демократический резерв пролетариата, в его союзника. Таким же резервом пролетарской революции Ленин считал национально-освободительное движение угнетенных народов. Ленин определил диктатуру пролетариата как особую форму классового союза пролетариата, являющегося руководителем, с трудящимися массами непролетарских классов (крестьянство и др.), являющихся руководимыми. Ленин учил, что высший принцип (*закон*)⁴ пролетарской диктатуры — сохранение союза рабочего класса с крестьянством при руководящей роли рабочего класса. Ленин показал, что диктатура пролетариата является высшим типом демократии при классовом обществе, формой пролетарской демократии, выражающей интересы большинства (эксплуатируемых), в противовес буржуазной демократии, выражающей интересы меньшинства (эксплуататоров).

Ленин разработал вопрос о формах и способах успешного строительства социализма в период диктатуры пролетариата, в период переходный от капитализма к социализму, в стране, окруженной капиталистическими государствами. Ленин обосновал возможность построения полного социалистического общества в стране диктатуры пролетариата, окруженной империалистическими государствами, при условии, что эта страна не будет задушена военной интервенцией окружающих капиталистических государств. Ленин наметил конкретные пути экономической политики («новая экономическая политика»), при помощи которых пролетариат смог преодолеть капиталистические элементы хозяйства и повести все народное хозяйство к социализму. Ленин наметил пути вовлечения основных масс крестьянства в социалистическое строительство и социалистической переделки мелкого крестьянского хозяйства через кооперацию. Ленин внес новое в сокровищницу марксизма и по вопросу о гегемонии (руководящей роли) пролетариата в революции. Ленин развил дальше те основные наброски идеи гегемонии пролетариата, которые были даны Марксом и Энгельсом, и развернул эти наброски в стройную систему руководства пролетариата трудящимися массами города и деревни не только в деле

свержения царизма и капитализма, но и в деле социалистического строительства при диктатуре пролетариата.

Ленин всесторонне развил взгляды Маркса и Энгельса по национально-колониальному вопросу, показал, что национально-колониальный вопрос является неразрывной составной частью общего вопроса о свержении империализма, о международной пролетарской революции.

Ленин создал учение о партии пролетариата. Маркс и Энгельс дали основные указания о том, что партия является передовым отрядом пролетариата, что без партии пролетариат не может добиться своего освобождения ни в смысле взятия власти, ни в смысле переустройства капиталистического общества.

Ленин развил дальше эти наброски о партии, данные Марксом и Энгельсом, показал решающую роль и значение боевой партии пролетариата в новых условиях борьбы в период империализма.

Ленин показал, что: «а) партия есть высшая форма классовой организации пролетариата в сравнении с другими формами организации пролетариата (профсоюзы, кооперация, государственная организация), работу которых призвана обобщать и направлять; б) диктатура пролетариата может быть осуществлена лишь через партию, как ее направляющую силу; в) диктатура пролетариата может быть полной лишь в том случае, если ею руководит одна партия, партия коммунистов, которая не делит и не должна делить руководство с другими партиями; г) без железной дисциплины в партии не могут быть осуществлены задачи диктатуры пролетариата по подавлению эксплуататоров и перестройке классового общества в общество социалистическое» (Сталин).

То новое, что внес Ленин в революционную теорию, развивая дальше учение Маркса применительно к новым условиям борьбы пролетариата в период империализма, нельзя отделить от марксизма. Поэтому единственно правильным и научным определением ленинизма является данное товарищем Сталиным определение: «ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций».

Учение марксизма-ленинизма о диктатуре пролетариата, о победе социализма в одной отдельно взятой стране *и об окончательной победе социализма в международном масштабе* ⁴, о путях построения социалистического общества <было> дальше развито <после смерти Ленина> товарищем Сталиным. *Как нельзя отделить учение Ленина от учения Маркса и Энгельса, так нельзя отделить от марксизма-ленинизма дальнейшее развитие теории ленинизма, которые даны в работах и выступлениях товарища Сталина.* ⁴

Учение <это> *марксизма-ленинизма* ⁴ выражено в программе ВКП(б) и Коминтерна, в стратегии и тактике большевизма, разработанных в решениях партии Ленина—Сталина, проверенных и оправдавших себя на протяжении десятков лет борьбы.

Стратегия большевистской партии, как и тактика, учат коммунистов всех стран как руководить революционной борьбой рабочего класса и трудящихся. Ленинско-сталинская стратегия определяет направление главного удара пролетариата, вырабатывает соответствующий план расположения основных революционных сил и союзников пролетариата (главных и второстепенных резервов); помогает осуществить этот план на всем протяжении данного этапа революции.

Тактика пролетариата определяет формы борьбы *и* ⁴ организации пролетариата, определяет характер, направление, способы политической деятельности пролетариата. «Тактика есть часть стратегии, ей подчиненная, ее обслуживающая» (Сталин).

Стратегический план большевистской партии рассчитывается на длительный исторический этап, оставаясь за весь период данного этапа в основном без изменений. Так, например, за период с 1903 года по февраль 1917 года основная стратегическая цель, которую ставили большевики — свалить царизм, ликвидировать полностью пережитки средневековья — оставалась

неизменной. Основная сила революции — пролетариат мог рассчитывать в этой борьбе на ближайший резерв — крестьянство, заинтересованное в свержении царизма, в конфискации помещичьей земли. Но, чтобы свергнуть успешно царизм в союзе с крестьянством, надо было провести большую борьбу против либерально-монархической буржуазии (партии кадетов), старавшейся овладеть крестьянством и ликвидировать революцию путем соглашения с царизмом. Таков был стратегический план ленинизма, оставшийся в основном неизменным за весь этот исторический период.

Тактика же партии, формы борьбы за этот период несколько раз менялись. В период подъема революции 1903—1905 г.г. тактика партии была наступательной (политические демонстрации, общая политическая забастовка, бойкот государственной думы, вооруженное восстание). В годы 1907—1912 г. большевики должны были перейти на тактику отступления и собирания сил для нового революционного подъема, применять такие формы борьбы, как участие в государственной Думе и т.д.

Но при всех условиях стратегия и тактика большевиков подчинена основным задачам борьбы пролетариата за победу коммунизма.

3. Почему наша страна явилась родиной ленинизма?

Ленинизм вырос и оформился в условиях империализма, когда все противоречия капитализма дошли до крайней остроты. Империализм — «умирающий капитализм» (Ленин); империализм доводит до крайнего обострения противоречия между трудом и капиталом. Империализм обостряет отношения между различными капиталистическими группами и государствами, вызывая неизбежность все новых, более чудовищных вооружений и грабительских войн, всей своей тяжестью ложащихся на плечи рабочих и крестьян. Бешеная борьба между различными группами капиталистов ведет, вместе с тем, к взаимному ослаблению империалистов, к ослаблению позиции капитализма вообще, к приближению момента пролетарской революции.

Третье противоречие империализма — противоречие между империалистическими государствами и между многими сотнями миллионов колониальных и зависимых народов мира, которые подвергаются при империализме самой наглой эксплуатации и самому бесчеловечному угнетению. Но угнетая колониальные и зависимые страны, выжимая из них сверхприбыли, империализм вынужден строить в этих странах железные дороги, фабрики и заводы, промышленные и торговые центры. В колониях и полуколониях появляется пролетариат, зарождается местная интеллигенция, пробуждается национальное и классовое самосознание масс, растет освободительное, революционное движение масс, видящих в империализме своего палача.

Таковы главные противоречия империализма, превратившие старый, «цветущий» капитализм в капитализм загнивающий, умирающий. Нет иного выхода из этих все обостряющихся противоречий, кроме пролетарской революции. В такой международной обстановке вырос, развивался и окреп ленинизм (или — что тоже самое — большевизм).

В царской России все эти противоречия империализма проявлялись с особой силой, она была узловым пунктом этих противоречий. «Россия была беременна революцией более, чем какая-либо другая страна» (Сталин).

Царская Россия была очагом самого бесчеловечного и варварского гнета — и капиталистического, и колониального, и военного. Борьба рабочих против капиталистической эксплуатации, которая в России была особенно тяжела, борьба крестьян против помещиков, борьба угнетенных национальностей подавлялась царизмом с величайшей жестокостью.

Царская <у> ⁴ Россия <ю> ⁴ называли тюрьмой народов. Если русские рабочие и крестьяне подвергались страшному двойному ⁴ гнету — царизма, помещиков и капиталистов, то трудящиеся других национальностей подвергались <двойному> тройному ⁴ гнету, испытывая еще и гнет национальный.

Многочисленные нерусские народности царской России (около 100 миллионов населения) были совершенно бесправны, беспрестанно подвер-

гались всяческим унижениям и оскорблениям. Царское правительство приучало русское население смотреть на коренные народности национальных областей как на низшие существа, называло их официально «инородцами», воспитывало презрение и ненависть к ним. Царское правительство сознательно разжигало национальную рознь, натравливая один народ на другой, организовывало еврейские погромы, татаро-армянскую резню в Закавказье.

В национальных областях все государственные должности занимали русские чиновники. Все дела в учреждениях, в судах велись только на русском языке. Было запрещено издавать газеты и книги на национальных языках, в школах запрещалось обучаться и даже просто говорить на родном языке. Царское правительство стремилось задушить всякое проявление национальной культуры, проводило политику насильственного «обрусения» нерусских национальностей. Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов.

Царская Россия угрожала независимому существованию ряда стран — Турции, Персии, Китая, в дележе которых она помогала другим империалистическим державам.

Царская Россия была величайшим резервом западного империализма. Она давала свободный доступ иностранному капиталу, который держал в своих руках такие решающие отрасли народного хозяйства, как топливо и металлургию, беспощадно эксплуатировал народные массы России. Находясь в зависимости от западного империализма, Россия в войне 1914 года выставила многомиллионную армию, проливавшую кровь на империалистических фронтах ради бешеных прибылей англо-французских капиталистов.

Царизм был агентурой западного империализма для выколачивания с населения многих сотен миллионов рублей процентов по заграничным кабальным займам.

Царская Россия являлась составной частью мирового империалистического хозяйства; с начала XX столетия Россия становится империалистической страной. Но в России наряду с капиталистической эксплуатацией сохранились в большей мере полукрепостническая кабала, азиатчина и полицейский гнет по отношению к рабочим, крестьянам и угнетенным народам. Вот почему Ленин заявлял, что в России имеется не только капитализм новейшего типа, но с ним переплетается военный и феодальный империализм.

Интересы царизма и западного империализма сплетались между собой. Вот почему революция против царизма, заслужившего общую ненависть населения, должна была перерасти в революцию против империализма, революцию пролетарскую.

<В сороковых годах прошлого столетия, когда Маркс и Энгельс писали «Коммунистический манифест», центр революционного движения перемещался в Германию, которая находилась тогда накануне своей буржуазной революции.> В начале XX столетия центр революционного движения <должен был> *из Западной Европы*⁴ переместился<ться>⁴ в Россию. Россия в этот период находилась накануне буржуазной революции. Пролетариат к этому времени в России был гораздо более развит, чем пролетариат <Германии 1848 года> *Европы в предыдущих буржуазных революциях*⁴. При этом, пролетариат России был сосредоточен на крупных предприятиях. На предприятиях с количеством рабочих свыше 500 человек работало в России 54 % всех рабочих, между тем, как даже в такой развитой промышленной стране, как Соединенные Штаты Америки, в подобных предприятиях работало всего треть всего числа рабочих. Это обстоятельство при наличии такой революционной партии, как партия большевиков, превращало рабочий класс России в величайшую силу политической жизни страны.

Хотя Россия была менее развитой в капиталистическом отношении страной, но она оказалась первой страной, прорвавшей фронт мирового империализма, совершившей пролетарскую революцию. Цепь империализма оказалась в России слабее, чем в других капиталистических странах. Величайшая народная революция против царизма, которая должна была перерасти в ре-

волюцию против империализма, одержала в феврале 1917 года победу под руководством пролетариата, <имевшего> *Это произошло потому, что пролетариат имел*⁴ такого серьезного союзника, как многомиллионное крестьянство, угнетаемое и эксплуатируемое помещиками. В руках только 28 тысяч самых крупных помещиков находилось до революции 62 миллиона десятин земли. В среднем на каждое крупное помещичье имение приходилось по 2230 десятин лучшей земли. В то же время у 10 миллионов крестьянских дворов было всего 73 миллиона десятин, в среднем по 7 десятин на двор. Так как крестьянской земли не хватало, то крестьяне вынуждены были снимать, арендовать помещичью землю на самых кабальных условиях.

Рабочий класс и его партия поддержали крестьянскую борьбу за землю. Партия большевиков еще в первой русской революции 1905 года выдвинула лозунг конфискации помещичьих земель. В результате совершения Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти крестьянство получило землю. Пролетарская революция попутно завершила задачи буржуазно-демократической революции.

Борьба пролетариата России против царизма, являвшаяся одновременно борьбой против западного империализма, союзником которого был царизм, — с самого начала имела международное значение. Пролетарская революция в СССР в октябре 1917 года стала началом международной социалистической революции.

Наша страна, в которой больше всего назрели условия для революции, которая первой прорвала фронт мирового империализма, не случайно поэтому стала родиной ленинизма, теории и тактики пролетарской революции.

Как учение Маркса и Энгельса является обобщением опыта революций всех стран в эпоху домонополистического капитализма, в эпоху «процветания» капитализма, так ленинизм является обобщением опыта революционной борьбы всех стран в новую эпоху, эпоху империализма и пролетарских революций. Вот почему большевизм стал мировым движением, «большевизм годится, как образец тактики для всех» (Ленин).⁵

4. Закон развития пролетарской партии.

При изучении истории большевистской партии мы имеем дело с многочисленными фактами принципиальной борьбы большевиков с антимарксистскими, антиленинскими политическими течениями в рабочем классе, с фактами борьбы внутри партии с антиленинскими, оппортунистическими уклонами и «оппозициями». Чем объясняется это обстоятельство? Враги ленинизма пытались объяснить это «неуживчивостью», «нетерпимостью», «драчливостью» большевиков.

На самом же деле эта борьба политических течений в рабочем классе и в пролетарской партии в условиях капитализма и вообще в условиях существования антагонистических (враждебных друг другу) классов — неизбежна. Оппортунистические течения в рабочем классе и в партии отражают влияние буржуазии на менее устойчивые слои и прослойки пролетариата.

Во всякой капиталистической стране рядом с пролетариатом всегда стоят широкие слои мелкой буржуазии, мелких собственников. Они оказывают влияние на часть пролетариата, заражают его своими взглядами и настроениями. Часть мелких хозяев, разоряясь при капитализме, переходит в ряды пролетариата, составляют довольно значительную прослойку рабочего класса. Эти выходцы из среды мелких хозяев (крестьян, кустарей, мелких лавочников и т.д.) не способны так решительно и дружно бороться против буржуазии, как коренные пролетарии, они вносили в среду пролетариата свои мелкособственнические навыки («каждый сам за себя»), свои колебания и шатания.

В такой мелкобуржуазной стране, как Россия, неоднородность состава пролетариата была особенно заметна. Здесь в состав пролетариата вливалось особенно много вчерашних мелких собственников, крестьян, кустарей, ремесленников. Много было рабочих, сохранивших свое крестьянское хозяйство в деревне. Вместо решительной борьбы с буржуазией, с царским прави-

тельством эта часть рабочего класса хотела бы как-нибудь приспособиться к существующему порядку.

В рабочем классе нашей страны была также небольшая прослойка сравнительно более обеспеченных, более высоко оплачиваемых рабочих — так называемая «рабочая аристократия». Многие из них думали улучшить свое положение не путем организованной классовой борьбы, а путем приспособления, подлаживания к мастеру, к управляющему или к фабриканту. Многие из этой прослойки рабочих чуждались политической борьбы: в лучшем случае они готовы были бороться за чисто экономические интересы — прибавку заработной платы и т.д.

Мелкая буржуазия и эти мелкобуржуазные прослойки пролетариата являлись известной опорой для <развития> существования ⁴ враждебных марксизму мелкобуржуазных политических течений и партий (например, анархистов, меньшевиков и эсеров) и для возникновения в партии большевиков разных мелкобуржуазных уклонов и оппозиций. Меньшевики и эсеры до Октября 1917 года были оппортунистами, то есть соглашателями с буржуазией и помещиками, людьми, которые хотели приспособиться к буржуазному строю. После Октября 1917 года они стали сторонниками восстановления капитализма в нашей стране и свержения советской власти. ⁶

Опорой же марксизма и большевистской партии всегда являлась основная масса пролетариата, его основное ядро, давно порвавшее связи с мелкобуржуазным хозяйством, скорее всего способное осознать свои классовые интересы и бороться смело, решительно и до конца с буржуазией и помещиками.

Партии II Интернационала не хотели бороться с оппортунизмом, с буржуазными и мелкобуржуазными влияниями в рабочем движении. Они отмахивались от принципиальных, идейных разногласий в рабочем движении, дали возможность укрепиться реформистам, ревизионистам, то есть людям, требовавшим пересмотра или «ревизии» марксизма, отказа от революционного учения Маркса и Энгельса. Поэтому партии II Интернационала подпали под влияние оппортунизма и сами переродились, изменили делу пролетарской революции, делу социализма.

Партия большевиков явилась партией нового типа и ⁷ с самого начала ⁷ своего рождения вела под руководством Ленина ⁷ и Сталина ⁷ непримиримую принципиальную борьбу за марксизм-ленинизм, против всех разновидностей оппортунизма.

Эта борьба была неизбежна, поскольку партия большевиков, в отличие от партий II Интернационала, хотела сохранить себя как революционную силу. О неизбежности этой принципиальной борьбы писал Энгельс в своем известном письме Бернштейну:

«Как видно, всякая рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе, в полном соответствии с законами диалектического развития».

Ленин гениально предвидел, что пролетарская революция обострит все спорные вопросы борьбы с оппортунистами, предвидел, что в ходе пролетарской революции оппортунисты из соглашателей с буржуазией или плохих, ненадежных союзников, «попутчиков» — пролетариата, будут превращаться в злейших врагов революции.

«То, что мы теперь переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, — то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве, — это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу» — писал Ленин в статье «Марксизм и ревизионизм» (т. XII, стр. 189).

История большевистской партии наполнена принципиальной борьбой за преодоление внутривнутрипартийных противоречий, оппортунистических шатаний и колебаний, усиливавшихся при каждом повороте в развитии классовой борьбы, при каждом обострении борьбы и усилении трудностей, которых немало пришлось встречать большевистской партии на своем пути. В этой борьбе росла и закалялась большевистская партия.

«ВКП(б) росла и крепла через преодоление внутривнутрипартийных противоречий.

Выходит, что преодоление внутривнутрипартийных разногласий путем борьбы является законом развития нашей партии» — указывал товарищ Сталин в своем докладе «Еще раз о социал-демократическом уклоне».

Одним из важнейших признаков большевистской партии как партии нового типа является единство воли, сплоченность и железная дисциплина. Все, кто пытался хоть сколько-нибудь ослабить железную дисциплину в партии пролетариата, особенно во время его диктатуры, фактически помогали буржуазии против пролетариата. Поэтому партия большевиков вынесла по предложению Ленина на своем X съезде решение о полном запрещении всяких фракций и группировок в партии, под страхом исключения из партии. Единство воли партии и железная партийная дисциплина несовместимы с существованием фракций, то есть особых групп внутри партии, складывающихся на основе тех или иных антипартийных взглядов.

Партия пролетариата укрепляется тем, что очищает себя от скверны оппортунизма, изгоняя из партии оппортунистические элементы. Большевистская партия не смогла бы взять власть и организовать диктатуру пролетариата, не смогла бы выйти победителем из гражданской войны, если бы она имела в своих рядах меньшевиков, противников революции.

«Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков — говорил Ленин — нельзя победить в пролетарской революции, нельзя отстоять ее» (т. XXV, стр. 462).

«Партия укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов» (СТАЛИН).

⁸ Изучение истории ВКП(б), изучение истории борьбы нашей партии со всеми врагами марксизма-ленинизма, со всеми врагами трудящихся помогает овладеть большевизмом, повышает политическую бдительность. Изучение героической истории большевистской партии вооружает знанием законов общественного развития и политической борьбы, знанием движущих сил революции.

Изучение истории ВКП(б) вливает уверенность в окончательное торжество великого дела партии Ленина-Сталина, в окончательную победу социализма и коммунизма в нашей стране и во всем мире.

Книга эта кратко рассказывает историю Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) ⁸.

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1217, л. 2—25.

Примечания

1. Предисловие не было опубликовано, однако Сталин серьезно над ним работал. Поскольку окончательный вариант текста, разосланный членам политбюро в августе 1938 г., не содержал развернутого предисловия, то можно датировать эту работу мартом—июлем 1938 г., хотя она могла начаться уже в 1937 году. Этот текст имеет не только историографический интерес, но и отражает политические мотивы Сталина, поскольку имеет его важные замечания. Машинопись содержит пометки рукой секретаря Сталина Двинского. Эти пометки (в отличие от сталинских, выделенных курсивом без оговорок) оговариваются в примечаниях.
2. Подчеркнуто Сталиным. На полях сталинская пометка: «Если новый тип, то надо взять его в противопоставлении старому типу».
3. На полях пометка «Не пон.»
4. Правка рукой Двинского.

5. На этом первый вариант введения заканчивается, дальнейшая часть, видимо, была написана на основании требований Сталина.
6. На полях против последней строчки Сталин поставил две галочки.
- 7-7. Подчеркнуто Сталиным. На полях Сталин поставил знак вопроса.
- 8-8. Текст впечатан позднее на другой машинке и на полях отчеркнут Сталиным.

**№ 2. Сталин. Отрывок из главы 3. § 3 и его правка.
Ранее 21 августа 1938 г. ¹**

К стр. 139.

Это была новая установка по вопросу о соотношении между буржуазной и социалистической революциями, новая теория перегруппировки сил вокруг пролетариата к концу буржуазной революции для прямого перехода к социалистической революции — теория перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

[Вырабатывая эту новую установку, Ленин исходил <с одной стороны из известного положения Маркса о непрерывной революции из известного <мысли> тезиса Маркса, изложенного в его письме на имя Энгельса в 1856 г., где он, подчеркивая <серьезное значение необходимости сочетания соотношения> о сочетании крестьянского революционного движения с пролетарской революцией говорил]> <из положения Маркса о непрерывной революции, замурованного потом теоретиками II Интернационала, из известной мысли Маркса о том, >, что «все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны», <каковая мысль не получила потом в трудах Маркса и Энгельса дальнейшего развития и была предана потом теоретиками II Интернационала полному забвению.>]

Вырабатывая эту новую установку, Ленин <исходил> опирался <на следующее положение Маркса> <в> <на положение о непрерывной революции, данное Марксом>, во-первых, на известное положение Маркса о непрерывной революции, <данное изложенное> данное в конце сороковых годов прошлого века в «Обращении к Союзу коммунистов», и, во-вторых, на известную мысль Маркса о <поддержке пролетарской революции> необходимости сочетания крестьянского революционного движения с пролетарской революцией, высказанную в письме на имя Энгельса в 1856 г., где он говорил: «<ук> вся цитата) ². Но эти гениальные мысли Маркса не получили <св> потом своего развития в трудах Маркса и Энгельса, а теоретики II Интернационала приняли все меры к тому, чтобы похоронить их в гроб и предать забвению. На долю Ленина выпала задача — вытащить на свет [божий ³] забытые положения Маркса и восстановить их полностью.

Но, восстанавливая эти <гениальные мысли> положения Маркса, Ленин не ограничился, — и не мог ограничиться, — их простым повторением, а развил их дальше и переработал в стройную теорию социалистической революции, вводя в дело новый момент, как обязательный момент социалистической революции, — союз пролетариата и <трудящихся и эксплуатируемых масс населения> полупролетарских элементов города и деревни, как условие победы пролетарской революции.

Эта установка <резко расходилась с установкой> *разбивала в прах тактические позиции* западноевропейской социал-демократии, <исходившей> *которая исходила* из того, что после буржуазной революции крестьянские массы, в том числе и бедняцкие массы, — должны обязательно отойти от революции, ввиду чего после буржуазной революции должен наступить длительный период перерыва, длительный период «заморения» в 50—100 лет, если не больше, в продолжение которого пролетариат будет «мирно» эксплуатироваться, а буржуазия — «законно» наживаться, пока не наступит время для новой, социалистической революции.

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1217, л. 46. Рукопись. Л. 44—45 — правка машинописи.

Опубл.: Краткий курс, с. 71—72 (окончательный вариант).

1. Весь публикуемый фрагмент принадлежит перу Сталина, поскольку машинопись представляет собой копию его рукописного текста (который отсутствует в РГАСПИ). Недовольный правкой своего текста, Сталин сделал рукописную вставку, которая потом (как и часть машинописи) вошла в основную текст книги. Судя по указанию Сталина «к стр. 139», текст нужно датировать апрелем—июлем 1938 г., так как окончательный вариант данного текста, розданный членам политбюро в августе 1938 г., находился на странице с другим порядковым номером (опубликованной странице 71—72 соответствовала 121 страница машинописи).
2. В окончательной редакции далее: «все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны».
3. Слово «божий» было из окончательной редакции книги убрано по предложению Ярославского (см. док. № 25).

№ 3. Сталин. Правка главы 4, § 1. 1938 г., июнь—август. ¹

[² характеризовал в своих воспоминаниях тов<ариш> Сталин <политическую жизнь> *стольпинский режим* в России после подавления революции 1905 года.]

Подавляя революционное движение рабочих и крестьян, <солдат и матросов> царское правительство не могло ограничиться одними репрессиями, карательными экспедициями, расстрелами, тюрьмой, каторгой. Царское правительство с тревогой видело, что наивная вера крестьянства в «царя-батюшку» все более исчезает. Поэтому оно прибегло к крупному маневру, задумало создать себе прочную опору в деревне в лице многочисленного класса деревенской буржуазии — кулачества.

9 ноября 1906 года Столыпин издал новый земельный закон о выделении крестьян из общины на хутора. По стольпинскому земельному закону разрушалось общинное <владение> *пользование* землей. Каждому *крестьянину* предлагалось взять свой надел в личное владение, выделиться из общины. Крестьянин мог продать свой надел, чего он не имел права сделать раньше. Общество обязано было выделить землю выходящим из общины крестьянам в одном месте (хутор, отруб).

Богатые крестьяне — кулаки получали возможность откупать при этом по дешевой цене у маломощных крестьян их землю. В течение нескольких лет после издания этого закона больше миллиона маломощных крестьян совсем лишилось земли и разорилось. За счет обезземеления маломощных крестьян выросло <около миллиона> *количество* кулацких хуторов и отрубов. Иногда это были настоящие поместья, где широко применялся наемный, батрацкий труд. Правительство заставляло крестьян выделять из общины кулакам-хуторянам лучшую землю.

Если при «освобождении» крестьян помещики грабили крестьянскую землю, то теперь кулаки стали грабить общинную землю, получая лучшие участки, скупая по дешевой цене наделы у бедноты.

Царское правительство выдавало кулакам значительные ссуды для покупки земли и устройства хуторов. Из кулаков Столыпин хотел сделать маленьких помещиков, верных защитников царского самодержавия.

<Царское правительство крепостников и помещиков в октябре 1905 года вступило в соглашение с буржуазией. Теперь царское правительство, не переставая быть в первую очередь выразителем интересов помещиков, хотело также опереться на деревенскую буржуазию, на кулачество. Царская монархия, по словам Ленина, «разлагается, делая еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию». Как известно, первым шагом к этому была реформа 1861 года, отменившая крепостное право.>

Всего за девять лет (с 1906 по 1915 год) из общины выделилось свыше двух миллионов домохозяев.

Столыпинщина еще более ухудшила положение малоземельных крестьян и деревенской бедноты. Расслоение крестьянства усилилось. Начались столкновения крестьян с кулаками-хуторянами.

Вместе с тем крестьянство <увидело> начинало понимать, что ему не получить помещичьей земли, пока существует царское правительство и помещичье-кадетская Государственная дума.

Крестьянское движение в годы усилившегося выделения на хутора (1907—1909) сначала идет на убыль, но вскоре, в 1910—1911 г.г. и позднее, на почве столкновения общинников с хуторянами происходит усиление крестьянского движения против помещиков и кулаков-хуторян.

В области ³ промышленности [страны] <после революции> также произошли после революции значительные изменения. Концентрация промышленности, то есть укрупнение и сосредоточение промышленности в руках все более крупных капиталистических групп, — ⁴ шла полным ходом ⁴. Еще до революции 1905 года капиталисты стали объединяться в союзы, чтобы поднять цены на товары внутри страны, а вырученную сверхприбыль обратить в фонд поощрения экспорта для того, чтобы можно было выбросить на внешние рынки товары по низким ценам и завоевать внешние рынки, <и усилить нажим на рабочих>. ⁵ Такие объединения капиталистов (монополии) назывались трестами и синдикатами. После революции [число] буржуазных трестов и синдикатов становилось ⁶ [все больше и больше] ⁷. Увеличивалось также количество крупных банков и росла их роль в промышленности. Увеличивался приток иностранных капиталов в Россию.

<Другими словами> Таким образом, капитализм в России все больше становился монополистическим, [или] империалистическим капитализмом. [Крупная буржуазия в лице партии октябристов (и кадетов) толкала царское правительство на захват внешних рынков, на захват Персии, <на захват> Константинополя, Галиции. Партия октябристов в III Думе вдохновляла империалистическую политику царского правительства.]

После нескольких лет застоя промышленности <в России> [с 1910 года она] вновь ожила: выросли добыча угля, ⁸ металла, ⁹ нефти, увеличилось производство тканей, сахара. Сильно вырос вывоз хлеба за границу.

Хотя Россия в это время сделала некоторый шаг вперед в своем хозяйстве >и промышленности, <но> она продолжала оставаться отсталой страной по сравнению с западной Европой и зависимой от иностранных капиталистов. В России не было поставлено производство машин и станков — они ввозились <капиталистами> из-за границы, не было ¹⁰ автомобильной промышленности, не было химической промышленности. [Россия не знала] ¹¹ производства минеральных удобрений. В производстве вооружения Россия также отставала от других капиталистических стран.

Указывая на низкий уровень потребления металла в России, как на признак ее отсталости, Ленин [в 1913 году] писал:

«За полвека после освобождения крестьян потребление железа в России возросло впятеро, и все же Россия остается невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой, оборудованной современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, впятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки» (Ленин, т. XVI, стр. 543).

Прямым последствием хозяйственной и политической отсталости <дореволюционной> России являлась зависимость как русского ¹² [царизма, так и русского капитализма] ¹² от западноевропейского капитализма.

Это выражалось в том, что такие важнейшие отрасли народного хозяйства, как <топливо и> уголь, нефть, электропромышленность, металлургия, находились в руках заграничного капитала, <что> и почти все машины [и] ¹³ оборудование царская Россия вынуждена была ввозить из-за границы.

Это выражалось в кабальных заграничных займах, для уплаты процентов по которым царизм ежегодно выколачивал [с] ¹⁴ населения многие сотни миллионов рублей.

Это выражалось в тайных договорах ¹⁵, по которым царизм обязался выставить в случае войны миллионы русских солдат своим «союзникам» на

империалистические фронты ¹⁶ обеспечения бешеных прибылей англо-французских капиталистов.

¹⁷ [В годы реакции царские жандармы беспрестанно совершали разбойничьи набеги на рабочие организации, громили и закрывали ежегодно сотни *рабочих* профсоюзов, арестовывали и ссылали профсоюзных работников. В то же время союзы фабрикантов и заводчиков повели по всему фронту наступление на рабочий класс, особенно сильное в момент застоя промышленности и роста безработицы.] ¹⁷ Фабриканты объявляли массовые увольнения рабочих (локауты), заводили «черные книги», куда заносили сознательных рабочих, принимавших активное участие в забастовках. Попавших в эту «черную книгу», или в «черный список» не принимали на работу ни на одном предприятии, входившем в союз фабрикантов этой отрасли промышленности. Расценки были понижены уже в 1908 году на 10—15 процентов. Рабочий день был повсюду удлиннен до 11 ¹⁸—12 часов. Вновь стала процветать система грабительских штрафов.

Поражение революции 1905 года породило распад и разложение в среде попутчиков <первой> революции. Особенно ¹⁹ глубокими были ¹⁹ <распад и> разложение *и упадочничество* в среде интеллигенции. Попутчики, пришедшие в ряды революции из буржуазной среды в период бурного подъема революции, отошли от партии в дни реакции. Часть их ушла в лагерь открытых врагов революции, часть засела в уцелевших легальных обществах *рабочего класса* и старалась свернуть пролетариат с революционного пути, старалась <уменьшить, ликвидировать> *дискредитировать* революционную партию пролетариата. Отходя от революции, попутчики старались приспособиться к реакции, ужиться с царизмом.

Царское правительство использовало поражение революции, чтобы наиболее трусливых и шкурнически настроенных попутчиков революции завербовать себе в агенты — в провокаторы. Подлые иуды-провокаторы, которых царская охранка засылала в рабочие и партийные организации, шпионили изнутри и предавали революционеров [на смерть, каторгу и ссылку. <Часть этих провокаторов сумела так замаскироваться, что они не были раскрыты и в 1917 году, после падения царизма. Некоторые из них были разоблачены НКВД только в 1937—1938 годах.>]

<В годы реакции> Наступление контрреволюции шло и на идеологическом фронте. Появилась целая орава *модных* <буржуазных> писателей, которые «критиковали» и «разносили» марксизм, оплеывали революцию, издавались над ней, воспевали предательство, воспевали половой разврат под видом «культы личности».

В области философии усилились *попытки «критики», ревизии марксизма, а также появились* всевозможные религиозные течения, <мистицизм,> <поповщина>, прикрытые якобы «научными» <мракобесием> доводами.

«Критика» марксизма стала модой.

²⁰ [Всем этим <буржуазия> «критики» преследовала одну цель — отвратить массы от революции.] ²⁰

<Только одна революционная партия *осталась до конца революционной* мужественно боролась против всей этой «мерзости запустения», не свернула знамени партийности перед натиском контрреволюции. Это были большевики, руководимые Лениным, которые оформились в этот период в самостоятельную социал-демократическую рабочую партию (большевиков).>

Упадочничество и <маловерье> неверие [в марксизм, неверье в революцию] коснулись также одной части партийных интеллигентов, считавших себя марксистами, но никогда не стоявших твердо на позициях марксизма. В числе них были такие писатели, как Богданов, Базаров, Луначарский (примыкавшие в 1905 году к большевикам), Юшкевич, Валентинов (меньшевики). Они развернули «критику» одновременно против философских ²¹ основ марксизма, то есть против диалектического материализма, и против его научно-исторических основ, то есть против исторического материализма. Критика эта отличалась от обычной критики тем, что она велась не <прямо> открыто и честно, а

завуалированно и лицемерно <замаскированно> под флагом «защиты» основных позиций марксизма. Мы, говорили они, в основном марксисты, но хотели бы «улучшить» марксизм, освободить его от некоторых ²² устарелых его ²² положений. На ²³ деле они были враждебны марксизму, ибо старались подорвать [философские и] теоретические основы марксизма, хотя на словах лицемерно отрицали свою враждебность к марксизму и ²⁴ двурушнически <лицемерно> называли себя марксистами. Опасность такой лицемерной критики состояла в том, что она была рассчитана на обман рядовых марксистов ²⁵ и могла ввести людей ²⁶ в заблуждение. И чем лицемернее велась эта критика по подрыву ²⁷ основ марксизма, тем опаснее становилась она для партии, ибо тем теснее она смыкалась с общим походом реакции [и упадничества] против партии, против революции. ²⁸

Перед партией ²⁹ стояла неотложная задача — дать должную отповедь этим перерожденцам в области [философии и] теории марксизма, сорвать с них маску, разоблачить их до конца и отстоять, таким образом, философские и научно-исторические ³⁰ основы марксистской партии. ³¹ Эту задачу выполнил Ленин в своей знаменитой книге «Материализм и эмпириокритицизм», вышедшей в свет в 1909 году.

«Менее чем за полгода, писал Ленин в этой книге, вышло в свет четыре книги, посвященные главным образом и почти всецело нападкам на диалектический материализм. Сюда относятся прежде всего «Очерки по (? надо было сказать: против) философии марксизма», СПб, 1908, сборник статей Базарова, Богданова, Луначарского, Бермана, Гельфонда, Юшкевича, Суворова; затем книги: Юшкевича — «Материализм и критический реализм», Бермана — «Диалектика в свете современной теории познания», Валентинова — «Философские построения марксизма»... Все эти лица, объединенные — несмотря на резкие различия политических взглядов — враждой против диалектического материализма, претендуют в то же время на то, что они в философии марксисты! Энгельсовская диалектика есть “мистика”, — говорит Берман, взгляды Энгельса “устарели”, — мимоходом, как нечто само собою разумеющееся, бросает Базаров, — материализм оказывается опровергнутым нашими смелыми воинами, которые гордо ссылаются на “современную теорию познания”, на “новейшую философию” (или “новейший позитивизм”), на “философию современного естествознания” или даже “философию естествознания XX века” (Ленин, т. XIII, стр. 11).

Отвечая Луначарскому, который (далее зачеркнуто несколько слов. — М.З.) в оправдание своих друзей — ревизионистов в философии говорил: «может быть мы заблуждаемся, но ищем», — Ленин писал:

«Что касается до меня, то я тоже — “ищущий” в философии. Именно: в настоящих заметках (речь идет о книге “Материализм и эмпириокритицизм”) я поставил себе задачей разыскать, на чем свихнулись люди, преподносящие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путаное и реакционное» (там же, стр. 12). Однако, на деле, книга Ленина вышла далеко за рамки этой скромной задачи. На самом деле книга Ленина является не только критикой Богданова, Юшкевича, Базарова, Валентинова (далее несколько слов зачеркнуто. — М.З.) и их философских учителей, — Авенариуса и Маха, пытавшихся в своих произведениях <возродить> преподнести утонченный и приглаженный идеализм <против материализма> — в противовес марксистскому материализму. Книга Ленина является вместе с тем защитой теоретических основ марксизма — диалектического и исторического материализма — и материалистическим обобщением всего важного и существенного из того, что приобретено наукой и, прежде всего, естествознанием за целый исторический период, за период ³² от Энгельса до Ленина.

В своей книге Ленин приходит к выводам о том, что: ³²

- ³³ 1) «Вся школа Маха и Авенариуса идет к идеализму» (там же, стр. 291);
- 2) «Наши махисты все увязли в идеализме» (там же, стр. 282);
- 3) «Все более тонкая фальсификация марксизма, все более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм, — вот чем характери-

зуется современный ревизионизм и в политической экономии, и в вопросах тактики, и в философии вообще» (там же, стр. 270);

4) «За гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества» (там же, стр. 292);

5) «Объективная, классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам (реакционеры, дающие предпочтение вере перед наукой. — Ред.) в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности» (там же, стр. 292);

6) *«Идеализм философский есть... дорога к поповщине» (там же, стр. 304).*³³

Чтобы оценить громадное значение книги Ленина в истории нашей партии и понять — какое <философское и> теоретическое богатство <марксизма> отстоял Ленин против всех и всяких ревизионистов и перерожденцев периода столыпинской реакции, необходимо, хотя бы коротко, познакомиться с основами диалектического и исторического материализма.

Это тем более необходимо, что <такое знакомство облегчило бы усвоение теоретических и философских основ, устоев партии> диалектический и исторический материализм составляют теоретический фундамент коммунизма, теоретические основы марксистской партии, а знание этих основ и, значит, их усвоение является обязанностью каждого активного деятеля нашей партии.

Итак:

1) <Какие основные черты> Что такое диалектический материализм?

2) <В чем состоят> Что такое исторический материализм?

РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5300, л. 11—13. Типографский текст (макет)
с рукописной правкой; л. 5—10. Автограф Сталина.

Опубл.: История ВКП(б). Краткий курс, с. 94—99 (в окончательной редакции).

Примечания

1. Данный текст представляет собой фрагмент макета (с. 85—87) с рукописной правкой и пометкой вставки на с. 87. Рукопись Сталина — на блокнотных листах. Низ страниц обрезан, вероятно потому, что на полях страницы снизу был иной сталинский текст. На с. 85 и 87 имеются сталинские пометки: «2)», «3)».
2. Начало фразы (которая не вошла в окончательную редакцию текста) на предыдущей странице макета, которой нет в РГАСПИ.
3. В макете зачеркнуто другое слово.
- 4-4. В окончательном тексте книги: «значительно усилилась».
5. В окончательной редакции перед этим: «Такие союзы,».
6. Далее одно слово зачеркнуто.
7. В окончательной редакции далее: «еще больше увеличилось».
8. В окончательной редакции далее «выработка»
9. В окончательной редакции далее: «добыча»
10. В окончательной редакции далее: «также»
11. В окончательной редакции далее: «не было»
- 12-12. В окончательной редакции: «капитализма, так и самого царизма».
13. В окончательной редакции: «, все».
14. В окончательной редакции: «из».
15. В окончательной редакции далее: «с “союзниками”».
16. В окончательной редакции далее: «для поддержания “союзников” и»
- 17-17. В окончательной редакции стало: «Годы столыпинской реакции особенно отличались разбойничьими набегами жандармов и полицейских, царских провокаторов и черносотенных громил на рабочий класс. Но репрессиями понимали рабочих не только царские опричники. От них не отставали в этом отношении фабриканты и заводчики, особенно усилившие наступление на рабочий класс в годы застоя промышленности и роста безработицы».
18. В окончательной редакции стало «10»

- 19-19. В окончательной редакции стало «усилились».
- 20-20. В окончательной редакции стало «Все эти господа, несмотря на всю их разношерстность, преследовали одну общую цель — отвратить массы от революции».
21. В окончательной редакции стало «философско-теоретических».
- 22-22. В окончательной редакции: «основных».
23. В окончательной редакции далее: «На самом».
24. В окончательной редакции далее: «и продолжали».
25. В окончательной редакции: «партийных работников».
26. В окончательной редакции: «их».
27. В окончательной редакции далее: «теоретических».
28. В окончательной редакции далее: «Часть отошедших от марксизма интеллигентов дошла до того, что стала проповедывать необходимость создания новой религии (так называемые “богоискатели” и “богостроители”)
29. В окончательной редакции стало «марксистами».
30. В окончательной редакции стало «теоретические».
31. В окончательной редакции далее: «Можно было рассчитывать, что за выполнение этой задачи возьмутся Плеханов и его меньшевистские друзья, считавшие себя “известными теоретиками марксизма”. Но они предпочли отписаться парой незначительных статей фельдетонно-критического характера и потом уйти в кусты».
- 32-32. В окончательной редакции стало: «от смерти Энгельса до появления в свет книги Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”. Раскритиковав, как следует, русских эмпириокритиков и их иностранных учителей, Ленин приходит в своей книге к следующим выводам против философско-теоретического ревизионизма:».
- 33-33. Порядок пунктов в окончательной редакции иной: сначала идет пункт 3, потом 1, затем 2.

№ 4. Сталин. Добавление к § 2 главы 4 ¹.

Итак, в зависимости от состояния производительных сил, в зависимости от способа производства складываются производственные отноше[ния], экономические отношения, образ жизни людей, в зависимости же от образа жизни складывается образ мысли людей. Каков образ жизни, таков образ мыслей.

РГАСПИ. ф. 558, оп. 1, д. 5300, л. 3. Автограф.

Примечания

1. Текст написан наискосок на листе бумаги (видимо, папки), в котором была 4-я глава. Этот фрагмент относится ко второму параграфу «О диалектическом и историческом материализме», в окончательной редакции которого говорится: «Или, говоря грубее: каков образ жизни людей, — таков образ их мыслей» (История ВКП(б). Краткий курс, с. 116).

№ 5. Сталин. Правка главы 4 (§§ 2 и 3). ¹

<2. Деятельность большевиков в годы реакции.

С особенной силой обрушилось царское правительство против партии большевиков. Были разгромлены большевистские партийные организации и закрыты газеты. Только в Баку товарищу Сталину удалось, несмотря на все полицейские преследования, издавать некоторое время газету «Гудок». Бакинский пролетариат уже в полосе наступившей реакции проводил оборонительные массовые политические стачки, в которых участвовали десятки тысяч рабочих. Эти стачки имели большое политическое значение, сдерживая натиск контрреволюции. О стачках бакинского пролетариата 1908 года Ленин сказал, что это «.. последние могикане массовой политической стачки» (Ленин, т. XV, стр. 33).

После лондонского съезда РСДРП Ленину нельзя было оставаться больше не только в России, но и в Финляндии. За ним усиленно охотились поли-

ция и жандармерия, чтобы арестовать его. Ленин вынужден был снова уехать за границу, в эмиграцию. Теперь надо было снова издалека, из-за границы руководить революционной большевистской работой.

Но и эти годы эмиграции Ленина, между первой и второй революциями в России, были годами напряженнейшей борьбы за партию, за ее идейную чистоту. Это были годы борьбы против упадничества, против неверия в дело революции, против попыток меньшевиков ликвидировать, уничтожить революционную пролетарскую партию. Это были годы борьбы за сохранение старых большевистских кадров и воспитание новых, пришедших в ряды партии в эти тяжелые годы реакции.

Очень большое значение имела в тот период для партии деятельность товарища Сталина. Товарищу Сталину царское правительство не давало возможность подолгу работать на воле, в партийной организации. Он подвергался за эти годы, между первой и второй революциями, многочисленным арестам и высылкам. Но товарищ Сталин с его железной волей был неотделим от революции, от партии, он несколько раз вырывался из плена далеких ссылок и возвращался к революционной работе.

25 марта 1908 года товарищ Сталин был арестован в Баку (под именем Нижарадзе), был посажен в Баилловскую тюрьму, а затем сослан в Вологодскую губернию, в город Сольвычегодск. Он пробыл там до 24 июня 1909 года, когда ему удалось бежать из ссылки. 23 марта 1910 года Сталин был арестован в Баку; после продолжительного тюремного заключения ему было запрещено проживание в пределах Кавказского края в течение 5 лет, и он снова был выслан (в третий раз) в Вологодскую губернию. В июле 1911 года товарищ Сталин снова бежал из этой ссылки. На этот раз ему удалось проработать всего несколько месяцев на свободе; 9 сентября 1911 года товарищ Сталин был арестован в Петербурге и снова сослан в Вологодскую губернию, в город Сольвычегодск. Здесь он пробыл до февраля 1912 года. В феврале 1912 года товарищ Сталин бежал из ссылки и вел руководящую партийную работу в Петербурге

²ский край на 4 года. Это было в начале лета 1912 года, а летом этого же года товарищ Сталин бежал из Нарыма и возвратился на революционную работу в Петербург.

В марте 1913 года товарищ Сталин снова был арестован в Петербурге и в июне 1913 года выслан в Туруханский край под надзор полиции на 4 года. Это была его шестая и последняя ссылка. Из этой ссылки его освободила вторая русская, Февральская революция 1917 года.

Всецело преданный делу рабочего класса, товарищ Сталин за то время, которое ему удавалось проводить на воле, выполнял большую работу по руководству большевистскими организациями, по строительству партии.

Большую работу в тот период также вел Я.М. Свердлов. Арестованный в 1906 году, он просидел в крепости до 1909 года. Осенью 1909 года, освобожденный из крепости, он снова принялся за революционную работу в Москве, но уже в декабре 1909 года был арестован и сослан в нарымскую ссылку. Из этой ссылки он бежал через несколько месяцев и вел революционную работу в Петербурге. Арестованный в ноябре 1910 года, он был выслан обратно в Нарымский край. Несколько раз пытался он бежать из Нарымского края, но каждый раз царское правительство останавливало его по дороге, и в пятый раз ему удалось бежать летом 1912 года и вернуться в Петербург, где он работал в качестве члена ЦК до марта 1913 года. В июле 1913 года он был выслан в Туруханский край, откуда его освободила только Февральская революция 1917 года.

Загнанные в далекие ссылки большевики не прекращали революционной работы и там. Так, царская охранка сообщала о товарище Молотове, который в 1909—1910 годах находился в ссылке в Вологодской губернии, что он, «являясь деятельным работником среди ссыльных, вел переписку с иностранцами партийными лицами, стремился из городских сил — железнодорожников узла и мастерских создать социал-демократическую фракцию в городе Вологде».

Такую же революционную работу вели в ссылке товарищи Ворошилов, Куйбышев и многие другие.

Несокрушимая вера в партию, в революцию, в силы рабочего класса, придавала большевикам в самые тяжелые времена волю к борьбе. Целые годы революционеры-большевики вынуждены были скрываться в подполье, жили под чужими именами, без средств к существованию, оторванные от семьи, не имея своего жилья, преследуемые по пятам царскими шпионами, попадали в тюрьмы и ссылки, бежали оттуда и снова продолжали самоотверженно работать.

Тюрьмы и ссылки не могли сломить большевиков. В тюрьмах нередко большевики подвергались избиениям. Так, в 1908 году по приказу тюремного начальства рота солдат Сальянского полка избивала политических арестованных в Баилловской тюрьме в Баку, где в то время сидел товарищ Сталин. Когда политических заключенных пропускали «сквозь строй», Сталин шел, не стигая головы, под ударами прикладов с книжкой в руках. Мужество и стойкость товарища Сталина поддерживали дух у остальных заключенных.

Несмотря на поражение первой революции, разгром рабочего и крестьянского движения, разгром пролетарских и крестьянских организаций, несмотря на отход значительной части интеллигенции от революции, большевистская организация сохранила верность пролетарскому знамени. Крепкие большевистские кадры, воспитанные Лениным и Сталиным, сумели восстановить разбитую контрреволюцией организацию пролетарской партии и подготовить рабочий класс к новому революционному подъему.

Ленин жил все эти годы за границей: сначала в Швейцарии, а с 1910 года — в Париже, потом переехал в Краков. Накануне империалистической войны он жил в Поронине, на границе Австрии, а во время империалистической войны, вырвавшись из Поронинской тюрьмы, жил в Швейцарии.

Ленин редактировал нелегальную газету «Пролетарий», которая была руководящим органом для всех большевистских партийных организаций.

Ленин вел переписку и был лично связан с руководителями большевистских организаций в России, постоянно помогал им указаниями, литературой и т.п. Ленин организовал за границей целый ряд совещаний с руководящими работниками в России, и работа его в эти годы эмиграции имела решающее значение для сохранения большевистской партии. В деревне Лонжюмо, около Парижа, Ленин организовал партийную школу, в которой обучались приехавшие из России партийные работники. Ленин сам читал лекции в этой школе. Среди двух десятков работников, прошедших партийную школу в Лонжюмо, был Серго Орджоникидзе.>

3. <Оценка> большевик<ам>и и меньшевик<ам>и <перспектив революции> в годы столыпинской реакции. Борьба большевиков против ликвидаторов и отзовистов.

В годы реакции в партийных организациях работать было во много раз труднее, чем в предыдущий период развертывания революции <1905 года>. Количество членов партии резко уменьшилось. Многие мелкобуржуазные [«]попутчики[»] партии, особенно интеллигенты, покидали ряды партии, боясь преследований царского правительства <, не веря в революцию>.

Ленин указывал, что в такие моменты <реакции> революционные партии должны доучиваться. В период подъема революции они учились наступать, в период реакции они должны научиться, как правильно отступать, *как перейти в подполье, как сохранить и укрепить нелегальную партию, как использовать легальные возможности, всякие легальные, особенно, массовые организации для укрепления связей с массами.*

Меньшевики отступали в панике, не веря в возможность нового подъема революции, они позорно отрекались от революционных требований программы и революционных лозунгов партии, хотели ликвидировать, уничтожить революционную нелегальную <организацию> парти<и>ю пролетариата. Поэтому *такого рода* меньшевиков стали называть ликвидаторами.

В отличие от меньшевиков большевики были уверены в том, что в ближайшие годы наступит революционный подъем и что партия обязана готовить массы к этому новому подъему. Основные задачи революции не были разрешены. Крестьянство не получило помещичьей земли, рабочие не получили 8-часового рабочего дня, не было свергнуто ненавистное народу царское самодержавие, вновь задушившее те небольшие политические свободы, которые были у него отвоены народом в 1905 году. Таким образом, оставались в силе причины, породившие революцию в 1905 году. Поэтому большевики были уверены в новом подъеме революционного движения, готовились к нему, собирали силы рабочего класса.

Большевики черпали уверенность в неизбежности нового подъема революции еще и в том факте, что революция 1905 года научила рабочий класс завоевывать свои права в массовой революционной борьбе. В годы реакции, в годы наступления капитала рабочие не могли забыть этих уроков 1905 года. Ленин приводил письма рабочих, в которых они, рассказывая о возобновившихся притеснениях и издевательствах фабрикантов, говорили: «Погодите, придет опять 1905 год!».

Основная <революционная> политическая цель большевиков осталась та же <самая>, что и в 1905 году — свергнуть царизм, довести до конца буржуазно-демократическую революцию, перейти к социалистической революции. Большевики ни на минуту не забывали об этой <основной> цели, продолжали выдвигать перед массами основные революционные лозунги: демократическая республика, конфискация помещичьей земли, 8-часовой рабочий день.

Но тактика партии не могла оставаться той же самой, что в период подъема революции 1905 года. Нельзя было, например, в ближайшее время призывать массы к всеобщей политической стачке или к вооруженному восстанию, потому что налицо был упадок революционного движения, огромная усталость рабочего класса, *серьезное усиление реакционных классов*. Партия не могла не считаться с новой обстановкой. <Неправильно было бы продолжать тактику бойкота Думы, надо было участвовать в Думе, использовать легальные возможности агитации при выборах, использовать думскую трибуну.>

³ Наступательную тактику *нужно было* <приходилось> на время заменять тактикой отступления, но отступления в порядке, чтобы сохранить <по возможности> кадры революционной <ую армию> партии, сохранить ее революционный дух и боеспособность. ³

И большевики сумели выполнить эту задачу.

«Мы умели долгие годы работать перед революцией. Нас недаром прозвали твердокаменными. Социал-демократы сложили пролетарскую партию, которая не падет духом от неудачи первого военного натиска, не потеряет головы, не увлечется авантюрами», — писал Ленин (Ленин, т. XII, стр. 126).

Большевики <во главе с Лениным и Сталиным> боролись за сохранение и укрепление нелегальных партийных организаций. Но в то же время большевики считали необходимым использовать все легальные возможности, всякую легальную зацепку, при помощи которой можно было бы поддерживать и сохранять связи с массами и *усилить тем самым партию*.

«Это был период поворота нашей партии от открытой революционной борьбы с царизмом к обходным путям борьбы, к использованию всех и всяких легальных возможностей — от страховых касс до думской трибуны. Это был период отступления, после того как мы оказались разбитыми в революции 1905 года. Поворот этот требовал от нас усвоения новых методов борьбы, для того, чтобы, собравшись с силами, вновь пойти на открытую революционную борьбу против царизма» (<заключительное слово товарища> Сталин <а> на XV съезде ВКП(б), Стенографический отчет XV съезда, стр. 366—367, 1935 г.).

Уцелевшие легальные организации являлись как бы прикрытием для подпольных организаций партии и средством связи с массами. Для того, чтобы сохранить связь с массами, большевики использовали профсоюзы и другие легальные общественные организации: больничные страховые кассы, рабочие кооперативы, клубы и культурные общества, народные дома. Боль-

шевики использовали трибуну Государственной думы для разоблачения политики царского правительства, для разоблачения кадетов, для привлечения крестьян на сторону пролетариата. Сохранение нелегальной партийной организации и руководство через эту организацию всеми другими видами политической <борьбы> работы обеспечивали партии проведение правильной партийной линии, подготовку сил к новому революционному подъему.

Большевики осуществляли свою революционную линию, борясь на два фронта, против двух видов оппортунизма в партии: против ликвидаторов, *прямых <врагов> противников партии*, и против так называемых отзовистов, *скрытых недругов партии*. <т.е. против таких «большевиков», которые отрицали целесообразность использования Думной трибуны и вообще легальных возможностей и боролись на этой почве с Лениным.>

Ленин, большевики вели непримиримую борьбу с ликвидаторством с самого начала зарождения этого оппортунистического течения. Ленин указывал, что ликвидаторство есть <⁴ буржуазного влияния на пролетариат> *агентура либеральной буржуазии в партии*.

В декабре 1908 года в Париже состоялась пятая (общер<ус>оссийская) конференция РСДРП. Эта конференция по предложению Ленина осудила ликвидаторство, то есть попытки некоторой части партийной интеллигенции (меньшевиков) «ликвидировать существующую организацию РСДРП и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии» (ВКП(б) в резолюциях, ч. I, стр. 128).

Конференция призывала все партийные организации к решительной борьбе с ликвидаторскими попытками.

Но меньшевики не подчинились этому решению <пятой партийной> конференции и все больше скатывались на путь ликвидаторства, измены революции, сближения с кадетами. Меньшевики все более открыто отказывались от революционной программы пролетарской партии, <например> от требования демократической республики, <от требования> 8-часового рабочего дня, <и т.д.> *конфискации помещичьих земель*. Меньшевики хотели ценой <полного> отказа от программы и тактики партии получить разрешение от царского правительства ⁵

РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5300, л. 14—18. Типографский текст (макет).

Опубл.: История ВКП(б). Краткий курс, с. 127—130.

Примечания

1. Документ представляет собой листы макета (с. 88—92) со сталинской правкой. Низ страниц обрзан. На с. 89 и 91 макета сталинская пагинация страниц четвертой главы «4» и «5». Второй параграф был Сталиным вычеркнут. Во-первых, подробности его биографии могли натолкнуть различных историков на поиски деталей, чего ему не хотелось. Во-вторых, его биографию можно было сравнить с другими, а выводы о его личной роли на этом этапе развития партии можно делать любые. Выступая на собрании пропагандистов и на политбюро, Сталин отмечал, что он против изложения биографических сюжетов в «Истории ВКП(б)», так как для понимания законов исторического развития не имеет значения, кто сколько сидел и кто откуда бежал. Это относительно персонифицированное изложение отражало в некоторой степени и стиль мышления самого вождя. Вместо вычеркнутого второго параграфа Сталиным был написан раздел «О диалектическом и историческом материализме». Нумерация 3-го параграфа сохранилась.
2. Одна строчка внизу страницы срезана, поэтому начала фразы на этой странице нет.
- 3-3. В окончательной редакции: «Тактику наступления нужно было заменять тактикой обороны, тактикой собирания сил, тактикой отвода кадров в подполье и работы партии из подполья, тактикой сочетания нелегальной работы с работой в легальных рабочих организациях» (с. 128.).
4. Перед этим одно слово не прочитывается.
5. Далее текст обрывается, следующих страниц макета нет. Окончание фразы: на существование открытой, легальной, якобы «рабочей» партии.

(Продолжение следует)

Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние

С.А. Нефедов

Европейские послы и путешественники, приезжавшие в Россию в XVI—XVII веках считали «Московию» страной Востока. «Сравнения с турецкими султанами стали даже общим местом для иностранных писателей при характеристике московского государя», — отмечал В.О. Ключевский¹. «Манеры столь близки турецким», — писал Дж. Турбервилль, а С. Герберштейн и де ла Невиль отмечали, сходство одежды русских, татар и турок². «И поныне у них оказывается мало европейских черт, а преобладают азиатские», — отмечал в 1680 г. Я. Рейтенфельс. Тосканский посол писал о восточной пышности торжеств, об азиатских приемах управления государством и «всем строе жизни», так не похожем на европейский³.

За сто лет до Рейтенфельса в России побывал посол королевы Елизаветы Дж. Флетчер. Ученый дипломат оставил описание страны, исполненное в лучших традициях просвещенной Англии. Флетчер не проводил детальных сопоставлений, но его общий вывод был категорическим: «Образ правления у них весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому, пытаются подражать по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических»⁴. Что же конкретно имел в виду Флетчер?

Р. Ченслор, открывший морской путь в Россию, оставил после себя мемуары о Московском царстве, в устройстве которого он выделил поместную систему. Благодаря этой системе, писал Ченслор, московский государь имеет великое множество храбрых воинов. «Если бы русские знали свою силу, никто не мог бы бороться с ними», — таков был вывод английского путешественника⁵.

Поместная система была основой Российского государства. С.Б. Веселовский считал, что эта система появилась на Руси внезапно, в конце XV в., и сразу же получила широкое распространение. Воину за его службу давали от государя поместье с крестьянами, но это владение оставалось государственной собственностью; помещику причитались лишь платежи, зафиксированные в переписных листах. Поместье было небольшим, молодой воин — «новик» — получал не больше 150 десятин земли — около десяти крестьянских хозяйств. Помещики регулярно вызывались на смотр, и если воин вызывал недовольство командиров, то поместье могли отобрать; если же помещик проявил себя в бою, то «поместную дачу» увеличивали. Воинские

Нефедов Сергей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

командиры, бояре и воеводы, получали до 1500 десятин, но были обязаны приводить с собой дополнительных воинов — наемных слуг или боевых холопов — по одному человеку с каждых 150 десятин. Дворянин, получавший отставку по старости или из-за ран, имел право на часть поместья — «прожиток». Если сын помещика поступал в службу вместо умершего отца, то он мог наследовать отцовское поместье, но не все, а лишь в тех размерах, которые полагались «новику» ⁶.

Поместная система давала возможность Ивану Грозному содержать армию в 100 тысяч всадников — и на Западе не было ничего подобного этой системе. Единственным государством, где существовала такая же поместная система была Турция. В Турции поместье называлось тимаром, а помещик — тимариотом или сипахи. Размеры поместья исчислялись не в десятинах, как в России, а в денежном доходе; начальный тимар, предоставляемый молодому воину, назывался «кылыдж тимаром» («сабельным тимаром») и обычно давал доход в 1000 акче. 1000 акче — это примерно 10 рублей; по расчетам историков, доходы русского «новика» составляли около 12 рублей ⁷. Так же как в России, турецкие помещики регулярно вызывались на смотр, и если воин вызывал недовольство командиров, то тимар могли отнять; если сипахи проявил себя в бою, то тимар увеличивали за счет добавочных «долей», «хисе». Сипахи, получавший отставку по старости или из-за ран, имел право на «пенсионную» часть поместья, «текайюд». Если сын поступал в службу вместо отца, то он наследовал не все отцовское поместье, а лишь «кылыдж тимар». Офицеры получали большие тимары с доходом до 20 тысяч акче, но при этом обязывались выставлять дополнительных воинов, «гулямов», из расчета один гулям на полторы-две тысячи акче дохода. Так же как поместье, тимар считался государственной собственностью, и воин имел право лишь на получение денежных сумм, указанных в поземельном реестре, «дефтере» ⁸.

На сходство русских помещиков и турецких тимариотов еще в XVII в. указывали Крижанич и Рейтенфельс; позднее на это сходство обращали внимание такие известные историки, как Р.Г. Виппер и Г.В. Вернадский ⁹. Отмеченные выше детальные совпадения в организации поместной и тимарной систем не оставляют сомнения в том, что русское поместье является копией турецкого тимара, что поместная система была перенята у Османской империи. Когда, почему и при каких обстоятельствах это произошло? И не были ли при этом переняты другие общественные принципы и институты? Может быть, Флетчер имел в виду не только поместную систему?

Ответ на эти вопросы лежит вне пределов традиционного курса русской истории; исследователю следует обратиться к истории Османской империи. Османская империя была построена по законам мусульманской государственности, и поэтому необходимо кратко остановиться на основных принципах этой государственности — прежде всего на принципе справедливости.

В трудах мусульманских государственных деятелей, в том числе в «Книге правления» Низам ал-Мулька, справедливость выступает как основной принцип государственного управления. Великий визирь приводит в пример Хосрова Ануширвана — это был традиционный образ грозного восточного монарха, охраняющего справедливость с помощью суровых расправ. «Я буду охранять от волков овец и ягнят... — говорил Ануширван. — Я укорочу загорбистые руки и сотру с лица земли зачинщиков разрухи, я благоустрою мир правдой, справедливостью и спокойствием, ибо призван для этой задачи» ¹⁰. «Основа управления есть справедливость, — подчеркивал великий визирь Рашид ад-дин, — ибо, как говорят, доход государства бывает от войска — нет дохода султана, кроме как от войска, а войско можно собрать благодаря налогу — нет войска без налога, а налог получают от райата — нет налога, кроме как от райата, а райата можно сохранить благодаря справедливости — нет райата, если нет справедливости» ¹¹.

Исламский принцип справедливости признавали даже ярые враги ислама: «Они соблюдают правосудие между собой, а так же ко всем своим поданным... — писал серб, вернувшийся из турецкого плена, — ибо султан

хочет, чтоб бедные жили спокойно... над ними владычествуют по справедливости, не причиняя им вреда». «Не наживе, но справедливости служит занятие правосудием у этих безбожных язычников... — свидетельствует Михалон Литвин. — И знать, и вожди с народом равно и без различия предстают пред судом кадия». Характерно, что в понятие мусульманской справедливости входило не только равенство всех перед законом, но и справедливые налоги и справедливые цены на рынке ¹².

Исламская государственная идея провозглашала господство государства над обществом и преобладание государственной собственности; в частной собственности могло находиться лишь имущество, созданное личным трудом. «Примеры, взятые из образа действий Пророка вместе с некоторыми местами Корана послужили основой странному учению, стремящемуся не больше не меньше как к полному отрицанию даже самого принципа личной частной собственности», — писал И.Г. Нофаль. Все земли, недра и другие источники богатства рассматривались как общее достояние мусульманской общины.

Поскольку, как сказано в Коране; «все имущества принадлежат только Богу», то они могли быть в любой момент конфискованы властями. Поэтому богатые люди опасались выставлять на глаза свое состояние, золото и ценности прятали в землю, а дома старались строить так, «чтобы не вызвать зависти или подозрений — то есть делали их небольшими и неказистыми» ¹³.

Османская империя унаследовала от своих предшественников великие принципы исламской справедливости. Первые турецкие султаны Орхан (1324—1362) и Мурад I (1362—1389), налаживая управление завоеванными территориями, перенимали при этом традиционные порядки мусульманского Востока. Со времен халифата там существовала традиция разделения военных, финансовых и судебных властей; причем духовные судьи, «кади», судили по законам шариата. Все земли разделялись на частные («мульк»), церковные («вакф»), государственные («мири») и личные земли султана («хассе»); соответственно этому казна разделялась на государственную казну и личную казну султана. Казна и земли султана, дворцовое хозяйство и гвардия составляли султанский двор и имели особое управление ¹⁴.

Завоеванные земли считались принадлежащими государству, поэтому прежние собственники этих земель теряли все права. Часть населения — прежде всего знать и многие горожане — выселялась с завоеванных земель в коренные османские области, это переселение называлось «сургун», что в современных словарях переводится как «изгнание». Затем производилась перепись населения и составлялся земельный реестр («дефтер»), в котором указывалось число хозяйств в деревне и перечислялись полагающиеся с деревни платежи по налогам. Крепостные крестьяне сразу же получали свободу ¹⁵.

Все повинности, которые прежде несли крестьяне в пользу своих господ, заменялись одним небольшим денежным оброком, выплачиваемым государству. По окончании переписи утверждалось провинциальное «Кануннаме», сборник законов новой провинции, в котором, в частности, фиксировались налоги и правила землевладения. Некоторые деревни выделялись в тимар воинам-всадникам, и в дефтере (на основе законов) указывались платежи, следующие тимариоту-сипахи. Все действия тимариота контролировались государством, и если он пытался брать лишнее, то крестьяне могли пожаловаться судье-кади и тимар мог быть отнят. Крестьяне были свободными людьми, и их повинности были невелики; основной налог мусульман, «ашар», составлял десятину урожая; немусульмане платили еще «джизью», которая считалась откупом от военной повинности; в целом налоги немусульман составляли примерно четверть урожая. До мусульманского завоевания в Боснии оброки составляли $\frac{3}{5}$ дохода крестьянина ¹⁶.

Султан Сулейман Законодатель (1520—1566) требовал от своих пашей «обращаться с нашими подданными так, чтобы крестьяне соседних княжеских завидовали их судьбе» ¹⁷. Сипахи и санджакбеи должны были следить за состоянием крестьянских хозяйств и, по возможности, обеспечивать их стан-

дартными наделами земли, «чифтами». Многие турецкие историки считают, что сипахи и райаты в конечном счете одинаково работали на государство, а государство всемерно заботилось о своей «пастве». Лорд Кинросс называет реформы, проводившиеся османами на завоеванных землях, «социальной революцией». «Балканские крестьяне вскоре пришли к пониманию того, что мусульманское завоевание привело к его освобождению от феодальной власти христиан. — пишет Кинросс. — Османизация давала крестьянам невиданные ранее выгоды»¹⁸.

Центральное управление империи осуществлялось «диваном» (советом), в который входили главы военной, финансовой и судебной администрации, и который возглавлял великий визирь. Все члены администрации были сменяемыми по воле султана, который сохранял за собой функции главнокомандующего, «меча правоверных» и хранителя справедливости. Османский суд был суровым и скорым; чиновники, обвиненные в вымогательствах, во взяточничестве или казнокрадстве безоговорочно предавались смерти. Во времена Сулеймана Законодателя ко двору ежедневно доставлялось 40—50 голов казненных за преступления такого рода; эти головы выставлялись для всеобщего обозрения у входа во дворец Топкапа. Обычным наказанием за мелкие преступления был кнут — «торговая казнь», осуществляемая в присутствии судьи в людном месте, чаще всего на базаре¹⁹.

С помощью тимарной системы османы создали многочисленную и сильную кавалерию сипахи, однако секрет их военного могущества заключался не в кавалерии, а в пехоте и артиллерии. При султани Мураде I были созданы первые подразделения янычар. Это было дисциплинированное и обученное войско, получающее жалование из казны. В Европе еще не было подобных армий.

В первой половине XV в. беи все еще владели дружинами и огромными мульками; они устраивали мятежи и разжигали распри между наследниками султанского престола. В 1402 г. бей изменили султану Баязиду I, и это едва не привело к гибели Османского государства — турки были разбиты Тамерланом, а Баязид попал в плен. Междоусобицы продолжались двадцать лет, и лишь в 1423 г. султану Мураду II (1421—1451) удалось подавить мятежи. В своей борьбе со знатью Мурад II опирался на корпус янычар, который в это время стали комплектовать путем набора мальчиков-рекрутов из среды немусульманского населения. Обращенные в ислам и воспитанные в казармах молодые люди назывались «государевы рабы», «капыкулу». Преданность «капыкулу» побудила султана назначать из их среды командиров и чиновников; новое окружение Мурада II состояло из специально обученных в дворцовой школе «государевых рабов». «Не меньшее значение имели обучение и упражнения во дворце... — писал польский посол князь К. Збаражский. — Через это проходили все должностные лица, как через школу, и были образцом для всей земли»²⁰. Наивысшей наградой для чиновника-раба были почетные одежды — шуба с султанского плеча.

Отсутствие потомственной знати и сословных привилегий вызывало удивление посетивших Турцию европейцев. «Во всем этом многочисленном обществе, — писал германский посол, — нет ни одного человека, обязанного своим саном чему-либо, кроме своих личных заслуг». «Там нет никакого боярства, — свидетельствовал Юрий Крижанич, — но смотрят только на искусство, на разум и на храбрость». Все были равны перед законом и всем открывались одинаковые возможности для продвижения по службе; многие крупные вельможи были принятыми ислам славянами, албанцами, греками. Большая часть армии говорила по-славянски. Воины — янычары и сипахи — сами выбирали своих командиров из числа самых отчаянных храбрецов²¹.

Дисциплина, порядок и мужество янычар помогали им побеждать в сражениях, но настоящая слава пришла к ним тогда, когда в руках «новых солдат» оказалось новое оружие. При Мураде II янычары были вооружены аркебузами-«тюфенгами»; был создан мощный артиллерийский корпус, «топчу оджагы». На свет явилась регулярная армия, вооруженная огнестрельным

оружием. Создание новой армии вызвало волну османских завоеваний. Турки овладели Сербией, Грецией, Албанией, Боснией, подчинили Валахию и Молдавию, на востоке окончательно покорили Малую Азию, а в 1514 г. в грандиозной битве на Чалдыранской равнине разгромили объединенные силы господствовавших над Ираном кочевников. Походы султана Селима Грозного (1512—1520) в Сирию и Египет превратились в триумфальное шествие османских армий. Простой народ повсюду приветствовал новые власти, которые отнимали богатства у знати, наделали земель крестьян и снижали налоги — султан Селим называл себя «служителем бедняков». Горожане Каира подняли восстание и с оружием в руках сражались на стороне турок против своих правителей, мамелюков. После завоевания очередной страны Селим созывал «собор» из представителей всех слоев населения, переделывал землю и устанавливал новые законы. Перед отъездом из Каира он опубликовал воззвание, в котором заявил, что отныне никому не дозволено притеснять феллаха или человека из простого народа ²².

Вскоре после взятия Константинополя находившийся в ореоле славы Мехмед II нанес решающий удар оппозиционной знати — ее глава визирь Халил-паша был обвинен в государственной измене и казнен. Вслед за этим были казнены многие бей, их владения были конфискованы; как и вакфы, созданные беями и приносившие им доход. В 1470-х годах Мехмед приказал провести по всей стране проверку всех дефтеров и прав владения землями; многие проверяемые документы признавались недействительными; мульки и вакфы отписывались в казну. После этих массовых конфискаций абсолютное большинство земель было отнесено к категории государственных («мири»). Составление новых дефтеров завершилось утверждением нового свода законов «Канун-наме» (для всех провинций вводились единые налоги и условия землепользования ²³).

Влиятельные турецкие беи не смирились с наступлением на свои права; в 1481 г. Мехмед II был отравлен своим сыном Баязидом, вступившим в союз с знатью. Баязид II вернул беям часть отнятых владений, но его сын Селим I вновь конфисковал вотчины знати. Селима называли Грозным — он выступал в традиционном образе восточного монарха, охраняющего справедливость с помощью жестоких казней. Наивысшего могущества Османская империя достигла в правление Сулеймана I Законодателя, который завоевал Венгрию и окончательно кодифицировал мусульманское законодательство; в частности, были установлены единые нормы податей и нормы военной службы. Возвеличение самодержавия достигло такой степени, что все приближенные называли себя «рабами» султана, и он одним мановением руки приказывал казнить вельмож, обвиненных в казнокрадстве или измене ²⁴.

Могущество Османской Империи вызывало попытки подражания в соседних странах. В Иране в начале XVI в. получил распространение аналогичный тимару институт тиуля; сражаясь с турками, шах Аббас I (1587—1629) завел собственных янычар («туфенгчиев») и артиллерийский корпус («топханэ»). После окончания войны в 1590 г. Аббас провел реформы по турецкому образцу, разгромил непокорную знать, конфисковал ее земли и ввел справедливые налоги. В 1526 г. правитель Кабула Бабур, наняв турецких артиллеристов, одержал победу при Панипате и овладел Северной Индией; основанная его потомками Империя Великих Моголов имела многие характерные османские черты ²⁵.

Молва о могуществе и справедливости турок распространилась и на Западе. Угнетаемые православные в Литве и Польше представляли жизнь в Турции, как райское блаженство. Когда в 1463 г. турки вступили в Боснию, крепостные крестьяне поднялись против своих господ. «Турки... льстят крестьянам и обещают свободу всякому из них, кто перейдет на их сторону», — писал боснийский король Стефан Томашевич ²⁶. Крестьяне ждали прихода турок и в других странах Европы. «Слышал я, что есть в немецких землях люди, желающие прихода и владычества турок, — говорил М. Лютер, — люди, которые хотят лучше быть под турками, чем под императором и князьями» ²⁷.

Разыгрываемые на немецких ярмарках «масленичные пьесы» обещали народу, что турки накажут аристократов, введут правый суд и облегчат подати. Итальянские философы-утописты призывали к переустройству общества по османскому образцу. Т. Кампанелла пытался договориться с турками о помощи и поднять восстание. Османская империя XVI в. была символом справедливости и могущества не только для Азии, но и для Европы. Известные философы европейского Возрождения Ж. Боден и У. фон Гуттен находили в Османской империи образец подражания. В те времена взоры многих были прикованы к Турции — и Россия не была исключением. Афанасий Никитин одним из первых открыл для Руси Восток, он горячо любил свою родину, но, познакомившись с порядками мусульман, признал, что на Руси нет справедливости. «Русская земля да будет Богом хранима! — писал Никитин тайнописью, по-тюрки. — На этом свете нет страны, подобной ей, хотя бояре Русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной, и да будет в ней справедливость!»²⁸.

В середине XV в. Русь едва начинала оправляться от долгих междоусобных войн, сопровождавшихся голодом, чумными эпидемиями и разрухой. Хотя Золотая Орда распалась, московские князья, чувствуя свою слабость, продолжали платить дань ее наследникам. Князья не имели ни армии, ни финансовых ресурсов; большая часть земель принадлежала церкви и боярам; их владельцы имели «жалованные грамоты» и пользовалась податными льготами — то есть ничего не платили в казну (или платили лишь малую часть налогов). Боярские и монастырские вотчины обладали также и судебным иммунитетом (кроме крупных преступлений); они были почти независимыми маленькими государствами в государстве. В обмен на льготы бояре и дети боярские были обязаны нести службу, но они плохо выполняли эти обязанности; никаких служебных норм не существовало, с тех, кто не явился на сбор, ничего не могли спросить. Войско великого князя представляло собой нестройное ополчение «всяких людей». К примеру, в 1469 г. Иван III послал на Казань «из Москвы сурожан и суконников и купчих людей и прочих всея Москвичей, кто пригожи, по силе»²⁹. Необходимо было проведение военной реформы, создание сильного войска — и понятно, что советники великого князя искали образец для такой реформы.

В политическом отношении Москва много позаимствовала у Золотой Орды; административная и налоговая системы были построены по восточным образцам. Среди центральных учреждений главные роли играли Казна («казине») и великокняжеский Двор; на местах существовала система кормлений, и наместники собирали в свою пользу дополнительные подати, «орма». Однако, в отличие от восточных государств, великий князь не был самодержавным монархом; со времен Киевской Руси существовала традиция: князь в важных делах должен был советоваться с боярами.

История России была тесно связана с историей Византии — эти страны соединяли узы общей религии — православия. После падения Константинополя Россия стала последним оплотом греческой веры и сюда устремились беглецы с Балкан. В 1472 г. великий князь Иван III женился на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора. Вместе с Софьей в Россию прибыло много греков, которые видели взятие Константинополя и многое могли рассказать. К.А. Неволин и В.Б. Ельяшевич считали, что Софья и окружавшие ее греки могли подсказать Ивану III мысль о введении поместий по образцу греческой пронии. Г.В. Вернадский полагал, что прония служила образцом как для поместья, так и для тимара. Однако прония не имела таких характерных черт поместья и тимара, как начальный тимар или пенсионный тимар, и относительно пронии неизвестны какие-либо нормы снаряжения воинов. К XIV в. институт пронии полностью разложился; прония продавалась и покупалась, как частная собственность. Таким образом, прония не могла стать готовой моделью для создания поместной системы; очевидно, что такой моделью был именно тимар. Кроме того, исследования В.И. Саввы показали, что влияние Софьи преувеличивалось современника-

ми; Софья долгое время находилась в немилости и не имела голоса при решении государственных дел ³⁰.

В первый период правления Ивана III главной целью великого князя было присоединение Новгорода. Решающий шаг был сделан в 1478 г., когда Новгород признал Ивана III своим государем; после мятежа в 1479 году великий князь казнил несколько «великих бояр» из числа заговорщиков и конфисковал их земли. В 1485 г. Иван III овладел Тверью и «велел всех граждан к целованию привести». Великий князь милостиво относится к своим новым новгородским и тверским подданным — как и принято было до сих пор на Руси. Но зимой 1487—1488 года произошло нечто неожиданное: в ответ на некий (по-видимому, мнимый) «заговор» Иван III выселил всех зажиточных новгородцев и отправил в Москву 7 тысяч «житых людей». Это событие летопись назвала «выводом» новгородцев. Практически все земли Новгорода — кроме немногочисленных крестьянских земель — были конфискованы; затем была проведена перепись и осуществлено первое массовое наделение воинов поместьями ³¹.

Эта небывалая до тех пор на Руси акция в точности соответствовала османским обычаям: из завоеванного города выселяется вся знать, ее земли конфискуются, составляется дефтер и конфискованные земли раздаются в тимары. Русское название этой процедуры «вывод» — не что иное как перевод турецкого термина — «сургун». Характерно, что, как и в Турции, поместья даются подчас людям низкого происхождения, «боевым холопам» (в Турции их называли гулямами). Совпадения отмечаются и в других деталях; например, схема описи в переписных листах и в дефтерах была очень схожей: название деревни, имена дворовладельцев, далее — платежи, следующие с деревни в целом (без разбивки по дворам): денежный оброк, количество поставляемой пшеницы, ржи, овса и т. д. (по объему и в деньгах). При учете земли использовался аналогичный «чифту» стандартный земельный надел, «обжа», а земля, как и в Турции, мерялась через количество высеваемого зерна. Отработочные повинности в переписных листах не упоминались — по-видимому, как и в Турции, они были коммутированы в денежный оброк. На землях помещиков повинности почти не изменялись, на землях, отписанных на государя, оброки переводились на деньги и значительно уменьшались — великий князь, так же как султан, стремился показать, что новый порядок будет основан на справедливости ³².

В конце 1480-х годов перепись проводилась не только в Новгороде: переписывались земли бывшего Белозерского удела, недавно присоединенного к землям великого князя. Проводилась проверка владельческих грамот, и многие земли были конфискованы в казну. В 1490-х годах переписи распространяются на другие уезды; в течение двадцати лет княжеские дьяки описывают уезд за уездом — происходит сплошное описание земель великого княжества. В конце XV — начале XVI в. в России происходит нечто подобное турецкой переписи 70-х годов XV в.; вотчины, правда, не конфисковались, но большинство из них было лишено податных иммунитетов, вотчинники обязывались платить налоги в казну. Одновременно шло наступление на податные привилегии монастырей; более того, ставился вопрос о праве церкви владеть деревнями. Подобно Мехмеду II, Иван III собирался конфисковать церковные вотчины; уже были конфискованы церковные земли в Новгороде и в Перми. Только болезнь, воспринятая как проявление «божьего гнева», удержала великого князя от дальнейших действий ³³.

Как и Мехмед II, который, проведя перепись, конфисковав мульки и вакфы, распорядился составить сборник законов «Канун-наме», так и Иван III, проведя переписи, распорядился составить Судебник 1497 года — первый российский законодательный кодекс. В Европе в то время не было законодательных кодексов, и вполне вероятно, что идея Судебника пришла из Турции. Судебник был обнародован во время коронации наследника престола Дмитрия Ивановича, и, по мнению Л.В. Черепнина, этим торжественным актом — провозглашалось начало правосудия на Руси. Во время коронации

митрополит и великий князь дважды обращались к наследнику, повторяя одну ту же фразу: «Люби правду и милость и суд правой и имей попечение от всего сердца о всем православном христианстве». Слово «правда» тогда и позже, вплоть до XIX века, понималось как «справедливость»; таким образом, великий князь провозглашал введение законов, направленных на охранение справедливости³⁴. Как тут не вспомнить Афанасия Никитина, который писал, что до тех пор на Руси не было справедливости!

В чем же выражалась «правда» Ивана III? В том же, в чем выражалась «правда» османских султанов. Прежде всего, это равенство всех перед законом: Судебник 1497 года не дает никаких привилегий богатым и знатым. Ничего подобного не было в тогдашней Европе; хорошо известно, что равенство перед законом — это завоевание Великой Французской революции. Далее: Судебник обеспечивает участие представителей общины в суде. Статья 38 гласит: «А без дворского, без старосты и без лутчих людей суда наместникам и волостелем не судити». Чтобы сделать суд доступным для простых людей, пошлины были снижены в пять раз. Категорически запрещаются «посулы» (то есть взятки). Судьям давался строгий наказ быть внимательным к жалобщикам: «А каков жалобник к боярину придет и ему жалобников от себе не отсылати, а давати всемь жалобником управа»³⁵. Понятно, что крестьяне больше всего страдали от произвола богатых и сильных, от требований исполнять барщину и платить оброки сверх законных норм.

Таким образом, Судебник Ивана III воспринял основную идею восточного права — идею защиты справедливости. Но еще более удивительно, что Судебник воспринял восточные методы защиты справедливости. «Русская правда» киевских времен не знала столь характерных для Востока жестоких казней и телесных наказаний. В Судебнике Ивана III такие наказания полагаются за многие преступления — специалисты в один голос говорят, что эта практика позаимствована с Востока. Таким образом, Иван III вполне усвоил основной принцип восточной монархии: защита справедливости требует суровых наказаний. «Без таковыя грозы не мочно в царство правды ввести», — писал полвека спустя Иван Пересветов³⁶.

«Современники заметили, что Иоанн... явился грозным государем на московском великокняжеском столе... — писал С.М. Соловьев, — он первый получил название Грозного, потому что явился для князей и дружины монархом, требующим беспрекословного повиновения и строго карающим за ослушание». После 1485 г. Иоанн называет себя «государем всея Руси», а бояре именуют себя «государевыми холопами» — подобно «государевым рабам» в Турции. Летописи больше не сообщают о совещаниях царя с боярами, подобных тому, что имело место в 1471 г. перед походом на Новгород. На коронации Дмитрия-внука в 1497 г. великого князя называют уже не иначе как «самодержцем», а на наследника престола возлагают «шапку Мономаха». Подобно византийскому императору (и турецкому султану) великий князь стремится выступать в роли самодержавного монарха³⁷.

Итак, можно прийти к выводу, что в конце XV в. в России частично перенимались османские порядки: поместная система, переписи, судебные установления. По-видимому, можно говорить о попытке преобразования России по османскому образцу. Эти преобразования в определенной степени можно сравнить с реформами Петра I — в том и в другом случае за образец для реформ бралась наиболее могущественная держава того времени. Чтобы ни у кого не было сомнений, кому следует подражать, Петр I приказал носить европейскую одежду — распоряжение с виду совершенно ненужное, но вполне выявляющее суть событий. Среди законов Ивана III есть подобное с виду совершенно ненужное распоряжение — но оно не оставляет сомнений, кому подражал великий князь. «По свидетельству Иосафата Барбаро, — пишет С.М. Соловьев, — при Иоанне III право варить мед и пиво, употреблять хмель, сделалось исключительной собственностью казны». Простому народу запрещалось употреблять пиво и мед, «исключая самых главных праздников»³⁸.

Однако остается неясным, кто рассказал великому князю о турецких порядках, о поместной системе, о «великой правде» и обо всем остальном, кто подвиг его на реформы. Это не могла быть Софья или ее спутники: от прибытия Софьи в Москву до начала реформ прошло пятнадцать лет. Необходимо присмотреться к событиям, происходившим накануне реформ — в 1483—1487 годах. В январе 1483 г. состоялась свадьба наследника престола Ивана Молодого с молдавской княжной Еленой. Молдавия была последним православным княжеством на юге Европы; она вела отчаянную борьбу с турками, и господарь Стефан III пытался заключить союз с Россией. Послы, доставившие Елену, конечно, рассказали Ивану III о положении в Молдавии, о том, что сражаясь с турками, Стефан III заимствовал их тимарную систему. Недостаток источников не позволяет осветить подробности этих реформ, однако известно, что молдавский господарь конфисковал земли многих бояр и раздал их воинам-«витязям». Румынский историк Н. Стойческу прямо указывает на сходство реформ Стефана III и Ивана III ³⁹, и можно предположить, что идею введения поместной системы подсказал Ивану III один из послов, побывавших в Молдавии. Среди этих послов обращает на себя внимание дьяк Федор Курицын, возглавлявший 1482—1484 годах посольство в Венгрию и Молдавию. Курицын привез из этой поездки «Повесть о Дракуле», переработанное и переведенное им на русский язык сказание о волошском государе Владе Цепеше. «Повесть о Дракуле» известна тем, что здесь впервые в русской литературе появляется образ восточного монарха, поддерживающего справедливость посредством жестоких расправ. «И толико ненавидя во своей земли зла, яко кто учинит кое зло, татьбу или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет жив», — говорится в повести о порядках, установленных Владом Цепешем ⁴⁰, т.е. о порядках, заимствованных из Турции. Параллели между этими порядками и Судебником 1497 года позволяют специалистам утверждать, что именно Курицын был инициатором введения в Судебник суровых восточных наказаний. Курицына считают одним из руководителей московского правительства тех времен: «Того бо державный во всем послушаше (ибо его князь во всем слушался)», — писал о Курицыне Иосиф Волоцкий ⁴¹. Именно Курицын зачитал в 1488 г. имперскому послу Поппелю знаменитую декларацию московского самодержавия: «Мы божьею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от бога...» ⁴².

Возвращаясь в 1484 г. из Венгрии в Россию, Курицын был задержан турками в Белгороде на Днестре. Белгород был молдавским городом, и как раз перед этим он захвачен турками. Московский посол оставался в Белгороде довольно долго и должен был увидеть все последствия завоевания: вывод населения, проведение дефтера и испомещение сипахи. В 1485 г. Курицын вернулся в Москву, а зимой 1487—1488 г. неожиданно последовал вывод населения из Новгорода и началась поместная реформа ⁴³.

Конечно, идея реформы могла принадлежать разным людям. Федор Курицын принадлежал к «молодому двору», придворной группировке, сложившейся вокруг наследника, Ивана Молодого, и его жены — Елены Волошанки. В эту группировку входили также князя Семен Ряполовский, Иван и Василий Патрикеевы и многие вельможи меньшего ранга. Все эти люди могли узнать об османских порядках непосредственно от княжны Елены — фактом является лишь то, что именно «молодой двор» оказывал на политику Ивана III решающее влияние. Другой, враждебной «молодому двору» группировкой, было окружение Софьи и ее сына Василия; к этому окружению примыкали церковные круги во главе с новгородским епископом Геннадием и игуменом Волоколамского монастыря Иосифом Волоцким. Святые отцы были встревожены тем, что от «молодого двора» исходили проекты конфискации, затрагивающие и церковные земли. Пострадавший от этих конфискаций епископ Геннадий обвинил Курицына в ереси, в сношениях с обнаруженными в Новгороде «еретиками». Однако Иван III не обращал внимания на эти обвинения; в противовес копившим богатства иосифлянам он стал

поддерживать «нестяжателей», старцев из заволжских монастырей, утверждавших, что монахи должны кормиться от трудов своих ⁴⁴.

В 1490 г. умер Иван Молодой — по-видимому, он был отравлен слугами Софьи: великий князь наложил опалу на свою жену, потому что «к ней приходиша бабы с зелием». Наследником престола стал сын Ивана Молодого Дмитрий, который в 1497 г. был коронован в качестве соправителя. Два года спустя началась война с Литвой, и Василий (бывший тогда наместником в Новгороде) поднял мятеж против своего отца. Василий угрожал перейти к литовцам и требовал, чтобы его назначили наследником вместо Дмитрия. Иван III был вынужден согласиться; Дмитрий и Елена были заключены в тюрьму, а «еретики» подверглись гонениям. Дело было, конечно, не в «ереси»: Василий хотел под любым предлогом расправиться со сторонниками Дмитрия и Елены. Иван III не мог спасти своих верных сподвижников: с ним случился удар, у него «отняло руку и ногу и глаз»; ему твердили, что это «кара господня» за поддержку «еретиков» и попытки отнять земли у церкви. В Москве и в Новгороде запылали костры; брат Курицына Иван был сожжен в деревянной клетке; о судьбе Федора не сохранилось известий ⁴⁵.

Василий III отправил на костер своих врагов, хотя не был принципиальным противником их идей. Уже вскоре после восшествия на престол он попытался примириться с теми из них, кто остался в живых, и приблизил к себе Василия Патрикеева, во времена гонений насильно постриженного в монахи — теперь его звали старцем Вассианом. Вассиан яростно обличал «сребролюбие» «святых отцов» и Василий рассчитывал с его помощью осуществить замысел своего отца — конфисковать и раздать в поместья земли церкви. Война с Литвой требовала увеличения армии, и московское правительство производило новые поместные раздачи. При присоединении Пскова, Смоленска, Рязани Василий III следовал методу, опробованному при овладении Новгородом: «вывод» знати и конфискация земель, а затем испомещение московских дворян. Отбирая земли у бояр, он ссылался на справедливость, говорил, что было «насилье велико черным и мелким людям от посадников псковских и бояр» ⁴⁶.

Приближенные великого князя» временами высказывали те же мысли, что и казненные «еретики». Приемник Курицына, глава ведомства внешних сношений Федор Карпов, писал, что самодержец должен править «грозою правды и закона» и в подтверждение своих мыслей ссылался на Аристотеля. Однако было ясно, что дело не в Аристотеле: боярский сын Берсень прямо ставил в пример Турцию. Он говорил Максиму Греку: «Хотя у вас цари злочестивые, а ходят так, ино у вас еще бог есть» ⁴⁷.

Василий III продолжал политику своего отца и, подобно Мехмеду II, пытался лишить знать ее привилегий. По восточному обычаю после смерти государя все жалованные грамоты должны подтверждаться его наследником ⁴⁸ — такой обычай существовал и на Руси. Василий III не подтвердил очень многие жалованные грамоты. После переписей Ивана III это был второй удар по вотчинным привилегиям; после этого податные иммунитеты сохранились лишь у сравнительно немногих монастырей, бояр и князей. Иммунитетные привилегии в свое время были пожалованы вотчинникам за их службу, теперь они отнимались — но обязанность служить при этом не отменялась, все вотчинники (кроме мельчайших) были обязаны военной службой. С. Герберштейн свидетельствует, что дети боярские были занесены в списки по областям и едва ли не каждый год призывались на службу. Перед походом нуждающимся выплачивалось жалование, но те, кто обладал достаточными вотчинами, были обязаны снаряжаться за свой счет. Принцип «нет земли без службы», был, по-видимому, заимствован из Турции вместе с поместной системой. В Турции все беи, владевшие землями на правах собственности («маликяне»), были обязаны выставлять всадников, а те, кто не выставлял воинов, платили деньги. Как свидетельствуют источники середины XVI в., возможность замены службы выплатой денег существовала и в России ⁴⁹.

Ко времени правления Василия III относятся сведения о том, что сроки пребывания на должности наместников и волостелей ограничивались одним годом. Практика назначения наместников на короткие сроки была характерной чертой османской системы управления — наместники-бейлербеи назначались обычно на три года, а судьи-кади — на один год. Эта практика было обычной в мусульманском мире; она описана в «Книге правления» Низам ал-мулька. Обращает на себя внимание еще одно мероприятие, проведенное вскоре после смерти Василия III — очевидное во исполнение замыслов великого князя. В 1533—1534 годах была проведена монетная реформа, уменьшившая вес русской копейки с 0,79 до 0,68 грамма. Таким образом, копейка было приравнена по весу к турецкому акче⁵⁰.

После смерти Василия III преобразование России по османскому образцу на время приостановилось — начался период боярского правления. Реформы возобновились лишь в 50-х годах XVI в. при Иване Грозном.

Мрачная, но вместе с тем исполненная величия фигура Ивана IV уже не одно столетие приковывает к себе внимание историков. Одни называют царя «тираном», «деспотом», «сумасшедшим», другие утверждают, что это был мудрый политик, любимый народом. Многие пишут о «непонятной», «загадочной» политике Грозного. Еще А. Курбский в начале своего «Сказания» недоумевал: отчего изменился характер государя⁵¹. Почему царь обрушился на своих верных бояр, зачем он ввел опричнину? «Учреждение это всегда казалось очень странным, как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал», — писал Ключевский. «За последние сто лет ситуация в науке мало изменилась», — добавляет в этой связи Кобрин, опричнина остается загадкой для историков. Веселовский замечал: «Созревание исторической науки движется так медленно, что может поколебать нашу веру в силу человеческого разума вообще, а не только в вопросе о царе Иване и его времени»⁵².

Между тем, по мнению некоторых историков, источник нововведений Ивана Грозного, в общем, достаточно известен⁵³. Известно, что царь в целом следовал проекту преобразований, который предложил Иван Пересветов. Пересветов был русским дворянином из Литвы, многоопытным воином, служившим Яну Запольяи и Петру Рарешу, вассалам султана Сулеймана Законодателя; он хорошо знал турецкие порядки, и советовал царю брать пример с Турции. 8 сентября 1549 г. в церкви Рождества Богородицы Пересветов вручил царю челобитную; эта челобитная содержала «Сказание о Магмет-салтане», в котором рассказывалось, как тот «великую правду в царстве своем ввел»⁵⁴.

«В 6961 (1453) году турецкий царь Магмет-салтан повелел со всего царства все доходы себе в казну собирать, — говорит «Сказание», — а никого из вельмож своих ни в один город наместником не поставил, чтобы не прельстились они на мзду и неправедно не судили, а наделял вельмож своих из казны царской, каждому по заслугам. И назначил он судей во все царство, а судебные пошлины повелел взимать себе в казну, чтоб судьи не искушались и неправедно бы не судили... А через некоторое время спустя проверил царь Магмет судей своих, как они судят, и доложили царю про их лихоимство, что они за взятки судят. Тогда царь обвинять их не стал, а только повелел с живых кожу ободрать... А кожи их велел выделать и ватой велел их набить, и написать повелел на кожах их: «Без таковой грозы невозможно в царстве правду ввести». Правда — богу сердечная радость, поэтому следует в царстве своем правду крепить. А ввести царю правду в царстве своем — это значит и любимого своего не пощадить, найдя его виновным. Невозможно царю без грозы править, как если бы конь под царем был без узды, так и царство без грозы»⁵⁵.

«Великая правда» — это было то, что турки называли «адалет», «справедливость», это была идея, лежавшая в основании исламского учения о государстве. Султан выступал в «Сказании» как охранитель справедливости: он выдал судьям книги судебные, чтоб судили всех одинаково, установил налоги и послал сборщиков — «а после сборщиков проверял, по приказу ли его

царскому собирают». Воинов царь «наделил царским жалованием из казны своей, каждому по заслугам». «Если у царя кто против недруга крепко стоит... будь он и незнатного рода, то он его возвысит и имя ему знатное даст». «Еще мудро устроил царь турецкий: каждый день 40 тысяч янычар при себе держит, умелых стрельцов из пищалей, и жалование им дает и довольствие на каждый день⁵⁶. Пересветов не просто рассказывал о порядках Османской империи — он предлагал брать с них пример. Главное в его проекте преобразований — призыв к утверждению самодержавия, призванного охранять «правду» с помощью «грозы». Конкретные меры — это ликвидация наместнических судов и системы кормлений, создание справедливого суда и нового свода законов, сбор судебных пошлин в казну, наделение служилых людей постоянным жалованием, особый суд для военных, запрещение закабалить свободных людей. Четыре наиболее настоятельных совета Пересветова — это утверждение самодержавия, установление «великой правды», возвышение воинов по заслугам и создание приближенного к царю стрелецкого корпуса, подобного корпусу «умелых стрельцов»-янычар.

Сочинение Пересветова пришлось по душе царю: об этом говорит то, что оно было внесено в Никоновскую летопись и в Хронограф второй редакции⁵⁷. Но все-таки для православного человека было негоже подражать безбожным туркам, и, уловив настроение сановных читателей, Пересветов посчитал нужным сменить тон. Вскоре после первой челобитной он подал вторую, в которой те же самые мысли высказывались в более осторожной форме и уже не от имени автора, а от имени молдавского «воеводы» Петра. «Воевода» Петр — это был господарь Петр Рареш (1527—1546), знаменитый правитель Молдавии, известный тем, что отнимал вотчины у своих бояр, чтобы раздать их в поместья служилым людям. Очевидно по примеру султанских земель «хассе», Рареш выделял государственные земли каждого уезда в самостоятельные «околы», на которых создавалась особая администрация. Конфискации вызвали конфликт с боярами, которые перешли на сторону османов, и Рарешу пришлось бежать из Молдавии. Однако через некоторое время господарь пришел к соглашению с турками и стал вассалом султана; вернувшись на престол, он жестоко расправился с изменниками-боярами⁵⁸. Таким образом, само упоминание имени Петра Рареша содержало в себе определенную программу действий, и то, что «воевода» Петр выступал в роли советчика Ивана IV было достаточно символично.

Русские цари уже давно подражали османским султанам в управлении государством, но об этом нельзя было говорить вслух. Хваливший османского султана вольнодумец Берсень окончил жизнь на плахе, а друживший с османским послом Максим Грек был заключен в темницу. Призыв Пересветова брать пример с османов был настолько смелым, что никто более не смог его повторить; на эту тему был наложен запрет. Однако в более общей форме мысли Пересветова так часто повторялись в посланиях советников царя Адашева и Сильвестра, что это породило сомнения историков. Возникли предположения, что Пересветова вообще не существовало на свете, что Адашев (тоже бывавший в Турции) использовал псевдоним, чтобы высказать то, о чем не осмеливался сказать открыто. Предполагали и что автором второй челобитной мог быть сам царь. Однако А.А. Зимин, досконально исследовавший этот вопрос, не сомневался в существовании «воинника Иванца Пересветова». Почти все исследователи признают: царь во многом следовал предложениям Пересветова. Н.Ю. Розалиева и А. Айкут отмечают, что методы, предлагавшиеся Пересветовым для утверждения самодержавия и использованные царем, были навеяны примером Мехмеда II⁵⁹. Однако основной совет Пересветова — брать пример с Турции — носил общий характер. Таким образом, остается рассмотреть вопрос, как далеко зашел царь в исполнении этого совета, как реализовывалась на практике идея подражания султанам. Необходимо шаг за шагом проанализировать нововведения Ивана Грозного, сравнить их как с тем, что предлагал Пересветов, так и с османскими порядками тех времен.

Главной составляющей реформ Ивана Грозного были военные реформы, в первую очередь — создание сильной армии. Первые мероприятия царя в точности следовали проекту Пересветова. Летом 1550 г. был создан корпус «выборных стрельцов» в 3 тысячи человек; стрельцы получали по 4 рубля в год и жили в Воробьевой слободе под Москвой. Характерно, что на Руси использовали фитильные ружья турецкой конструкции («мултух»), они отличались от европейских устройством фитильного затвора, который назывался «жагрой» (перс. «жегор» — раскаленный уголь, «жар»). Капитан Маржерет писал позднее, что стрельцы были лучшим войском царя, что никто, кроме стрельцов, не мог противостоять татарской коннице. «Главная сила русских заключается в пехоте, — отмечал Я. Рейтенфельс, — которая совершенно справедливо может быть уподоблена турецким янычарам». Х.Ф. Манштейн, видевший стрельцов в начале XVIII в., отмечал: «их больше всего можно сравнить с янычарами, они держались одинакового с ними порядка в сражениях и имели почти одинаковые с ними преимущества». Ф. Тьеполо во времена Ивана Грозного также сравнивал стрельцов с янычарами. Действительно, стрельцы сражались, как янычары, действовали под прикрытием полевых укреплений, образующих лагерь, «кош» (тюрк. «кош» — стоянка, лагерь, «кошун» — войско). Однако тактика янычар была усовершенствована русскими: они стали делать укрепления из сборных деревянных щитов — эти укрепления назывались «гуляй-городом» или «обозом». Рейтенфельс пишет, что укрепления из деревянных щитов раньше использовали персы. Тактика действия из-за закрытий объясняется тем, что стрельцы, как и янычары, не имели в своем составе воинов-копейщиков (пикинеров). В европейских армиях пикинеры и мушкетеры строились в колонны-баталии, которые могли сражаться с конницей в открытом поле⁶⁰.

Пересветов не упоминает о турецком артиллерийском корпусе «топчу оджагы», однако на Руси хорошо знали о турецких артиллеристах, которые имели такую же регулярную организацию, как и янычары. Созданный Иваном IV корпус пушкарей был организован подобно подразделениям стрельцов. Характерно, что легкие пушки на Руси называли «тюфяками» (то есть «тюфенгами»), а пушкари носили специальный нагрудный знак «алам» (перс. «алам» — знак отличия на одежде)⁶¹.

Известно, что наряду с гвардейской пехотой («ени чери оджагы») у турок была и конная гвардия («алты булук халкы»). Одновременно со стрельцами и пушкарями царь попытался создать конную гвардию — он выбрал тысячу лучших воинов и хотел дать им поместья под Москвой. Однако, из-за нехватки земель для испомещения проект создания конной гвардии остался неосуществленным; он был реализован позже — это была знаменитая опричная «тысяча»⁶². Впрочем, «выборные стрельцы» также не сразу стали личной гвардией царя, поначалу они использовались как обычное воинское подразделение.

Начиная с 1550 г. проводятся мероприятия по приведению в порядок поместной системы, пришедшей в упадок в период боярского правления. В 1555 г. состоялся «приговор царский о кормлении и службе». В «приговоре» указывались нормы службы: со 150 десятин доброй земли выставлялся человек на коне и в доспехе, «а в дальней поход о дву конь». Поместья предполагалось измерить и уравнивать соответственно «достоинству»⁶³. В Турции существовали четкие нормы службы, но землю при этом не меряли: норма службы устанавливалась, исходя из дохода поместья. Разница не имела принципиального значения, в любом случае введение нормы службы было кардинальной мерой, завершившей становление поместной системы. Особенно большое значение это нововведение имело в организации службы вотчинников: хотя, в принципе, они были обязаны военной службой, служебных норм не существовало, и бояре выводили со своих огромных владений лишь малое число всадников. Теперь был организован учет, по уездам были составлены нарядные списки и отныне никто не мог уклониться от службы. «И свезли государю списки изо всех мест и государь сметил множество воинства свое-

го, — говорит летопись, — еще прежде сего не бысть так, многие бо крышася, от службы избываше». Эта реформа намного увеличила московское войско. Венецианский посол Фоскарино свидетельствует, что прежде войско было немногочисленным, но преобразования «императора Ивана Васильевича» увеличили его до огромных размеров: он сам будто бы видел две армии по 100 тысяч человек каждая. По более надежным сведениям Флетчера, «число всадников, находящихся всегда в готовности», достигало 80 тысяч человек, но в случае необходимости каждый дворянин мог привести с собой одного или двух «боевых холопов»⁶⁴. Великий визирь Мухаммед Соколу говорил послам Стефана Батория, что царь силен, что с ним может померяться силами только султан⁶⁵. Таким образом, военные реформы Ивана Грозного достигли своей цели — была создана мощная армия, которая позволила России намного расширить свою территорию, стать великой державой того времени.

Многие авторы⁶⁶ отмечают, что идея приведения в порядок поместной системы никак не отражена в проекте Пересветова — он вообще ничего не говорил о помещиках и сипахи, предлагая содержать воинов на жалованье (как содержались янычары). Однако отсюда не вытекает (как считает А.Г. Бахтин), что Пересветов предлагал отказаться от поместной системы — просто «воинник» обошел стороной этот вопрос. Поместная система уже существовала, и Пересветов нигде не утверждал, что ее нужно упразднить; он предлагал завести новое стрелцкое войско не взамен, а в дополнение к поместному ополчению.

Один из наиболее настоятельных советов Пересветова — выдвигать служилых людей по заслугам, а не по знатности. В Османской империи, действительно, «не было никакого боярства, но смотрели только на искусство, на разум, на храбрость». Иван IV старался поддерживать идею вознаграждения по заслугам. Штаден отмечал, что если воин был ранен в бою спереди, то он получал придачу к поместью, если же он был ранен в спину, то поместье убавляли⁶⁷. Однако обычай местничества не допускал назначения неродовитых служак на высокие посты. В 1550 г. царь отменил местничество в полках во время военных походов, но большего он сделать не смог. Частичная отмена местничества вызвала резкое недовольство знати. В тайной беседе с литовским послом боярин Ростовский жаловался: «Их всех государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей»⁶⁸. Ростовский стал одним из организаторов заговора 1553 года.

Одновременно с военными проводились и гражданские реформы. В июне 1550 г. появился новый Судебник. Основной целью введения нового свода законов было установление «великой правды» — справедливости. Это была главная идея Пересветова, которая, как уже отмечалось, являлась идеологической основой («адалет») Османской империи. Заимствование этой идеи началось еще при Иване III, поэтому его внуку не пришлось много менять в старых законах. Тем не менее, Иван IV счел нужным увековечить свое правление новым Судебником — подобно своему современнику султану Сулейману Законодателю, увековечившему себя новым «Канун-наме». Следует отметить, что среди нововведений Судебника 1550 года было запрещение «холопить» детей боярских, что совпадало с проектом Пересветов⁶⁹.

Современники единодушно свидетельствуют: Иван IV искренне стремился утвердить на Руси правосудие и справедливость. Фоскарино и Горсей говорят о том, что царь установил правосудие с помощью простых и мудрых законов⁷⁰. Штаден также отдает должное Ивану Грозному: «Он хотел искоренить неправду правителей и приказных страны... — свидетельствует Штаден. — Он хотел устроить так, чтобы правители, которых он посадит, судили бы по судебникам без подарков, дач и приносов». Иногда царь демонстративно принимал облик восточного монарха, поддерживающего справедливость с помощью жестоких расправ. Флетчер рассказывает: когда один дьяк принял взятку в виде наштигованного деньгами гуся, царь приказал своим палачам разделать дьяка, «как разделявают гусей». По словам Барберини, царь приказывал сечь уличенных во взятках чиновников — и даже знатней-

ших из бояр; среди чиновников не было ни одного, которого ни разу бы не высекли ⁷¹.

Одним из главных пунктов программы Пересветова была ликвидация наместничеств и сбор «кормов» в казну. Мероприятия в этом направлении проводились постепенно, начиная с 1550 года. В «приговоре» 1555 г. царь обвинял наместников в том, что они были для своих городов гонителями и разорителями; отныне наместники заменялись губными старостами, выбираемыми местным населением; этим старостам особо предписывалось, чтобы у них «насильства христьяном от сильных людей не было» ⁷². Псковская летопись отмечает, что в результате этой реформы «бысть крестьянам радость и льгота велика» ⁷³. Корма, которые, прежде собирали наместники, теперь шли в казну. «Приговор» был не законом немедленного действия, а скорее программой преобразований. Проведение «губной реформы» наталкивалось на сопротивление знати, не желавшей расставаться со своими кормлениями, поэтому реформа растянулась на десятилетия; в пограничных областях наместничества так и не были ликвидированы ⁷⁴.

(Важная сторона губной реформы заключалась в том, что она передавала судебную власть в руки выборных местных властей — то есть вводила местное самоуправление.) Пересветов пишет в «Сказании», что, отстранив наместников, Магмет-салтан «назначил судей» во все царство. Московские реформаторы не назначали судей, а предоставили право выбирать их общинам. Это решение как будто противоречит проекту Пересветова, но в Турции существовала и другая судебная система. На славянских землях самоуправляемые общины и округа сами выбирали своих старост («кнезов»), которые одновременно были и судьями. Вероятно, московские реформаторы предпочли образец более близкий православному славянскому миру. Однако компетенция местных судей была ограниченной: Пересветов упоминает, что в Турции воины-сипахи судились своими воинскими судьями («кадиаскерами»). В России помещики также исключались из сферы действия местных судей, они подлежали компетенции судей Разрядного приказа ⁷⁵.

Отмена наместничеств и сбор кормов в казну означали реформу налоговой системы, которая, как и установление служебных норм, упиралась в проблему измерения земель: служба и налоги шли с земли. В прежние времена землю клали в податные единицы — «сохи» — в значительной мере произвольно, теперь была введена стандартная «соха», зависевшая от качества земли. Был проведен кадастр: все поля, луга, леса были измерены и соответственно качеству земли поделены на «сохи»; каждой «сохе» был присвоен номер. Измерение земель было чисто русской новацией: в Турции землю не меряли (точнее, размер полей оценивался по объему высева). Проведение кадастра было достижением русских писцов; подобным достижением могли бы похвалиться только китайские чиновники и в более ранние времена — византийцы. П.Н. Милюков считал, что русская податная система сложилась под византийским влиянием ⁷⁶.

В связи с измерением земель были введены государственные стандарты мер и весов. Это обстоятельство также удивляло многих иностранцев: в те времена государственный стандарт мер существовал только в Османской империи и в Китае. Русская система мер (как и монетная система) была привязана к турецкой; простая сажень была приравнена к 2 турецким аршинам, косая сажень — к 3 аршинам. Вес измерялся в пудах и контарях, русский контарь составлял 0,7 турецкого контаря; в таком же соотношении находились русский пуд и турецкий батман ⁷⁷. (Разница объясняется, по-видимому, тем, что в одну и ту же емкость наливали воду и насыпали зерно: русский контарь — вес зерна, турецкий — воды.)

Налоговая реформа не ограничивалась передачей наместничьих кормов в казну; она привела к полной перестройке податной системы. Пересветов не затрагивает этой темы, однако известно, что турецкая налоговая практика включала коммутацию отработочных повинностей; это была характерная черта османской податной системы. Начиная с 1551 г. московское правительство

также осуществляет коммутацию отработочных повинностей. Ямская повинность, военная служба «с сох» и прочие повинности заменяются выплатой денег; отныне крестьяне платят в 4 раза больше, чем прежде. Трудно сказать, насколько эквивалентной была эта замена, однако даже после четырехкратного увеличения денежных выплат государственные налоги не превышали 9% крестьянского дохода. С государственной точки зрения коммутация была вполне оправданной: набравшиеся «с сох» крестьяне-ополченцы были практически непригодны для войны, по своим воинским качествам они не шли в сравнение с поместной конницей. Вместо крестьянской службы реформа давала правительству деньги, которые пошли на финансирование нового войска. Налоговая реформа (в сочетании с поместной реформой) обеспечила создание огромной армии Ивана Грозного. В связи с налоговой реформой упомянем и о сдаче косвенных налогов (тамги) на откуп крупным купцам (сдача таможенных и рыночных сборов на откуп была характерна для налоговой практики Османской империи)⁷⁸.

Московское правительство пыталось провести еще одну реформу, не затронутую в проекте Пересветова. Речь идет о попытке конфискации монастырских земель с целью надления воинов поместьями. Владения церкви составляли примерно треть земель государства, при этом в силу тарханских грамот многие из них были освобождены от налогов. Как отмечалось, первую попытку конфискации монастырских земель предпринял еще Иван III (вероятно, по примеру Мехмеда II). Иван IV собирался повторить эту попытку. По совету Сильвестра царь обратился к патриарху и церковному собору с вопросом, достойно ли монастырям приобретать земли и копить богатства. В ответ иерархи церкви объявили вероотступником всякого, кто покушается на ее богатства. Иван IV был вынужден отступить. Но правительство нашло способ перераспределения церковных доходов в свою пользу. Церковь была лишена прежних налоговых привилегий (тарханов), и монастыри были обязаны платить налоги по ставке, лишь немного уступавшей ставке налога с государственных («черных») земель⁷⁹.

Еще одно направление реформ было связано с организацией центральных ведомств, «приказов». Налоговая и поместная реформа, земельный кадастр, нарядные книги — все это требовало учета и контроля, создания новых специализированных ведомств, приказов. Над каждым приказом начальствовал думный боярин, но бояре плохо разбирались в делопроизводстве и в действительности главой приказа был опытный и грамотный дьяк. Дьяки обычно были незнатными людьми, но тем не менее, были включены в состав думы и стали «думными дьяками». Это выдвижение худородных чиновников вызывало негодование у родовитых бояр. Курбский говорил, что писарям русским царь «зело верит, а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородства, но паче от поповичей или от простого всенародства, а от ненавидячи творит вельмож своих»⁸⁰.

Выдвижение на первые места неродовитых чиновников относится к началу 60-х годов. К этому времени в правительстве произошли большие перемены, Адашев и Сильвестр попали в опалу; первыми советниками царя теперь были знаменитый воевода Алексей Басманов, царский шурин Михаил Черкасский и дьяк Иван Висковатый. Последний принадлежал именно к тем писарям из «всенародства», возвышение которых вызывало ярость бояр. Он руководил Посольским приказом, а затем вошел в состав думы и стал «печатником». Характерно, что Г. Штаден считал И. Висковатого туркофилом. Как бы то ни было, опала Адашева и Сильвестра мало что изменила, реформы не закончились, как полагают некоторые историки; они продолжались в том же направлении. В 1562 г. появился указ, запрещающий продажу родовых княжеских вотчин; в случае отсутствия прямого наследника вотчины отбирались в казну. Вслед за отменой кормлений, обязательством платить налоги и выставлять воинов, этот указ был новым шагом, ущемляющим интересы знати. Фактически речь шла о частичной конфискации боярских земель (выморочных вотчин)⁸¹.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление, объясняющее суть конфликта. По переписям 40-х годов примерно треть земли в центральных уездах принадлежала церкви, треть составляли вотчины (преимущественно боярские) и треть принадлежала государству⁸². Лишь эта последняя треть могла быть роздана (что и было сделано) в поместья воинам-дворянам, а между тем военная необходимость требовала испомещения новых всадников. Церковь не выставляла воинов и неоднократные попытки конфискации ее земель завершились неудачей. Бояре должны были выставлять всадников со своих земель, но они противились этому. Между тем, перед глазами царя был пример конфискации мульков Мехмедом II; в Турции не было огромных княжеских вотчин и княжеских дружин. В начале 60-х годов царь начинает выказывать недовольство сложившимся положением, в письме к Курбскому он говорит о том, что в свое время Иван III отнял у бояр вотчины, а потом их «беззаконно» вернули знати⁸³. Таким образом, новое направление царской политики подразумевало частичную конфискацию боярских вотчин и испомещение на этих землях верных царю дворян. Указ о конфискации выморочных вотчин был свидетельством начавшегося наступления на боярское землевладение. Естественно, он не мог не вызвать противодействия знати. Есть известие, что при обсуждении указа «князь Михаиле (Воротынский) царю погрубил»⁸⁴.

Одним из пунктов программы Пересветова было завоевание Казанского ханства. Взятие Казани стало первой победой новой армии Ивана IV; пушки разрушили стены крепости, а при штурме особо отличился корпус стрельцов. Подобно взятию Константинополя Мехмедом II, эта победа имела огромное значение. При встрече царя в Москве Ивану IV были оказаны необычные почести. «И архиепископ Макарий со всем собором и со всем христианским народом перед царем на землю падают и от радости сердечныя слезы изливають», — говорит летопись. После взятия Казани произошло то же, что и после овладения Новгородом, Псковом, Рязанью и другими городами: по обычаю, заимствованному из Турции, был организован «вывод» («сургун»): местная знать была выселена из завоеванных земель в центральные районы государства. В Казанской земле была произведена опись, и новые земли были розданы в поместья русским воинам⁸⁵.

Так же как османские султаны, Иван Грозный наделил переселенных иноплеменников — бывших врагов! — поместьями, и они верно служили своему новому повелителю. Как и султан, царь проявлял терпимость в вопросах веры; мусульмане могли строить мечети, имели своих судей-кади. После взятия Казани в подданство могущественному московскому государю добровольно перешли бывшие союзники и вассалы казанских татар — татары сибирские, черкесы и ногайцы. Русская армия пополнилась многочисленным мусульманским воинством, а татарские и черкесские князья заняли почетное положение среди ее командиров. В первом походе на Ливонию русскими войсками командовал казанский хан Шейх-Али, а командиром передового полка был царевич Тохтамыш; о соотношении численности русских и мусульманских континентов можно судить по тому, что в походе 1578 г. участвовало 10 тысяч урусских и 7 тысяч татарских всадников (но было еще 15 тысяч русской пехоты⁸⁶.)

Включение в состав Московского царства многочисленных мусульманских народов привело к усилению влияния исламской культуры. Именно это обстоятельство, по мнению Я. Пеленского, привело к перениманию Москвой тюрко-мусульманских социально политических институтов. Завоевание обширных областей всегда сопровождается частичным перениманием обычаев и порядков покоренных народов. Этот процесс хорошо известен историкам, Е. Аштор в фундаментальном труде о истории Ближнего Востока назвал его «симбиозом». Однако в данном случае перенимание началось гораздо раньше — завоевание Казани было лишь одним из факторов, способствовавших этому. Тем не менее, появление при царском дворе большой группы татарских и черкесских князей, безусловно, сыграло свою роль. В 1558 г. черкесский

князь Темрюк прислал в Москву — вероятно в качестве заложников — своих сыновей Булгуроку и Салтанкула. Молодой Салтанкул понравился царю, Иван дал ему имя Михаила, велел его крестить и учить русской грамоте, а затем женил на дочери знатного боярина Василия Михайловича Юрьева, племянника царицы Анастасии. После смерти Анастасии ее родня, чтобы не утратить влияния, постаралась найти царю «свою» невесту и договорилась с Михаилом Черкасским женить царя на одной из его сестер. Летом 1561 г. Михаил привез царю княжну Марию, которая настолько очаровала Ивана, что он без промедления сыграл свадьбу. Таким образом, князь Михаил Черкасский породнился с царем и стал одним из его ближайших советников. Бояре с самого начала ненавидели Марию и ее брата — они опасались их влияния на царя. Как мы увидим, эти опасения были не напрасными ⁸⁷.

Ко времени появления Марии при царском дворе отношения Ивана Грозного и бояр были уже напряженными до крайности. Князь Д. Вишневецкий «отъехал» в Литву, глава думы князь Иван Бельский был уличен, что собирается последовать его примеру. Однако дума не позволила царю судить изменника — в этом и в других столкновениях проявилось реальное соотношение сил: царь не мог настоять на исполнении своей воли. Число перебежчиков увеличивалось, измена среди военного руководства привела к разгрому русской армии на реке Улле ⁸⁸.

В этой ситуации Иван Грозный сделал решительный шаг: в декабре 1564 г. он покинул Москву и, угрожая отречением от престола, предъявил ультиматум Боярской думе. Он снова обвинил бояр, что они делали «многие убытки» народу, не только не радели о православном народе, но и чинили насилия «крестиянам», что «в его государские несовершенные лета» они «земли его государские себе разоимали, и другом своим и племенником его государские земли раздавали», в результате чего держат за собой «поместья и вотчины великие». Царь говорил и об изменах, жаловался, что ничего не может поделаться с изменниками: едва он захочет «показать» боярина, как в защиту того выступает дума и митрополит. Одновременно царь писал московским посадским людям, объясняя, что его гнев обращен против изменников-бояр, а на них, посадских людей гнева и опалы нет. Послание царя вызвало в Москве народные волнения — может быть, правильнее сказать, восстание. Возбужденные толпы горожан окружили митрополичий двор, где собралась Боярская дума. Представители народа, допущенные к боярам, заявили, что они будут просить царя, чтобы дот «государства не оставлял и их на разхищение волком не давал, наипаче же от рук сильных избавлял». Таким образом, народ встал на сторону царя. Митрополит и бояре были вынуждены просить милости у царя; они согласились предоставить монарху неограниченные полномочия и выдать «изменников» ⁸⁹.

Царь стремился предстать в образе защитника справедливости — и ему это удалось». При поддержке народа Иван IV стал самодержцем. Это было исполнение заветов «воинника Иванца Пересветова». Но дальше начинается нечто странное. Царь вводит «опричнину», делит государство на две части с разным управлением. Только что ставший самодержцем, он зачем-то передает управление «земщиной» (основной частью государства) Боярской думе, которая становится земской думой, в опричнине же появляется своя — опричная — дума, своя казна и свое маленькое войско — тысяча конных опричников и 500 стрельцов.

«В этих действиях царя историки справедливо усматривали нечто загадочное и непонятное... — писал В. И. Корецкий. — Все попытки осмыслить загадочные действия Ивана IV... носят весьма приблизительный характер; главное в них то, что они ведут нас в сторону Востока». Действительно, в истории создания опричнины с самого начала просматривается «восточный след». Опричник Штаден в своих записках утверждал, что царь учредил опричнину по совету своей жены Марии-черкешенки. Князь Курбский также отмечал, что перемена в поведении русских князей произошла от влияния «злых жен-чародеиц». По другим сведениям, совет ввести опричнину исхо-

дил от боярина В.М. Юрьева, тестя Михаила Черкасского. Известно, что после введения опричнины царь оставил свой дворец в Кремле и переехал на подворье князя Михаила, который стал одним из командиров опричного корпуса. Таким образом, говоря об инициаторах опричнины, источники указывают на один круг людей — черкесскую родню царя⁹⁰.

Московские летописи переводят старое слово «опричина» как «особый двор»; позже, когда это слово было запрещено, опричину именовали просто — «двором». Черкесы хорошо знали, что такое «двор» — двор османских султанов — это было государство в государстве со своей казной и маленькой армией, составленной из гвардейских частей. Земли, выделенные в обеспечение двора, именовались «хассе». Как в Турции, так и в других мусульманских странах, государство делилось на две части, «хассе» и «дивани». «Это разделение аналогично разделению России на «земщину» и «опричину»... — писал известный востоковед И.П. Петрушевский. — Слово «опричина», и есть, в сущности, хороший русский перевод слова «хассе»⁹¹.

Таким образом, секрет «странного учреждения» в действительности хорошо известен специалистам-востоковедам. В Персии «земская дума» называлась «диван ал-мамалик», а «опричная дума» — «диван-и хассе». Разделение государства на «опричину» и «земщину», было характерно и для зависевших от Турции православных балканских княжеств; вспомним, что «советчик» Ивана Грозного господарь Петр Рареш выделил во всех уездах опричные «околы». На Руси земли «хассе» под названием «дворцовых земель» в большом количестве появились еще при Иване III — и уже тогда эти земли находились под особым управлением⁹². Именно «дворцовые земли» в первую очередь брались в опричину и, по-видимому, они составили основной массив опричной территории. Таким образом, Иван Грозный не был создателем «опричнины»-«хассе», он лишь придал этому учреждению завершённые формы.

Современники видели засилье татар и черкесов в окружении царя, и некоторые понимали смысл советов, которые давали Грозному его приближенные. Это видно из ключевого эпизода ссоры, разгоревшейся между царем и митрополитом Филиппом. Однажды Филипп заметил, что в церкви рядом с царем стоял опричник в мусульманской шапке, «тафье», — митрополит не удержался и воскликнул: «Се ли подобает благочестивому царю агарьянский закон держати?»⁹³, то есть фактически обвинил царя в перенимании мусульманских порядков. Царь, прежде терпеливо сносивший обличения Филиппа, на этот раз пришел в ярость и распорядился свести митрополита с кафедры.

По османской традиции султан не вмешивался в управление «земщиной», если он посещал заседания дивана, то наблюдал за его работой из-за занавески. Тем не менее, монарх мог в любой момент приказать казнить любого из членов дивана. За государственные преступления сажали на кол, при этом истреблялись все родственники преступника. Такие наказания не применялись на Руси в прежние времена, но с опричниной начинается время наводивших ужас восточных казней. Царь распорядился казнить многих «изменников», но настоящая цель его политики заключалась, конечно, не в казнях. Хорошо известно, что делали султаны с завоеванными областями и что сделал Иван III с Новгородом — теперь Иван IV делает это со всей Россией. Начинается грандиозный «вывод», «сургун». «Представители знатных родов, — пишут И. Таубе и Э. Крузе, — были изгнаны безжалостным образом из старинных, унаследованных от праотцев имений, так что не могли... взять с собой даже движимое имущество... Они были переведены на новые места, где им были указаны поместья. Их жены и дети были также изгнаны и должны были идти пешком к своим мужьям и отцам, питаясь по пути подаянием». Р.Г. Скрынников установил, что свыше 150 представителей высшей знати были «выведены» в Казанскую землю; едва ли не большинство этих ссыльных имело княжеские титулы⁹⁴.

«Великий вывод» нанес решающий удар княжеской и боярской знати. Хотя через некоторое время сосланным было дозволено вернуться в Москву,

мало кто из них получил назад свои земли. Флетчер так писал об изменении положения бояр при Иване IV: «Сначала они были только обязаны служить царю во время войны, выставляя известное число конных, но покойный царь Иван Васильевич... человек высокого ума и тонкий политик в своем роде, начал постепенно лишать их прежнего величия и прежней власти, пока наконец, не сделал их не только своими подчиненными, но даже холопами... Овладев всем их наследственным имением и землями, лишив их почти всех прав... он дал им другие земли на праве поместном... владение коими зависит от произвола царя... почему теперь знатнейшие дворяне (называемые удельными князьями) сравнялись с прочими...»⁹⁵.

Конфискация огромных боярских вотчин и торжество принципа «нет земли без службы» означали фактическое огосударствление земельной собственности. Отсутствие частной собственности на землю было «ключом к восточному небу», той чертой, которая отличала Запад от Востока; это было главное, чем отличались европейские феодальные монархии от восточных империй. Но движимая собственность тоже принадлежит Богу: «Все имущества принадлежат только Богу». «Все подданные царя открыто признают, что все они целиком и все их имущество принадлежат Богу и царю, — свидетельствовал Рейтенфельс, — и прячут все, что есть у них дорогого, в сундуки или подземелья, дабы другие, увидев, не позавидовали бы... И это одна из главных причин тому, что Москва до сих пор... не отличается красотой своих зданий»⁹⁶.

Было что-то символическое в том, что русская знать была выведена в Казань — еще недавно казанская знать была выведена в Россию, теперь все было наоборот — как будто победителями в конечном счете были татары. Как обычно, при «выводе» земли изгнанной знати отписывались в казну и тут же раздавались в поместья новым дворянам. В этом и состоял смысл опричных мероприятий — конфискация боярских земель была необходима для увеличения армии в решающий момент Ливонской войны. Война была тяжелой: события обернулись так, что России пришлось сражаться одновременно с ливонцами, Швецией, Литвой и Крымом. Борьба за Поволжье не окончилась со взятием Казани, теперь она вступила в новый этап. Весной 1571 г. хан Девлет-Гирей объявил «священную войну» против Руси, и мусульманские подданные царя Ивана сразу же перешли на сторону крымцев. Все Поволжье было охвачено грандиозным восстанием. В походе на Москву принимала участие Ногайская орда и черкесы во главе с тестем царя ханом Темрюком. Царица Мария Темрюковна к тому времени уже умерла (царь говорил, что ее отравили), но брат Марии Михаил Черкасский командовал передовым полком русской армии. Мстя за измену отца, царь приказал убить Михаила; черкесы и татары исчезли из свиты царя — и вместе с ними исчезла «опричнина». Царь запретил произносить это слово, корпус опричников был переформирован — но в действительности он сохранился в виде гвардейского полка «стрелянных стрельцов»; сохранились и дворцовые земли⁹⁷.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что реформы Ивана IV были направлены на преобразование России по образцу самой могущественной державы того времени — Османской империи. Проект Пересветова содержал лишь идею этих реформ, он был черновым наброском — возможно, одним из многих предложений в этом духе. Сама идея витала в воздухе достаточно давно, и первые шаги к ее воплощению были предприняты еще Иваном III. Разумеется, реформы не сводились к простому перениманию турецких порядков; в ходе их имели место инновации и отступления от образца, как было, к примеру, с измерением земель. С другой стороны, некоторые преобразования натолкнулись на противодействие, прежде всего со стороны бояр, и остались незавершенными. В конечном счете реформы приняли характер сложного социального синтеза, «симбиоза»; порядки, заимствованные извне, синтезировались с местными порядками и трансформировались в новое социальное единство.

1. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М. 1991, с. 58.
2. ГОРСЕЙ Дж. Записки о России XVI — начала XVII века. М. 1990, с. 258; ГЕРБЕРШТЕЙН С. Записки о Московии. М. 1990, с. 117; НЕВИЛЬ, де ла. Любопытные и новые известия о Московии. — Россия XV—XVII веков глазами иностранцев. Л. 1986, с. 518.
3. РЕЙТЕНФЕЛЬС Я. Сказание о Московии. — Утверждение династии. М. 1997, с. 350.
4. ФЛЕТЧЕР Д. О государстве Русском. СПб. 1906, с. 25.
5. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М. 1937, с. 61.
6. ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М. 1947, с. 281, 306—312.
7. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI века. Л. 1971, с. 336.
8. Аграрный строй Османской империи в XV—XVII веках. Документы и материалы. М. 1968, с. 22—23, 101, 111.
9. РЕЙТЕНФЕЛЬС Я. Ук. соч., с. 332; КРИЖАНИЧ Ю. Политика. М. 1997, с. 124; ВИППЕР Р.Г. Иван Грозный. М. 1944, с. 9; VERNADSKY G. On Some Parallel Trends in Russian and Turkish History. — Transactions of Connecticut Academy of Arts and Sciences. 1945. Vol. XXXVI, p. 24—36; См. также: БРОДЕЛЬ Ф. Время мира. М. 1992, с. 456; КАМЕНСКИЙ А.Б. От Петра I до Павла I. М. 1999, с. 149.
10. Сиасет-наме. Книга о правлении визира XI столетия Низам ал-Мулка. М.—Л. 1949, с. 14, 16, 25, 41.
11. Цит. по: ПЕТРУШЕВСКИЙ И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М. 1960, с. 56.
12. Записки янычара. М. 1978, с. 44, 112; Михалон ЛИТВИН. О нравах татар, литовцев и москвитян. М. 1994, с. 69; ГАСРАТЯН М.А., ОРЕШКОВА С.Ф., ПЕТРОСЯН Ю.А. Очерки истории Турции. М. 1983, с. 52.
13. НОФАЛЬ И.Г. Курс мусульманского права. О собственности. СПб. 1886, с. 4, 7; Сура «ат-Тауба». Коран. IX. 34—35; ИВАНОВ Н.А. О некоторых социально-экономических аспектах традиционного ислама. — Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М. 1982, с. 54—55.
14. An Economic and Social History of Ottoman Empire. 1300-1914. Cambridge. 1994, p. 11—23.
15. ТВЕРИТИНОВА А.С. К вопросу о крестьянском землепользовании в Османской империи (XV—XVI вв.). — Ученые записки Института востоковедения. Т. 17. М. 1959, с. 9; ОРЕШКОВА С.Ф. Государственная власть и некоторые проблемы формирования социальной структуры османского общества. — Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М. 1986, с. 12.
16. ФРЕЙДЕНБЕРГ М.М. Крестьянство в Балкано-Карпатских землях (Сербия, Хорватия, Болгария, Дунайские княжества) в XV—XVI вв. — История крестьянства в Европе. Т. 2. М. 1986, с. 463—465; ГАСРАТЯН М.А., ОРЕШКОВА С.Ф., ПЕТРОСЯН Ю.А. Ук. соч., с. 43; ЕРЕМЕЕВ Д.Е., МЕЙЕР М.С. История Турции в средние века и новое время. М. 1990, с. 104.
17. Цит. по: ИВАНОВ Н.А. Османское завоевание арабских стран. 1516—1574. М. 1984, с. 207.
18. МЕЙЕР М.С. Вопросы аграрных отношений в Османском государстве XIV—XV вв. в современной советской и зарубежной историографии. — Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. М. 1988, с. 36—37; Лорд КИНРОСС. Расцвет и упадок Османской империи. М. 1995, с. 50. /
19. ИВАНОВ Н.А. О типологических особенностях арабо-османского феодализма. — Народы Азии и Африки, 1976, № 3, с. 65.
20. ЕРЕМЕЕВ Д.Е., МЕЙЕР М.С. Ук. соч., с. 120; ЗБАРАЖСКИЙ К. О состоянии Османской империи и ее войска. — Османская империя в первой четверти XVII века. М. 1984, с. 150—151.
21. Цит. по: ИВАНОВ Н.А. О типологических особенностях, с. 63, 64; КРИЖАНИЧ Ю. Русское государство в половине XVII века. Ч. 1. М. 1859, с. 87.
22. ИВАНОВ Н.А. Османское завоевание, с. 18—20, 38—39; КАМЕНЕВ Ю.А. К истории реформ в османской армии. — Тюркологический сборник, 1978. М. 1984, с. 140—142.
23. ГРАДЕВА Р. О некоторых проблемах формирования османской системы управления. — Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М. 1990, с. 46, 47, 49; РАНСИМЕН С. Падение Константинополя в 1453 году. М. 1983, с. 150.
24. ГАСРАТЯН М.А., ОРЕШКОВА С.Ф., ПЕТРОСЯН Ю.А. Ук. соч., с. 51; САЛИМЗЯНОВА Ф.А. Люфти-паша и его трактат «Асаф-наме». — Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1974. М. 1981, с. 103; Аграрный строй Османской империи, с. 22.

25. ПИГУЛЕВСКАЯ Н.В. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л. 1958, с. 256, 273, 276, 280; История Индии в средние века. М. 1968, с. 36, 382.
26. Цит. по: История Югославии. Т. I. М. 1963, с. 136; О «туркофильстве» Европы и Московской Руси в XVII веке см.: КРЫМСКИЙ А. История Турции и ее литературы. М. 1910, с. 155.
27. Цит. по: ЕГОРОВ Д.Н. Идея «турецкой реформации». — Русская мысль, 1907, № 7, отд. II, с. 6.
28. Цит. по: ЛУРЬЕ Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.-Л. 1960, с. 394; ИВАНОВ Н.А. Османское завоевание, с. 18.
29. ПСРЛ. Т. 12, с. 121.
30. НЕВОЛИН К.А. История российских гражданских законов. Т. II. СПб. 1851, с. 195; ЕЛЪЯШЕВИЧ В.Б. История права поземельной собственности в России. Т. I. Париж. 1948, с. 369; VERNADSKY G. Op. cit, p. 34; КАЖДАН А.П. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV веков. М. 1952, с. 219; САВВА В. Московские цари и византийские василевсы. Харьков. 1901.
31. ПСРЛ. Т. 12, с. 218, 220; Т. 13, с. 220—221.
32. Аграрный строй Османской империи, с. 158; Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. 1—6. СПб. 1895—1915; Аграрная история Северо-Запада России, с. 143, 173, 373. На Руси четверть земли — это участок, на который высевается четверть зерна, в Турции мудлик — это участок, на который высевается мудд зерна.
33. АЛЕКСЕЕВ Ю.Г. У кормила Российского государства. СПб. 1998, с. 132—149; ЗИМИН А.А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М. 1982, с. 208, 259; КАШТАНОВ С.М. Социально-политическая история России конца XV — начала XVI века. М. 1967, с. 189—190; ФЛОРИЯ Б.Н. Эволюция податного иммунитета светских феодалов России во второй половине XV — первой половине XVI века. — История СССР, 1972, № 1, с. 56—59.
34. ЧЕРЕПНИН Л.В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 2. М. 1951, с. 325; ПСРЛ. Т. 12, с. 248; ЮРГАНОВ А.Л. Идеи Пересветова в контексте мировой истории и культуры. — Вопросы истории, 1996, № 2, с. 20.
35. Цит. по: ЧЕРЕПНИН Л.В. Ук. соч., с. 285, 282; ЛУРЬЕ Я.С. Русские современники Возрождения. Л. 1988, с. 128.
36. См.: например: ВЛАДИМИРСКИЙ-БУДАНОВ М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону. 1995, с. 358; Сочинения И. Пересветова. М.-Л. 1956, с. 153.
37. СОЛОВЬЕВ С.М. Сочинения. Кн. III. М. 1989, с. 56; КОБРИН В.Б., ЮРГАНОВ А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси. — История СССР, 1991, № 4, с. 59—60.
38. Исключения делались лишь для больших праздников. Позже в соответствии с мусульманскими обычаями были запрещены так же азартные игры и игра на музыкальных инструментах. См: СОЛОВЬЕВ С.М. Сочинения. Кн. III, с. 146, 336.
39. STOICESCU N. Curteni si slujitori. Bucuresti. 1968, p. 24.
40. Повесть о Дракуле. М.-Л. 1964, с. 118.
41. Цит. по: ЛУРЬЕ Я.С. Русские современники, с. 123; ЧЕРЕПНИН Л.В. Ук. соч., с. 311—314.
42. Цит. по: СОЛОВЬЕВ С.М. Ук. соч. Кн. III, с. 132; ЗИМИН А.А. Россия на рубеже, с. 214.
43. ЛУРЬЕ Я.С. Русские современники, с. 96—97.
44. ЗИМИН А.А. Россия на рубеже, с. 176, 199.
45. Там же, с. 186, 215, 226; ПСРЛ. Т. 6, с. 279; БОРИСОВ Н.С. Иван III. М. 2000, с. 613; ЗИМИН А.А. Россия на пороге Нового времени. М. 1972, с. 62.
46. Цит. по: ЗИМИН А.А. Россия на пороге, с. 118; СКРЫННИКОВ Р.Г. История Российская IX—XVII вв. М. 1997, с. 229—230.
47. Цит. по: ЗИМИН А.А. Россия на пороге, с. 286; Послание Федора Карпова митрополиту Даниилу. — Летопись занятий Императорской археографической комиссии за 1908 г. Вып. 21. СПб. 1909, с. 110.
48. An Economic and Social History of Ottoman Empire, p. 138.
49. КАШТАНОВ С.М. Ук. соч., с. 25, 273; ФЛОРИЯ Б.Н. Ук. соч., с. 59; КОБРИН В.Б. Становление поместной системы. — Исторические записки. 1980. Т. 105, с. 157; его же. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М. 1985, с. 101; ГЕРБЕРШТЕЙН С. Ук. соч., с. 113; Аграрный строй Османской империи, с. 99—101; Памятники русского права (ПРП). Вып. 4. М. 1956, с. 586.
50. ГЕРБЕРШТЕЙН С. Ук. соч., с. 73; Михалон ЛИТВИН. О нравах татар, литовцев и москвитян, с. 94; История Востока. Т. 3. М. 1999, с. 79; ЗИМИН А.А. Наместническое управление в Русском государстве. — Исторические записки. Т. 94. 1974, с. 292—293; Сиасет-наме, с. 43; Очерки истории русской культуры XVI века. Ч. I. М. 1977, с. 225; An Economic and Social History of Ottoman Empire, p. 987.
51. Сказания князя Курбского. М. 1842, с. 3.

52. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Боярская дума древней Руси. М. 1902, с. 331; КОБРИН В.Б. Иван Грозный. М. 1989, с. 63; ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Исследования по истории опричнины. М. 1963, с. 35.
53. АЛЬШИЦ Д.Н. Начало самодержавия в России. Л. 1988, с. 74.
54. ЗИМИН А.А. И.С. Пересветов и его современники. М. 1958, с. 312, 313, 331.
55. Сочинения И. Пересветова. М.-Л. 1956, с. 151—154.
56. Там же, с. 156.
57. КРЫМСКИЙ А. Ук. соч., с. 161.
58. ДОЦЕНКО С.И. Развитие феодализма и государственная модель молдавского княжества в трудах русского публициста Ивана Пересветова. — Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. М. 1988, с. 308; МОХОВ И.А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1984, с. 201.
59. ИЛОВАЙСКИЙ Д.И. Отец Петра Великого. М. 1996, с. 147; АЛЬШИЦ Д.Н. Ук. соч., с. 73—83; РОЗАЛИЕВА Н.Ю. Османские реалии и российские проблемы в «Сказании о Магмет-салтане» и других сочинениях И.С. Пересветова. — Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М. 1990, с. 215; АЙКУТ А. Ivan Peresvetov ve «Sultan Mahmet Menkibesî». — Belleten. Т. 46. Ankara. 1983, s. 861—873.
60. ЧЕРНОВ А.В. Образование стрелецкого войска. — Исторические записки. Т. 38. 1951, с. 285; его же. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М. 1954, с. 50; МАРКЕВИЧ В.Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб. 1994, с. 69; Очерки русской культуры XVI века. М. 1977, с. 307; Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л. 1986, с. 253, 256; РЕЙТЕНФЕЛЬС Я. Ук. соч., с. 332, 334; Записки Манштейна о России. СПб. 1875, с. 309; Иностранцы о древней Москве. М. 1991, с. 63; МАРГОЛИН С.П. Вооружение стрелецкого войска — Военно-исторический сборник. Труды Государственного исторического музея. Вып. XV. 1949, с. 93; БРАНДЕНБУРГ Н. О влиянии монгольского владычества на древнее русское вооружение — Оружейный сборник, 1871, № 4, с. 81; VERNADSKY G. Op. cit., p. 32.
61. ФЕДОРОВ В. Г. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М. 1949, с. 76; Очерки русской культуры XVI века, с. 357—358.
62. ЗИМИН А.А. Реформы Ивана Грозного. М. 1960, с. 371.
63. ПРП. Вып. 4, с. 577, 584—586.
64. ПСРЛ. Т. 13, с. 271; Иностранцы о древней Москве, с. 55—57; ФЛЕТЧЕР Д. Ук. соч., с. 75, 76.
65. Цит. по: ВАЛИШЕВСКИЙ К. Иван Грозный. М. 1912, с. 326.
66. РОЗАЛИЕВА Н.Ю. Ук. соч., с. 216; ЗИМИН А.А. Комментарии. — Сочинения И. Пересветова. М. 1958, с. 287; БАХТИН А.Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России. — Вопросы истории, 2001, № 5, с. 55.
67. ШТАДЕН Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М. 1925, с. 112.
68. Цит. по: СКРЫННИКОВ Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Т. 1. Смоленск. 1996, с. 191.
69. ПРП. Вып. 4, с. 233—261.
70. Цит. по: ВАЛИШЕВСКИЙ К. Ук. соч., с. 194; ГОРСЕЙ Дж. Ук. соч., с. 91.
71. ШТАДЕН Г. Ук. соч., с. 110; ФЛЕТЧЕР Д. Ук. соч., с. 49; Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. — Иностранцы о древней Москве, с. 66—67.
72. ПРП. Вып. 4, с. 367, 584—586.
73. Цит. по: КОПАНЕВ А.И., МАНЬКОВ А.Г., НОСОВ Н.Б. Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVII вв. Л. 1957, с. 55.
74. СКРЫННИКОВ Р.Г. Великий государь, с. 162.
75. История Югославии. Т. 1, с. 200; История крестьянства в Европе. Т. 3. М. 1986, с. 387; Сочинения И. Пересветова, с. 154, 286.
76. КАМЕНЦЕВА Е.И., УСТЮГОВ Н.В. Русская метрология. М. 1965, с. 95—96; ШТАДЕН Г. Ук. соч., с. 99; МИЛЮКОВ П. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб. 1892, с. 66—68.
77. ШТАДЕН Г. Ук. соч., с. 113; КАМЕНЦЕВА Е.И., УСТЮГОВ Н.В. Ук. соч., с. 86, 142; An Economic and Social History of Ottoman Empire, p. 987.
78. An Economic and Social History of Ottoman Empire, p. 65—66, 146—150; АБРАМОВИЧ Г. В. Государственные повинности частновладельческих крестьян северо-западной Руси в XVI — первой четверти XVII века. — История СССР, 1972, № 3, с. 79 (табл. 5); ШАПИРО А.Л. √ Русское крестьянство перед закрепощением (XIV—XVI вв.). Л. 1987, с. 104; ЗИМИН А.А. Реформы Ивана Грозного, с. 394.
79. Там же, с. 379—392.
80. Цит. по: СКРЫННИКОВ Р.Г. Великий государь, с. 265.
81. Там же, с. 265—266; ШТАДЕН Г. Ук. соч., с. 85.
82. ЗИМИН А.А. Реформы Ивана Грозного, с. 76—78

83. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. 1993, с. 141.
84. Цит. по: СКРЫННИКОВ Р.Г. Великий государь, с. 273.
85. ПСРЛ. Т. 13, с. 227; КОПАНЕВ А.И. Население Русского государства в XVI в. — Исторические записки. Т. 64. 1959, с. 250—251.
86. ПСРЛ. Т. 13, с. 259, 285, 287; ВАЛИШЕВСКИЙ К. Ук. соч., с. 182.
87. PELENSKY J. State and Society in Muscovite Russia and the Mongol-Turkic System in the Sixteenth Century. — Forschungen zur osteuropäische Geschichte. 1980. Bd. 27; ASHTOR E. A Social and Economic History of the Near East in the Middle Ages. Lnd. 1976, p. 20—22; ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Исследования по истории опричнины, с. 296—297; ЗИМИН А.А. Опричнина Ивана Грозного. М. 1964, с. 86, 90.
88. СКРЫННИКОВ Р. Г. Великий государь, с. 271, 282, 320.
89. ПСРЛ. Т. 13, с. 392—393.
90. КОРЕЦКИЙ В. И. Земский собор 1575 года и частичное возрождение опричнины — Вопросы истории, 1967, № 5, с. 38; ШТАДЕН Г. Ук. соч., с. 85; Сказания князя Курбского, с. 4 (С.М. Соловьев считал, что Курбский имел в виду Софью, но множественное число, очевидно, указывает и на Марию Темрюковну); ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Исследования по истории опричнины, с. 41; КОБРИН В.Б. Иван Грозный, с. 69.
91. ПИГУЛЕВСКАЯ Н.В. и др. Ук. соч., с. 294; КЛЮЧЕВСКИЙ В. Курс русской истории. Т. II. М. 1937, с. 189, 190. Сходство опричнины и двора османских султанов отмечал также VERNADSKY G. Op. cit, p. 32.
92. ПИГУЛЕВСКАЯ Н.В. и др. Ук. соч., с. 294; ЗИМИН А.А. Россия на рубеже XV—XVI столетий, с. 248.
93. Цит. по: ЗИМИН А.А. Опричнина Ивана Грозного, с. 254.
94. ГЕРБЕРШТЕЙН С. Ук. соч., с. 118; в кн.: ВИППЕР Р.Ю. Иван Грозный. ПЛАТОНОВ С.Ф. Иван Грозный. М. 1998, с. 79; Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. — Русский исторический журнал, 1922, Кн. 8; с. 36; СКРЫННИКОВ Р.Г. Великий государь, с. 388—390, 402.
95. ФЛЕТЧЕР Д. Ук. соч., с. 30, 41.
96. СКРЫННИКОВ Р.Г. История Российская, с. 414; ПАЙПС Р. Россия при старом режиме. М. 1993, с. 127; РЕЙТЕНФЕЛЬС Я. Ук. соч., с. 312. См. также: ЛУКИН П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М. 2000, с. 28.
97. СКРЫННИКОВ Р.Г. Великий государь Иоан Васильевич Грозный, т. 2, с. 47, 144; ШТАДЕН Г. Ук. соч., с. 110.

Итало-советские торгово-экономические отношения в 1920-е годы

В.П. Любин

Недавно рассекреченные материалы отечественных архивов приоткрывают завесу над многими недостаточно изученными сюжетами российско-итальянских взаимоотношений в XX веке. К их числу относится развитие в 20-е годы торгово-экономических связей двух стран. С итальянской стороны эту задачу взяла на себя компания «Чиче» и ее руководитель Франко Маринотти, своего рода итальянский Арманд Хаммер¹. О деятельности Маринотти известно немного. Больше всего об этом писали итальянский историк Дж. Петракки и российская исследовательница И.А. Хормач. В их книгах нередко встречается название «Чиче» (сокращение от «Compagnia Industriale Commercio Estero», или как сами создатели фирмы перевели это название по-русски: Общество итальянских промышленников для внешней торговли. — *В.Л.*)².

Франко (Франческо) Маринотти (1891—1966) большую часть жизни провел в индустриальной столице Италии Милане, где он начал свою трудовую деятельность в качестве предпринимателя в 1910-е годы. Российское направление стало для него главным. В 1913—1918 гг. Маринотти был «прокуратором» «Русско-итальянского общества текстильной продукции», филиала миланской фирмы шелковых тканей — «Filatura Cascami Seta», которая наиболее успешно работала в западной части России, на территории Царства Польского.

Первая мировая война унесла огромное число человеческих жизней, нарушила нормальное, сложившееся в Европе функционирование экономики, торговых и просто человеческих отношений между промышленно развитыми странами. В целях возобновления взаимовыгодного торгового партнерства с Россией итальянские предприниматели в 1918 г. создали в Милане итало-русскую торговую палату. По мнению основавших ее промышленников, главным образом ломбардских, она была призвана содействовать развитию товарообмена, координировать усилия всех фирм и частных предпринимателей, стремившихся выйти на российский рынок. В 1918—1920 гг. палата могла лишь распространять информацию об экономике России. С 1920 г. она публиковала специальный бюллетень, содержавший сведения об условиях российского рынка. К 1921 г. в палату вступил ряд известных государственных деятелей и промышленников, заинтересованных в связях с советскими торговыми структурами.

Любин Валерий Петрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

В созданное весной 1921 г. в Милане объединение «Чиче» вошли крупнейшие предприятия машиностроительной, электротехнической, легкой, резиновой и других ведущих отраслей, заинтересованные в русском рынке³. «Чиче» потребовалось время, чтобы получить признание в качестве надежного партнера со стороны советских властей. Крупнейшие представители этого общества — Дж. Аньелли, А. Пирелли, Ф. Маринотти, Э. Конти и др. — создали специальный комитет для переговоров с советской делегацией, прибывшей по приглашению итальянского правительства на международную экономическую Генуэзскую конференцию, проходившую 10 апреля — 19 мая 1922 года. В разосланном потенциальным партнерам циркуляре на русском языке сообщались сведения об обществе, одной из главных целей которого являлось «возобновление и укрепление нормальных, солидных сношений с Россией, имея в виду снабжение русского рынка фабрикатами итальянской промышленности по фабричным ценам непосредственно из фабрик и заводов, входящих в Общество»⁴.

7 июня 1922 г. в Риме «главным директором общества «Чиче» Маринотти был подписан проект договора между «Чиче» и Народным комиссариатом внешней торговли (Внешторгом). В нем содержится обязательство Внешторга и «Чиче» организовать «Русско-итальянское торговое общество» (Societa' di Commercio Russo Italiano) с целью ввоза в Россию и экспорта из России различных товаров, эксплуатации промышленных предприятий в России, получения различного рода концессий и т.д. При определенном в 500 тыс. итальянских лир начальном капитале «Чиче» обязывалась предоставить Обществу «Русситаторг» товарный кредит в сумме до 5 млн лир и получала право свободной торговли в России. Содержался и пункт о разделе прибыли, по которому Внешторг имел определенные преимущества перед «Чиче». Действие договора определялось в один год с правом отказа от него каждой из сторон за шесть месяцев до истечения этого срока⁵.

В донесении из Рима от 19 августа 1922 г. уполномоченного НКВТ А.С. Файнштейна наркому внешней торговли Л.Б. Красину (одному из руководителей советской делегации на Генуэзской конференции) отмечалось, что ведутся переговоры об организации Итало-русского импортно-экспортного смешанного общества совместно с торговым консорциумом объединенной группы крупнейших итальянских заводов «Чиче». Уточнялось, что входящие в «Чиче» фирмы были до революции хорошо известны в коммерческих и технических кругах России, поэтому создание совместного общества «имеет большое значение», ибо его деятельность охватила бы «серьезнейшую часть итальянской промышленности»⁶.

В Наркомате внешней торговли поначалу отнеслись к итальянским инициативам настороженно. Характерна докладная записка заместителя уполномоченного НКВТ Боева заместителю наркома внешторга М.И. Фрумкину. Боев считал, что принятое на заседании Концессионного комитета НКВТ от 12 марта 1923 г. при рассмотрении проекта договора об организации Русско-Итальянского Торгового Общества (Чиче) решение «недостаточно правильное», и просил принять во внимание при окончательной редакции проекта договора его отзыв. Эти возражения заставили итальянскую сторону пересмотреть некоторые положения прежнего устава «Чиче». Совместный капитал был увеличен до 3 млн лир, а согласно новой редакции устава целью «Чиче» провозглашалось «ознакомление, ведение переговоров, заключение сделок и ведение дел за счет третьих лиц по делам в государствах, входивших ранее в состав Российской империи», причем «общество могло расширить область своей деятельности и на другие страны». В результате успешного для Общества хода дел вскоре, весной 1925 г., капитал «Чиче» достиг 7 млн лир. Данная цифра приведена в нотариально заверенном Учредительном акте по организации Итало-русского общества торговли и транспорта — Иртранс, получившем от советского правительства концессию на транспортировку итальянских товаров в порты СССР и транзитом через Кавказ в Персию. Среди других этот акт подписал инженер Дж. Гавацци — председатель Сове-

та Правления и представитель «Чиче». Окончательное юридическое нотариальное заверение уставных документов «Чиче» было совершено в самом конце 1923 года. Подписанные Маринотти подтверждения доверенности на итальянском и русском языках от 3 декабря 1923 г. были тут же направлены в Москву ⁷.

Советское руководство не относило Италию к числу приоритетных стран, с которыми следовало как можно скорее возобновить торговлю. Предпринятые на рубеже 20-х годов попытки установить взаимовыгодные прямые связи через российское объединение кооперативов Центросоюз с итальянским кооперативным движением (его политическими представителями являлись социалисты, и в Москве через Коминтерн и соответствующие структуры советского правительства интересы кооператоров Италии пытался отстаивать Э. Павирани, а также Д. Рондани, встретившийся в этих целях 3 сентября 1920 г. с В.И. Лениным) и заключение соответствующих договоров не дали ощутимого для экономических взаимоотношений двух стран результата ⁸.

Причины этих неудач становятся ясны при знакомстве с неопубликованными документами того времени. Файнштейн доносил 10 октября 1922 г. Л.Б. Красину «касательно сельскохозяйственной концессии итальянских аграриев группы Пароди и итальянского Объединения кооперативов», что «несмотря на то, что утверждение обоих договоров было принято в Италии с большим удовлетворением, все-таки финансовые затруднения в стране таковы, что едва ли можно ожидать в ближайшее время конкретного осуществления договоров». По имевшимся у Файнштейна сведениям, группа Пароди хотела затянуть дело до ближайшей весны, так как «самая крупная финансовая группа в Италии «Банко Коммерциале», враждебно настроенная против Советской России, не желает вкладывать капиталы в концессии в России без гарантий итальянского правительства, а таковую гарантию при настоящем политическом положении в Италии нечего и ожидать... Отношение к России ухудшается ввиду предстоящего роспуска парламента и обеспеченного успеха при выборах фашистской партии». Что же касается итальянского Объединения кооперативов, то несмотря на то, что они не имели финансового обеспечения их концессии, в России все же согласились «на допущение въезда в Москву маленькой комиссии их представителей во главе с тов. Павирани, так как они достаточно сильны, чтобы, начав работу на 10—15 тыс. десятках, развивать ее в будущем более широко» ⁹.

Италия, как и Россия, попала в начале 20-х годов в полосу внутренних неурядиц, затормозивших хозяйственное развитие. Лишь впоследствии, когда была устранена вызванная волнениями революционного «красного двухлетия» 1919—1921 гг. внутренняя напряженность в стране, подрывавшая основы начатой еще в начале XX века торгово-экономической экспансии и широкомасштабного встраивания в мировой рынок, становившаяся все более фашистско-тоталитарной Италия начала вновь открывать для себя выгоды российского рынка. В условиях форсированной модернизации, осуществлявшейся пришедшим к власти в конце октября 1922 г. фашистским правительством Муссолини, бедная природными ресурсами страна нуждалась в сырье и других товарах из СССР. При всех внешних различиях между Советской Россией и фашистской Италией оба режима по своей сути обладали немалым сходством. Это интуитивно понимали и большевистские руководители, и Муссолини, не стеснявшийся, когда этого требовали истолкованные фашистами в своих прагматических целях национальные интересы, отбрасывать мешавшие ему идеологические рогатки. То же самое предпринимал Сталин и возглавлявшееся им большевистское руководство СССР, заинтересованное в признании в мире и такой же ускоренной модернизации страны с упором на развитие тяжелой промышленности, в особенности ее военно-промышленного сектора.

Обстоятельства складывались таким образом, что постепенно Италия становится видимым, во многих сферах следующим после Германии торговым партнером России. По окончании первой мировой войны в итальянской

политике по отношению к территориям бывшей Российской империи доминировало кавказское направление. Когда в 1919 г. начало развиваться итальянское экономическое проникновение на Кавказ, предприниматели-добытчики наподобие Ф. Мариногги, будущего директора «Чиче», или адвоката А. Туби, будущего агента итальянского консульства в Батуми, ринулись в авантюры на Кавказе так, как будто это была земля обетованная, пишет Дж. Петракки. Однако уже в конце 1921 г. в результате проводившейся большевиками политики почти все итальянские банки и фирмы были вынуждены покинуть кавказский рынок. «В этой ситуации всеобщего отступления лишь представители «Чиче» пытались удержать в своих руках на совершенно иной основе те нити торговых операций, которые в начале 1919 г. породили к жизни столько инициатив и вызвали столько надежд. Кавказская политика Италии вошла в более широкий контекст русской политики в качестве пассивного наследия, которое следовало совместить с будущими отношениями с Советской Россией»¹⁰. Прелиминарное русско-итальянское торговое соглашение было подписано 26 декабря 1921 г. в Риме дипломатическим представителем Италии в Советской России П. Делла Торретта и российским дипломатическим представителем в Италии В.В. Воровским.

В одной из экспертных аналитических записок того времени, составленной Я. Фишманом, отмечалось, что «капиталистические страны теперь решают прекратить вооруженное вмешательство и установить торговые отношения с Советской Россией и снять блокаду». В записке дана подробная статистика экспорта и импорта Италии в 1913—1918 гг. и соответствующие комментарии. В ней содержались и такие рекомендации: «Нужно изучить коммерцию, мало того нужно изучить стан врагов. Мало хотеть торговать, мало иметь чем торговать и чем покупать, нужно знать, что, где и как покупать. Нужно вспомнить, как изучала Германия Россию в довоенные времена, и как использовала она все природные богатства России, сбывая потом в Россию же переработанное русское сырье». Подробный статистический материал военного времени (хотя автор записки и сетует на то, что с 1912 г. все статистические данные держались итальянским правительством в секрете) был взят из официальных итальянских источников (таких, например, как «Movimento commerciale del Regno d'Italia» и др.). По мнению эксперта, промышленность Италии развивалась нормально лишь до 1912 г., а так как после этого вплоть до начала 1919 г. Италия почти непрерывно воевала, сначала с Турцией, потом с германским блоком, промышленность ее, приспособленная к нуждам военного времени, во многом изменила свой характер. Империалистическая война, в которой Италия участвовала 3,5 года, в значительной мере изменила хозяйство страны. Вся торговля, производство и потребление находились под контролем государства. Государство сделалось центром, двигателем национального хозяйства, единственным или почти единственным клиентом различных дел, деспотическим регулятором всей экономики страны. Хозяйство Италии вышло из войны обнищавшим, с катастрофическими финансами, с ослабевшим сельским хозяйством, однако ее индустрия вышла из войны усложнившейся, окрепшей, закаленной и мощной. Италия лихорадочно строила, расширяла и углубляла свое производство¹¹.

Прежде чем идти на восстановление экономических связей между двумя странами в Москве хотели знать, что творится на нестабильной политической сцене послевоенной Италии. А там после событий «красного двухлетия» 1919—1921 гг. (левые силы и в первую очередь образовавшие в январе 1921 г. собственную партию итальянские коммунисты пользовались при этом открытой поддержкой большевистского правительства и Коминтерна) в конце октября 1922 г. власть захватили фашисты во главе с Муссолини. Приход к власти фашистов не мог не отразиться на развитии отношений между Италией и Советской Россией. Нападение фашистов на торговый отдел представительства РСФСР в Риме 1 ноября 1922 г. вызвало резкий протест главы представительства Воровского с требованием наказания виновных. В Москве намеревались отозвать представительство РСФСР из Рима. Италья-

янский МИД постарался загладить неприятные впечатления от этого инцидента, пообещав наказать виновных. Избегая ухудшения отношений с Россией, Муссолини 6 ноября принял Воровского. Беседа, проходившая в присутствии генерального секретаря итальянского МИД умеренного либерала С. Контарини (считавшегося представителем «славянофильского» направления в итальянской внешней политике), касалась главным образом политических вопросов. Тем не менее в ходе встречи Муссолини продемонстрировал заинтересованность в развитии экономических отношений между двумя странами. Передавая в Москву наркомю иностранных дел Г.В. Чичерину содержание беседы, Воровский подчеркнул, что новый премьер высоко оценил деятельность советской торговой делегации и положительно ответил на вопрос о признании Италией советского правительства де-юре¹².

Об обстановке в стране и результатах состоявшейся вскоре еще одной встречи с Муссолини, происходившей накануне выступления лидера фашистов в парламенте, Воровский сообщал в Москву 19 ноября 1922 г.: «После бурных инцидентов первых дней занятия Рима фашистами и образования министерства Муссолини, постепенно начало наступать спокойствие: в Риме быстрее, в провинции медленнее». По договоренности с Контарини, Воровский 15 ноября добился приема у Муссолини, который встретил его «весьма дружелюбно», заявив, что «Италия намерена идти на полное сближение с Россией». «Советская власть прочна, всякие упования на восстания, стачки, Врангеля и пр. — вздор; Италия не имеет ни малейшего намерения вмешиваться во внутренние дела России, также как не желает, чтобы Россия вмешивалась в ее дела, — подчеркнул Муссолини. — В своей политике Италия будет руководствоваться не гуманитарной болтовней, а реальными интересами и на этой почве готова договориться о признании Советского правительства де-юре. В своей общей политике Италия, если не добьется полного равенства внутри Антанты, будет ориентироваться на восток, т.е. на Россию и Германию». При этом он прибавил, что «завтра же сделает в парламенте такое же заявление, и это он сделал»¹³.

В намерения Муссолини входило установление отношений с Советской Россией (с 30 декабря 1922 г. — СССР). Развитие торгово-экономических связей с Россией содействовало бы укреплению внутривосточных позиций фашистского лидера. СССР же нуждался в признании и возобновлении своих внешнеторговых операций. Таким образом, обе стороны были весьма заинтересованы во взаимовыгодной торговле. Юридической базой отношений между Италией и СССР стал подписанный 7 февраля 1924 г. договор о торговле и мореплавании и последовавшее за его подписанием признание Италией СССР¹⁴. Для Советского Союза было важно, что в основе договора лежал принцип полного равенства сторон и что Италия признавала монополию внешней торговли СССР. Италия, одной из первых держав признавшая СССР, в качестве «премии за смелость» получила ряд преимуществ, как, например, перевозка товаров итальянскими судами между советскими портами¹⁵. По специальному протоколу о концессиях Италия получала в Советском Союзе ряд представлявших обоюдный интерес разработок, в том числе концессии для добычи нефтепродуктов. СССР обязывался поставлять Италии зерно, чем отчасти восстанавливался сбыт российского хлеба на Апеннинский полуостров (до войны Россия была важнейшим экспортером, но в ходе войны была вытеснена на этом рынке Америкой). Установление нормальных дипломатических и торговых отношений должно было привести к росту взаимовыгодной торговли.

Заключению договора и установлению официальных отношений между двумя странами предшествовала острая борьба в политических и экономических кругах Италии. Еще в начале 20-х годов итальянские промышленники на свой страх и риск предпринимали шаги по возобновлению торгово-экономических связей. В их среде шла борьба между сторонниками двух подходов. Одни предприниматели считали, что надо начинать с целого ряда «малых дел» с тем, чтобы, когда российская экономика воспрянет после разрухи, значи-

тельно усилившийся итальянский капитал уже имел крепкие позиции на российском рынке и мог осуществлять крупные инициативы наподобие разработки концессий и строительства промышленных предприятий. Данная стратегия разделялась «Чиче», стремившейся развивать «торговое посредничество между большевистской властью и итальянской промышленностью, получая подряды, устанавливая способы платежа и организуя перевозку товаров из России и в Россию». После серьезного спада торговых отношений компания «Чиче» взяла на себя эту роль и осуществляла ее до 1930 г., «когда в условиях установления прямых контактов между итальянскими предпринимателями и официальными органами СССР, она была ликвидирована», отмечает Петракки¹⁶. Политика «малых дел» в той ее части, что касалась торгового обмена с Советским Союзом, основанная на принципе предоставления ему средств и возможностей оплаты, была начата еще социалистами-реформистами. Последние в марте 1922 г. в предвидении скорого открытия Генуэзской конференции с целью благоприятствовать «эффективному возобновлению экономических отношений с Россией» образовали совместно с некоторыми предпринимателями, по большей части близкими к «Чиче», Комитет итало-русских инициатив, в который среди других входили Дж. Аньелли, А. Пирелли, Ф. Маринотти, Р. Тарджетти, О. Козулич, А. Кабрини, Э. Коломбино, Л.Д' Арагона и О. Моргари¹⁷.

Другие же, это были определенные финансовые круги и прежде всего мощный, второй по значению в стране Итальянский коммерческий банк (Комит)¹⁸, противопоставляли названной стратегии стратегию «крупных дел». По их мнению, итальянцы должны были бы участвовать в восстановлении хозяйства России не для того, чтобы принести выгоды Советам, а для того, чтобы оказаться в состоянии воспользоваться этим восстановлением, когда их государство станет мощным производителем. Для этого, полагали они, было бы необходимым объединить значительные капиталы в мощных консорциумах, которые могли бы участвовать в разработке широких сельскохозяйственных и сырьевых концессий. Получив таким образом возможность импортировать необходимые ей полезные ископаемые из России, Италия, участвующая в восстановлении РСФСР, смогла бы завоевать стабильные позиции в советской экономической и политической жизни. Для осуществления подобных обязывающих инициатив и эксплуатации крупных концессий необходимо соглашение с большевистскими властями с четкими экономическими и политическими гарантиями. Подходящим местом для попытки установления такого согласия с Москвой им представлялась конференция в Генуе¹⁹.

Политика «крупных дел» встречала острую критику со стороны кругов, близких к «Чиче», не считавших, что Италия располагает значительными капиталами для инвестирования в большевистскую Россию. Против таких инвестиций открыто высказывался Аньелли: «У Италии, — заявлял он, — нет капиталов для реконструкции России. Если бы она ими обладала, она должна была бы вложить их в собственную реконструкцию. Кроме того, инвестиции в России в высшей мере рискованны»²⁰.

На деле проблемой финансирования подобной стратегии были озабочены и те круги, которые ее разрабатывали. Некоторые разработчики политики «крупных дел», сознавая, что Италия не имеет финансовых возможностей для того, чтобы самостоятельно развивать данную стратегию в отношении Советской России, пытались решить эту проблему в надежде на тесное экономическое сотрудничество с США. В апреле 1922 г. как раз накануне открытия Генуэзской конференции торговая палата Генуи выступила с проектом восстановления Советской России с опорой на итало-американское сотрудничество. Сотрудничество означало бы в данном случае, что США предоставляют капитал, который принес бы прибыль в результате работы в России итальянцев. Еще одной идеей, которая шла в том же направлении, было предложение восстановления России с опорой на итало-немецкое сотрудничество. Однако обе эти идеи так и остались всего лишь теоретически-

ми построениями, не подкрепленными практической их реализацией. В конце концов среди предпринимателей победила линия «малых дел» и осуществлявшая ее компания «Чиче» в 20-е годы стала основной организацией, курировавшей торговые связи Италии с Советской Россией.

Итальянские политики были озабочены проблемами развития этих связей. Муссолини предпринял ряд конкретных шагов по сближению с Советами. 5 декабря 1922 г. в Рим прибыл с неофициальным визитом Красин. В тот же день он был принят Муссолини, и они провели переговоры об установлении дипломатических отношений между двумя странами, получившие немалый резонанс в дипломатических кругах и международной прессе. Как заявил 7 декабря Красин в интервью итальянским журналистам, Муссолини выразил пожелание установить официально оформленные отношения между двумя странами и развивать экономические связи в форме товарных сделок и концессий²¹. Видимо, основываясь на результатах этого свидания, итальянская сторона решила «ковать железо, пока горячо», и в том же декабре 1922 г., как установил Петракки, «коммендаторе Дж. Гавацци, потомок участника переговоров по заключению итало-русского торгового договора 1907 г., и кавалер Франко Маринотти, которые являлись соответственно президентом и директором «Чиче», отправились в Москву с четкими политическими директивами от Муссолини договориться в Москве о прекращении большевистской пропаганды в Италии»²². Это была по сути дела первая поездка делегации итальянских промышленников в Россию после установления советской власти. По возвращении в Италию Гавацци написал памятную записку, в которой отстаивал необходимость немедленных акций в поддержку восстановления отношений с Москвой. В беседе с Воровским он признался, что оказывает серьезное давление на правительство в пользу нормализации торговых отношений. В том же декабре 1922 г. состоялась поездка в Россию известного социалиста О. Моргари, которую профинансировали «Чиче» и Фиат. Очевидно, поставленные Муссолини цели посланными в Россию коммивояжерами не были достигнуты. В первой половине 1923 г. последовало обострение отношений между СССР и Италией, вызванное разоблачениями не прекращающихся попыток Коминтерна вмешиваться в итальянские дела. Прошедший в конце 1922 г. IV конгресс Коминтерна постановил, что следует вести активную борьбу против фашизма. По получаемой итальянскими властями информации к числу ближайших целей этой организации относилась подготовка революционных выступлений в Германии, а затем и в Италии²³. В начале февраля с крупной суммой денег от Коминтерна был арестован один из создателей его итальянской секции — КПИ А. Бордига. Была приостановлена деятельность в России итальянского общества «Ллойд триестино», прекращен экспорт российских товаров в Италию.

Воровский в посылаемых в Москву донесениях предсказывал скорое падение фашистского правительства. Убийство Воровского, совершенное бело-гвардейцем в Лозанне 10 мая 1923 г., негативно повлияло на отношения между двумя странами. Контакты возобновились лишь летом 1923 г. с прибытием в Рим нового советского представителя Н.И. Иорданского, возглавившего в октябре новый раунд переговоров о признании СССР. Торговое представительство СССР возглавил направленный Красиным в Италию в марте 1923 г. опытный С.Г. Горчаков, сменивший на этом посту Файнштейна²⁴.

Постепенно наступил перелом, и в начале 1924 г. стороны были готовы к подписанию соглашения о возобновлении после вызванной мировыми и внутренними событиями семилетней паузы нормальных дипломатических и торговых-экономических отношений между Италией и Россией. Давление на дворец Киджи — резиденцию итальянского правительства в смысле скорейшего подписания этого документа, открывавшего путь на русский рынок, оказывали финансовые, и в их числе теперь уже Комит, и промышленные круги, главным образом миланская Итало-русская торгово-промышленная палата и та же «Чиче». Комит добивался включения в договор пункта о транзитной транспортировке товаров через территорию СССР, надеясь восстано-

вить утерянные позиции на Кавказе и получить доступ к персидскому рынку. Компания «Чиче» неплохо проявила себя в СССР уже летом 1923 года. Итальянское участие в проходившей в августе 1923 г. в Москве Всероссийской выставке образцов производимых товаров было весьма успешным. В павильоне «Чиче» были представлены все главные предприятия металлообрабатывающей, текстильной, винодельческой промышленности Италии²⁵.

В парламентской речи в связи с предстоящей ратификацией торгового договора с Советской Россией, означавшей и ее признание де-юре итальянским правительством, Муссолини подчеркивал, что «партийные предрассудки не могут иметь места, так как в разрешении проблемы торгового договора были заинтересованы каждая из договаривающихся сторон, защищающих каждая интересы своей нации... Заключив дружественные отношения с Россией, мы будем иметь открытый путь к славянскому миру»²⁶. Позднее в Москву был послан русский перевод другой речи Муссолини перед депутатами парламента. Ссылаясь на свои предыдущие «продолжительные беседы» в Риме с Красиным, дальнейшие переговоры с Воровским, затем с Иорданским, Муссолини отметил, что в их ходе были достигнуты хорошие результаты «и теперь будущие отношения между Россией и Италией являются секретом полицинея». Эти взаимоотношения, по оценке Муссолини, «являются превосходными». Договор о торговле и мореплавании был подписан 25 февраля 1924 г. и практически сразу же, 27 февраля утвержден итальянской, а 7 марта того же года советской стороной. Все препятствия к дальнейшему развитию были сняты, когда произошел обмен послами: 25 февраля 1924 г. свои верительные грамоты в Москве вручил первый итальянский посол в СССР граф Гаэтано Ди Манцони, а 27 марта в Риме первый полпред СССР в Итальянском королевстве К.К. Юренев (Кротовский)²⁷. Тем самым, заключенный между Италией и СССР договор и установление дипломатических отношений стали и личным достижением Маринотти и определенной победой «Чиче», получившей простор для дальнейших действий. Последние препятствия к широкому торговому обороту между двумя странами были сняты.

Договор привел к быстрому росту объема торгового оборота. За 9 месяцев 1924 г. экспорт из СССР в Италию возрос на 68%, импорт — на 22%, при этом экспорт превысил импорт более чем в 10 раз. Италия в 1924 г. занимала пятое место (4,1%) в общем экспорте СССР²⁸. Подавляющую часть советского экспорта в Италию (80%) в этот период составляли зерно, нефтепродукты, лесоматериалы, масло животное, жмыхи, семена, лен, яйца. Вместе с тем постепенно вывоз достиг значительных размеров почти исключительно за счет имевшихся больших запасов нефтепродуктов, в которых еще не ощущалась потребности на внутреннем российском рынке, а также традиционного для российско-итальянской торговли продукта — зерна. Советский импорт из Италии из-за все еще не преодоленной разрухи народного хозяйства и низкой покупательной способности на внутреннем рынке не мог развиваться так же интенсивно, как экспорт в Италию. Поначалу основными товарами экспорта из Италии в Советскую Россию были цитрусовые, шелковичная гrena, фрукты, кислоты, дубильные вещества, краски, продукты химии, суда и автомобили. Красин предостерегал итальянских предпринимателей от переоценки способностей российского рынка, предупреждая, что правительство вынуждено в целях оздоровления торгового баланса прибегать к протекционистским мерам и сокращать ввоз иностранных товаров²⁹.

Предостережения Красина базировались, очевидно, и на получаемой информации от Горчакова, который писал 16 февраля 1924 г.: «В последнее время крупнейшие итальянские фабрики и заводы обращаются в торгпредство с предложениями своих изделий. За неимением из Москвы заказов мы были вынуждены отклонять зачастую очень серьезные предложения и ссылаться преимущественно на неурегулированность политических взаимоотношений». С подписанием торгового договора положение существенно изменилось. Приходилось считаться с настроением деловых кругов, их надеждами на быстрое развитие торговых взаимоотношений в большом мас-

штабе. Некоторые отрасли промышленности в Италии достигли значительного развития и «в области машиностроения, электротехнических материалов, производства пряжи и приводных ремней, а также в авиационной, автомобильной и тракторной промышленности Италия успешно конкурирует с Англией и Германией»³⁰.

Что касается международного положения Италии, то в 1924—1928 гг., как отмечает историк Ди Нольфо, фашистское руководство сдерживало свои экспансионистские устремления и следовало курсом нормализации и расширения всесторонних связей со многими государствами. Заметные перемены произошли позднее. В первые годы фашистского режима внешняя политика отличалась относительной преемственностью. Муссолини, взявший на себя руководство министерством иностранных дел, оставил в его стенах старых дипломатов либеральной эпохи, и только потом заменил их на лично преданных ему новых функционеров³¹.

В одном из интервью в апреле 1926 г. Муссолини назвал итало-советские отношения сердечными. Торговые отношения между двумя странами, заявил он, развиваются успешно, невзирая на различие между их политическими системами³². В СССР не слишком доверяли подобным заявлениям фашистского диктатора и пристально следили за развитием внутриитальянских событий. Прибывший весной 1925 г. на смену К.К. Юреневу новый полпред СССР в Италии П.М. Керженцев поначалу, как и новый советский торговый представитель П.А. Юзбашев, встретил не слишком радушный прием властей в Риме. Но постепенно отношение фашистского руководства поменялось, и Муссолини при встречах с советским послом, оценивая положение Италии, мог себе позволить и откровения наподобие следующего: «Мы бедная страна, мы беднее вас (ведь у вас есть хлеб, уголь и нефть), мы беднее Германии, мы беднее даже Чехословакии. Капиталистические страны держат нас за горло. Америка может в любую минуту вызвать крах нашей лиры, стоит ей потребовать уплаты долга. Англия изгоняет из своей страны итальянцев, которые там работают в отелях и ресторанах, под предлогом безработицы. Лига Наций является орудием французской и английской политики»³³.

Постепенно деятельность «Чиче» стала восприниматься советской стороной как главное препятствие на пути дальнейшего расширения экономических связей двух стран. По мнению И.А. Хормач, целью компании «Чиче», в течение ряда лет причастной к развитию советско-итальянских отношений, было проникновение на внутренние рынки России и вытеснение с них англо-американских и французских конкурентов³⁴. Действуя практически монопольно, общество не давало возможности итальянским фирмам вступать в непосредственные контакты с советскими торговыми организациями. В 1923/1924 гг. патронировавшаяся «Чиче» доля в советском экспорте в Италию была ничтожна, а в импорте составляла 55%, но уже в 1925/1926 гг. она составила в экспорте — 8%, а в импорте — 90%³⁵. Поначалу сотрудничество с «Чиче» было выгодно СССР, содействуя закреплению на итальянском рынке советских товаров. Однако впоследствии, когда стали устанавливаться отношения внешнеторговых органов непосредственно с крупнейшими фирмами, такой альянс стал для НКВТ слишком обременительным. Советская монополия внешней торговли, за которой стояла вся мощь государственной машины, не потерпела монополии крупного внешнеторгового итальянского объединения, испытав на себе все «прелести» такой торговли. Попытки «Чиче» привлечь на свою сторону итальянские государственные структуры удавались лишь частично, главным образом тогда, когда интересы государства и компании полностью совпадали. Постепенно становилось все более ясным, что более слабая сторона должна в этой схватке уступить.

«Чиче» пользовалась полной поддержкой итальянских властей и лично премьер-министра и одновременно министра иностранных дел Муссолини. Она развивала торговые отношения с СССР, в которых были заинтересованы политические круги. Когда из-за предвидевшейся оппозиции и ожидавшегося немалого числа голосов «против» в связи с ратификацией советско-

итальянского торгового договора Муссолини был вынужден вмешаться в ход дискуссии в итальянском парламенте, он сумел так повести дело и манипулировать парламентской массой, что всего лишь восемь депутатов голосовали против ратификации. Об этом сам итальянский премьер-министр не без гордости и тщеславия сообщил во время приема 6 июня 1925 г. советскому полпреду. «Муссолини подчеркнул мне, с каким единодушием отнеслась палата к договору — ведь только восемь человек голосовало против», — передавал тот в Москву, сообщая любопытные подробности, характеризующие обстановку этой встречи с дуче. — «Он принял меня очень любезно в своем кабинете в палаццо Киджи в громадной комнате с какими-то средневековыми глобусами, складными монастырскими аналоями для книг, полной дыма от курения и от вспышек магнии: только что он снимался с представителями колоний»³⁶.

Зондируя почву, Керженцев спросил Муссолини, не считает ли тот, что «экономическая заинтересованность, связывающая Италию и Союз республик, может дать также основание для некоторой общности политики». «Да, да, конечно, — поспешил ответить Муссолини, — ведь нами уже составлен проект пакта из пяти или шести пунктов. Если Советское правительство хочет, мы можем сейчас же после окончания работы Палаты возобновить разговор на эту тему. С конца июня у меня будет много свободного времени для этого». Однако, по его мнению, нужны были конкретные пункты, которые «сейчас трудно наметить». Но поиск этих пунктов затянулся, и в дальнейшем у фашистского диктатора пропало желание заключить некий пакт с Советским Союзом.

На конкретный вопрос посла, присоединится ли Италия к возможной, готовившейся Лигой Наций дипломатической коалиции против большевиков, Муссолини ответил, заняв четкую позицию, которая не могла не понравиться Москве: «Я этому не верю, этого нельзя осуществить. Мы во всяком случае никогда не примем в ней участие. Я заявляю Вам, что вопреки газетным сведениям мне никто никогда не предлагал участвовать в какой-либо коалиции против Советского правительства». Муссолини добавил также что «он не ратифицировал парижского протокола о Бессарабии, хотя на него было оказано большое давление, в частности об этом говорил с ним наследный румынский принц в бытность его в Риме»³⁷.

Сообщая о ратификации парламентом торгового договора между СССР и Италией, советский полпред подчеркивал, что, как он и предполагал, эта ратификация «была в сущности пустейшей формальностью». Далее он резко критиковал деятельность «Чиче». «Промышленники, конечно, постарались использовать эту ратификацию, чтобы оказать на нас определенное давление, — подчеркивал Керженцев. — Главную роль в этом играла та же «Чиче». Вспомните, что Бенни, докладчик Трактатной комиссии, одновременно является заместителем председателя «Чиче». Таким образом «Чиче» использовала парламентскую комиссию и трибуну для агитации против нашей монополии внешней торговли, против Внешторга, притеснений, якобы чинимых нами иностранным коммерсантам в России и пр. и пр. Характерно, что одновременно «Чиче» посылает в Москву своего заправилу Маринотти, коммерческого атташе, фактически тоже агента «Чиче» Мариани, и эти господа, рассказывая в Москве об опасности, грозящей договору, добиваются новых закупок в Италии. Явившись сюда, Маринотти прямо заявляет Юзбашеву, что этот заказ носит чисто политический характер, так как, не будь его, договор не прошел бы». Как считал полпред, договору никакой опасности не грозило уже по одной той причине, что он был подписан самим Муссолини. «Чиче» лишь ловко использовала ситуацию, чтобы добиться заказа и при этом укрепить свое положение в Италии. Промышленники все чаще выступали против монополии «Чиче». Возражая заместителю наркома иностранных дел М.М. Литвинову и НКИД, считавшим, что «у нас нет никаких конкретных группировок, которые можно противопоставить «Чиче», Керженцев не без ехидства писал: «Конечно, если Москва будет давать заказ на 250.000.000

лир прямо «Чиче», то никаких группировок и нельзя будет создать....Как хотите, но я не могу признать это политикой, укрепляющей монополию внешней торговли или усиливающей авторитет Торгпредства, или избавляющей нас от злосчастной монополии «Чиче»³⁸.

Керженцев не раз остро критиковал действия торгпреда Юзбашева. «Юзбашев все время заявляет, — сообщает Керженцев, — что он борется против монополии «Чиче», но благодаря незнанию ни одного иностранного языка, он часто оказывается в весьма беспомощном положении, так, например, на этих днях беседы с представителем «Фиата» о концессии он вел через Маринотти. Правда, «Фиат» входит в «Чиче», но вопрос о концессии никакого отношения к «Чиче» не имеет, напротив, через концессию мы могли бы оторвать «Фиат» от «Чиче». Переговоры о концессии с «Сниа Вискоза» только случайно начались без посредничества «Чиче». Я сам начал разговор на эту тему с Гуалино. Но при дальнейших переговорах, несомненно, опять появится переводчик от «Чиче»³⁹.

Во время шестидневной поездки Керженцева из Рима на север страны он познакомился примерно с 45—50 промышленниками, финансистами и коммерсантами. Докладывая из Рима 29 июня 1925 г. «наркому НКИД тов. Чичерину» о результатах этой поездки, советский посол рассказывал о своем посещении вместе с Юзбашевым и Залкиндом в Милане завода «Фиат» и фабрики искусственного шелка «Сниа-Вискоза» в Турине, резиновой фабрики «Пирелли» в Милане и деревообрабатывающего завода в окрестностях Милана. На всех предприятиях советские дипломаты «были встречены их владельцами (сенатором Аньелли, Гуалино, Пирелли и Да Капитани), причем все они, кроме первого, сами показывали свои предприятия и давали все объяснения». Посол мог лично убедиться в том, «какие успехи сделала итальянская промышленность, особенно за последнее время». К тому времени, как замечает Р.Де Феличе, итальянские промышленники, Конфиндустрия были подмяты под себя фашистским режимом и все более переходили на позиции его поддержки⁴⁰.

Керженцев не без раздражения вынужден был признавать, что «Чиче» подменяет деятельность торгпредства. Вернувшись осенью 1925 г. из двухдневной поездки в Милан, посол доносил в Москву: «Удельный вес торгпредства в итальянских кругах абсолютно ничтожный. Общее впечатление, что «Чиче» продает и покупает для России, а в торгпредстве нет ни одного человека, с которым имеет смысл разговаривать». Но и советская сторона, не стесняясь, использовала «Чиче» в своих целях. Знаменательна в этом смысле история с предоставлением «Чиче» права реализации донецкого угля в Италии. Юзбашев писал 18 апреля 1925 г. Фрумкину: «С «Чиче» мы работаем крупно по другим операциям» [а не только по донецкому углю. — В.Л.], «мы вынуждены были связаться с «Чиче» очень тесно», так как «Чиче» помогает нам укрепляться на итальянском рынке и добиваться получения достаточно большого кредита (до двух лет)». «Чиче» зарегистрирована в СССР и имеет своих представителей в ряде наших городов. Ввиду большой зависимости «Чиче» от нас, ввиду того, что в любой момент состояние наших счетов с «Чиче» таково, что мы состоим у «Чиче» крупным должником (а не наоборот)... основной смысл договора, — переходил к сути дела Юзбашев, — заключается в том, чтобы при помощи «Чиче», имеющей крупные связи с местной промышленностью, внедрить наше донецкое топливо на итальянские заводы, выбивши оттуда английское и германское минеральное топливо»⁴¹.

О попытках освободиться от зависимости от «Чиче» шла речь в довольно подробном донесении Юзбашева от 25 августа 1925 года. «На ненормально большое место, которое заняло общество «Чиче» в нашем торговом обороте с Италией, я обратил внимание уже немедленно по вступлении в обязанности торгпреда СССР в Италии», — подчеркивал он. Во-первых, «Чиче» заняла несоразмерно большое место не в бытие наших экспортных товаров, а в нашем импорте товаров из Италии, а во-вторых, «Чиче» не представляет собой в действительности мощного концерна, объединяющего круп-

нейшие заводы Италии, так как капитал «Чиче» «сравнительно незначителен». «Чиче» заняла настолько крепкое положение, что пользовалась в Италии репутацией монопольного поставщика товаров в СССР, и некоторые фирмы, с которыми торгпред начал работать, вполне серьезно осведомлялись, действительно ли можно работать с СССР помимо «Чиче». В целях освобождения торгпредства от вынужденной зависимости от группы «Чиче» Юзбашев начал вести переговоры с другой группой, опирающейся на Комит. «Переговоры эти принимали уже конкретный характер и могли бы дать в результате значительные выгоды не только в смысле создания группы, противостоящей группе «Чиче» и конкурирующей с ней, но и в смысле лучших условий кредита, так как эта группа неизмеримо более крепкая в финансовом отношении, чем группа «Чиче»⁴².

Итальянская сторона защищала «Чиче» на государственном уровне, давление шло по дипломатическим каналам. Кратко резюмируя содержание беседы 15 июня 1926 г. с итальянским послом, Чичерин в направленной в тот же день в Италию телеграмме сообщал: «Манцони пришел ко мне главным образом по поводу регистрации Общества «Чиче». Он усиленно поддерживает возобновление регистрации и указывает на заинтересованность итальянских правящих кругов в этом деле и его громадное якобы значение для развития итало-советских экономических отношений». На уточняющий вопрос Чичерина посол ответил, что фашистское руководство весьма энергично ратует за «Чиче» и «устранение этого устоя наших экономических отношений» будет для него «большим ударом»⁴³. Манцони вручил Чичерину меморандум по поводу «Чиче». Нажим итальянского посла, за которым безусловно стояло фашистское правительство во главе с Муссолини, возымел действие, и в конечном итоге договор был продлен.

Твердая позиция некоторых советских руководителей, недовольных фактической монополией «Чиче» в советско-итальянских торговых отношениях, все же возымела действие на итальянские правящие круги. Когда Манцони в самом начале ноября 1925 г., оказавшись в Риме, нанес визит советскому послу, он, по сообщению Керженцева, занимал уже несколько другую позицию и заявил о сформировании «русско-итальянского общества, которое будет работать с нами и независимо от «Чиче». В него вошли крупные фирмы, во главе стоит депутат Алфиери». В беседе с Муссолини 17 ноября 1925 г. Керженцеву пришлось заявить, что «посредничество «Чиче» нам обходится чрезвычайно дорого. На одних автомобилях мы переплачиваем по несколько сот долларов за штуку. «Чиче» только комиссионное предприятие, но итальянские фирмы и итальянские банки не дают нам кредитов непосредственно, а только через «Чиче». Полпред считал такое положение совершенно ненормальным. Он надеялся, что вексели нашего Госбанка будут в ближайшее время учитываться банками Италии, без необходимой теперь жиро «Чиче», и что Торгпредство будет иметь со стороны итальянских банков непосредственные кредиты». Муссолини ответил Керженцеву, что «он считает такое непосредственное кредитование вполне возможным, и он лично является его сторонником». В конце беседы Муссолини просил Керженцева «представить какой-либо проект на эту тему»⁴⁴.

В донесении от 7 декабря 1925 г. полпред сообщал: «У меня был на днях депутат Алфиери, председатель общества «Сочир», который тоже начал кое-какие дела с нами, конкурируя с «Чиче». Все это происходило в обстановке, когда «Чиче» запугивала конкурентов, чувствуя себя хозяином в советском торгпредстве. В качестве конкурента «Чиче» работники торгпредства пытались выдвинуть и более мощную, чем «Сочир», группировку во главе с Комит. Полпред докладывал Литвинову 23 декабря 1925 г., что «вопрос о кредитах понемножку двигается вперед» и что он «получил письмо от директора «Банка коммерциале» Теплица, где тот писал, что Вольпи (новый министр финансов фашистского правительства. — В.Л.) подтвердил, что «правительство относится благожелательно к непосредственному кредитованию советских учреждений банками». «Кстати, «Чиче», — добавлял Керженцев, — про-

должает держать себя в высшей степени нагло. В своих проспектах и объявлениях она объявляет себя единственным монополистом по продаже угля в Италии»⁴⁵.

Ставший к тому времени заместителем наркома внешней торговли Л.Б. Красин сообщал 28 декабря 1926 г. «наркому тов. Цюрупе», что новый работник замторгпреда Александри, только что приступивший к изучению итальянских дел и столкнувшийся сразу же с «доминирующим в делах Итальянского торгпредства вопросом о фирме «Чиче», «подобно Керженцеву и Юзбашеву, характеризовавшим в своих письмах заключенный в Москве договор как форменную капитуляцию СССР перед этим итальянским обществом», также оценивает этот договор «почти как отказ наш от какой-либо самостоятельной роли в торговле с Италией». «Договор «Чиче», продолжает Красин, — был нам навязан свыше. Необходимо теперь употребить все усилия, чтобы добиться невозобновления этого договора и возвратить себе свободу оперативной работы в Италии»⁴⁶.

Между тем позиции фашизма в Италии укреплялись. Керженцев сообщал из Рима Литвинову (копии донесения среди других получили Сталин и Чичерин) 22 мая 1926 г., что «на этой неделе произошло великое событие, государство либеральное умерло и зародилось государство синдикальное» и что «Муссолини объявил об этом в специальном манифесте». Реально оценивая сложившуюся обстановку, советский посол признавал, что фашистское правительство приходит к мысли, что для него «консервативная Англия является наиболее надежным союзником и во внутренней, и во внешней политике. Италия убеждается также, что в области политической мы тоже для нее никакого интереса не представляем. Поэтому остаются почти что одни экономические интересы, на основе которых могут поддерживаться дружеские отношения между Италией и СССР». Но эти отношения находятся, по мнению посла, «все еще в начальном периоде». «И Наркомторг и Москва вообще без всяких оснований относились и относятся к итальянскому рынку пренебрежительно. ... Только на основе развитых и быстро развивающихся торговых отношений с Италией, мы сможем удержать наши дружеские отношения», заключал Керженцев⁴⁷.

Муссолини теперь все менее нуждался в своей внешней политике в сохранении прежнего уровня отношений с СССР. В одном из донесений из Рима заместителя посла А.М. Макара от 14 сентября 1925 г. содержалась констатация перемены «квази независимой политики» Италии (единственной страны-победительницы, недовольной Версальским договором) в отношении Советского Союза. Макар заключал, что торговый договор и признание СССР были осуществлены итальянским правительством против желания двора, правого буржуазного крыла фашизма и вопреки усилиям дипломатии Англии, Франции и других стран. «Начало охлаждения к Советскому Союзу... приняло почти неприличные формы», что происходит «до некоторой степени и за счет импрессионистского характера фашизма и их вождя»⁴⁸.

16 сентября 1926 г. Италия заключила с Румынией договор о дружбе и сердечном сотрудничестве, показав, что в споре вокруг занятой румынами в 1918 г. территории Бессарабии, ранее принадлежавшей Российской империи, она поддерживает скорее Румынию, чем СССР, и тем самым пошла на обострение отношений с СССР. Быстро нашелся и подходящий повод для оправдания такого поворота в итальянской внешней политике. Первоначальный отказ от перерегистрации «Чиче» (которая затем все же состоялась) и усиление антифашистской пропаганды были поданы фашистским правительством как недружелюбные акты СССР по отношению к Италии. «Полиция узнала, — заявил Муссолини, — что в миланском отделении советского торгпредства действовала секция «красной помощи», т.е. советское правительство не выполняет принятых на себя обязательств. Поэтому лучше пойти навстречу дружественному правительству Румынии, чем враждебно настроенному правительству СССР». Принявший Керженцева 12 сентября 1926 г. Муссолини предъявил ему претензии в отношении регистрации «Чиче» и

подрывной деятельности ячейки «красной помощи» при торгпредстве в Милане, пользующимся дипломатическим иммунитетом. Посол заявил, что, если отказ в регистрации «Чиче» может повлиять на советско-итальянские отношения, Москва пересмотрит свое решение. Вместе с тем он указал Муссолини на систему взяточничества, применявшуюся администрацией «Чиче» по отношению к советским служащим, в частности работникам Нефтьсиндиката. Муссолини был шокирован и заявил, что на перерегистрации настаивает не итальянское правительство, а промышленные круги, связанные с «Чиче»⁴⁹.

Подписание итало-румынского договора привело к значительному ухудшению советско-итальянских отношений, пострадали и советско-итальянские экономические связи. В декабре 1926 г. компания «Аджип» переориентировалась с советского на английский нефтяной рынок, начав переговоры с «Англо-Першн» и «Стандарт ойл»⁵⁰. Охлаждению отношений способствовала и неожиданная замена Керженцева новым послом Л.Б. Каменевым, отправленным в Италию по сути дела в ссылку в результате борьбы в советских «верхах», и не спешившим проявить себя в новой должности. Незадолго до отъезда в Италию 14 декабря 1926 г. Каменев произнес на пленуме Исполкома Коминтерна пламенную речь о мировой революции. В результате Муссолини принял его с известной холодностью. Вслед за сменой советского посла в Риме правительством Италии отозвало из Москвы графа Манцони, известного русофильскими взглядами, назначив на его место бывшего посланника в Пскине В. Черрути — консерватора и убежденного противника советской власти.

1927 год, когда Италия сблизилась не только с Румынией, но и с Англией, поддерживая ее антисоветскую политику, был переломным в отношениях между Италией и СССР. Ясно, что советскому руководству в период резкого обострения отношений между СССР и Англией вряд ли могла понравиться такая линия внешней политики Италии. Вместе с тем поступали сигналы о том, что в сфере торговых отношений Муссолини проявляет заинтересованность в сохранении их прежнего уровня и даже расширении за счет предоставившейся ниши, занимавшейся ранее Англией. Советская сторона была готова к такому повороту, ставя, однако, Италию лишь на второе после Германии место. Так, в сообщении Литвинова полпреду СССР в Германии Н.Н. Крестинскому от 30 мая 1927 г., в частности, отмечалось: «Относительно Италии я говорил, что Муссолини чрезвычайно интересуется усилением торговых связей с СССР и стремится теперь получить у нас на свою долю часть той торговли, которая велась нами раньше с Англией. Эта торговля будет, конечно, распределена между другими государствами; львиная доля, конечно, достанется Германии, но кое что перепадет и Италии»⁵¹.

Торгово-экономические связи продолжали играть определяющую роль в советско-итальянском сотрудничестве. Но в связи с приближением срока продления или денонсации торгового договора — 22 сентября 1926 г., подверглась критике диспропорция в торговом балансе. К моменту продления договора в СССР постарались выровнять создавшийся дисбаланс. Что касается общей структуры экспорта-импорта между Италией и СССР, то в середине 20-х годов основным экспортным товаром в Италию вновь стала пшеница. Объем вывоза хлеба из СССР в 1925—1926 гг. восстановился и составил 25% экспорта. Доля Италии в закупке советской пшеницы составила 26,6%. Возраставшая потребность Италии в нефти и нефтепродуктах поставила их на второе место в советском экспорте. В 1926 г. Италия закупила в СССР значительное количество сырой нефти — 57% общей суммы ее экспорта из Советского Союза, при этом в основном вывозился мазут для снабжения итальянского военного и торгового флота. За полгода до окончания срока действия торгового договора морское министерство Италии заключило договоры с «Союзнефтеэкспортом» на поставку 55 тыс. т мазута в год и с фирмой «РОМС» на поставку 12 тыс. т керосина. Важной статьей экспорта в Италию оставались коконы. В 1925 г. из СССР в Италию было вывезено 60% общего их экспорта, а в 1926 г. уже 92%. В менее выгодных условиях нахо-

дился экспорт угля, в том числе антрацита, из-за сильной конкуренции занимавших первое и второе места Англии и Германии, однако с 1925 г. эти виды топлива поставлялись и из СССР. Советский Союз пытался расширить торговый обмен с Италией также за счет экспорта леса, и в 1926 г. в Италию было вывезено в 2 раза больше древесины, чем в 1925 г., причем по очень низким ценам. Тенденция продаж по демпинговым ценам становилась все более заметной. Кроме названных продуктов небольшими партиями продавалась марганцевая и железная руда, железный лом, кожи, конский волос, семена, ковры, самоцветы и прочее. Чтобы избежать неприятностей, советские торговые органы должны были в целях уравнивания уделять внимание импорту из Италии. В его организации важная роль по-прежнему принадлежала обществу «Чиче», которое, по мнению Хормач, «не столько помогало, сколько вредило торговле»⁵². Большое влияние на руководство «Чиче» при этом оказывали владельцы плантаций цитрусовых итальянского Юга и магнаты текстильной промышленности Севера.

Здесь, конечно, можно возразить против столь категорических выводов, напомнив, что «Чиче» сыграла важную роль в советско-итальянской торговле 20-х годов, а также и о том, что номенклатура товаров согласовывалась с советской стороной. Продукция текстильной промышленности экспортировалась при прямом участии хорошо знакомого с потребностями русского рынка Маринотти, а цитрусовые входили в традиционный импорт. Начавшийся в начале века и продолжавшийся в годы первой мировой войны импорт из Италии высокотехнологических изделий современной машиностроительной индустрии — подводных лодок, автомобилей, оружия (не всегда успешный, как показывает история 1915—1916 гг. с винтовками Веттерли, забракованными российскими военными) и т.д. был прерван в период революции 1917 г. и гражданской войны и не возобновлялся в существенных объемах на протяжении всего XX века. Знаменитая «сделка века» — соглашение с итальянской фирмой «Фиат» о строительстве автомобильного завода в Ставрополе на Волге, получившем впоследствии имя Тольятти, было заключено лишь в середине 60-х годов.

Противовесом засилью «Чиче» в СССР стало предоставление концессий другим компаниям, как сугубо итальянским, так и смешанным, что особо приветствовалось советской стороной, так как служило привлечению в развивающуюся советскую экономику необходимых ей иностранных капиталов и кредитов, передаче иностранного опыта отечественным специалистам. Важнейшей среди предоставленных итальянским предпринимателям концессий оставалась основанная в 1924 г., приносившая немалые выгоды Италии итало-русская транспортная компания транзитной торговли Иртранс (срок ее действия был продлен в 1926 г.), занимавшаяся торговлей Италией с Ираном. Конкуренты Италии в Европе настороженно отнеслись к установлению и использованию этого пути в Азию для экспорта итальянских товаров и импорта продукции из Ирана. Предоставление Италии транзита через Кавказ в Персию ведущая деловая германская газета связывала и с русско-итальянской угольной сделкой, согласно которой Россия предоставляет Италии 500 тыс. т угля, а итальянский капитал примет участие в увеличении продукции Донецкого района. Комментируя создание Иртранса, газета констатировала, что «если эта акция увенчается успехом..., то Германия опять останется не при чем. ... Главный доступ к важному персидскому рынку будет с юга контролироваться Англией, а с севера Италией и Францией»⁵³. Кроме Иртранса в СССР имелись и другие крупные концессионные предприятия с итальянским участием, например, Итало-бельгийское горнопромышленное общество, пароходное общество «Сервици маритtimi».

Торговый договор СССР с Италией высоко оценивался итальянской стороной. Советское руководство также положительно оценивало рост советского экспорта в Италию, хорошо осознавая политическое значение двусторонних торгово-экономических отношений⁵⁴. После того, как обе стороны осенью 1926 г. не воспользовались правом денонсации, договор остался в

силе, что способствовало дальнейшему развитию экономических отношений между двумя странами. Однако фактическая монополия «Чиче» все больше сталкивалась с монополией внешней торговли Советской России, и исход этой борьбы был вполне предсказуем. Противодействие советской стороны в конечном счете подорвало позиции компании. 1926/1927 год стал первым годом работы советского посольства в Риме без посреднических услуг «Чиче». Стабилизации итало-советских отношений способствовали действия нового полпреда в Риме Д.И. Курского, сменившего 6 февраля 1928 г. на этом посту Каменева. В 1928 г. между СССР и Италией установились отношения, которые Литвинов характеризовал как пример возможности существования нормальных и корректных отношений между государствами, несмотря на различие социально-политических систем. На повестке дня продолжал оставаться вопрос потенциального заключения договора о ненападении и нейтралитете. Ожила надежда на проведение переговоров и успешное их завершение. Эта надежда не оправдалась, несмотря на делавшиеся итальянскими официальными лицами в 1929 г. заявления о том, что в будущей империалистической войне, если СССР окажется в нее вовлечен, они видят в одном лагере Италию, Германию и СССР. Об этом в июле 1929 г. заявил Курскому влиятельный и близкий к Муссолини глава отдела печати МИД Италии Ферретти, это же утверждали высшие итальянские военно-морские чины во время посещения Неаполя советскими военными кораблями в сентябре 1929 года. Неразрешимые итало-французские противоречия, писал Курский заместителю наркома НКВД Л.М. Карахану 21 июля 1929 г., обусловили безрезультатность двухгодичных переговоров между Италией и Францией о заключении пакта о дружбе и ненападении, и это подталкивает Италию к урегулированию отношений с восточными государствами⁵⁵.

Торговый баланс постепенно выравнивался. В 1927/1928 г. экспорт из СССР в Италию составил 73,7%, импорт 26,3%. Сумма экспорта по сравнению с 1926/1927 г. сократилась на 31,5%, а импорта увеличилась на 194,4%. Экспорт был сокращен главным образом за счет хлебопродуктов в связи с общим сокращением их вывоза из СССР в 1927/1928 г. в 4 раза, а пшеницы более чем в 10 раз. В остальном экспорт в Италию оставался прежним и львиная доля в нем принадлежала нефтепродуктам. Значительно вырос экспорт в Италию каменного угля и железной руды. Импорт из Италии был традиционным: цитрусовые, сера, пряности, кофе, какао, кислоты, обувь, кожаные изделия, продукция химической промышленности. Незначительно увеличилась закупка автомобилей и станков. Отчитываясь за проделанные торговые операции за пятилетний период 1925—1929 гг., советское торгпредство могло с удовлетворением констатировать: «С каждым годом Италия начинает играть все большую роль в экспорте и импорте нашего Союза и с каждым годом мы неуклонно развиваем свои операции по импорту и экспорту в Италию». Вместе с тем признавалось, что торговый баланс с Италией «остается для последней резко пассивным, что вызывает недовольство в промышленных, финансовых и правительственных кругах». Поэтому СССР необходимо либо искусственно снижать экспорт, либо идти по пути дальнейшего расширения экспортных операций, увеличивая одновременно закупки в Италии⁵⁶. В 1931 г. известный итальянский эксперт В. Гайда сетовал на «пассивность торгового баланса Италии» в товарообмене с СССР, «неравенство в условиях платежа»⁵⁷.

Мировой экономической кризис подорвал надежды на значительное расширение итало-советских торгово-экономических связей. Народное хозяйство Италии понесло крупные потери: с 1929 по 1932 гг. объем промышленного производства сократился на одну треть. Это отразилось и на внешней торговле. Итальянский экспорт уменьшился за три года более чем в два раза, импорт сократился в 2,7 раза. Началась ревизия внешнеторговой политики, приведшая к возобладанию тенденции к автаркии. В ходе этой ревизии была вынуждена прекратить свою деятельность и специализировавшаяся на русском рынке компания «Чиче». Результаты ее деятельности были изложе-

ны в отчете, который Маринотти вручил Муссолини во время своего посещения фашистского диктатора 19 июля 1933 года. Потери итальянского народного хозяйства из-за мирового экономического кризиса могли быть отчасти компенсированы путем расширения сотрудничества с Советским Союзом. Индустриализация в СССР предоставляла возможности загрузить итальянские предприятия судостроительной, машиностроительной, химической, военной отраслей промышленности советскими заказами, а также направить в страну итальянских специалистов. Муссолини заявил о обязательных гарантиях итальянским фирмам и распорядился поручить кредитование «Банка ди Рома». 2 августа 1930 г. было подписано соглашение о закупках СССР в течение ближайшего года продукции итальянской промышленности на сумму 200 млн лир с оплатой в рассрочку. Предполагалось покупать весьма широкую номенклатуру товаров: суда, торговое оборудование, подшипники, оборудование для металлургической, химической и горнодобывающей промышленности, электрооборудование, автотранспорт, тракторы, самолеты, авиамоторы, измерительные приборы, оптику, металлы, продукты химической промышленности, удобрения. В этом ряду находились изделия военной промышленности: самолеты, моторы, пушки. Италия не приняла участия в начатой по американской инициативе летом 1930 г. кампании по дискриминации советских товаров из-за занижения их стоимости. По мнению итальянского руководства, затея создать международный фронт против советского демпинга потерпела крах благодаря Италии и Германии. Оно высказалось за развитие взаимовыгодных итало-советских отношений, «независимо от политических страстей»⁵⁸.

В 30-е годы эти отношения, в которых были заинтересованы обе страны, невзирая на все более выявлявшиеся политические противоречия, продолжали поддерживаться. Но изменившаяся международная обстановка, становившаяся все более агрессивной политика итальянского фашизма, не способствовали их развитию. Удар по ним нанесла разразившаяся в 1939 г. вторая мировая война, во время которой СССР и Италия оказались в противоположных, воевавших друг с другом коалициях. Установившиеся в последнее время между Италией и Россией дружественные отношения имеют под собой прочный исторический фундамент, в построение которого компания «Чиче» несмотря на всю противоречивость оценок ее деятельности, внесла заметный вклад.

Примечания

1. См. ХАММЕР А. Мой век — двадцатый. Пути и встречи. М. 1988.
2. PETRACCHI GIORGIO. Diplomazia di guerra e rivoluzione: Italia e Russia dall'ottobre 1916 al maggio 1917. Bologna. 1974; ejusd. La Russia rivoluzionaria nella politica italiana 1917/25. Roma—Bari. 1982; ejusd. Russia 1920. Missione segreta a Mosca. — Affari Esteri, Roma, 1989, a.31, № 84, p. 3—16; ejusd. L'URSS senza miti: la visione diplomatica. — Storia delle relazioni internazionali. Firenze. 1989, a.5, N 2, p. 181—220; ejusd. Da San Pietroburgo a Mosca: La diplomazia italiana in Russia 1861/1941. Roma. 1993; ХОРМАЧ И.А. Отношения между Советским государством и Италией, 1917—1924 гг. М. 1993; ее же. СССР—Италия, 1924—1939 гг. (дипломатические и экономические отношения). М. 1995. Далее ссылки на эти работы даются по году их выпуска.
3. PETRACCHI G. (1982), p. 207—208, 210; ХОРМАЧ И.А. (1993), с. 57—58, 178—179.
4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 413, оп. 2, д. 1537, л. 1.
5. Там же, л. 113, 113 об., 114.
6. Там же, л. 84—85.
7. Там же, л. 13, 13 об.; там же, оп. 5, д. 1400, л. 7—9, 124—125, итальянский вариант — л. 126—127; там же, д. 1399, л. 24 об.
8. См.: PETRACCHI G. (1982), p. 192; ХОРМАЧ И.А. (1993), с. 49; РГАЭ, ф. 413, оп. 3, д. 412, л. 1—13.
9. РГАЭ, ф. 413, оп. 2, д. 1537, л. 60.
10. PETRACCHI G. (1982), p. 133, 146.
11. РГАЭ, ф. 413, оп. 3, д. 141, л. 6, 52.

12. Документы внешней политики СССР (ДВП). Т. 5. М. 1961, с. 648—650; Международная политика РСФСР в 1922 г.: Отчет Народного комиссариата по иностранным делам. М. 1923, с. 29; I Documenti Diplomatici Italiani (DDI). Ser. 7. (1922—1935). Vol. 1. Roma. 1954, p. 216—217; PIZZIGALLO M. Mediterraneo e Russia nella politica italiana (1922—1924). Milano. 1983, p. 216—217; ХОРМАЧ И.А. (1993), с. 124—125, 189.
13. РГАЭ, ф. 413, оп. 2, д. 1537, л. 17. См. также: ДВП. Т. 5, с. 687—689.
14. См. ДВП. Т. 7. М. 1963, с. 68—92. Подготовительные материалы к заключению договора и таможенной конвенции между Италией и СССР с исправлениями и замечаниями с российской стороны см.: РГАЭ, ф. 413, оп. 5, д. 1395а. Текст был опубликован в журнале Внешняя торговля, М. 1924, № 12—13. Приложение № 12.
15. Подробнее см.: ХОРМАЧ И.А. (1993), с. 150—164; ее же. (1995), с. 12—13.
16. PETRACCHI G. (1982), p. 211—212, 334. Archivio Centrale dello Stato (ACS), Segreteria particolare del Duce, Carteggio riservato, b. 98, fasc. X/R, s. fasc. 7.
17. ALATRI P. Le forze politiche ed economiche italiane di fronte alla conferenza di Genova. — La Conferenza di Genova e il trattato di Rapallo 1922. Roma. 1974, p. 80—93.
18. Капитал крупнейших итальянских банков в лирах составлял: Banca d'Italia — 180 млн, Banca Commerciale Italiana — 156 млн, Credito italiano — 100 млн, Banca di Roma — 75 млн, Banca italiana di Sconto — 70 млн. — РГАЭ, ф. 413, оп. 5, л. 13.
19. PETRACCHI G. (1982), p. 212—213.
20. ACS, Carte Morgari, b. 15, fasc. 31, Corrispondenza 1917—1923, segnalazione 4 per una «Fiat-Sovjet»; PETRACCHI G. (1982), p. 213—215, 335.
21. Archives de Ministère des Affaires Etrangères, Paris. — Europe, 1918—1929, Italie. Politique étrangère. Relations avec la Russie, b. 122, p. 64, 22 dec. 1922; Corriere della sera, 6.XII.1922; Avanti!, 6.XII.1922; Times, 6.XII.1922; Morning Post, 8.XII.1922; New York Times, 6.XII.1922; Temps, 6.XII.1922; Известия ВЦИК, 10.XII.1922.; PETRACCHI G. (1982), p. 340; ХОРМАЧ И.А. (1993), с. 126—127, 190.
22. Борьба вокруг заключения этого, имевшее большое значение для двух стран договора, подробно отражена в ряде донесений посла России в Риме Н.В. Муравьева министру иностранных дел А.П. Извольскому. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 133 (Канцелярия МИД), оп. 470, 1907 год, д. 109, л. 49, 113 об., 165—166 и др.; PETRACCHI G. (1982), p. 235.
23. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 082, оп. 10, п. 27, д. 2, л. 2, 3.
24. Горчаков сообщал наркому Красину: «Помимо хлеба мы экспортируем в Италию нефтепродукты, уголь, руду, коконы, конский волос и другие продукты, можно считать, что в будущем году торговый оборот достигнет 700 млн итальянских лир или 65 млн золотых рублей. Естественно, что эта цифра может значительно пасть, если мы не доставим достаточно большого количества хлеба» (РГАЭ, ф. 413, оп. 3, д. 1677, л. 17). Из-за неурожая и неурядиц в сельском хозяйстве при коллективизации доля зерна в советском экспорте в Италию падала и на главное место выдвигалась нефть и нефтепродукты.
25. PETRACCHI G. (1982), p. 242—243.
26. РГАЭ, ф. 413, оп. 5, д. 1397, л. 96—101.
27. О предыстории установления отношений и заключения торгового договора см. PETRACCHI G. (1982), p. 243—250; ХОРМАЧ И.А. (1993), с. 145—157; ее же (1995), с. 12—13.
28. См. об этом опубликованные статистические материалы 20-х годов: Внешняя торговля, 1924, № 6—7, 11, 14; Внешняя торговля СССР за 10 лет. М. 1928; Внешняя торговля СССР за 20 лет, 1918—1937. М. 1939; ХОРМАЧ И.А. (1995), с. 15—16, 255—256. Из неопубликованных документов, касающихся дальнейшей статистики советско-итальянской торговли, можно указать такие хранящиеся в РГАЭ составленные НКВТ и входящим в его структуру советским торгпредством в Италии материалы, как, например: ф. 5240, оп. 19, д. 295 (Отчет Наркомторга о выполнении экспортно-импортного плана за 1926/1927 гг.), д. 402, 403, 592—596 (Статистические данные из отчетов Торгпредства в Италии за период до 1930 г.).
29. КРАСИН Л.Б. Вопросы внешней торговли. М. 1928, с. 286.
30. РГАЭ, ф. 413, оп. 3, д. 1501, л. 10.
31. DI NOLFO E. Mussolini e la politica estera italiana. Padova. 1960, p. 101; SAIU L. La politica estera italiana dall'Unità a oggi. Roma—Bari. 1999, p. 89, 96—97.
32. Voce repubblicana, 14.IV.1926; ХОРМАЧ И.А. (1995), с. 49, 260.
33. АВП РФ, ф. 098, оп. 8, п. 111, д. 143, л. 124.
34. ХОРМАЧ И.А. (1995), с. 17—18.
35. АВП РФ, ф. 566, оп. 17, д. 7, л. 203—204; РГАЭ, ф. 413, оп. 3, д. 1954, л. 145; ХОРМАЧ И.А. (1995), с. 18.
36. АВП РФ, ф. 098, оп. 8, п. 111, д. 143, л. 125.
37. Там же, л. 124.
38. Там же, л. 120—122.
39. Там же, л. 135.

40. Там же, л. 139; DE FELICE R. *Mussolini il fascista. Vol. II. L'organizzazione dello Stato fascista, 1925—1929.* Torino. 1968, p. 265—275.
41. АВП РФ, ф. 098, оп. 8, п. 111, д. 143, л. 228; РГАЭ, ф. 413, оп. 3, д. 1954, л. 197—198.
42. РГАЭ, ф. 413, оп. 3, д. 1954, л. 102—103.
43. Там же, оп. 5, д. 1397, л. 81.
44. АВП РФ, ф. 098, оп. 8, п. 111, д. 143, л. 192; РГАЭ, ф. 413, оп. 3, д. 1954, л. 35—36.
45. АВП РФ, ф. 098, оп. 8, п. 111, д. 143, л. 229, 243.
46. РГАЭ, ф. 413, оп. 3, д. 1954, л. 33.
47. РГАЭ, ф. 413, оп. 5, д. 1397, л. 18—19.
48. АВП РФ, ф. 098, оп. 8, п. 111, д. 143, л. 181—183.
49. DDI, Ser. 7. Vol. 4, p. 314—315; ХОРМАЧ И.А. (1995), с. 57, 261; АВП РФ, ф. 082, оп. 7, д. 197, л. 146—148; ХОРМАЧ И.А. (1995), с. 58, 261.
50. ХОРМАЧ И.А. (1995), с. 61.
51. АВП РФ, ф. 082, оп. 10, д. 2, п. 27, л. 15; ХОРМАЧ И.А. (1995), с. 62.
52. *Внешняя торговля*, 1926, № 18, с. 11—12; РГАЭ, ф. 413, оп. 5, д. 1397, л. 81, 94; АВП РФ, ф. 566, оп. 17, д. 11, л. 113; д. 7, л. 204; АВП РФ, ф. 098, оп. 8, д. 243, л. 85, 105, 106; ХОРМАЧ И.А. (1995), с. 49—51, 282.
53. *Industrie und Handelszeitung*, 12.VIII.1925; Согласно Учредительному акту компании Иртрале от 30 мая 1924 г. «Ичче» занимала 4-е место среди учредителей после крупнейших итальянских банков — «Банка коммерциале» и «Банка ди кредито» и мощной транспортной компании «Ллойд триестино». Остальными акционерами с равным количеством акций и капитала стали торгпредство СССР (Юзбашев), Дж. Гавацци, Общество «Пирелли», сенатор Борлетти и Дж. Сильвестри. РГАЭ, ф. 413, оп. 5, д. 1399, л. 24—26, 27—31, 33—35.
54. ХОРМАЧ И.А. (1995), с. 66.
55. АВП РФ, ф. 098, оп. 12, д. 362; CAROCCI G. *La politica estera dell'Italia fascista (1925—1929).* Bari. 1969, p. 113—114; ХОРМАЧ И.А. (1995), с. 91, 266.
56. РГАЭ, ф. 5240, оп. 19, д. 403, л. 4.
57. Там же, ф. 413, оп. 13, д. 76, л. 88—90.
58. *Regime fascista*, 17.X.1930; ХОРМАЧ И.А. (1995), с. 104, 267.

Дмитрий Николаевич Сенявин

А.Г. Сацкий

В плеяде известных российских адмиралов есть два имени флотоводцев с большой буквы — Ф.Ф. Ушаков и Д.Н. Сенявин. Сложилось так, что почти все крупные победы российского флота — Чесма, Наварин, Синоп — являлись операциями по уничтожению вражеских эскадр, заблокированных на своих базах и лишенных возможности маневра. И только Ушаков и Сенявин выиграли сражения в открытом море, что расценивается специалистами как высшее проявление военно-морского искусства. Вершиной флотоводческого таланта Ушакова считается битва при Калиакре, для Сенявина же это Афонское сражение. По грамотности замысла, четкости реализации и блестящему результату последнее является классическим образцом битвы парусных флотов и с полным правом может быть отнесено к высшему достижению отечественной военно-морской мысли. Однако негативные итоги сенявинской средиземноморской экспедиции, обусловленные политическими обстоятельствами, и последовавшая затем опала Сенявина, приверженность правительственных кругов в первой четверти XIX в. континентальной доктрине и недооценка роли и значения флота, стали причиной если не забвения, то умаления заслуг одного из талантливейших адмиралов российского флота.

Фамилия Сенявины появилась в российском флоте почти одновременно с созданием регулярных военно-морских сил Петром I. Братья Сенявины: Иван, Наум и Ульян Акимовичи входили в первую немногочисленную группу русских дворян, начавших осваивать морское искусство в конце XVII века. Двое из них, пройдя все ступени нелегкой службы в петровском флоте, начиная с матросов, достигли высоких чинов: Иван Акимович стал контр-адмиралом, а Наум Акимович — вице-адмиралом. Еще выше поднялся по служебной леснице младший сын последнего — Алексей Наумович Сенявин — полный адмирал, создатель и главнокомандующий Азовской флотилии, член Адмиралтейств-совета. У него в должности генеральс-адыютанта служил его двоюродный брат Николай Сенявин, отец кадетов Сергея и Дмитрия, владелец небольшого родового имения Комлево в Калужской губернии, где 6 августа 1763 г. и родился наш герой. Служба отца вдали от дома переложила все заботы по управлению имением и воспитанию детей на плечи матери. Основам грамоты Дмитрия поначалу учил приходской священник, затем недолгое время обучение продолжалось при школе кантонистов в уездном

Сацкий Анатолий Григорьевич — кандидат технических наук. Украинский государственный морской технический университет.

городке Боровске. На девятом году жизни его пытались определить в сухопутный кадетский корпус. А через год Николай Сенявин по совету Алексея Наумовича поместил сына в Морской корпус. Это произошло в феврале 1773 года.

В 1780 г. начались итоговые экзамены. Дмитрий Сенявин сдал их весьма успешно, заняв четвертое место в списке из 46 выпускников¹. Указ о производстве в мичманы был подписан 1 мая. Каждый из выпускников получил на экипировку по 20 руб. и отрез сукна на мундир, с последующим вычетом этих денег и стоимости материи из 120-рублевого годового жалования. По случаю производства в мичманы двоюродный дядя Сенявина, Алексей Наумович, подарил ему 25 рублей.

В конце февраля 1780 г. Россия объявила воюющим странам — Англии, Франции и Испании о введении правил о вооруженном нейтралитете, призванных обезопасить морскую торговлю нейтральных государств². Для поддержания принципов свободы мореплавания в поход были назначены три балтийские эскадры: одна в Средиземное море, другая в северные воды, и третья, под командованием бригадира Н.Л. Палибина, к берегам Португалии³. В состав последней входил линейный корабль «Кн. Владимир», на который был определен мичман Сенявин. В середине июня эскадра снялась с якорей и пошла в Атлантику. С приближением осени эскадра Палибина в соответствии с имевшимися инструкциями взяла обратный курс к балтийским портам. Однако противные ветры упорно удерживали суда в океане. Отчаявшись вернуться до зимы в свои гавани, совет командиров решил направить корабли в нейтральный Лиссабон. Зиму эскадра провела на реке Тежу под стенами португальской столицы. Едва ли не ежедневные обеды и балы у богатых негочинтов, иностранных дипломатов и португальских вельмож, ответные приемы на флагманском «Иезекииле» не позволяли скучать русским офицерам. Сенявин писал в воспоминаниях: «Я был тогда на 18-м году и резв до беспамятства». Причем «резв» до такой степени, что командующий эскадрой, близко знавший отца и дядей Сенявина, и поэтому опекавший его, предупредил, что «если ты не перестанешь беситься, я право отдеру тебя на обе корки». Палибин, относившийся к Сенявину, как к родному сыну, постоянно брал его с собой на приемы и балы. В ту зиму Сенявин близко познакомился с флаг-офицером Палибина — своим будущим покровителем и начальником капитан-лейтенантом Н.С. Мордвиновым. Прошли зима и большая часть весны, пришло время возвращаться на Балтику. Сенявин покидал Лиссабон в душевном смятении, едва-ли не со слезами, расставаясь со своей первой любовью — пятнадцатилетней англичанкой Нэнси Плиус, с которой ему доведется еще встретиться здесь же спустя 28 лет.

На кампанию следующего, 1782 г. Сенявина определили на эскадру, назначенную для похода в Средиземное море. Он уже находился на борту корабля «Америка», когда получил предписание Адмиралтейств-коллегии о переводе в числе 15 мичманов выпуска 1780 г. в Азовскую флотилию. Прибыв в Петербург для получения проездных документов, Сенявин побывал и у своего знаменитого дяди. Алексей Наумович спросил племянника, где тот хотел бы служить и услышал в ответ, что «батюшка приказал мне служить, и мне все равно там или здесь»⁴. Получив для препровождения на Азовское море команду из 12 матросов и унтер-офицера, Сенявин отправился на ямских подводах через Москву в Таганрог. По пути он заехал повидаться с родными в село Комлево.

Из Таганрога молодых офицеров отправили в Керчь — базу Азовской флотилии. Там Сенявин получил назначение на корабль «Хотин», где находился командующий флотилией бригадир Т.Г. Козлянинов. «Хотин» перевозил в Петровскую крепость крымского хана Шагин-Гирея с сопровождавшими его мурзами. Прощаясь с экипажем, хан одарил офицеров: Сенявин получил серебряные часы. Из Петровской крепости «Хотин» вернулся в Керчь, а затем перешел в Кафу. В корабле обнаружилась сильная течь, и он возвратился для ремонта в Керчь. Здесь находился пришедший

накануне из Таганрога новый 32-пушечный фрегат «Крым». Козлянинов переехал на фрегат, взяв с собой и Сенявина. Вскоре «Крым» бросил якорь на феодосийском рейде. Офицеры часто ездили на берег, не обращая внимания на слухи о появившейся в городе чуме. Первый больной обнаружился на фрегате 1 ноября. Козлянинов отправил «Крым» в Керченский пролив. Там, вдали от города, экипаж разбил на берегу лазарет, но болезнь унесла 18 человек ⁵.

1 января 1783 г. Сенявин был произведен в лейтенанты. В начале апреля из Петербурга в Керчь прибыли вице-адмирал Ф.А. Клокачев, назначенный главнокомандующим флота на Азовском и Черном морях, и контр-адмирал Т. Макензи. Манифестом от 8 апреля Россия объявила о включении Крымского ханства в состав империи, в результате чего российские морские силы получили Ахтиарскую бухту для базирования. Генерал-губернатор Новороссии князь Г.А. Потемкин приказал Азовской флотилии передислоцироваться в Ахтиар. 2 мая суда флотилии бросили якоря в будущей главной базе Черноморского флота. 8 мая Клокачев по распоряжению Потемкина отбыл в Херсон, чтобы возглавить Черноморское ведомство, поручив эскадру Макензи. Контр-адмирал назначил Сенявина своим флаг-офицером и адъютантом. Если судить по тому, что Сенявин позволял себе отдавать общие распоряжения по эскадре за спиной командующего, он пользовался практически неограниченным доверием Макензи.

В конце мая пришло распоряжение Клокачева о создании в Ахтиаре военного порта. Следовало приступить к постройке пристаней, казарм, сараев для хранения судового имущества, флигелей для жилья офицеров. Сенявину, как помощнику командующего, приходилось заниматься хозяйственно-бытовыми, строительными, снабженческими вопросами ⁶. Из камня, доставлявшегося матросами из развалин расположенного поблизости древнегреческого Херсонеса, строились часовня, дом для Макензи, пристань и кузница.

В октябре 1783 г. от чумы умер Клокачев. Из столицы прибыл новый командующий вице-адмирал Я.Ф. Сухотин. Черноморский флот и военный порт в Ахтиаре продолжали строиться. Г.А. Потемкин избрал для зарождающегося города греческое имя Севастополь, которое и было утверждено Екатериной II в начале 1784 года ⁷.

Зимние месяцы в Севастополе, как вспоминал Сенявин, проходили довольно весело. Макензи отвел большой склад под благородное собрание, где трижды в неделю собиралось общество, преимущественно офицеры. В воскресные и праздничные дни Макензи устраивал приемы в своем доме. В свободные дни общество отправлялось на охоту или на рыбалку. Всюду контр-адмирал Макензи являлся со своим флаг-офицером. Несколько раз в Севастополь приезжал Потемкин. «Я всегда назначался к нему в ординарцы, — вспоминал Сенявин, — он часто по многому спрашивал меня, я угождал ему ответами и тем нравился ему» ⁸.

В кампанию 1785 г. в море вышла эскадра, состоявшая из 66-пушечной «Славы Екатерины» и шести 32-пушечных азовских фрегатов. «Крыма», в команде которого продолжал числиться Сенявин, среди них не было. Осенью севастопольская эскадра пополнилась линейным кораблем «Св. Павел», которым командовал капитан 1 ранга Ф.Ф. Ушаков, 54-пушечным фрегатом «Св. Георгий» и 66-пушечной «Марией Магдалиной». Этот год ознаменовался радикальными переменами в управлении Черноморским ведомством, перешедшим из ведения Государственной адмиралтейской коллегии в полное подчинение Потемкину. Для руководства ведомством было организовано Черноморское адмиралтейское правление ⁹. Вице-адмирал Сухотин отбыл на Балтику, передав дела старшему члену правления капитану 1 ранга Н.С. Мордвинову. В начале января 1786 г. скоропостижно скончался контр-адмирал Макензи. По распоряжению Потемкина в командование эскадрой вступил М.И. Войнович, оставивший Сенявина в прежней должности флаг-офицера.

Весной 1786 г. Сенявин заболел крымской лихорадкой. Войнович, с участием относившийся к здоровью своего флаг-офицера, летом назначил его командиром бота «Карабут», ходившего под почтовым флагом в Констан-

тинополь с депешами к российскому посланнику при Оттоманской Порте Я.И. Булгакову. Командующий надеялся, что смена климата положительно скажется на состоянии здоровья Сенявина. Более чем месячная задержка в Босфоре действительно излечила его от малярии ¹⁰.

В первой половине 1787 г. происходило знаменитое путешествие Екатерины II в Новороссию. Главным подарком, который Потемкин намеревался преподнести императрице, являлся Черноморский флот. Немалая доля забот легла на плечи Сенявина как помощника командующего. Судя по мартовской ведомости, он продолжал числиться командиром пакетбота «Карабут». В конце апреля Войнович отправил Сенявина с проектом церемониала встречи императрицы в Севастополе для согласования с Потемкиным, находившимся в это время при Екатерине II в Кременчуге. Прodelав половину пути на перекладных, а остальные три сотни верст верхом по летучей казачьей почте, Сенявин успел в качестве зрителя побывать на балу, устроенном местным дворянством в честь высоких гостей. Уже на следующий день он с утвержденным Потемкиным церемониалом встречи отправился в обратный путь.

Под вечер субботы 22 мая Екатерина II прибыла из Инкермана на шлюпке в Севастополь. Накануне сюда был доставлен указ, подписанный 16 мая императрицей, о производстве в следующие чины большой группы офицеров. В частности, Мордвинов и Войнович были пожалованы в контр-адмиралы, Ушаков в капитаны бригадирского ранга, Сенявин в капитан-лейтенанты. Сенявина Екатерине II Потемкин представлял лично ¹¹.

Поездка Екатерины II в Новороссию, расцененная европейской дипломатией как политическая демонстрация экспансионистских устремлений России на Балканы, чрезвычайно встревожила не только Оттоманскую Порту. Война началась 21 августа 1787 г. нападением турецких капонерских лодок на стоящие у Кинбурна русские военные суда.

31 августа севастопольская эскадра в составе трех 66-пушечных кораблей, двух 54- и пяти 40-пушечных фрегатов вышла в море, имея приказ уничтожить находящуюся у Варны часть турецкого флота. Когда утром 8 сентября суда подошли к мысу Калиакра, ветер переменял направление, превращая шторм. 9 сентября начался «чрезвычайный шторм с дождем и прележкой мрачностью». Флагманская «Слава Екатерины», где при Войновиче находился Сенявин, потеряла все три мачты и бушприт уже утром. Из-за непрерывной качки в корпусе образовалась течь: вода в трюме поднялась на три метра, и несмотря на предпринятые усилия, не убывала. Стараясь облегчить корабль, за борт выбрасывали все, что только было можно. Одним из немногих офицеров, сохранивших в эти драматические часы присутствие духа и хладнокровие, был Сенявин. Корабль остался на плаву в значительной мере благодаря его мужеству, самообладанию и распорядительности. В критическую минуту он взял на себя командование спасательными работами.

«Св.Екатерина» добралась до Севастополя под импровизированной парусной оснасткой только 22 сентября. На рейде ее ожидало зрелище истерзанных пятидневным штормом судов эскадры. Она практически перестала существовать.

Войнович отправил 24 сентября Сенявина с донесениями о постигшей флот катастрофе к Мордвинову и Потемкину. В кратком письме к Мордвинову он сообщал: «Капитан-лейтенант Сенявин вам обо всем донесет обстоятельно; он офицер испытанный и такой, каких я мало видел; его служба во время несчастья была отменная». Из Херсона Сенявин отправился в Кременчуг. Здесь Потемкин задержал его на несколько дней, заставляя опять и опять рассказывать с новыми подробностями о трагическом плаваньи эскадры, а главное, позволяя Сенявину убедить себя, что флот к маю будущего года будет исправлен, выйдет в море и разобьет неприятеля. Только 1 октября Сенявин покинул ставку светлейшего. Прибыв на следующий день в Херсон, он узнал о нападении турок на Кинбурн и победе А.В. Суворова. Пробыв в Херсоне десяток дней, он возвратился в Севастополь.

Зима и весна 1788 г. прошли в трудах и заботах по ремонту судов и восстановлению боеспособности севастопольской эскадры. В море она вышла 18 июня. А 3 июля произошло первое большое сражение между молодым черноморским и турецким флотами. Последний в несколько раз превосходил российскую эскадру как по числу и рангу линейных кораблей и фрегатов, так и по количеству и калибру орудий. Тем не менее, лежавшие в линии баталии русские суда выдержали удар двух колонн турецкого флота, заставив последний покинуть место боя с большими повреждениями; причем особенно пострадал 80-пушечный корабль капитан-паши.

Рапорт Войновича о сражении в ставку Потемкина повез Сенявин. Излагая обстоятельства боя и отмечая заслуги офицеров и экипажей судов своей эскадры, контр-адмирал, в частности, писал, что «находящийся за флаг-капитана, капитан-лейтенант Сенявин отменно храбр и неустрашим»¹². Этот рапорт стал поводом для начала открытой конфронтации между Войновичем и Ушаковым, считавшим, что контр-адмирал из зависти принизил заслуги как самого Ушакова, так и авангарда, которым он командовал, и чьи действия сыграли решающую роль в исходе сражения. Поскольку Сенявин по должности флаг-офицера занимался делопроизводством по эскадре, в том числе составлением проектов приказов, донесений, распоряжений, рапортов и т. п., то, естественно, враждебное отношение Ушакова к Войновичу распространилось и на его флаг-капитана.

На основании донесения Войновича Потемкин составил реляцию Екатерине II о сражении и отправил ее с Сенявиным в Петербург¹³. По прибытии в столицу он был принят императрицей и за доставление радостного известия получил из ее рук золотую, украшенную бриллиантами табакерку с двумястами червонцами¹⁴. Досрочное же производство в следующий чин (такой вид награды лицам, доставившим победную реляцию, практиковался достаточно широко) Екатерина II оставила на усмотрение князя¹⁵. По действовавшему положению Потемкин мог выбрать двух морских офицеров в ранге подполковника для назначения своими генеральс-адъютантами¹⁶. Князь назначил орденом от 11 августа вернувшегося из Петербурга Сенявина генеральс-адъютантом. По флотским спискам Сенявин продолжал числиться в чине капитан-лейтенанта, хотя теперь находился в должности, соответствовавшей капитану 2 ранга. Только в июле 1791 г. Потемкин предписал Черноморскому адмиралтейскому правлению поместить Сенявина и второго генеральс-адъютанта М.Л. Львова в список капитанов 2 ранга, считая их в этом чине с момента назначения на адъютантские должности. Служба при всеильном Потемкине порученцем хотя и накладывала огромную ответственность, но и открывала большие возможности в отношении дальнейшей карьеры, и, к тому же, давала определенные материальные выгоды: генеральс-адъютанты получали двойной оклад по чину.

Из ставки Потемкина Сенявин возвратился в Севастополь. В начале сентября там стало известно о находящихся у берегов Анатолии восьми турецких транспортных судах. Войнович решил направить туда крейсерский отряд из казенного «Полоцка» и трех греческих корсарских судов. «По известной мне способности вашей светлости штаба генеральс-адъютанта Сенявина, — общал контр-адмирал Потемкину, — препоручил оному сию экспедицию». Сенявин с блеском выполнил поставленную задачу. Покинув 16 сентября Севастополь, отряд, пройдя вдоль неприятельского побережья от Синопа до Гиресуна, за десять дней потопил и сжег 11 крупных и мелких грузовых судов, уничтожил несколько береговых складов и 6 октября вернулся в базу с богатой добычей и пленными¹⁷. Об успешном рейде отряда Сенявина к берегам Анатолии императрица узнала из донесения Потемкина, по представлению которого за этот поход он был награжден орденом св. Георгия 4 степени.

Следующим заданием, порученным Сенявину теперь уже Потемкиным, стал привод к Кинбурну 56-пушечного «Леонтия Мученика». Этот бывший турецкий корабль, захваченный в летних сражениях в лимане и переоборудованный в «образ европейский» у Глубокой Пристани, срочно нужен был для

усиления лиманской флотилии в связи с намеченным штурмом Очакова. Когда прошли все обещанные сроки готовности «Леонтия», Потемкин решил отправить в Глубокую Сенявина для обеспечения доставки корабля к Кинбурну. 11 октября князь предписал Войновичу «прислать как наискорее» к нему Сенявина. И уже утром 21 октября генеральс-адъютант находился на борту «Леонтия». На следующий день, несмотря на недоделки и бурную погоду, Сенявин приказал ставить паруса. Попав на мель, но благополучно снявшись с нее, он сумел привести корабль к Кинбурну ¹⁸.

Зима в том году сковала льдом лиман как никогда рано. Большинство судов парусной и гребной флотилий, застигнутые морозами в лимане, все же смогли, разбивая лед, пробиться к Глубокой Пристани. Несколько судов погибло. «Св. Владимир» — 66-пушечный линейный корабль — вмерз в лед у Кинбурна. Стремясь спасти новый корабль, Потемкин приказал прорубить во льду канал к открытой воде и отправить «Владимир» в Севастополь, считая, что «из всех рисков, сей меньшей». Только к 8 января удалось вырвать корабль из ледового плена. Возглавить опасный зимний переход князь поручил Сенявину. Еще ни один корабль Черноморского флота не выходил в море в столь позднее время года. И на этот раз Сенявин с честью справился с чрезвычайно ответственным поручением — 18 января «Св. Владимир» благополучно прибыл в главную базу флота. Наградой молодому офицеру стал орден Св. Владимира 4 степени ¹⁹.

Конец 1788 г. ознаменовался не только взятием Очакова, но и сменой командования Черноморским флотом. Мордвинов из-за конфликтов с Потемкиным подал в отставку; на его место князь определил Войновича, оставив Ушакова командовать севастопольской эскадрой.

При распределении капитанов на кампанию 1789 г. Сенявин был назначен на 80-пушечный «Иосиф II» ²⁰. Корабль, спущенный на воду еще в мае 1787 г. в присутствии Екатерины II и австрийского императора, в честь которого он был назван, продолжал находиться в Херсоне. И только теперь, после полного овладения лиманом, «Иосифа» перевели к Глубокой Пристани на достройку. Месяц спустя корабль вместе с новым 54-пушечным «Св. Александром» и «Леонтием Мучеником» перешел к Кинбурну для установки пушек и подготовки к выходу в море. Здесь корабли поджидали достраивающуюся у Глубокой Пристани 60-пушечную «Марию Магдалину», чтобы затем одним отрядом соединиться с севастопольской эскадрой. В конце июня на «Иосифе» поднял свой флаг Войнович.

Частым гостем на «Иосифе» был генерал-майор И.М. де Рибас, приехавший из Очакова к Войновичу обменяться новостями и сплетнями за обильным адмиральским столом. На встречах обычно присутствовал и Сенявин ²¹. Видимо, с этого времени и установились дружеские отношения между Сенявиным и Рибасом.

1790 г. принес очередные изменения в руководстве морскими силами на Черном море. Потемкин, недовольный упущенной возможностью дать сражение турецкому флоту из-за несогласованности и инертности действий лиманской и севастопольской эскадр в прошедшую кампанию, решил лично возглавить Черноморское ведомство, подчинив его структурные части отдельным начальникам. Ушаков получил в командование корабельный флот, И.М. де-Рибас — гребную флотилию. Войновича князь отстранил от должности и отправил командовать Каспийской флотилией. На спешно достраиваемый в Херсоне 50-пушечный фрегат «Навархия Вознесение Господне» Потемкин ордером от 14 марта определил командиром Сенявина ²². Ушаков 7 апреля отпартовал Потемкину, что на днях отправляет генеральс-адъютанта из Севастополя сухим путем, «дабы он не упуская времени находился при вверенном ему корабле».

В 20-х числах августа «Навархия» и три малых фрегата стояли под Очаковым в ожидании подхода севастопольской эскадры. Турецкий флот стоял между Тендрой и Гаджибеем. Утром 28 августа с юга подошла эскадра Ушакова и с ходу атаковала неприятеля. Тендровское сражение завершилось убе-

дительной победой русских сил. Турецкий флот бежал в сторону Дуная, а севастопольская эскадра отправилась в Гаджибейский залив, где встретилась с гребной флотилией и «Навархией».

Началась служба Сенявина под командованием ревнителя воинской дисциплины, педантично требовательного Ушакова. Потемкин, в последнее время недовольный поведением своего генеральс-адъютанта, предписал контр-адмиралу обратиться на службу Сенявина особое внимание²³. Ушаков неприязненно относился к бывшему флаг-офицеру своего недоброжелателя Войновича. Сенявин платил адмиралу той же монетой. Что касается недовольства Потемкина, то оно, в частности, было связано с неувязками в вооружении фрегата «Федот Мученик», проходившим у Кинбурна под присмотром Сенявина. «Вида «Федота» я еще больше сделался Сенявиным не доволен; посоветуйте ему исправиться», — писал князь 17 августа де-Рибасу в Очаков²⁴.

Зимой 1790 г. Сенявин ездил в Москву. По возвращении в Севастополь отношения между ним и командующим еще более ухудшились. «Кажется надеется он на какой-нибудь мой упадок и более явно наводит мне разстройку и делает помешательство в делах», — жаловался Ушаков светлейшему князю. Повод для прямого столкновения адмирала с генеральс-адъютантом не заставил себя ждать. В первых числах апреля 1791 г. Ушаков приказал отобрать с эскадры определенное число служителей «из лучших, в своем звании исправных, здоровых и способных к исправлению должностей» для отправки в Херсон и Таганрог, где они должны были составить костяк экипажей на новопостроенных кораблях и фрегатах. При смотре выделенных с судов служителей, адмирал обнаружил несколько матросов с «Навархии» с явными признаками болезней, и тут же приказал Сенявину заменить их. Тот во всеуслышание отказался это сделать. Последовал общий по флоту приказ командующего с выговором командиру «Навархии» за неисполнительность, предписанием о немедленной замене больных матросов здоровыми и предупреждением, что в случае повторения подобного адмирал будет жаловаться светлейшему. Сенявин, посчитав себя незаслуженно ославленным на весь флот, подал 9 апреля по команде рапорт с приложением прошения на имя Потемкина о расследовании инцидента, и почти одновременно с этим послал с оказией, пользуясь своим адъютантским правом, прямо на имя светлейшего жалобу с обвинениями в адрес Ушакова. Адмирал, узнав об этом, 12 апреля направил Потемкину по делу Сенявина рапорт, донесение и личное письмо. Потемкин, находясь с 28 февраля в Петербурге, отложил разрешение конфликта до своего возвращения в Новороссию.

Однако, при крайнем недовольстве Сенявиным, Ушаков, имевший от светлейшего полномочия на назначение и смещение флотских офицеров, в том числе и командиров кораблей, не посмел отстранить от командования «Навархией» строптивного генеральс-адъютанта, назначенного на эту должность самим Потемкиным. В летнюю кампанию 1791 г. Сенявин продолжал командовать «Навархией».

Севастопольская эскадра в том году вышла в море только 10 июля. Первый выход эскадры прошел, в общем, безрезультатно. Зато второй поход был успешным. 31 июля эскадра обнаружила турецкий флот, стоящий на якорях у мыса Калиакра под защитой береговой батареи. Ушаков сходу атаковал противника. Сражение при Калиакре завершилось разгромом турецкого флота.

В рапорте Потемкину Ушаков, давая оценку действиям отдельных судов и командиров, в частности, отмечал: «командующие кораблей ... «Петра Апостола» Заостровский, «Леонтия» — Обольянинов, «Навархии» — генеральс-адъютант Сенявин хотя во время боя также оказали храбрость и мужество, но, спускаясь от ветра, не столь были близки к линии неприятельской, как прочие»²⁵. Какой-либо вины в этом названных командиров не было, а причина заключалась только в строгом следовании ими сигналам флагмана и определенным их кораблям местам в боевом порядке при его перестроениях и неоднократной смене галсов.

Победа при Калиакре явилась финалом кампании и войны в целом. 8 августа Ушаков получил депешу о заключении 31 июля перемирия, и 20 числа флот возвратился на севастопольский рейд. В этот день Потемкин, вернувшийся, наконец, из Петербурга и занявшийся рассмотрением накопившихся за его пятимесячное отсутствие дел, в частности, апрельского инцидента между Сенявиным и Ушаковым, поздравил орденом контр-адмирала с победой, объявив ему и «всем соучаствовавшим в знаменательном сем происшествии» свою благодарность, и предписал: «флота капитану второго ж ранга Сенявину, переименованному из генеральс-адъютанта, извольте приказать немедленно явиться ко мне». Отстранение Сенявина от должности адъютанта и командования кораблем без какого-либо расследования конфликта, являлось своего рода выражением признательности Ушакову как главному герою черноморских побед. Получив ордер, адмирал приказал Сенявину сдать «Навархию» новому командиру и отправляться в Яссы. Спустя неделю Ушаков получил предписание светлейшего немедленно приехать в ставку и самому. В Яссах адмирал нашел Сенявина лишенного шпаги и под арестом в кордегардии. Ему грозил военный суд и разжалование в матросы. Потемкин за «дерзость и невежество флота капитана Сенявина, нарушающие порядок и долг службы, ...готов был показать над ним примерную строгость законов»²⁶. Ушаков же считал арест и угрозу судом достаточным наказанием для способного и храброго офицера и просил Потемкина ограничиться этой мерой, если Сенявин принесет извинения и даст обещание решительно изменить свое поведение. Светлейший пошел навстречу адмиралу и отдал ему шпагу Сенявина, разрешив вернуть ее владельцу, когда Ушаков сочтет это нужным, что сразу же и было сделано. Примирение, таким образом, формально состоялось. Однако, если судить по тому, что Сенявина не вернули в корабельный флот, не говоря уже о восстановлении в остававшейся вакантной должности генеральс-адъютанта, прощение не было полным. Правда, и его раскаяние, как показало уже ближайшее время, оказалось неискренним. В Севастополь Сенявин уже не вернулся, а получил назначение в гребной флот и отправился в Галац, где находилась Дунайская флотилия.

В начале октября 1791 г. скончался князь Потемкин. Ушаков утратил своего благодетеля. Нервозность обстановки обострили слухи, бродившие по Севастополю. Источником «неприличных и соблазнительных для команды новостей» оказался такелаж-мастер В.Аржевитинов, получивший, как донесли Ушакову, из Херсона какие-то письма. Адмирал тут же послал чиновника изъять письма. Автором одного из них оказался Сенявин, сообщивший «новость», что вскоре И.М. де Рибас и командующий Дунайской флотилией П.В. Пустошкин будут назначены в Черноморское адмиралтейское правление и «пошлют всех других к черту», подразумевая, надо думать, в первую очередь, Ушакова, продолжавшего оставаться старшим членом этого правления. Такелаж-мастера Ушаков посадил под домашний арест, объявив о его провинности и проступке Сенявина, «которым написаны язвительные и дерзкие слова, до правления черноморского касающиеся», приказом по флоту от 24 января 1792 года.²⁷ Возмущенный неблагодарностью человека, освобожденного от «строжайшего по закону наказания» только «единственно чрез усиленные прошения и ходатайство» именно его, Ушакова, адмирал обратился к Каховскому с требованием о расследовании недостойного поведения Сенявина.

С прибытием в апреле 1792 г. нового главы Черноморского ведомства вице-адмирала Н.С. Мордвинова, положение Сенявина в корне изменилось. Сам в какой-то мере пострадавший от Потемкина, адмирал с пониманием отнесся к судьбе своего давнего, еще с лиссабонской зимовки палибинской эскадры знакомого. На кампанию 1792 г. Сенявин указом Черноморского правления был определен командиром линейного фрегата «Св. Александр Невский». Получив на руки предписание, он прибыл в Севастополь. В этот год флот в море не выходил и Сенявин, как и большинство офицеров, жил на берегу.

В мае 1794 г. пришел высочайший указ о посылке эскадры для проведения практического плавания. Пять кораблей, десять фрегатов, в том числе «Св. Александр» под командованием Сенявина, и несколько мелких судов в середине июля вышли в море для обучения офицеров и служителей²⁸. Флот требовал обновления. Первым шагом в этом направлении явился январский 1794 г. указ Екатерины II о постройке двух 74-пушечных кораблей. Эти суда проектировал и строил в Херсонском адмиралтействе корабельный мастер А.С. Катасанов. Новые корабли отличались от существовавших наличием сплошной верхней палубы. Новшество, внедренное Катасановым с согласия и при поддержке Мордвинова, вызвало споры, разделив моряков на два лагеря, — во главе с Мордвиновым, и его главным оппонентом — Ушаковым. Первый из кораблей, поначалу именовавшийся «№ 1», а затем «Св. Петр», спустили на воду в начале ноября 1794 г. Его командиром Мордвинов определил Сенявина. Это назначение, видимо, было заранее обговорено, если судить по тому, что еще в сентябре Сенявин взял в Адмиралтейском правлении ссуду в 300 руб. на строительство дома в Херсоне, в котором он впоследствии и жил²⁹.

В Севастополь Сенявин вернулся только 18 октября 1796 г. на новом корабле и в чине капитана I ранга, в который он был произведен 1 января того же года. На следующий день туда пришел и второй 74-пушечный корабль «Свв. Захарий и Елисавет». По прибытии капитаны подали на имя Ушакова рапорты о недостатках своих кораблей, выявленных в первом плавании. В противоположность Сенявину, давшему положительную оценку «Св. Петру», командир однотипного «Захария» И.И. Ознобишин высказал ряд претензий к конструкции и мореходным качествам корабля, что и послужило толчком к началу двухлетнего противостояния, в которое оказались втянуты и Государственная адмиралтейская коллегия, и сам император Павел I. Назначались специальные комиссии, производились опыты, писались рапорты, жалобы, объяснения. Стороны обвиняли друг друга в предвзятости, в подтасовке фактов, в давлении на подчиненных. Для Сенявина, основного сторонника мордвиновского лагеря в Севастополе, дальнейшая служба под началом Ушакова становилась несносной, особенно после состоявшегося в апреле 1798 г. очередного сравнительного испытания кораблей, закончившегося скандалом из-за уличения Сенявиным Ушакова в искажении фактов. Это обстоятельство явилось одной из главных причин, склонивших Сенявина к решению перейти на береговую должность.

В этом плане подходящим вариантом представлялось место капитана над Херсонским портом. Для Сенявина такое назначение явилось бы очередным шагом по служебной леснице, поскольку по штату эта должность соответствовала чину генерал-майора флота. Необходимо было получить согласие Павла I на данное назначение. Мордвинов обратился за содействием к генерал-адъютанту императора Г.Г. Кушелеву. Все флотские дела шли к Павлу Петровичу или от него только через Кушелева.

Перевод в Херсон решал и личные проблемы Сенявина: там у него был собственный дом, семья, — в 1797 г. он женился на 25-летней дочери австрийского консула в Яссах Розоровича Терезе Ивановне. В доме консула однажды оказался и генеральс-адъютант князя Потемкина. Здесь Сенявин познакомился с семьей хозяина: красавицей женой-гречанкой и двумя его дочерьми³⁰.

В кампанию 1798 г. севастопольская эскадра совершила три практических плавания в северо-западной части Черного моря. Во втором походе во время ночной грозы молния ударила в фок-мачту сенявинского «Св. Петра», серьезно повредив ее, при этом погибли три матроса³¹.

Возвратившуюся в Севастополь эскадру ожидал царский рескрипт об отправке в Средиземное море для оказания помощи Турции в войне против Франции. В середине августа эскадра под флагом Ушакова в составе шести линейных кораблей, в том числе и «Св. Петра», шести фрегатов и нескольких мелких судов вышла в море. Уже 1 октября соединенные русско-турецкие

военно-морские силы заняли первый из Ионических островов — Цериго. Затем наступила очередь Занте, Кефалонии, Св. Мавры. К каждому из этих островов Ушаков направлял отдельный отряд судов с десантом. Взятие Св. Мавры, второго после Корфу по степени укрепленности острова, адмирал поручил Сенявину, выделив в его распоряжение кроме «Св. Петра» и «Навархии» еще турецкие линейный корабль и фрегат. Однако наличных сил для взятия крепости с французским гарнизоном в 540 человек и мощной артиллерией у Сенявина оказалось недостаточно, и он вынужден был просить подкрепление. К острову подошли основные русско-турецкие силы. Под угрозой штурма превосходящими силами, французское командование подписало капитуляцию, вручив Сенявину ключи от крепости, флаг и два знамени плененного гарнизона. Хотя Сенявин не справился самостоятельно с боевым заданием, тем не менее, Ушаков, оценивая в рапорте Павлу I его действия, отмечал, что Сенявин «исполнил повеления мои во всякой точности во всех случаях; ...употребил все возможные способы и распоряжения как надлежит усердному, расторопному и исправному офицеру с отличным искусством и неустрашимой храбростию»³². На основании этого представления Сенявин императорским рескриптом от 8 января 1799 г. был награжден орденом Св. Анны 2-ой степени.

Между тем, хлопоты Мордвинова об определении Сенявина капитаном над Херсонским портом увенчались успехом. Он высочайшим указом был назначен на эту должность. В Николаеве, где размещалось Черноморское адмиралтейское правление, об этом стало известно уже после ухода эскадры в Средиземное море. На запрос Мордвинова, как поступить в такой ситуации, Кушелев оставил решение вопроса на усмотрение адмирала, разрешив вернуть Сенявина на Черное море, но не считая это целесообразным³³. Сенявин, будучи формально командиром Херсонского порта, остался в эскадре Ушакова до завершения Ионической кампании.

В конце осени, когда Сенявин с эскадрой Ушакова находился в Неаполе, Павел I подписал указ о пожаловании в следующие чины большой группы офицеров. Сенявин, исключенный из флотских списков после назначения его на береговую должность капитана над Херсонским портом, этим указом производился в генерал-майоры.

Из Неаполя русская эскадра перешла в Мессину, где Ушакова ожидал рескрипт Павла I о возвращении российского флота и войск на Черное море. Только в конце октября 1800 г. корабли бросили якоря на севастопольском рейде.

Спустя месяц адмирал В.П. фон-Дезин, сменивший на посту главного командира Черноморских флотов и портов уволенного от службы Мордвинова, предписал генерал-майору Сенявину вступить в свою должность³⁴. В соответствии с новыми обязанностями Сенявина в его подчинении находились практически все структурные подразделения Морского ведомства в Херсоне, являвшегося главным центром кораблестроения на Черном море. Его главная забота состояла в обеспечении успешной деятельности верфи. Довольно долгое пребывание Сенявина в Херсоне при постройке «Св. Петра» позволило ему достаточно хорошо ознакомиться с разносторонней адмиралтейской деятельностью и теперь быстро освоить новые обязанности. Уже 5 июля 1801 г. на основании представления фон-Дезина «об отличном усердии к службе и деятельности главного начальника в Херсонском порте генерал-майора Сенявина» Александр I выразил ему официальное монаршее благоволение³⁵. По долгу службы Сенявину приходилось вникать в различные тонкости постройки и оснастки судов, зачастую самому руководить самым ответственным завершающим этапом — проводкой новопостроенных судов через опасное в навигационном отношении Днепровское гирло³⁶.

Летом 1803 г. Сенявин был освобожден от должности капитана над Херсонским портом и снова переведен во флот. В сентябре в Петербурге состоялось баллотирование высших морских чинов, где рассматривалась и кандидатура Сенявина. Получив при тайном голосовании все «достойные баллы», Сенявин высочайшим повелением был переименован из генерал-

майоров флота в контр-адмиралы, считая его старшинство в этом чине со дня производства в генерал-майоры.

Высочайшим повелением от 27 сентября 1804 г. Сенявин назначается флотским начальником в Ревель — вторую по значению после Кронштадта военно-морскую базу на Балтике ³⁷.

В 1804 г. стала явной направленность наполеоновской экспансии на Балканы. В этой ситуации вновь возросла стратегическая весомость Ионических островов. Для воспрепятствования «видам первого консула на Ионические острова и области турецкие со стороны Адриатического и Белого (Эгейского — А.С.) моря», Александр I в подкрепление российскому островному гарнизону отправил из Севастополя пехотную дивизию под командованием генерал-майора Анрепа, а из Кронштадта отряд из двух линейных кораблей и двух фрегатов под брейд-вымпелом капитан-командора А.С. Грейга ³⁸. Летом 1805 г. правительство решило усилить контингент российских сил на Средиземном море еще одним балтийским отрядом: в начале июля последовало высочайшее повеление о подготовке к «дальнему походу», без указания конечной цели, трех линейных кораблей и военного транспорта. Спустя две недели число линейных судов было увеличено до пяти. Ход подготовки судов курировал товарищ морского министра П.В. Чичагов — фактический глава Морского ведомства.

Несмотря на все понукания Чичагова, работы затягивались. Одна из причин состояла в отсутствии командующего эскадрой. У высшего руководства были сложности с подбором подходящей кандидатуры. Формально, исходя из числа и ранга судов, отправляемых в плавание и уже находившихся в Средиземном море, соединение составляло флотскую дивизию, и в соответствии с действующим положением должно было возглавляться флагманом в чине вице-адмирала. Разумеется, кандидат на должность командующего морскими и сухопутными силами в Адриатике должен был быть хорошо знаком с условиями театра, где ему предстояло действовать. Немаловажным являлось также и знание портово-хозяйственной специфики для успешного завершения подготовки эскадры. Указанным требованиям, да и то не в полной мере, соответствовал весьма узкий круг лиц: адмирал Ф.Ф. Ушаков, вице-адмирал П.В. Пустошкин и контрадмиралы А.П. Алексиано и Д.Н. Сенявин. Назначению Ушакова препятствовали его слишком высокий чин, возраст (ему уже перевалило за шестьдесят лет), и негативное отношение к нему Александра I ³⁹. Пустошкин, командовавший эскадрой, и Алексиано служили на Черном море, и перевод их на Балтику надолго задержал бы выход эскадры. Таким образом, оставалась лишь кандидатура Сенявина.

Находившийся в Ревеле Сенявин 27 июля получил высочайшее предписание немедленно принять командование над отправляющейся в поход эскадрой. На следующий день он был уже в Кронштадте, а 30 июля отправил в Петербург обстоятельный доклад о состоянии дел по подготовке судов к выходу в море. Чичагов торопил: он обязал Сенявина завершить подготовку эскадры в двухнедельный срок, указав, что в случае невыполнения распоряжения ответственность ляжет на него.

16 августа Александр I произвел Сенявина в вице-адмиралы. 22 августа Чичагов сообщил Сенявину, что государь пожаловал ему 3000 руб. на «снаряжение» себя в плавание и назначил такую же ежемесячную сумму столовых денег. Несмотря на все трудности, Сенявин смог сообщить в Петербург, что эскадра будет готова к плаванию 23 августа. Спустя два дня после указанного срока эскадру посетил император. Уже перед отплытием Сенявин получил для руководства к действию секретную инструкцию, подписанную царем, с изложением целей экспедиции и политической ситуации, сложившейся в Европе. Документ категорически запрещал заходы в порты Франции и подчеркивал нежелательность посещения любых других портов кроме датских и английских ⁴⁰.

10 сентября эскадра оставила Кронштадт и взяла курс на Ревель. Загрузив там отсутствовавшее в главной базе снаряжение и добрав экипажи, ко-

рабли вышли в море. Спустя три недели показались берега Британии, и 9 октября суда стали на Спидхедском рейде. Пополнив эскадру двумя купленными в Англии бригами, погрузив на суда заказанные заранее припасы и взяв на борт нанятых по контракту по лекарю и подлекарю на каждый линейный корабль, а главное снабдив корабельные пушки английскими орудийными замками, эскадра 16 ноября оставила Портсмут. Выход оказался неудачным: в проливе Ла-Манш ее встретил жестокий встречный ветер. Сенявин вынужден был дать сигнал о возвращении. Ночью исчезли в неизвестном направлении 80-пушечный «Уриил», 74-пушечный «Селафаил» и транспорт «Кильдюин», появившийся лишь спустя три дня. Сильный ветер и отсутствие сведений о пропавших кораблях не давали покоя Сенявину. Только в конце месяца ветер изменил направление. Адмирал тотчас же отправил «Кильдюин» для поиска кораблей или хотя бы сведений о них. 3 декабря отряд вновь отправился в путь. При выходе в Ла-Манш русские суда встретились с частью английской эскадры, возвращавшейся на родину после Трафальгарской победы над соединенным франко-испанским флотом. Флагманский «Ярослав» приветствовал 15-ю пушечными выстрелами шедшие с наполовину спущенными флагами и вымпелами корабли во главе с «Виктори», на борту которого находилось тело павшего в сражении адмирала Г. Нельсона ⁴¹.

Присоединившийся вскоре к отряду «Кильдюин» доставил известие, что «Уриил» и «Селафаил» прошли в океан. Подгоняемая устойчивым попутным ветром эскадра шла на юг. Сенявин остерегался встречи с французскими кораблями. В середине декабря отряд пришел к Гибралтару, на рейде которого Сенявин нашел «Уриила» и «Селафаила». Эскадра опять была в сборе и спустя два дня вышла в Средиземное море. Короткие остановки у берегов Сардинии, в Мессине, и наконец, 18 января эскадра достигла Корфу, над знакомым Сенявину рейдом прокатился грохот орудийного салюта с крепостных бастионов и кораблей отряда А.С. Грейга. Теперь под началом Сенявина находилось 10 линейных кораблей, 5 фрегатов, 6 корветов, столько же бригов, канонерские лодки, вспомогательные суда, и почти 12-тысячный корпус экспедиционных войск.

Между тем обстановка на континенте резко изменилась. Поставленная Наполеоном на колени Австрия отдала победителю в числе прочего бывшие венецианские материковые владения ⁴². Инструкции, полученные Сенявиным при отплытии, в значительной мере потеряли актуальность. Александр I 24 ноября подписал указ об отправлении в Россию большей части армейских полков экспедиционного корпуса, а 14 декабря — рескрипт на имя Сенявина о возвращении всех морских сил в Черное море.

Франция, заняв Западные Балканы, отрезала Ионические острова и соответственно российский гарнизон от материковых баз снабжения и получала возможность открытого давления на Турцию с целью склонения ее на свою сторону. В случае разрыва союзных отношений между Турцией и Россией прерывалась тонкая нить поставок через черноморские проливы. Республика Семи Островов оказывалась в наполеоновских клещах и ее падение было лишь вопросом времени. Обсуждение сложившейся ситуации высшими морскими и армейскими чинами при участии полномочного представителя Александра I при Ионической республике гр. Г.Д. Мочениго позволило утвердиться во мнении, что наилучшим вариантом защиты островов является занятие участка балканского побережья в центральной части Адриатики. Таким образом, опираясь на помощь славянского населения Далмации, Черногории и Герцеговины, традиционно приверженных России, Сенявин мог надеяться остановить французские войска на дальних подступах к островам. Успех операции зависел от быстроты и решительности действий. Следовало упредить передачу австрийцами ключевых крепостей побережья французам. Однако ввод российских войск в формально уже принадлежащие Франции, но еще занятые австрийскими гарнизонами прибрежные укрепления, возможен был только в случае их перехода по просьбе жителей под российское покровительство. Кроме того, успех намеченной операции в значительной

степени зависел от достаточности контингента сухопутных войск. Для Сенявина это являлось самой болезненной проблемой, поскольку генерал Б.П. де-Ласси, командующий армейским экспедиционным корпусом, имел указ императора от 24 ноября о возвращении всех полков в Россию. Но настоятельные просьбы Сенявина и Мочениго, да и сама обстановка склонили де-Ласси к принятию компромиссного решения. Сенявин, ссылаясь на чрезвычайность военных обстоятельств, выделял суда для транспортировки только одного из шести армейских полков. Де-Ласси отправлялся на Черное море с этим полком, формально приступив тем самым к выполнению царского указа. Оставшиеся же войска переходили под начальство Сенявина.

Когда в конце января австрийский комендант Боко-ди-Каттаро объявил населению о передаче порта Каттаро и области французам, это вызвало бурное негодование жителей. Российский дипломатический агент в Черногории известил об этом Сенявина, тут же направившего туда суда с десантом. Русские войска при поддержке отрядов светского и церковного главы Черногории Петра Негоша заняли Каттарскую область. Стратегическое положение Ионической республики и условия базирования русского флота существенно улучшились. Заняв часть далматинского побережья и опираясь на граничащую с Боко-ди-Каттаро Черногорию, Сенявин мог рассчитывать, что ему удастся если не предотвратить, то сильно затруднить продвижение французских сил на юг. Мало того, адмирал разработал и приступил к осуществлению плана наступательных операций в северном направлении с целью овладения далматинским побережьем, и, в первую очередь, городом Рагуза (Дубровник. — А. С.). Располагая значительными морскими силами, Сенявин активно использовал их для блокады занятой противником части побережья, нарушения его морских коммуникаций и защиты торгового мореплавания каттарских судов, ходивших по принятии Боко-ди-Каттаро покровительства России, под российским флагом. Действия флота оказались столь успешны-

ми, что Наполеон потребовал от Австрии закрыть свои порты для российских и английских судов. Сенявин с частью эскадры находился в Триесте, когда его комендант фельдмаршал Цах получил по этому поводу предписание из Вены и предложил адмиралу немедленно покинуть порт. Ответ Сенявина был лаконичен: «... оставлю порт как только исправлю некоторые повреждения моих кораблей». Однако Цах задержал в гавани несколько каттарских судов под российским флагом. Адмирал расценил это как оскорбление русского флага и категорически потребовал их немедленного освобождения, пригрозив, в противном случае, начать бомбардировку города и силой забрать не только свои, но и австрийские суда⁴³. Комендант вынужден был подчиниться, увидев что русские корабли стали выстраиваться в боевую линию.

Планы развития военно-политического успеха, достигнутого в Бокос-ди-Каттаро и Черногории, перечеркнул полученный адмиралом 27 марта рескрипт царя об отзыве морских сил в Россию. Сенявин начал скрытно, стараясь преждевременно не встревожить своих балканских союзников, готовиться к отплытию в Черное море⁴⁴. Однако, пока указ три месяца добирался до Корфу, многое переменялось. Александр I указом от 3 февраля предписал задержать армейские полки на Корфу, отменив тем самым свое распоряжение от 24 ноября об эвакуации экспедиционного корпуса де-Ласси. Дешу из Министерства иностранных дел об этом решении царя Мочениго получил вскоре по прибытии рескрипта от 14 декабря 1805 года. Сложилась противоречивая ситуация: армейские части оставались, а флот должен был уйти из Средиземного моря, что резко снижало обороноспособность островов, не говоря уже о Каттарской области. Это понимали и Сенявин и Мочениго, настоятельно убеждавший адмирала задержаться с отзывом кораблей из Адриатики, мотивируя это тем, что по логике вещей вот-вот должен прийти и приказ об отмене рескрипта от 14 декабря. «Я нахожу весьма правильными доводы ваши, чтобы мне дожидаться другого повеления и, принимая все ваши виды во уважение, поставлю себе также за долг несколько повременить», — соглашался с дипломатом адмирал.

Ситуация разрядилась по прибытии на Корфу почты на имя де-Ласси. Однако последний уже находился на пути в Россию. Полагая, что в пакете могут также находиться бумаги, относящиеся к морским силам, Мочениго и Сенявин после некоторых колебаний вскрыли пакет, где нашли ряд документов, из которых следовало, что «начальствующий вице-адмирал Сенявин вправе отложить возвращение эскадры в черноморские порты до получения высочайшего о том повеления»⁴⁵. Только в конце мая Сенявин получил императорский рескрипт, отменявший прежний от 14 декабря и предоставлявший ему право вести военные действия по своему усмотрению, имея в виду, что «главным предметом ... есть обеспечение Ионической республики, Морей и всей Греции от всякого неприятельского нападения»⁴⁶. Это позволяло адмиралу активизировать военные действия в Адриатике. Однако время было упущено: французских войск в Далмации «гораздо умножилось», что не дало русским войскам овладеть Рагузой.

Но уже в середине лета 1806 г. российские завоевания на балканском побережье вновь оказались под угрозой их потери: 8 июля уполномоченный российского правительства П.Я.Убри подписал в Париже договор, по которому Россия обязалась вывести войска и передать Бокос-ди-Каттаро и другие занятые ею области австрийцам для последующей передачи их французам. Получив депешу от Убри со статьями договора, Сенявин вынужден был вступить в формальные переговоры с австрийскими представителями «дабы выиграть время», упирая при этом на невозможность самостоятельного, без императорского повеления, принятия решения о выводе войск. Твердая позиция Сенявина и на этот раз не подвела его, — Александр I отказался ратифицировать парижский «акт сего мнимого умиротворения»⁴⁷ и, в общем, одобрил действия адмирала в отношении невыполнения статьи договора Убри о Бокос-ди-Каттаро.

1806 г. ознаменовался очередным военно-политическим кризисом, одним из следствий которого явилось объявление Турцией войны России. Сенат Ионической республики, отвергнув требование Порты, под протекторатом которой она находилась, выступить против России, принял демонстративное решение поднести Сенявину золотые, украшенные бриллиантами шпагу и жезл, подчеркнув тем самым свою приверженность России, роль ее вооруженных сил и лично адмирала в защите независимости республики, ее экономических интересов ⁴⁸.

Из Петербурга прибыли новые инструкции, где Сенявину предписывалось перейти с основными силами в Архипелаг для пресечения подвоза продовольствия и стратегических материалов в Константинополь, а при благоприятной обстановке и атаковать столицу Турции с моря. Автором этой авантюристической идеи являлся Чичагов, настоятельно навязывавший ее Александру I. План предполагал совместные действия Черноморского флота со стороны Босфора и эскадры Сенявина от Дарданелл. Для выполнения этой задачи адмиралу разрешалось обратиться за содействием к английским союзникам. При этом вся ответственность за последствия операции возлагалась на Сенявина; как говорилось в инструкции: «...как добрые, так и худые следствия не к иному чему, как собственным дарованиям и искусству вашему отнесены будут» ⁴⁹. Сенявин, трезво оценивая авантюристичность этого проекта, тем не менее, вынужден был формально принять его к исполнению.

На Корфу достоверное известие о ведении открытых военных действий между Россией и Турцией прибыло 5 февраля 1807 года. Спустя пять дней Сенявин, оставив часть сил в Адриатике, с восемью линейными кораблями и фрегатом, имея на борту два батальона пехоты, легкую артиллерию и 250 албанских стрелков, отправился в Эгейское море. Спустя еще пять дней эскадра стала у острова Идра для пополнения запасов питьевой воды. На Идре узнали новость, что английская эскадра, упредив русских, еще 9 февраля прошла через Дарданеллы к Константинополю. В ночь на 21 февраля Сенявин спешно двинулся к проливу ⁵⁰, где через два дня увидел английскую эскадру вице-адмирала Дакуорта, исправлявшую повреждения после своего рискованного похода к Константинополю. Английский адмирал имел предписание заставить Порту под угрозой бомбардировки с кораблей турецкой столицы разорвать союзные отношения с Францией. Однако, пока шли переговоры, турки установили береговые батареи и подтянули в Босфор военные суда, а французские инженеры привели в боевую готовность артиллерию дарданелльских крепостей. Чтобы не оказаться в ловушке, Дакуорт вынужден был вернуться в Эгейское море, прорываясь по длинному и узкому проливу под огнем пушек крепостных батарей.

Сенявин пытался уговорить Дакуорта повторить прорыв к Константинополю, но теперь уже совместными силами. Английский адмирал отказался, ссылаясь поначалу на необходимость исправления почти трети своих судов, а затем на полученный им приказ перейти с эскадрой к Египту для блокирования его портов. Англичане ушли из Архипелага. Созванный Сенявиным военный совет высказал мнение о невозможности прорыва через Дарданеллы, вследствие чего решено было ограничиться блокадой пролива. В качестве опорной базы эскадры адмирал выбрал Тенедос, расположенный в 10 милях к югу от входа в Дарданеллы. С вершины его единственной горы удобно было следить за устьем пролива. 8 марта корабли начали обстрел островной крепости и побережья, затем был высажен десант. Турки упорно сопротивлялись, но, тем не менее, спустя три дня над крепостью был поднят императорский штандарт.

Стремясь выманить турок в море, Сенявин демонстративно направлял отдельные отряды судов то к острову Митилена, то к Салоникам, то отходил от Тенедоса со всей эскадрой, провоцируя капитан-пашу напасть на остров. Наконец, восемь линейных кораблей, шесть фрегатов и множество мелких турецких судов приблизились к Тенедосу. Дождавшись попутного ей южного ветра русская эскадра 10 мая направилась к стоящему на якоре

неприятельскому флоту. Турки выстроили боевую линию поперек устья пролива. Между тем ветер слабел, сильное течение из пролива стало относить турецкие суда мористее, ломая боевую линию. Капитан-паша дал сигнал входить в пролив. Однако ветер и течение препятствовали этому, вынуждая турецкие корабли становиться на якорь. Сблизившись с неприятелем в рассыпном строю, русские корабли поодиночке вступали в бой, произвольно выбирая себе противника. Стремясь нанести как можно больше вреда вражеским кораблям, русские канониры стреляли по их корпусам, а не по мачтам и реям. И в этом была их тактическая ошибка. Воспользовавшись усилением ветра и темнотой, турецкие суда ставили паруса и уходили под защиту крепостных батарей. Русские же корабли вернулись к Тенедосу. Так, без явного успеха закончилось первое сражение сенявинской эскадры с турецкой.

Между тем блокада Дарданелл все действенной сказывалась на положении Константинополя: запасы продовольствия подходили к концу, неизменно вздорожали продукты, над жителями нависла угроза голода. Вспыхнул бунт, закончившийся свержением Селима III. Новый султан потребовал от капитан-паши решительных действий, приказав ему отобрать у русских Тенедос и обеспечить свободный подвоз хлеба из Малой Азии. К этому времени и турецкая, и русская эскадры усилились: капитан-паша получил подкрепление из Босфора, к Сенявину пришли два линейных корабля из Адриатики.

Турецкий флот вышел из пролива 10 июня и, пройдя несколько миль, стал на якорь, готовый в любой момент отойти под прикрытие крепостных батарей. Летом в этой части Эгейского моря южный ветер, благоприятный для перехода русской эскадры от Тенедоса к устью пролива, дул редко и слабо; господствовали ветры северной четверти горизонта⁵¹. Учитывая имевшееся к тому же довольно сильное постоянное течение из пролива в море, добраться до капитан-паши можно было только поднявшись северней устья пролива, чтобы, спускаясь оттуда с сильным попутным ветром, успеть отсечь от него турецкую эскадру. Сенявин 12 июня приступил к выполнению этого обходного маневра, предварительно отдав свой знаменитый приказ по эскадре, которым должны были руководствоваться капитаны в предстоящем сражении.

План боя, изложенный в приказе, однозначно расцениваемый военно-морскими специалистами и исследователями истории флота, как образец высокого военно-морского искусства эпохи парусного флота, предусматривал атаку каждого из трех турецких флагманских кораблей двумя русскими с одного борга с дистанции картечного выстрела. Две оставшиеся пары кораблей — Сенявина, и младшего флагмана А.С. Грейга — должны были обеспечить кораблям основной группы выполнение задачи по выведению из строя турецких флагманов. Учитывая опыт боя у Дарданелл, Сенявин четко оговорил не только сами цели, но и направление стрельбы: «...Естьли неприятель под парусами, бить по мачтам, естьли же на якоре, то по корпусу.» Приказ заканчивался словами: «...надеюсь, что каждый сын отечества почтится выполнить долг своей славным образом»⁵².

Русская эскадра из 10 линейных кораблей оставила якорную стоянку у Тенедоса и, обойдя остров с юга, направилась к северу. Капитан-паша, узнав об уходе русских от Тенедоса, напал на остров: его корабли обстреливали укрепления, с анатолийского берега на лодках на остров переправилось до 7 тыс. турок. Тем временем Сенявин выполнил задуманный маневр и вышел с наветренной стороны к месту, где еще недавно стоял неприятельский флот. Не обнаружив его ни там, ни в проливе, он 17 июня отправился к Тенедосу. Заметив паруса приближающихся от пролива русских кораблей, Саид-паша снялся с якоря и скрылся с флотом за островом. Разогнав своим приближением по бухточкам побережья турецкую гребную флотилию, Сенявин вынужден был остановиться для пополнения снабжения и запасов гарнизона крепости. Утром следующего дня он отправился на поиски капитан-паши. Вечером адмирал взял курс к Дарданеллам, стремясь занять выгодную наветренную позицию на случай, если каптан-паша еще не успел проскользнуть в

пролив. Эскадры разделял только остров Лемнос. На рассвете следующего дня, 19 июня, с русских судов увидели выходящий из-за Лемноса неприятельский флот в составе 10 линейных кораблей, шести фрегатов и нескольких меньшего ранга судов, держащий курс также к северу. Колонна русских линейных кораблей, подгоняемая почти идеальным для нее по силе и направлению ветром, под всеми парусами шла наперерез неприятельской эскадре. В 8 часов утра на мачте флагманского «Твердого» затрепетали разноцветные флаги — сигнал начать сражение. Турецкие корабли шли в боевой линии, в центре которой находились три адмиралских корабля. Высокий уровень организованности и боевой выучки экипажей позволил провести начальную фазу боя почти в соответствии с разработанной адмиралом схемой. Сам же Сенявин с «Твердым» и «Сильным» сражался на самых ответственных участках то с одной, то с другой группой неприятельских судов, препятствуя им прийти на помощь своим флагманским кораблям. «...Турецкие корабли, жестоко повреждаемые, не переставали отчаянно драться и нападать; ...и безусловно можно признаться, что турецкий корабль легче разбить, потопить, сжечь, нежели принудить сдаться».

Сражение закончилось вблизи Афонского полуострова поражением турецкого флота: в плен был взят, правда сильно поврежденным, без мачт, с разбитой артиллерией и заваленными телами убитых палубами, вице-адмиралский корабль; два фрегата и линейный корабль взлетели на воздух; два фрегата затонули от полученных повреждений, и у острова Тассо турки сами сожгли разбитые линейный корабль и фрегат.

Остатки турецкого флота ушли в Дарданеллы, а затем в Константинополь, где адмиралу и четырем капитанам отрубили головы «за то, что не умерли в сражении»⁵⁴, а Сенявин, получив сообщение, что Тенедос в отчаянном положении, отправился спасти его гарнизон. Окружив кораблями остров, он под дулами корабельных пушек принудил турецкий десантный отряд в 4600 человек сдаться на условии, что отпустит их с оружием и имуществом. Тенедос вновь перешел полностью в руки русских. Корабли исправляли полученные в последнем сражении повреждения, продолжали блокаду пролива.

Между тем обстановка на континенте снова резко изменилась. 23 августа прибыл курьер с высочайшим рескриптом, которым повелевалось прекратить военные действия, передать Тенедос Турции, а Ионические острова и Боко-ди-Каттаро — Франции, флоту же и армейским полкам возвращаться в Россию. Формального перемирия с Турцией еще не было, и поэтому Сенявин приказал перед уходом с Тенедоса взорвать укрепления. В Корфу эскадра пришла 4 сентября.

Крутой поворот в политике России после Тильзитского мира поставил Сенявина в сложное положение: вчерашние союзники — англичане, чей флот господствовал в Средиземном море и Атлантическом океане, не говоря уже о проливе Ла-Манш и Северном море, завтра могли стать противниками. Пока этого не случилось, следовало спешить с возвращением на Балтику.

Шесть армейских полков на купеческих судах отправились в Триест, откуда они пешком порядком должны были идти в Россию. Корабли, фрегаты и транспорты Черноморского флота ушли в Триест и Венецию, дожидаться обещанного Наполеоном Александру I согласия Турции на пропуск этих судов через проливы для возвращения в Севастополь. Балтийский отряд из 10 линейных кораблей, двух фрегатов и шлюпа под флагом Сенявина покинул Корфу 19 сентября.

6 октября корабли вышли в Атлантику, но уже к вечеру следующего дня встречный шквал остановил эскадру. После десяти дней изнуряющей борьбы Сенявин повел эскадру в открытый океан, надеясь отыскать вдали от берегов благоприятный ветер. Но и там он нашел все тот же крепкий северный ветер. Изношенные корабли с трудом держались на плаву. Ночь с 26 на 27 октября принесла ураган, разбросавший суда по океану и причинивший им повреждения, с которыми дальнейшее плавание стало невозможным. Сенявин су-

мел собрать большую часть эскадры и направился в нейтральный, по его сведениям, Лиссабон. 30 октября эскадра вошла в порт, где, к глубокому облегчению, адмирал нашел два своих корабля, потерявшихся во время последнего шторма. По осмотру Сенявиным судов, оказалось, что практически все они требовали серьезного ремонта. Адмирал обратился к португальским властям за позволением закупать необходимые материалы и остаться эскадре до весны в Лиссабоне, на что было получено разрешение.

Однако Лиссабон оказался не лучшим местом для зимовки русской эскадры. В город должны были войти французские войска. Английская эскадра заблокировала устье реки Тежу. Сенявин отправил в Петербург рапорт с просьбой снабдить его инструкциями на дальнейшее время.

Между тем, власть в Португалии сосредоточилась в руках наместника Наполеона генерала Жюно. На первых порах отношения Сенявина с новыми властями складывались достаточно дружески: французы содействовали ремонту кораблей русской, теперь союзной им эскадры; на балу, состоявшемся 12 января 1808 г. на флагманском корабле «Твердый», кроме гостей из города присутствовали штаб генерала Жюно в полном составе и офицеры испанских полков, входивших в состав его корпуса⁵⁵. Англичане, поначалу опасавшиеся, что эскадра Сенявина намерено прибыла в Лиссабон в соответствии с секретными статьями Тильзитского договора, убедились в ошибочности своих предположений. И хотя Англия и Россия формально находились в состоянии войны, командование английской эскадры не предпринимало никаких враждебных действий против русских.

Только в середине февраля 1808 г. в Лиссабон прибыли инструкции для Сенявина. Чичагов сообщил адмиралу указания Александра I. Император выражал уверенность, что в случае атаки британским флотом русской эскадры, «неприятель будет отражен и честь Российского флага защитится»; если же нападение произойдет «гораздо превосходнейшими силами», и гибель судов будет неминуема, то разрешалось команды снять с кораблей, а их сжечь или затопить, чтобы они не стали добычей неприятеля. Если же эскадра сохранится в боеспособном состоянии, то ее действия должны быть подчинены распоряжениям Наполеона, которые адмирал будет получать через российского посла в Париже. Документ недвусмысленно давал понять, что в войне с Англией эскадра должна играть пассивную роль. Бонапарта, понятно, это не устраивало. Стремясь заставить Россию фактически вести военные действия против Англии, он добился, что Александр I подписал 1 марта 1808 г. рескрипт командующим эскадрами, находящимся вне страны, в том числе и Сенявину, с приказом «учредить все действия и движения вверенной начальству вашему эскадры, чиня неукоснительно точнейшие исполнения по всем предписаниям, какие от его величества императора Наполеона посылаемы вам будут»⁵⁶.

Курьеры, прибывавшие из Петербурга и Парижа, доставляли не только повеления, все жестче ограничивавшие самостоятельность действий адмирала, но иногда и приятные сюрпризы. В мае нарочный привез награды, пожалованные Александром I за победы над турками. Сенявин получил орден св. Александра Невского.

Давление французского командования на Сенявина возрастало по мере ухудшения положения наполеоновских войск в Португалии. Восстания в северных провинциях страны и в Испании против владычества Франции, высадка английских десантов на португальском побережье побуждали Жюно все настойчивей требовать участия в военных действиях российских войск и кораблей. Сенявин же отмалчивался или отделялся отписками с зачастую явно надуманными причинами отказа. Ничто не могло заставить адмирала, видевшего в сохранении эскадры свою главную задачу, нарушить избранный им негласный нейтралитет.

В середине августа 1808 г. французские войска в Португалии потерпели поражение. Жюно подписал конвенцию о сдаче, и англичане заняли Лиссабон. Если при французах положение русской эскадры было сложным, то

теперь оно стало критическим. Англичанам предпочтительно было захватить эскадру в качестве военного трофея. С другой стороны, зная решительность и непреклонность Сенявина, они понимали, что тот скорей взорвет или затопит свои суда, чем сдаст их неприятелю. Начались переговоры. Сенявин с завидной дипломатической тонкостью ссылаясь на неучастие русских в военных действиях на стороне французов, и на то, что теперь, после освобождения Португалии и восстановления ее государственности, эскадра находится в порту вновь нейтральной страны со всеми вытекающими отсюда последствиями, определяемыми международными договорами. Английский адмирал Коттон приказал в ответ поднять над фортами британские флаги, заявив, что взятый с бою Лиссабон не может считаться нейтральным портом.

Лондонский кабинет заранее наметил возможные варианты действий в отношении русской эскадры и наделил Коттона необходимыми полномочиями для ведения переговоров. Признание Лиссабона нейтральным портом влекло необходимость до момента подписания перемирия между Россией и Англией держать у устья Тежу эскадру, равную по силе сенявинской, для блокирования последней. Содержание такого отряда обходилось довольно дорого, да и корабли целесообразней было использовать в борьбе с французским флотом. Поэтому англичане, в общем-то, принудили Сенявина под дулами орудий занятых ими фортов принять более выгодный для них вариант интернирования эскадры в одном из портов Англии. Впоследствии в объяснительной записке царю Сенявин по этому поводу писал; "...будучи стесняем со всех сторон несоразмерно превосходнейшими неприятельскими силами..., был уверен, что при малейшем с моей стороны упорствовании эскадра должна непременно истребиться или достаться во власть неприятеля, ...с другой стороны, находил выгоду купно с честью поддаться на предложения неприятельские»⁵⁷. 22 августа Сенявин и Коттон подписали конвенцию, по которой русские корабли передавались на сохранение английскому правительству, обязующемуся возвратить их России в теперешнем их состоянии в течение шести месяцев после заключения мира; военнослужащих с эскадры правительство отправляет за свой счет в Россию без каких-либо ограничений относительно их дальнейшей службы. По настоянию Сенявина командующие эскадрами утвердили дополнительные статьи, чрезвычайно важные для Сенявина, поскольку речь шла об ограждении чести и достоинства российского флага: «Флаг его императорского величества на моем корабле и на других русских кораблях не снимается, покуда адмирал не сойдет со своего корабля, или покуда их капитаны не учинят того же самого». Утверждая это требование Сенявина, Коттон вышел за рамки данных ему полномочий, что навлекло на него немало нареканий английского общественного мнения и служебное разбирательство.

31 августа корабли русского отряда, приняв на борт экипажи остававшихся в Лиссабоне неблагонадежных «Рафаила» и «Ярославля», в сопровождении равного по силе эскорта покинули Португалию. Когда спустя две недели эскадры подходили к портсмутскому рейду, на кормовых флагштоках русских кораблей развивались андреевские флаги. На следующий день, 15 сентября, сенявинская эскадра перешла на внутренний рейд под барабанный бой выстроенной для официальной встречи английской морской пехоты и возмущенные выкрики из собравшихся на берегу толп народа, требовавших убрать неприятельские флаги. 16 сентября Сенявину вручили ноту первого лорда адмиралтейства, аннулирующую от имени короля как неправомочные дополнительные статьи конвенции, и в категоричной форме требующую снять флаги. Выразив официальный протест по данному поводу, адмирал, тем не менее, ответил, что «находясь в порте и владении английском не могу не исполнить воли его королевского величества». На следующее утро на мачтах русских кораблей были подняты только вице-адмиральский флаг на флагмане и капитанские вымпелы на остальных. Командир Портсмутского порта расценил это как нарушение королевского указа и, угрожая применить силу, потребовал немедленно спустить и их. Вскоре адмирал Монтегю уже читал

резкий ответ Сенявина: «...я здесь еще не пленник, никому не сдавался, не сдамся и теперь, флаг мой не спущу днем, и не отдам его как только вместе с жизнью моею». Монтегю больше не настаивал, и флаги были спущены «в обыкновенное время по захождении солнца, с должными почестями»⁵⁸. От предложения съехать ему и капитанам для жительства на берег Сенявин отказался и продолжал находиться на кораблях вместе с экипажами до конца пребывания в Англии, сохранив, во многом благодаря этому, в командах воинскую дисциплину и порядок в этот долгий период вынужденного бездействия.

В середине октября суда эскадры перешли на отведенное им место постоянной стоянки между островом Уайт и городком Госпорт. Без флагов, со спущенными реями и стеньгами, свезенными на берег порохом и пушками, они являли собой удручающую картину. В Портсмуте в это время находились в плену экипажи фрегата «Спешный» и транспорта «Вильгельмина». «Спешного», везшего на Корфу около двух миллионов рублей в золотой и серебряной монете жалованья экипажам судов сенявинской эскадры, разрыв между Россией и Англией застал на портсмутском рейде. Фрегат был захвачен, деньги конфискованы. Однако серебряный сервиз — подарок Александра I Сенявину, также находившийся на борту фрегата, англичане передали адмиралу как его собственность⁵⁹. Подарок царь сделал еще до прибытия эскадры в Португалию и заключения конвенции о передаче ее англичанам, узнав о чем император «был очень опечален, но делу помочь было уже поздно»⁶⁰.

На эскадре понимали, что до открытия весенне-летней «коммуникации» на Балтике, британское адмиралтейство не может отправить экипажи в Россию, хотя их содержание было весьма накладно для англичан: месячная сметная сумма превышала 400 тыс. руб. Несмотря на то, что портовые власти мелочно экономили на всем, вовлекая тем самым Сенявина в бумажную войну с адмиралтейскими чиновниками, русским морякам жилось, особенно в сравнении с их пленными товарищами со «Спешного», довольно сносно. Офицеры могли посещать Портсмут, совершали поездки на остров Уайт. «...Мы здесь не похожи на врагов, а более на друзей, — писал своим знакомым в Россию один из офицеров, видя в этом прежде всего заслугу Сенявина. — ...Этот удивительный начальник сумел снискать уважение и у неприятелей»⁶¹. В феврале 1809 г. адмирал Кэри, сменивший Монтегю, приезжал на эскадру официально выразить Сенявину благодарность лондонского кабинета «за поведение офицеров и нижних чинов». Признательные сослуживцы, в большинстве искренне уважавшие и любившие Сенявина, решили преподнести ему в качестве памятного подарка серебряную вазу, которую заказали в Лондоне, и благодарственный адрес — «Общий глас офицеров к своему начальнику господину вице-адмиралу Дмитрию Николаевичу Сенявину». Растроганный адмирал дал бал, пригласив на обед всех офицеров, которые «были вполне счастливы, что заплатили благодарностью отличному нашему начальнику».

В июне 1809 г. началась подготовка к размещению экипажей на английских грузовых судах для отправки их в Россию. Однако вскоре она была приостановлена в связи с нехваткой транспортных средств для операции по высадке британских десантных войск на голландское побережье. Только 3 августа личный состав эскадры был погружен на купеческие суда. Вечером следующего дня конвой из 21 транспорта в сопровождении английского фрегата «Чемпион», где находился Сенявин, покинул Портсмут. В проливе Большой Бельт, «Чемпиона» сменил пришедший из Англии фрегат «Тартар», привезший Сенявину подарочную серебряную вазу. 8 сентября адмирал со всем личным составом прибыл в Ригу, завершив свою драматичную четырехлетнюю средиземноморскую эпопею. После выполнения карантинных, таможенных и прочих формальностей, команды отправились сухим путем частью в Кронштадт, частью в Ревель. Сенявин же отбыл в Петербург, где ему предстояло дать отчет о своих действиях правительству. Ехал он с тяжелым сердцем, будучи поставлен в известность о запрете появляться при дворе. Началась долгая полоса опалы. Александр I не простил Сеня-

вину Лиссабонскую конвенцию, явившуюся нарушением его указов и поставившую императора в неблагоприятное положение перед Наполеоном, не говоря уже о беспрецедентном в морской истории России факте сдачи боеспособной эскадры противнику.

В столицу Сенявин прибыл 24 сентября. Здесь он находился до весны 1811 г., занимаясь сдачей обширной документации по эскадре и подготовкой многочисленных отчетов для различных служб Морского министерства. В 1810 г. адмирал по семейной традиции определил своего первенца Николая в морской кадетский корпус⁶². Наконец, все бумажные дела были, в основном, закончены, и в апреле 1811 г. он был назначен императорским указом главным командиром Ревельского порта, что, в общем, можно расценить даже как некоторое продвижение по службе по отношению к его прежней должности старшего морского начальника. Вице-адмирал уехал в Ревель, оставив семью в Петербурге.

После четырехлетнего, практически, единовластного командования эскадрой и армейскими частями, второстепенная береговая должность была не в радость Сенявину. Тяготило все, — и недоброжелательное отношение со стороны царя и морского руководства, и бедственное состояние флота, когда из списочного состава в 42 линейных корабля на Балтике в строю находилось только 9⁶³, и собственное стесненное материальное положение, а главное, невыполненные обязательства перед сослуживцами по экспедиции о выплате им призовых денег тотчас же по возвращении на родину.

До вступления Турции в войну деньги для расходов по эскадре поступали через Севастополь и частично от графа Мочениго. С закрытием проливов поступление финансовых средств прекратилось, и Сенявин вынужден был использовать на содержание эскадры и войск суммы, получаемые от продажи захваченных неприятельских, так называемых, призовых судов и грузов, являвшихся по действовавшим узаконнениям собственностью команд, захвативших приз. По возвращении в Россию адмирал сразу же принялся хлопотать о выплате своих и служительских призовых денег, составлявших сумму около 400 тыс. червонцев. Поначалу это касалось подлежащих демобилизации увечных и отслуживших свой срок морских чинов, которым правительство выплачивало задолженности по курсу 3 руб. 30 коп. за червонец. Столь низкий курс, служащим армейских частей, вернувшимся из Англии, выплата денег с утверждения императора производилась из расчета 9 руб. за червонец, был определен Александром I в отместку морякам за сдачу своих кораблей. Когда же Сенявин обратился с просьбой о выдаче 25 тыс. руб. из положенной ему призовой суммы, он получил не просто отказ, а отказ с императорской резолюцией, «что нельзя предполагать установленной о призах награды тогда, когда и сама эскадра приобретающая сии призы, оставлена наконец в руках неприятельских»⁶⁴.

Началась многолетняя, унижительная для Сенявина тяжба с правительством о выплате призовых денег. Причем речь шла уже не о нем лично, а о сослуживцах по экспедиции, безуспешно пытавшихся получить принадлежащие им деньги, и обращавшихся за содействием к бывшему своему командующему. Сенявин старался доказать чиновникам, что императорская резолюция о призах относится только к нему, как главнокомандующему, и что только он несет ответственность за подписание Лиссабонской конвенции, а призовые деньги суть не награда, которую можно дать или не дать, а законная личная собственность российских подданных, отданная ими на время казне. Нельзя сказать, что морская администрация этого не понимала, но императорская резолюция являлась предлогом для отказа от выплаты денег, которых как министерство, так и правительство не имело. Инфляция, огромный дефицит государственного бюджета, обусловленные непрерывными войнами, опустошили казну. Тем не менее, правительство в 1811 г. нашло возможность выплатить долг в 2 450 000 руб. по особой статье бюджета «на удовлетворение команд бывших в эскадре вице-адмирала Сенявина жалованьем, провизию и прочим», но не включавшей призовые деньги⁶⁵.

В 1812 г. Сенявин подал прошение на имя царя о своем желании участвовать в войне против Наполеона. На обескураживающую резолюцию императора «где? в каком роде службы? и каким образом?» адмирал в письме морскому министру И.И. де Траверсе ответил, что он даже согласен уволиться с должности, набрать из своих крепостных крестьян отряд и вступить в ополчение, чтобы «служить таким точно образом, как служил я всегда, и как обыкновенно служат верные и приверженные русские офицеры государю императору своему и Отечеству»⁶⁶. Письмо вообще не было удостоено ответа. Оскорбленный столь явным пренебрежением, адмирал подал прошение об отставке и был уволен в апреле 1813 г. от службы с пенсионом половинного жалованья, составившим 1000 рублей. В этом году на Балтику вернулось два линейных корабля из оставленных Сенявиным в Портсмуте — «Мощный» и «Сильный». Вошедшие в состав флота в 1805 г., они сохранились лучше других. За остальные пять кораблей и фрегат, которые уже не могли выйти в море из-за плохого состояния, англичане уплатили России по их остаточной стоимости. Корабли доставили в Кронштадт корабельную артиллерию и амуницию, снятые в свое время англичанами с судов эскадры.

Сенявин поселился в Петербурге в небольшом бревенчатом доме, где жил почти затворником. Скудость средств, которыми он располагал, не позволяла ему содержать семью в дорогом для жизни Петербурге и он отправил ее, видимо, в свое небольшое имение в Тульской губернии. Длительная тяжба по поводу находившегося под арестом его родового калужского имения в 183 души мужского пола, постоянно требовала денег, и он все больше и больше влезал в долги. Иногда навещавшие его сослуживцы с трудом узнавали в сидящем обычно на скамейке у ворот понуром пожилым человеке своего бывшего командира: жизнерадостного, высокого и крепкого, с румянцем во всю щеку. Снова и снова адмирал обращался к властям с прошениями о выдаче ему и его бывшим подчиненным призовых денег. В последнем прошении, находясь на грани отчаяния, адмирал писал: «Честь моя жестоко страдает и отнимается хотя неважное все и последнее мое достояние (то есть спорное имение. — А.С.), и я, не имея никакого имущества, а получая токмо тысячу рублей пенсиона, нахожусь в крайнем со всех сторон стеснении под бременем долгов». И в конце крик души: «Государь, не попусти упасть под бременем чувствований страждущей чести и не лиши действия ... тобой любимого правосудия, того, который не щадил ни имения, ни самой жизни для запечатления тебя, государь, опытами своего усердия и верноподданической преданности»⁶⁷. Наконец, император смилостивился: в 1818 г. была назначена призовая комиссия. По итогам ее работы Сенявин в 1820 г. получил 300 тыс. руб. серебром призовых денег. Большая их часть ушла на оплату его долгов.

В том же, 1820 году, случились события, неприятные для Сенявина. В марте сын Николай оставил флотскую службу и перешел в лейб-гвардии Финляндский полк с чином поручика. 7 ноября близкий знакомый Сенявина уведомил его о слухе «будто существует здесь (то есть Петербурге. — А.С.) какое-то общество, имеющее вредные замыслы против правительства, и что почитают его, Сенявина, начальником или головою этого общества». Сообщение чрезвычайно обеспокоило адмирала, поскольку грозило куда более серьезными последствиями, чем просто царская опала. Утром следующего дня Сенявин был первым посетителем на квартире управляющего министерством внутренних дел графа В.П. Кочубея. В беседе с графом он отмел всякие домыслы о своем участии в антиправительственном обществе, о существовании которого даже не знал, и заверил Кочубея в полной лояльности и преданности верховной власти и лично императору. Однако назвать имя человека, сообщившего ему этот слух, он отказался, сославшись на непорядочность такого поступка. Министр одобрил намерение адмирала нанести визит по этому же поводу столичному военному генерал-губернатору и писать государю, «если он, Сенявин, уверен в невинности своей, как и он, граф Кочубей, полагает»⁶⁸. Каких-либо последствий для Сенявина это дело, видимо, не имело.

Сразу же по воцарении Николая I Сенявин подал прошение о принятии его на службу. Новый император, видимо, знал обстоятельства опалы известного адмирала и придерживался по данному поводу отличного от покойного брата мнения. Царская резолюция от 24 декабря 1825 г. гласила: «Принять прежним старшинством и объявить, что я радуюсь видеть опять во флоте имя, его прославившее»⁶⁹. На следующий день Сенявин первым из российских моряков был пожалован в генерал-адъютанты. Между тем, сын Николай в марте 1826 г. попал под арест по делу декабристов. Затем, по ходу работы следственной комиссии выяснилось, что руководители Северного общества намеревались включить в свое временное правительство адмиралов Мордвинова и Сенявина⁷⁰. Отца не тронули, но сына продержали до середины июня, когда по решению комиссии, не выявившей явных связей капитана лейб-гвардии Сенявина с заговорщиками, его освободили, «вменяя арест в наказание».

31 декабря 1825 г. император подписал рескрипт, предписывавший создание «Комитета образования флота», куда, в частности, вошли Д.Н. Сенявин, А.С. Грейг, И.Ф. Крузенштерн. Комитет заслушал доклад Сенявина с анализом причин упадка морских сил России и программой их обновления, ставшей основой для разработки новых штатов отечественного флота⁷¹.

В кампанию 1826 г. Сенявин командовал эскадрой, стоявшей на кронштадтском рейде. Николай I продолжал осыпать милостями стареющего флотоводца: он жалует его чином адмирала и назначает сенатором. Тем самым император как бы стремился показать, сколь высоко ценит верховная власть верность и преданность трону в человеке, который, не в пример другим, ничем не обделенным, но вышедшим 14 декабря на Сенатскую площадь, имел все основания для недовольства властью, но, тем не менее, даже в мыслях не усомнился в священности основ монархии.

1827 г. принес резкое обострение Восточного вопроса. Новая война с Турцией стала, практически, неизбежной. Сенявин рассчитывал на назначение его главным командиром Черноморского флота. Однако царь поручил ему сопровождать с отрядом кораблей до Портсмута отправляющуюся в Средиземное море эскадру контр-адмирала Л.П. Гейдена. С начала мая Сенявин почти все время находится в Кронштадте, занимаясь подготовкой эскадры к походу. Свой флаг он поднял на линейном корабле «Азов», которым командовал капитан 1 ранга М.П. Лазарев, будущий известный российский адмирал. Эскадры трижды посещал Николай I, удостаивая каждый раз Сенявина «высочайшего благоволения»⁷². Накануне отправления в море адмиралу было пожаловано 25 тыс. руб. серебром. При награждении моряков по случаю Наваринской победы царь не обошел и Сенявина: ему были пожалованы бриллиантовые знаки к ордену св. Александра Невского.

В кампании 1828 и 1829 гг. Сенявин продолжал командовать эскадрами, совершая плавания по Балтике. Царь жалует его 12-летней арендой в 8 тыс. рублей. В последнем походе Сенявин серьезно занемог: на ногах появились отеки, перешедшие в водянку. По рекомендации врачей он в следующем году, взяв четырехмесячный отпуск, поехал в Москву лечиться искусственными минеральными водами. Однако болезнь прогрессировала. К тому же Сенявина в этом году постигло тяжелое горе: умер младший сын Лев, до этого оставивший службу в армии по причине слабого здоровья.

Скончался адмирал 5 апреля 1831 г., оставив двух дочерей — Марию и Александру, и сына Николая Дмитриевича, ставшего командиром 30-го егерского полка. Он не намного пережил отца: случайная простуда оказалась фатальной для 34-летнего полковника. Д.Н. Сенявин завещал похоронить себя без всяких почестей на Охтинском кладбище. Однако ледоход на Неве не позволил исполнить последнюю волю усопшего. Император пожаловал на погребение 5 тыс. руб., оплатил казенный долг адмирала в 30 тыс. руб., пожаловал вдове адмирала Терезе Ивановне пожизненную пенсию в 10 тыс. руб., и сам командовал почетным воинским эскортом на всем пути траурной процессии от Адмиралтейской церкви до Благовещенского собора Александровской лавры, где упокоился выдающийся российский адмирал.

1. КОРГУЕВ Н. Обзор преобразований Морского кадетского корпуса с 1852 г. СПб. 1897, с. 32.
2. ВЕСЕЛАГО Ф.Ф. Краткая история русского флота. СПб. 1893, с. 112—113.
3. Русские и советские моряки на Средиземном море. М. 1976, с. 50.
4. Записки адмирала Д.Н. Сенявина. — Морской сборник. 1913, № 7, с. 7, 12, 13, 16.
5. Материалы для истории русского флота. Ч. VI. СПб. 1877, с. 601.
6. История города-героя Севастополя. 1783—1917. Киев. 1960, с. 30.
7. ГОЛОВАЧЕВ В.Ф. История Севастополя как русского порта. СПб. 1872, с. 86.
8. Записки Сенявина, с. 25.
9. История отечественного судостроения. Т. 1. СПб. 1994, с. 260.
10. Записки Сенявина, с. 28.
11. Приложения и дополнения к камер-фурьерскому журналу 1787 г. СПб. 1886, с. 70.
12. Материалы. Ч. XV. СПб. 1895, с. 55, 58, 60.
13. Бумаги кн. Г.А. Потемкина-Таврического. — Сборник военно-исторических материалов. Вып. 6. СПб. 1893, с. 354—358.
14. Записки М. Гарновского. — Русская старина, 1876, № 5, с. 32.
15. Памятные записки А.В. Храповицкого. М. 1990, с. 78.
16. Военная энциклопедия. Т. 7. СПб. 1912, с. 226.
17. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 197, оп. 1, д. 63, л. 78; ПЕТРОВ А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. СПб. 1880, с. 206—208.
18. Бумаги кн. Г.А. Потемкина-Таврического. — Сборник военно-исторических материалов. Вып. 7. СПб. 1894, с. 51; Жизнь моя. Записки адмирала Данилова. 1759—1806 гг. Кронштадт. 1913, с. 110.
19. АРЦИМОВИЧ А.А. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. — Морской сборник, 1855, № 4, с. 157 (отдел учено-литературный).
20. Материалы, ч. XV, с. 230.
21. Письма адмирала И.М. де Рибаса. — Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 11. Одесса. 1879, с. 396, 400, 401.
22. Бумаги кн. Г.А. Потемкина-Таврического. Вып. 8. СПб. 1894, с. 17.
23. Материалы, ч. XV, с. 293, 383.
24. Бумаги кн. Г.А. Потемкина-Таврического, вып. 8, с. 139.
25. Материалы, ч. XV, с. 381—386, 404.
26. Адмирал Ушаков. Документы. Т. 1. М. 1951, с. 521, 536.
27. Письма адм. И.М. де Рибаса, с. 428; Материалы, ч. XV, с. 409.
28. Адмирал Ушаков. Документы, с. 618.
29. РГАВМФ, ф. 245, оп. 1, д. 138; ТИМОФЕЕНКО В.М. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. Киев. 1984, с. 138.
30. АРЦИМОВИЧ А.А. Ук. соч., № 11, с. 267; ФРАНЦИСКО ДЕ МИРАНДА. Щоденник. — Київська старовина, 1996, № 1.
31. СОКОЛОВ А.П. Летопись крушений и пожаров судов русского флота от начала его по 1854 год (1713—1854), СПб. 1855.
32. Адмирал Ушаков. Документы. Т. 2. М. 1952, с. 177.
33. Архив гр. Мордвиновых. Т. 2. СПб. 1901, с. 686—687.
34. Материалы. Ч. XVI. СПб. 1902, с. 477, 530.
35. РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 124, л. 29; Материалы. Ч. XVII. СПб. 1904, с. 36.
36. РГАВМФ, ф. 1057, оп. 1, д. 124, л. 22.
37. Материалы, ч. XVII, с. 560; ГОЛОВИЗИН К. Очерки для истории русского флота. — Морской сборник, 1883, № 10, с. 156 (отдел неофициальный).
38. ТАРЛЕ Е.В. Сочинения. Т. 10. М. 1959, с. 248—250; ВЕСЕЛАГО Ф.Ф. Ук. соч. Ч. 11. СПб. 1895, с. 328.
39. РГАВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 16, л. 15, 16.
40. ГОЛОВИЗИН К. Ук. соч., № 12, с. 89—112.
41. БРОНЕВСКИЙ В. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н. Сенявина от 1805 по 1810 г. Ч. 1. СПб. 1836, с. 66.
42. ТАРЛЕ Е.В. Наполеон. М. 1957, с. 175.
43. БРОНЕВСКИЙ В. Ук. соч., с. 112—114; ШАПИРО А.Л. Адмирал Д.Н. Сенявин. М. 1958, с. 126.
44. БРОНЕВСКИЙ В. Ук. соч., с. 175—177.
45. СТАНИСЛАВСКАЯ А.М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. М. 1976, с. 239.
46. РГАВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 65, л. 80—83.

47. ШИЛЬДЕР Н. Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб. 1904, с. 152.
48. СТАНИСЛАВСКАЯ А.М. Ук. соч., с. 331; ГОНЧАРОВ В. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. — Морской сборник, 1913, № 7, с. 60 (отдел неофициальный).
49. ГОНЧАРОВ В. Ук. соч., с. 63.
50. ПАНАФИДИН П.И. Письма морского офицера. Пг. 1916, с. 50.
51. КОКОВЦОВ М.Г. Описание Архипелага и Варварийского берега. СПб. 1786, с. 19.
52. БРОНЕВСКИЙ В. Ук. соч. Ч. 3. СПб. 1837, с. 88.
53. ПАНАФИДИН П.И. Ук. соч., с. 62.
54. БРОНЕВСКИЙ В. Письма морского офицера. Ч. 2. М. 1825, с. 358, 361.
55. ПАНАФИДИН П.И. Ук. соч., с. 84.
56. ГОНЧАРОВ В. Ук. соч., с. 80—81; ТАРЛЕ Е.В. Сочинения, т. 10, с. 331.
57. Там же, с. 343.
58. АРЦИМОВИЧ А.А. Ук. соч. № 12, с. 253—255; БРОНЕВСКИЙ В. Записки, ч. 4. СПб. 1837, с. 298—299.
59. ГОЛОВИН В.М. Путешествие на шлюпе «Диана». М. 1961, с. 126; ДАВЫДОВ Ю.В. Вечера в Колмове. И перед взором твоим... Опыт биографии моряка-мариниста. М. 1989, с. 228; ПАНАФИДИН П.И. Ук. соч., с. 96—97.
60. АРЦИМОВИЧ А.А. Ук. соч. № 12, с. 254.
61. ПАНАФИДИН П.И. Ук. соч., с. 101.
62. Общий морской список. Ч. 8. СПб. 1894, с. 207.
63. КАЛЛИСТОВ Н.Д. Русский флот и двенадцатый год. СПб. 1912, с. 20—27.
64. РГАВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 145, л. 17об., 17.
65. БЛИОХ И.О. Финансы России XIX столетия. Т. 1. СПб. 1882; БРЖЕСКИЙ Н. Государственные долги России (Историко-статистическое исследование). СПб. 1896; ПЕЧЕРИН Я.И. Исторический обзор росписи государственных доходов и расходов, СПб. 1896; Сборник РИО. Т. 45. СПб. 1885, с. 458.
66. АРЦИМОВИЧ А. Ук. соч. № 12, с. 260.
67. ГОНЧАРОВ В. Ук. соч., с. 91—95.
68. ТАРЛЕ Е.В. Сочинения, т. 10, с. 354, 355.
69. ГОНЧАРОВ В. Ук. соч., с. 95.
70. СЕМЕНОВА А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М. 1982, с. 14.
71. История отечественного судостроения, т. 1, с. 345; БЕСКРОВНЫЙ Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. М. 1973, с. 494.
72. Записки Государственного адмиралтейского департамента. СПб. 1827, с. 291—302.

С.Н. Глобачева. Прелюдия происходящих в мире событий

*Посвящается моим дорогим внукам
Олегу и Владимиру*

Прошло 33 года с того ужасного времени, когда в России произошла революция, воспоминания о ней живо сохранились в моей памяти, и я хочу, будучи уже на краю могилы, беспристрастно передать то, что было, чему я сама была свидетельницей, а также свои переживания.

В моих воспоминаниях я привожу настоящие фамилии упомянутых в них людей, так как, за очень малым исключением, никого из них уже нет в живых. Начну с 1904 года, когда мой муж был назначен в г. Белосток (в Польше), где большая часть населения были евреи. Когда начались выступления революционеров, выразившиеся в постоянных убийствах должностных лиц, то правительство учредило в Белостоке небольшое охранное отделение, начальником которого был назначен мой муж, еще совсем молодой человек, окончивший Академию Генерального штаба и только год тому назад оставивший лейб-гвардии Кексгольмский полк, где он был общим любимцем как офицеров, так и солдат.

Муж был причислен к Министерству внутренних дел. С приездом нашим в Белосток началась вся моя тревожная, мучительная жизнь, так как ни за один день я не могла поручиться, что мой муж не будет убит революционерами. Некоторые из многих убийств в Белостоке, касающиеся не должностных лиц, а просто солдат, как-то особенно врезались в мою память. Помню, как был убит ни с того ни с сего один денщик, возвращавшийся с базара домой, подкравшимися сзади революционерами; помню, как рота солдат возвращалась с учения, с песнями, домой в казармы и из засады вдруг началась по ней стрельба из револьверов и брошена была бомба кучкой молодых евреев. Несколько солдат было ранено, и рота ответила выстрелами. Город замер, начались обыски в домах, в которых попрятались стрелявшие революционеры. Шла непрерывная стрельба и со стороны солдат и со стороны революционеров, стрелявших из окон. Так как в Белостоке многие дома, в особенности в еврейском районе, были сквозные, то пули попадали и в невинно проходящих или сидящих у своих домов людей даже на далеком расстоянии от происходящей перестрелки. Таким образом было убито несколько стариков, женщин и детей, два военных писаря и несколько мирных жителей. От чьих пуль были они убиты, от солдатских или революционеров, никому не было известно, но революционеры сейчас же воспользовались

этими случайными убийствами, чтобы кричать, что правительство убивает стариков, женщин и детей. Мой муж находился вместе с другими властями на месте происшествия, и я не могла оставаться спокойно дома и поэтому села с одной моей знакомой в трамвай, шедший по главной улице, чтобы узнать, что именно происходит. Владельцы магазинов — евреи, которые меня лично знали, подходили к трамваю и упорно настаивали, чтобы я вернулась домой, так как могу быть убитой шальной пулей. Пришлось послушаться и переживать дома ужасные часы до прихода моего мужа. Жуткое зрелище представляли похороны невинных жертв этой перестрелки. Потом началась целая серия убийств должностных лиц пулями и бомбами, закончившаяся погромом, вызванным провокаторами-революционерами, которые находили, что «чем хуже, тем лучше».

К счастью моему, мы уже не были в это время в Белостоке. Всех должностных лиц, которые находились там, включая и военных, революционеры приговорили к смерти и стали посылать своих террористов в те города, где эти лица потом находились, и все были убиты, хотя и в разное время. Муж получил потом сведения, что приезжали и в г. Лодзь, куда был переведен мой муж, и намеревались его убить, но, узнав от своих, что во время погрома он был уже в г. Лодзи, оставили пока свой замысел.

Оставались мы в Белостоке один только год. Перед отъездом мне пришлось пережить кошмарную ночь, но окончившуюся благополучно и даже с маленьким курьезом. Муж получил сведения, что в Белосток приехал один важный террорист для изготовления бомб. Так как выполнение ареста этого террориста было очень опасным, то муж сам, с назначенными для этого людьми, отправился руководить этим арестом, что не входило в его прямую обязанность. Вошедши в квартиру этого террориста, люди стремглав бросились к нему и выхватили готовую уже бомбу, которую он держал в руках, чтобы бросить в пришедших и, конечно, самому погибнуть при этом. Зная, на какую опасность отправился мой муж, я не могла сомкнуть глаз всю ночь, но, очевидно, под утро, очень утомившись от переживаемых волнений, я на минутку вздремнула и вдруг с ужасом проснулась. Спросонья мне послышался какой-то плач, но какова была моя радость, когда я увидела моего мужа живым и невредимым, в пальто, стоящим подле моей кровати и вытряхивающего из своего рукава пищашего щеночка нескольких дней от роду. Оказывается, возвращаясь домой, он услышал какой-то писк и, подойдя к месту, откуда он раздавался, увидел дрожащего от холода щеночка и, всунув его в рукав пальто, чтобы он согрелся, принес его домой. В прекрасную потом собаку превратился этот найденыш-щенок.

Из Белостока муж был назначен начальником жандармского управления в г. Лодзь, где тогда начались повальные забастовки и убийства. Не проходило и дня, чтобы кого-нибудь не убили. Когда няня с детьми выходила на прогулку, я ей строго приказывала не выходить сейчас же после мужа или его подчиненных и держаться вдаль от встречаемых должностных лиц, в которых из-за угла могут бросить бомбу. Все должностные лица не выходили иначе, как окруженные с четырех сторон солдатами с ружьями, но даже несмотря на эти предосторожности, многие были убиты, и не только из начальствующих лиц, но и нижних чинов. Ужасным образом погиб один из помощников мужа. Ежедневно он выходил из дома в определенное время и, окруженный солдатами, отправлялся на службу. Революционеры были осведомлены о времени и маршруте его и поджидали их. Когда он с солдатами подошел к углу улицы, послышался вдруг провокационный выстрел сзади и когда все они обернулись, то с двух улиц спереди выскочили молодые революционеры и всех уложили на месте, а в лежачего убитого офицера выпустили еще 10 пуль. Такой террор продолжался довольно долго, и только после того, как забастовщики одной большой фабрики арестовали владельца-еврея, связав его на фабрике, когда он пришел для переговоров с ними, и истязали его в течение трех дней, мучили его, били, не давали ни есть, ни пить, жители города завопили в панике и молили о сильной власти, и тогда

на смену прежнего временного генерал-губернатора, человека слабого и нерешительного, был назначен генерал Кознаков, арестовавший зачинщиков и предавший их военно-полевому суду, который приговорил 10 человек к расстрелу, в том числе одну женщину, главную подстрекательницу.

Приговоренные приговору не верили. Сидя в тюрьме, глумились над ксендзом, пришедшим подготовить их к смерти, над решением суда, говоря «не посмеют», но когда их привели в лес на место расстрела и они увидели 10 вырытых могил, то начали кричать, плакать и молить о помиловании. После этого забастовки прекратились, и только изредка случались еще убийства.

Революционеры все время распускали всякие вздорные слухи, чтобы будоражить население. Однажды был пушен слух, что готовится погром. Владелец лавки — еврей, живший в доме по соседству с нашим, пришел ко мне с просьбой позволить приютиться ему с женою и шестью детьми у нас на кухне в случае погрома. Я ему доказывала, что никакого погрома власти не допустят и он может быть совершенно спокоен, но он не успокоился до тех пор, пока я ему не обещала, что в случае погрома, которого, конечно, не будет, он может расположиться со всей семьей у нас в квартире, в комнатах прислуги. То, что еврей искал убежища в нашей квартире, ясно показывает, что жители не верили, что власти устраивали [погромы], как об этом кричали революционеры. В такой обстановке мы жили, окруженные солдатами с ружьями, когда куда-нибудь выходили из дому, но как-то привыкли к этому и даже не замечали. Знакомые, приезжавшие из Варшавы нас навещать, поражались, как мы можем переносить подобную напряженную жизнь, но, очевидно, люди привыкают даже к самому худшему и, как это ни покажется странным, но проведенные четыре года в Лодзи остались самыми лучшими моими воспоминаниями, несмотря на все то, что пришлось там переживать. Думаю, что произошло это потому, что жители и фабриканты, большей частью евреи, а также гражданские и военные власти, квартировавшие там, очень доброжелательно и с большой симпатией относились к нам. Не могу обойти молчанием личность бывшего тогда президента города Лодзи — поляка, действительного статского советника Пеньковского (в Польше городской голова назывался президентом города). Это был человек чрезвычайной честности и глубоко преданный Государю и России. Когда он говорил о царской семье или кто-нибудь из присутствующих, он неизменно вставал и почтительно стоял все время, пока разговор длился.

Город Лодзь представлял из себя самый большой в Польше фабричный город, с полумиллионным населением. Подъезжая к нему, уже за несколько верст можно было видеть громадное облако густого черного дыма, обволакивающего город, и старожилы уверяли, что, может быть, из-за этого дыма в Лодзи никогда не было никаких эпидемий, и даже когда по всей Польше свирепствовала холера, она все же миновала его. Остаться летом в таком дымном городе не было возможности, и кто имел детей старались выбраться куда-нибудь. В этом отношении чудное место представляла Спала — летняя резиденция Государя, куда он часто приезжал с семьей отдохнуть и поохотиться. Дворец стоял в огромном сосновом лесу, перемешанном с огромными дубовыми деревьями. В лесу находились целые стада оленей, даниелек и диких кабанов, а также фазаны. Всюду по лесу были устроены ясли, куда клалось сено для оленей, были устроены высокие площадки, с которых стреляли по кабанам во время царских охот. Дворец стоял недалеко от проезжей дороги, шедшей через весь лес. Это был небольшой двухэтажный дом с небольшим числом комнат, обставленных скромной мебелью. Главным украшением комнат и передней были стены, увешанные сверху до низу головами оленей с рогами всевозможной величины и кабанов с огромными клыками, убитых во время охот Государем, великими князьями и высокими особами, приезжавшими погостить в Спалу из-за границы. Под каждой парой рогов была прибита серебряная дощечка с именем охотника и числом, когда олень был убит; такие же дощечки были и под клыками. Некоторые рога были до того большие и разветвленные, что казалось невероятным, чтобы такое дере-

во выростало на головах оленей и они так легко могли носить такую тяжесть. Вокруг дворца были пристройки для свиты и приезжающей с царской семьей прислуги, конюшни и казармы для квартирующего там эскадрона драгун.

В полуверсте от дворца жил мелкопоместный помещик-поляк, который выстроил в лесу на горе несколько дач и сдавал их в аренду. Вот в одну из таких дач я каждое лето отправлялась с детьми, старушкой няней-немкой и прислужгой. В других дачах жили тоже русские из города Лодзи. И если бы не вечная моя тревога за мужа, оставшегося в неспокойной Лодзи, то лучшего и более успокаивающего места трудно было найти. Дети, от годовалых до пяти лет, находились там, подружились между собой и, руководимые моей старушкой-няней, дружно и весело играли, а мы, взрослые, от них не отставали и очень увлекались такими играми, как лапта (в Америке это безбол), кегли и тому подобное. Часто я отправлялась на велосипеде в глубину леса, по тропинкам, и нередко дух захватывало, когда приходилось останавливаться, услышав топот многочисленных копыт, и мимо пронеслось огромное стадо оленей — картина восхитительная. В нескольких минутах ходьбы от дач протекала довольно широкая река Дрвенца, приток Вислы, куда раза два в день как дети, так и взрослые ходили купаться. Иногда с другого берега реки на нас, купающихся, удивленно глядели два-три оленя. В лунную ночь мы, взрослые, шли на реку и купались, и пение наше разносилось далеко по реке. Ночью часто подходили к дачам кабаны, оставляя взрытую кругом землю на память о себе.

Помню один эпизод последнего нашего пребывания на даче в Спале, чуть не стоивший мне жизни. Во дворце для его охраны находился эскадрон драгун, и офицеры перезнакомились с нами, дачниками. Узнав, что я любительница верховой езды, они обещали привести для меня лошадь, чтобы вместе покататься, и за день до назначенного времени приучали ее ходить под дамским седлом, привесив сбоку мешок. Я была в амазонке, когда лошадь подвели ко мне и вестовой, поставив ее около глубокого оврага, по глупости, посадил меня на нее. Не успела я заложить ногу за луку, как она, испугавшись моей амазонки, начала брыкаться, подыматься на дыбы и бить задними ногами. Никто не решился к ней подойти, и она после трех-четырех таких скачков сбросила меня; я очутилась под ее передними копытами, которыми она перебирала над моей головой, стараясь инстинктивно не наступить мне на голову. Счастье, что она не упала вместе со мной в овраг — это был бы мой конец. В самый момент моего падения раздался оглушительный смех всех дачных детей, собравшихся смотреть мою верховую езду. Увидев, что лошадь встает на дыбы, а я упала и лежу на земле, они решили, что я, должно быть, хотела показать им какой-то цирковой трюк. Все вздохнули с облегчением, когда я выбралась из-под лошади, но молодость остается неразумной, и на все уговоры и просьбы дачников не садиться больше на нее, я все же из самолюбия села опять, приказав только вестовому закрыть ей глаза и провести так несколько шагов. Как только открыли ей глаза, она понеслась, и я порядком испугалась, но мало-помалу, не слыша за собой топота других лошадей, так как офицеры нарочно медленно ехали сзади, она успокоилась, и все обошлось благополучно.

Самой достопримечательной личностью на даче был еврей Янкель, который вместе со своим дядей, почтенным и честным стариком, взял в аренду маленький домик у подножия песчаной горы, где были дачи, и открыл там лавочку. Это был бледный, худой юноша лет 18-ти, симпатичный, и все мы к нему очень хорошо относились и прощали все его мелкие надувательства при уплатах по счету. В этом отношении на него мало действовали постоянные нравоучения его дяди о честности. Надо было поражаться выносливости и терпению Янкеля. Он открывал свою лавочку в 5 часов утра и уходил в ближайшее местечко, где он жил, в 10-11 часов вечера. Прислуга часто забывала купить то то, то другое, спустившись утром в лавочку, и тут-то целый день звали Янкеля приносить забытое, и этот несчастный, с приветливым лицом, бегал в жару вниз и вверх песчаной горы, исполняя поручения при-

слуги. За эту его приветливость и неутомимость мы, дачники, простили ему, когда, уговоривши нас всех купить у него еще цыплят и уток в переполненный уже курятник, он ночью же, приехав на телеге, всех их выкрал и пот... их же снова продал нам. На следующее лето помещик из-за этого случая хотел сдать лавку Янкелю, а отдал ее одному поляку, который открывался в 9 часов утра и уходил уже в 2 часа домой. Прислуга взбунтовалась, и дачники, заявили помещику, что если Янкелю не сдадут лавочку на следующее лето, то никто из нас не приедет на эти дачи, и Янкель опять появился на нашем горизонте.

После четырехлетнего нашего пребывания в г. Лодзи муж был назначен начальником охранного отделения в Варшаву. Уезжал также и временный генерал-губернатор генерал Казнаков в Петербург, получив там назначение. Проводы генерал-губернатору и мужу город устроил общие, и в этих проводках участвовали все слои общества. Продолжались они в течение двух недель то у одних, то у других представителей города. Муж пользовался большой любовью и уважением как среди христианского, так и еврейского населения города за свою честность, справедливость и доступность. Накануне отъезда генерал-губернатора из Лодзи муж получил сведения, что революционеры решили не выпустить генерала Казнакова живым и собирались взорвать дворец одного фабриканта, в котором жил генерал-губернатор и где помещалась его канцелярия, или бросить в него бомбу при отъезде. Муж велел произвести обыски во всем доме и подвалах, но ничего подозрительного не нашли. На следующий день утром муж уехал в Варшаву принимать должность, а я пошла проводить Казнаковых, с которыми мы были очень дружны. Когда они садились в подвезавший экипаж, то начали со мной прощаться, но я заявила, что еду вместе с ними на вокзал. Удивило меня, что они как-то переглянулись между собой, но ничего не сказали, и мы благополучно доехали до вокзала, где собрался их провожать весь город. Только через две недели, уже в Варшаве, когда мы с мужем завтракали с Казнаковыми в гостинице «Бристоль», выяснилось, почему они переглянулись, когда я заявила, что еду проводить их. Мадам Казнакова отвела меня в сторону и сказала мне, что она никогда не забудет, что я, мать двух детей, зная, что на ее мужа готовится покушение, села с ними в один экипаж. Таким образом, сама того не подозревая, я попала в героини.

Я была рада жить опять в Варшаве, в городе, который я отлично знала, где я кончила Александро-Мариинский институт и где я вышла замуж. В Польше вообще я жила почти с самого моего рождения, и те поляки, которых я знала с детства, как взрослые, так и дети, с которыми мы были дружны, очень хорошо и дружелюбно относились к нам, несмотря на то, что мы были русские. Поэтому не могу не написать об одном эпизоде, который меня поразил. Два года тому назад в Нью-Йорке в одной русской семье я встретила одного интеллигентного средних лет инженера-поляка, который, не зная, что я жила в Польше, начал рассказывать, как Польша страдала под игом русского владычества, что не только не позволяли говорить по-польски, но для того, чтобы дети могли изучать польский язык, надо было собираться в подвалах, завешивать окна, чтобы свет от свечей не проник на улицу. Выслушав все это, я его спросила, был ли он в Варшаве, и, узнав, что он оттуда родом и жил там до приезда в Америку, сказала ему, что мне очень странно слышать все это, что я жила в Польше, училась в институте и могу сказать, что в нашем русском институте императрицы Марии Феодоровны, помещавшемся в Варшаве на Вейской улице № 8, училось много полек-католичек, дочерей состоятельных родителей, а также разных польских вдов-дворянок, и почти все эти девочки были на казенном счете или содержались за счет Государыни. В каждом классе одна треть были польки. Мы, русские девочки, часто возмущались, что почти все они воспитываются на казенный счет, тогда как русским родителям, чиновникам и военным, приходится платить за своих дочерей. В институте было три церкви: православная, католическая и лютеранская. Приходил как русский священник, так и католический ксендз и лютеранский пастор для преподавания закона Божьего два раза в

неделю, и каждый преподавал, конечно, на своем языке, приходил и мулла к магометанкам, которых было немного. И ксендз и пастор служили обедни в этих церквах. Все польские праздники праздновались наравне с русскими и танцев не было. Два раза в неделю приходил учитель польского языка, как теперь помню — пан Гржибовский. Русские девочки оставляли тогда класс и игрались только польки. Я часто ухитрялась оставаться в классе и поэтому училась читать и писать по-польски. Перед началом уроков всегда выходила на середину класса две воспитанницы: православная, читавшая по-русски, а католичка — по-польски молитву перед учением, то же было и перед обедом. Помню, как-то ради шутки я и одна подруга полька решили поменяться ролями, я прочла молитву по-польски, а она по-русски, классная дама не заметила этого, пока мы не кончили молитву, и сделала нам выговор за неуместную шутку. На Пасху выпускной класс не отпускался по заведенному обычаю домой, и на католический Светлый праздник мы все, русские, отправлялись в костел на богослужение, а на русскую Пасху католички приходили в нашу церковь и потом разговлялись вместе с нами. В торжественные дни все власти присутствовали на богослужении в кафедральном католическом костеле. Когда приезжал в Варшаву Виленский католический архиепископ и процессия двигалась со всеми образами и хоругвями по городу, генерал-губернатор и все власти шли с нею. Прислуга в русских домах, как мужская, так и женская, была большей частью польская, говорила на своем языке, и хозяева обращались к ней тоже по-польски. Где же здесь было угнетение?

В Варшаве мы пробыли три года и, ввиду того, что в 1913 году предполагались торжества по случаю 300-летия Дома Романовых, главным образом в Нижнем Новгороде, то муж мой был назначен туда начальником губернского жандармского управления. Нижний Новгород мне не понравился: скучный, сонный город, хотя и главный на Волге; но вид на Волгу был замечательно красивый — со снующими все время нагруженными баржами и великолепными пассажирскими громадными и богато устроенными пароходами. Оживал город во время ярмарки, которая была на другом берегу Волги и представляла собой нечто феерическое, в особенности по вечерам, когда она была залита светом. Купцы и промышленники стекались сюда со всей России, заключались миллионные сделки, все народности, населяющие Россию, привозили свои лучшие товары и изделия, и чего только там не было, глаза разбегались, глядя на все это, жизнь и веселие били ключом. Театры, рестораны самые роскошные и разные увеселения открывались во время этой ярмарки.

Грандиозное зрелище представляла из себя река Волга во время ледохода. Лед трескался с таким шумом, как будто стреляли из орудий, и когда он начинал двигаться, то льдины подымались в целую высокую гору, сталкиваясь между собой. Во время ледохода сообщение между обоими берегами прерывалось, и так как железная дорога была на другом берегу Волги, там, где бывала ярмарка, то пассажиры, приехавшие поездом, должны были ждать, пока лед не пройдет, моста же не было. Как-то я поехала в Москву, и когда уезжала туда, то Волга была еще сильно замерзшей. Возвращаясь назад через несколько дней, получив телеграмму, что дети заболели, я подъехала к реке Волге и с ужасом увидела, что лед тронулся. Пассажиры приехавшие в одном поезде со мной, разбрелись по гостиницам, так как нельзя было знать, как долго будет проходить лед — иногда это брало два-три дня, а иногда целую неделю, я же очень беспокоилась насчет детей и стала уговаривать лодочников перевезти меня на другой берег, то есть в Нижний Новгород. Никто не соглашался на это, все советовали мне обождать, пока лед не пройдет, и не рисковать, но мое беспокойство было сильнее страха, и мне удалось уговорить за десять рублей трех смельчаков лодочников переправиться. Усадили они меня в небольшую лодку и сами сели в нее. Там, где вода очистилась от льда и новые льдины были еще довольно далеко, мы плыли, а где лед покрывал ее толстым еще слоем, лодочники вылезали и втаскивали лодку со мной на лед и тащили ее по льду, пока опять не показывалась вода, очищенная от

льда, и таким образом добрались мы через два часа до другого берега. Люди, стоявшие на берегу, с ужасом смотрели на нашу переправу, а мне казалось тогда, что это совсем не было так страшно. Волга была очень опасной во время ледохода. Как-то я пошла к Волге заказать стерлядь и, возвращаясь, остановилась на довольно далеком расстоянии от реки, чтобы посмотреть на ледоход. Вдруг слышу — рыбак кричит мне, чтобы я скорее уходила подальше, так как целая громадная глыба льда плывет в моем направлении. Окрик был такой внушительный, что я отбежала вовремя. Я поразилась силе этой льдины, которая в одну минуту срезала как ножом большущий кусок земли на берегу, и он поплыл вместе с нею, а также и домик, который стоял на ней; если бы я не отбежала, то и меня унесло бы так же.

В 1913 году Нижний Новгород готовился к встрече Царской семьи. Из нижегородского общества девять дам были выбраны, чтобы представиться Государыне, в это число попала и я. Все дамы были в белых платьях и белых шляпах. Помню один эпизод с нашим представлением: статс-дама Государыни графиня Нарышкина записала все наши фамилии, в каком порядке мы должны будем представиться. В день представления одна из дам заболела и не смогла явиться, и когда графиня Нарышкина представляла нас, то, забыв вычеркнуть из списка не явившуюся даму, представила нас всех, таким образом, под другими фамилиями. Очень волновался и огорчался управляющий государственными имуществами, что его жена была представлена Государыне под другой фамилией. Я его успокаивала, уверяя, что все равно под какими фамилиями мы ни были бы представлены, Государыня не запомнила бы ни одной, слишком много пришлось бы ей запоминать. Представляясь Государыне, мы делали глубокий реверанс и целовали ей руку. Великие княжны были выстроены шеренгой в ряд начиная со старшей и кончая младшей. Мы здоровались с ними за руку, они мило улыбались, видимо, забавляясь всей этой процедурой. Наследника не было там. Государыня подходила к каждой из нас и задавала несколько вопросов. Никакого акцента в ее русском языке, о котором так много кричали, я не уловила. Когда Царская семья уезжала, то за царским пароходом следовал сейчас же свитский, а через полчаса после их отъезда отошел вечером на небольшую увеселительную прогулку пароход с представлявшимися депутатами от волжских городов, промышленниками, пароходовладельцами и т.п. Я была на этом пароходе; муж не поехал, так как за эти дни он был страшно утомлен. Все были веселы, радостно настроены, делились своими впечатлениями. Пароход был залит огнями, шампанское лилось рекой, громадные стерляди, вазы с икрой, лучшие фрукты из разных стран и другие дорогие яства были расставлены на столах в изобилии. Шел наш пароход по тому же направлению, что и царский, и когда мы проходили мимо Сормовского завода, славившегося своим революционным настроением, то рабочие завода, думая, что это именно царский пароход, так сверкающий разноцветными огнями, неистово кричали «ура» и оркестр завода играл «Боже, Царя храни», пока наш пароход не скрылся из вида. Было что-то потрясающее в этом выражаемом энтузиазме рабочих. Через некоторое время после Романовских торжеств муж был назначен в город Севастополь. Когда грянула война, он находился по делам службы в Петербурге, где начались тогда беспорядки, и был поражен мгновенной сменой настроений, когда был прочитан народу манифест Государя об объявлении войны. Все студенты, все рабочие, участвовавшие перед этим в антиправительственных демонстрациях, опрокидывавшие трамваи, разбивавшие окна в магазинах и т.п., во мгновение ока переменились, появились откуда-то национальные флаги, и толпа, восторженно распевая гимн «Боже, Царя храни», до поздней ночи двигалась по всему Петербургу. Во время войны мы находились уже в городе Севастополе. Приехал туда Государь для осмотра укреплений и на некоторое время поселился в Ялте, куда постоянно приходилось ездить моему мужу, так как и этот район был в его ведении. Два раза за это время муж был приглашен к Высочайшему завтраку на «Штандарт» — яхту Государя, на котором присутствовало только двенадцать человек. Государь много рассказывал и расспрашивал, и муж поражался его памятью и прекрасным образованием.

Приход «Гебена» — турецкого военного корабля — в Севастополь произвел на меня ужасное впечатление. Муж на рассвете был вызван к адмиралу, командующему флотом, на военное совещание. Были получены сведения, что «Гебен» вышел по направлению к Севастополю. Не успел муж вернуться домой, как началась страшнейшая канонада, много домов было повреждено, две или три орудийные батареи были снесены, и находящиеся при орудиях солдаты были разорваны в клочки, найдены были только обрывки одежды и сапог. Мы боялись, что дом, в котором мы жили, может обрушиться, так как находился как раз против бухты, через которую «Гебен» стрелял по кораблям, находившимся там, а потому мы вышли на улицу и, пока «Гебена» не прогнали наши снаряды, не входили в дом. После ухода «Гебена» разнесся слух по городу, взволновавший как моряков, так и население, будто он попал на минные заграждения и «танцевал на них», как выражались, в течение нескольких минут, но минный офицер не нажал кнопку, чтобы взорвать его, думая, что это транспорт, которого ждали из Ялты, случайно попавший на мины. 1915-й новый год мы встречали еще в Севастополе. Приглашенных к нам на встречу его было человек тридцать. Как раз в полночь, когда мы поздравляли друг друга, была подана мужу телеграмма с назначением его в Петроград начальником охранного отделения. Все гости поздравляли его с этим назначением, а у меня появилась какая-то тяжесть на душе — не хотелось ехать в Петроград, как бы предчувствуя все то, что там пришлось пережить, и я это высказывала. Гости доказывали мне, что я не имеею права отговаривать моего мужа и вредить ему по службе, что от назначений вообще нельзя отказываться. Так в беседе мы все просидели до 5 часов утра, а вечером муж уехал в Петроград. Многие его провожали, и хотя я еще накануне чувствовала себя очень плохо, все же поехала на вокзал. Вернувшись, сейчас же легла, а утром была уже без сознания: у меня был брюшной тиф в очень сильной степени. Послана была телеграмма мужу, только что прибывшему в Петроград, и он, представившись министру внутренних дел, попросил разрешения вернуться в Севастополь. Министр отнесся очень сочувственно и сказал, чтобы муж оставался там, пока я не буду на пути к выздоровлению.

С переездом в Петроград началась поистине кошмарная жизнь со всеми переживаниями неудач войны и все возрастающими внутренними революционными настроениями среди интеллигенции. На фронте этого не было, и офицеры, приезжавшие в отпуск, стремились скорее уехать обратно от этого тяжелого настроения, слухов и т.п. Подпольные организации почти бездействовали, благодаря всегда вовремя принимаемым мерам моего мужа. Зато Государственная дума и интеллигенция старались во всю, упиваясь вздорными слухами, сплетнями, подрывая у народа веру и уважение к Царской Семье и власти. Главным козырем в их руках для всего этого был Распутин. Общество не сознавало, что оно само создает силу Распутина, приписывая ему не существующее огромное влияние на Царскую семью. Если Государь не соглашался на высылку его из Петрограда, то это было понятно, если принять во внимание, что только Распутин внушением останавливал несколько раз кровотечение у наследника и Государыня, обожавшая сына, боялась, что с отъездом Распутина из Петрограда наследник может истечь кровью. Мне никогда не приходилось видеть Распутина. Муж видел его один только раз, когда по настоянию министра внутренних дел должен был поехать к нему, чтобы лично уладить жалобы Вырубовой на постоянное пребывание с ним людей, приставленных к нему для охраны, после покушения на него из личной мести какой-то простой бабы. Люди эти всюду сопровождали Распутина, куда бы он ни выходил, даже к «Яру» (ресторан с цыганами), куда он часто ездил покутить, также и в баню. Таким образом, каждый шаг его был известен мужу. В день же убийства он их обманул, сказав что он никуда не выйдет, а ляжет спать, и отпустил их [охрану] домой, а потом уехал с заехавшим за ним Юсуповым (сыном московского генерал-губернатора) на пирושку, закончившуюся для него смертью.

Муж рассказывал мне, что, когда он приехал на квартиру Распутина, тот вышел к нему совершенно пьяным. Притаптывая, обнимая мужа, повел его в столовую и говорил все время какую-то непонятную чепуху. Муж пробыл у него полчаса и, когда собирался уходить, пришла дочь Распутина сообщить, что приехала Вырубова — фрейлина Государыни. Муж поражен был необычайно сильной волей этого человека. За минуту перед тем он шатался, не мог связать двух слов и вдруг — с приходом Вырубовой — сразу отрезвел, начал вести разговор на религиозные темы серьезно и степенно. Никогда больше муж не видел его живым, а только мертвым, когда присутствовал, когда его нашли, вытащив из проруби. Насколько было много нелепых слухов, могу привести следующий факт: как-то я поехала в Мариинский театр и пригласила к себе в ложу наших знакомых — инженера путей сообщения с женою. По окончании оперы мы вышли, и вместо нашего автомобиля подъехал старый, небольшой, заводящийся ручкой, и сидевший за рулем шофер из городских, ездивший всегда с Распутиным в Царское село, доложил, что так как наш автомобиль, отвезший меня в театр, по дороге домой испортился, то ему приказано было ехать за мной хотя бы на этом. Мне даже совестно было пригласить моих знакомых в такой автомобиль, но делать было нечего — пришлось всем сесть и поехать. По дороге зашла речь о Распутине, злобе дня, и мой знакомый спросил меня правда ли, как циркулируют слухи, что для Распутина есть специальный бронированный автомобиль, внутри которого с двух сторон находятся пулеметы. Я улыбнулась и сказала, что если он считает этот автомобиль бронированным, в котором мы сидим, и видит пулеметы где-нибудь, значит слухи правильны, Распутину посылались только этот автомобиль, и то только для поездок в Царское Село, чтобы ему не ездить поездом, где опять какая-нибудь женщина могла покушаться на его жизнь, и ни в каком другом автомобиле он никогда не ездил. Во время всей службы моего мужа в Петрограде Распутин никогда не был во дворце, встречал он Государыню только на квартире Вырубовой, куда она приезжала с великими княжнами, иногда приезжал туда и Государь. Так как Государыня была мистически настроена, то уверения Распутина, что пока он жив ничего плохого с Царской семьей не случится, могло глубоко запасть в голову Государыне, и предприняты были меры для его охраны. В сущности, предсказание Распутина все же исполнилось.

После убийства Распутина, о котором не буду распространяться, об этом все знают и много писалось, интеллигенция во главе с Государственной думой (парламент) делали все, чтобы революция разразилась. Тревожные и прямо жуткие были два последних года в Петрограде. Муж, и его подчиненные офицеры, и все служащие работали днем и ночью, не имея отдыха ни на праздники, ни на Рождество, ни на Пасху. Муж вставал в 9 часов утра и отправлялся в 10 ч. в свой служебный кабинет. К этому времени приходили офицеры и служащие. В два часа я посылала лакея попросить мужа к завтраку, но редко бывало, чтобы он мог закончить его спокойно: то вызывал его министр внутренних дел, то председатель [Совета] министров, то ему нужно было по делам экстренно съездить в Департамент полиции, к градоначальнику и т.д. Возвращался он домой к 7 часам вечера, и иногда ему удавалось прилечь на один час до обеда, после которого он уходил в служебный кабинет, принимая доклады и делая распоряжения на следующий день. И так каждый Божий день до 5 часов утра. Когда мне приходилось приглашать его офицеров поздно вечером к чаю, то все они горько жаловались на то, что им приходится так тяжело работать, в сущности, впустую, что власти, по-видимому, не вникают в ежедневные доклады мужа, в которых он указывал на неминуемую ужасную революцию, если не будут приняты своевременно необходимые меры, но они, очевидно, слишком были заняты интригами между собой для того, чтобы удержаться на своих должностях, и как искажались доклады мужа, он мог судить по тому, что после своего доклада 9 января 1917 г. о забастовках, волнениях сильных среди рабочих и о некоторых выступлениях министр Протопопов в его же присутствии снесся по телефону с Царским

Селом и передал все в розовых красках — что все обошлось спокойно и нечего тревожиться. Муж часто настаивал на необходимости делать ему лично доклады Государю. Соглашались, обещали это устроить, но, по-видимому, из боязни, что будет доложена Государю наглядная и истинная картина всего происходящего, так ничего и не сделали в этом направлении. И министру внутренних дел Протопопову и председателю [Совета] министров Штюрмеру муж постоянно говорил о необходимости при сложившихся обстоятельствах дать конституцию, а не ждать пока ее вырвут. Но говорили ли они об этом Государю, он, конечно, не знал, но думал, что не говорили. Под влиянием моего мужа на Протопопова была отменена черта оседлости для евреев, указ был подписан, но председатель [Совета] министров этот указ задержал, решив опубликовать его на Пасху, но — революция этому помешала. В бытность Протопопова министром внутренних дел по инициативе моего мужа был возбужден вопрос о ненадежности войск петроградского гарнизона. Муж представил все данные о составе и настроении гарнизона. Вследствие этого был составлен доклад на Высочайшее имя, и Государь согласился заменить некоторые запасные воинские части петроградского гарнизона гвардейским кавалерийским корпусом, находящимся на фронте. Это решение так и не было приведено в исполнение вследствие полученной Государем телеграммы от командира этого корпуса с великой просьбой оставить гвардейский корпус на фронте, как об этом молят все офицеры и солдаты. Таким образом Петроград остался без верных войск и должен был опираться на ненадежный элемент гарнизона. Муж рассказывал, что министр внутренних дел Протопопов был очень суеверен, он сам говорил ему, что находится в переписке с знаменитым оккультистом в Лондоне, с которым познакомился в последнюю поездку, когда был еще членом делегации Государственной думы. От этого оккультиста Протопопов получил предсказание по числам на январь и февраль 1917 года с указанием дурных и хороших дней для него. Эти числа Протопопов просил моего мужа записать для сведения. Действительно, как это ни странно, но все обозначенные оккультистом дни для Протопопова были ужасными, а 27 февраля был последний день монархии и конец карьеры Протопопова.

Наступило роковое для России и всех 27 февраля. Уже накануне город замер и жизнь как бы прекратилась. На улицах был полумрак, город был полон всяких ужасных слухов. Не буду вдаваться в подробности, а опишу только то, что касалось непосредственно моего мужа и меня.

Всю ночь муж и все его подчиненные находились в канцелярии. Днем доложили, что толпа, разрушая по дороге правительственные учреждения и убивая должностных лиц, движется к особняку, где была наша квартира и канцелярия. В доме провода оказались перерезанными кем-то, и муж, не имея возможности сноситься с властями, решил отправиться на Морскую улицу, где находился один из отделов охраны и где жили его два старых помощника. Услышав об его решении, я быстро отвела нашего сына (дочь была в институте в Москве) к одним знакомым, жившим недалеко от нас, и просила ни на шаг его не отпускать, пока я за ним не приду, и помчалась к мужу, который, переодевшись в штатское платье, уже садился в автомобиль со своим старшим помощником. Я вскочила туда же, и мы поехали. Уходя из дому, я сказала прислуге, что если мы не вернемся к 8 часам вечера, то чтобы они обедали без нас. Не думала я тогда, что уже никогда больше не вернусь в нашу квартиру.

Отъехав немного, муж решил вернуться и вышел из автомобиля, а его помощник двинулся дальше, удерживая меня, чтобы я не последовала за мужем, но тем не менее я выскочила и присоединилась к нему. Отправились мы по направлению к дому, но перед мостом через Неву была уже поставлена застава, стояли солдаты с ружьями наперевес, и какой-то прапорщик запыла заявил, что никого не пропустят дальше. Поневоле, но уже пешком, пришлось идти на Морскую улицу, где муж снесся по телефону с Зимним дворцом, куда перебрались власти, и все время находился с ними в контакте.

Весь вечер и всю ночь по Морской улице шла стрельба. Из окон квартиры помощников мужа можно было видеть лежащих на мостовой солдат, отстреливающихся от мчавшихся солдат с пулеметами. Всю ночь длилась сильная канонада, так как в соседнем доме с отделом находилась главная телеграфная и телефонная станция, которую хотели захватить революционеры, а оставшиеся верными солдаты защищали ее. Были убитые и раненые среди людей мужа, и к раненым муж вызывал доктора для перевязок. Не смыкая глаз ни на минуту, в сильно напряженном состоянии, все мы ожидали исхода боя за станцию, как вдруг рано утром прибегает прислуга с воплем, что к нам идут вооруженные солдаты. Спустились мы по черной лестнице и вышли во двор, но уже навстречу к нам шли солдаты, они уже остановились перед нами, как вдруг началась ожесточенная стрельба из ружей и пулеметов — революционеры брали штурмом станцию. Солдаты опешили и на минуту растерялись, а мы, воспользовавшись этим моментом, выскочили на улицу и быстро пошли по ней, где пули так и свистели. Муж и его два помощника пошли вперед, а я, не имея больше сил, немного отстала и плелась сзади под непрерывным пулеметным огнем. Одно время он так усилился, что я не выдержала, остановилась и прижалась к стене, рядом со мной прислонился какой-то фельдфебель, и мы оба ждали каждую секунду быть убитыми. Как только немного утихла стрельба, я побежала догонять мужа и увидела, что он, заметив, что я не следую за ними, в страшном волнении бросился назад искать меня. Решено было идти на вокзал и отправиться в Царское Село, где муж лично хотел доложить обо всем, что творится в Петрограде.

Пришлось употребить четыре часа, чтобы добраться до вокзала, так как шли разными закоулками, чтобы избежать стрельбы; ни одного извозчика, ни одной телеги даже не было и в помине. Я плакала, нервы не выдерживали всего этого, и притом я страшно волновалась за сына. На вокзале один из помощников мужа распрощался и остался в городе, а мы купили билеты и втроем поехали в Царское Село. Прибыв туда, нас поразила полная тишина и спокойствие, и только взгляд конного лейб-казака стоявшего на проезжей дорожке для охраны, выражал тревогу и [говорил,] что в Царском Селе беспокойно и чего-то ожидают. Муж снесся по телефону с дворцом, но за отсутствием дворцового коменданта генерала Гротена говорил с начальником дворцовой полиции полковником Герарди и сообщил ему о том, что происходит в Петрограде, и спросил рассчитывают ли отстоять Царское Село, так как, по мнению мужа, петроградская чернь к вечеру появится в Царском. На это Герарди ответил, что Царское Село безусловно в безопасности, что имеется гарнизон в 5 тыс. верных солдат, который даст отпор, и что дворец окружен пулеметами. Сказал, что только что был великий князь Михаил Александрович, который уверял Государыню в полном спокойствии и что ни Ей, ни детям не угрожает никакая опасность, что он даже сам думает перевезти сюда во дворец свою семью. Он уговорил Государыню отложить свою поездку с детьми в Могилев, и поезд, назначенный на тот день для этой цели, был отменен. Из разговора с Герарди муж вынес впечатление, что они не уясняют себе сущность совершающихся событий и что все сводится, по их мнению, к дворцовому перевороту в пользу великого князя Михаил Александровича.

Было уже поздно, и я так устала, что валилась с ног. Решили взять комнату на какой-нибудь даче и переночевать. Все время где-то вдали слышался рев подстреканной толпы и одиночные выстрелы. Но не суждено нам было спать и эту ночь. Не успела я раздеться, как послышался стук в дверь и вошел молодой человек, сын хозяйки, бледный и дрожащий. Волнуясь, сказал мужу, что напротив находится полицейский участок и что толпа, приближаясь все ближе, несомненно начнет громить его и то же может случиться с их дачей и что лучше было бы, если бы мы ушли. Муж предполагал, что хозяева просто боялись, не зная, кто мы такие, и думали, что, может быть, Протопопов, которого всюду искали.

Как никак, пришлось одеться и отправиться на этот раз на квартиру одного из офицеров мужа, который по службе должен был жить в Царском

Селе. Никто и там не ложился спать и все тревожно ожидали поезда с Государем из Ставки, который должен был прибыть в 12 часов ночи. Офицер ушел на вокзал встречать поезд Государя, и оттуда он каждый час телефонировал мужу. В 12 часов ночи поезд не прибыл, в 2 часа тоже и т.д., а в 5 часов утра он протелефонировал, что поезд не придет, так как Государь арестован. Как громом поразило всех это известие; мы, женщины, плакали, а мужчины еле сдерживали слезы. Вернувшись с вокзала, офицер этот переоделся в штатское платье, и все мы вышли и распрощались. Он с женой пошел в одну сторону, а мы втроем в другую, по направлению к Павловску, где была дача матери помощника моего мужа и где жил сторож, охраняя ее. Было чудное морозное утро, снег блестел и скрипел под ногами, дачи утопали в снегу, и все это, озаряемое солнцем, представляло дивную картину, не хотелось верить, что люди могут быть так зверски настроены и так безрассудно и глупо губить свою родину. Добравшись до дачи, решено было, что я вернусь в Петроград узнать, как там все обстоит, так как мы питались только слухами и я ужасно беспокоилась о сыне. Муж с помощником своим должны были оставаться на даче и ждать моего возвращения. Уезжая, я взяла честное слово с моего мужа, что он никуда не двинется, пока я не вернусь, и ничего над собой не сделает, что бы ни случилось, так как я как-то уловила отрывок их разговора о револьверах и что в крайнем случае можно покончить с собой. Заметив, что я стала прислушиваться, они прекратили этот разговор.

Приехав в Петроград, я отправилась сейчас же к знакомым, у которых оставила сына. Оказалось, что к ним два раза ночью приходили с обыском, сын мой не спал совершенно и находился в очень нервном состоянии. Взяв его оттуда, отправились к другим знакомым, где было меньше шансов, что придут с обыском. Напившись у них кофе и оставив там сына, я должна была сейчас же отправиться обратно известить мужа, что председатель Думы Родзянко отдал приказ, чтобы все как военные, так и гражданские чины явились в Государственную думу в трехдневный срок. Я совершенно выбилась из сил, на ногах выступала кровь от ходьбы, всю дорогу с вокзала я шла пешком очень большое расстояние, но другого способа передвижения не было, все вымерло, кроме свистящих пуль, откуда-то пронесившихся, и опять надо было совершить утомительное обратное путешествие на вокзал. Я думаю, что только чрезвычайно сильное напряжение нервов заставляло меня еще двигаться и проявлять какую-то энергию. Бесконечно долго плелась я обратно, еле передвигая ноги. Попадавшие солдаты предупреждали меня не идти по тому или иному направлению, где шла непрерывная стрельба и лежали убитые, но я не могла свернуть с дороги — это намного удлинило бы мой путь и вряд ли у меня хватило бы сил добраться до вокзала; но все же я доплелась до него.

К своему большому удивлению, я встретила на вокзале моего мужа и его помощника. Они мне страшно обрадовались и рассказали, что, сидя на даче, слышали из своей комнаты, как приходившие к сторожу его знакомые говорили, что по Павловску рыщут какие-то люди, ищут спекулянтов и убивают их. Так как муж и его помощник были в штатском платье, то их тоже могли принять за спекулянтов, и они решили лучше отправиться на вокзал, где и дожидаться меня. Известие, которое я привезла, о приказе Родзянко как раз пришлось на руку, чтобы отправиться в Петроград, где, они думали, налаживается уже какой-то порядок. Приехав туда, мы расстались с помощником мужа и пошли мимо Исаакиевского собора к знакомым, у которых находился наш сын. Пули так и свистели мимо самых ушей, и я инстинктивно закрывала свою голову муфтой. Застали сына в большом волнении: было уже поздно, а я, уходя, обещала ему вернуться засветло. Напившись чаю, муж в сопровождении нашего знакомого, который взял на всякий случай своего вестового, чтобы казалось, что они ведут арестованного, если им встретятся бесчинствующие солдаты, отправились в Думу. Вернувшись, он сообщил, что благополучно довел моего мужа до Государственной думы и сдал его караульному начальнику. Обыкновенно имена всех явившихся в Думу и там арестованных сейчас же газеты пропечатыва-

ли, но прошел день, два, три, а о муже не было ни слова. Я страшно волновалась и, не зная, что с ним приключилось, решила сама идти в Думу за справками. Никаких способов передвижения все еще не было, кроме своих ног, и люди толпами ходили по своим делам по мостовым. Примкнула и я к такой толпе, и так как мне почти не случалось ходить по Петрограду, а только ездить, и вообще я всегда плохо ориентировалась, то я не знала, как мне пройти к Таврическому дворцу, в котором помещалась Государственная дума. Рядом со мной шел какой-то офицер, и я обратилась к нему с просьбой указать мне дорогу. Он мне ответил, что сам отправляется туда и чтобы я следовала за ним. Обрадовавшись этому, я спросила его, не могу ли я как-нибудь попасть в само здание, и узнала, что он служит там и имеет пропускной билет. Набравшись храбрости, попросила его провести и меня по этому билету. Он мило ответил, чтоб я держалась его и, может быть, часовые пропустят меня заодно с ним. Так и вышло. Было два проверочных пункта, где стояли часовые и требовали пропускной билет, офицер показывал свой, а я проскальзывала вслед за ним. Таким образом мы добрались до коридора, где офицер представился мне, назвав свою фамилию, которую я, к сожалению, при моем волнении, сейчас же забыла. От души поблагодарила его, и мы расстались, он пошел направо в какую-то комнату, а мне указал дверь налево, которая вела в зал Государственной думы, где находились в то время почти все члены ее.

Войдя в зал, я не выдержала и расплакалась, многие тотчас же меня окружили, спрашивали, в чем дело, но, узнав, что я пришла узнать о своем арестованном муже, тихонько ретировались. Наконец подошел ко мне один член Думы, и, как потом я узнала, это был Замысловский. На мои слезы и замечание, что наверное что-нибудь сделали с моим мужем, так как о нем нет никаких известий, он успокаивал меня, уверяя что никаких эксцессов не было, что они сами боялись, что будут, но когда привели военного министра генерала Сухомлинова и солдаты бросились на него, то выбежал Керенский, заслонил собою Сухомлинова, сказав, что только перешагнув через его труп они смогут тронуть генерала, который должен будет предстать перед судом, и что после этого поступка Керенского у большинства членов Думы свалилась гора с плеч, они поняли, что эксцессов не будет. Тот же храбрый член Думы пошел разузнавать о моем муже и, нашедши его, устроил мне тотчас же свидание с ним, а также принес мне билет на право входа в Государственную думу во всякое время. Этим билетом я пользовалась потом и при большевиках, когда в Таврическом дворце заседал совет рабочих и солдатских депутатов. Я показывала билет, когда мне нужно было попасть туда, и меня пропускали, не потрудившись даже ознакомиться с этим пропуском.

Муж сидел арестованным в Министерском павильоне вместе с другими сановниками. Я навещала его и часто брала детей с собой, дочь я взяла уже из института, так как ходили слухи, что немцы двигаются на Москву, и я боялась, что она будет отрезана от нас. Навещая мужа, надо было проходить через зал, где был полный хаос, шум и гам. Солдаты, бросившие фронт, вскакивали на трибуну, дико кричали, ударяя себя в грудь и что-то доказывая — что именно, нельзя было разобрать, да и сами они, видимо, ничего не понимали, сознавая только одно, что могут кричать, шуметь и бесчинствовать теперь вволю. Во время одного из моих посещений мужа мне нужно было пройти в какую-то комнату за справкой, и я обратилась к одной еврейке, довольно оборванной, грязной, в порванных башмаках, попросив ее указать мне, как пройти туда. Не удержалась я, чтобы не выразить своего негодования по поводу того шума, гама и хаоса, который происходил. Она мне ответила, что все это уляжется и всем будет хорошо, наступит настоящий рай для людей. Потом я узнала, что еврейка, с которой я говорила, была затесавшаяся туда большевичка Каменева, а много лет спустя, уже в Америке, я увидела ее фотографию в американских газетах, сидящей за обеденным столом у себя с послами разных государств, роскошно одетую и увешанную бриллиантами — для нее действительно наступил неожиданный рай.

Сидели арестованные сановники и генералы уже целый месяц в павильоне, и никто их не допрашивал, никто не предъявлял обвинений против них, так как нечего было предъявлять: служили верой и правдой Царю и Отечеству. Обслуживала их политическая молодежь, относилась хорошо. Вступала с ними в разговоры и дебаты; говорили моему мужу, что он им совсем не давал организовываться, ликвидируя сейчас же все, и в подполье нельзя было работать, поэтому революция явилась для них неожиданным сюрпризом. Все арестованные в павильоне в течение месяца совсем не ложились, так как постелей не было, и дремали только в креслах и на стульях одетыми, белье, приносимое из дома, меняли в смежной комнате. Когда мы вышли из дому в первый день революции, то абсолютно ничего не захватили с собой, поэтому очутились в самом безвыходном положении, и я должна была брать белье для смены мужу, детям и себе у знакомых.

В первые дни своего ареста муж просил меня зайти к секретарю Родзянко и сказать ему, что он находит нужным видеть председателя Государственной думы и сообщить ему важные сведения о большевиках, которые не преминут воспользоваться благоприятным для них моментом, чтобы перехватить власть в свои руки. Секретарь, фамилию не помню, доложил Родзянко, и на следующий день передал мне, возмущаясь сам такой беспечностью, что Родзянко ответил, что очень занят и не находит возможным видеться теперь с моим мужем, и секретарь добавил при этом, что Родзянко вообще не знает, что из себя представляют большевики.

Мы, жены арестованных, проявляли необычайную смелость и энергию, чтобы добиться их освобождения, но этого не так легко было достигнуть, так как нас все время уверяли, что держат их под арестом для их собственной безопасности, хотя толпа, когда ее не наэлектризовывали, относилась довольно равнодушно к арестованным после первых дней революции. Газеты левого направления старались разжигать ненависть толпы, печатая разные нелепые слухи, и вот после каких-то гнусных сообщений толпа в несколько тысяч человек, подстрекаемая агитаторами, появилась вечером у Таврического дворца, требуя выдачи им арестованных для расправы. Я старалась всегда быть вблизи того места, где был мой муж, когда что-нибудь случалось, я глубоко верила по какому-то внутреннему чувству, что в самую критическую минуту найду какую-то возможность его спасти, не зная, как и чем, конечно, и хотя это была только моя иллюзия, но я верила и этим жила. Страшные и мучительные моменты пришлось мне переживать, находясь около толпы, которая дико кричала и редела, требуя их выдачи.

Вдруг все смолкло. Пронесся слух, что Керенский вышел. Действительно, Керенский подошел к толпе, его тотчас подняли на руках вверх и через головы собравшихся людей он начал увещевать их спокойно разойтись по домам, уверяя, что арестованные предстанут перед судом и понесут должную кару (вероятно, за верную службу родине). Говорил Керенский долго, и толпа мало-помалу редела и разошлась. К счастью, арестованные не знали, что творилось перед дворцом. На следующий день всех их должны были распределить, кого в Петропавловскую крепость, кого в Выборгскую тюрьму, в «Кресты». Я очень боялась, что мой муж попадет в Петропавловскую крепость, где режим был очень строгий и где арестованные были совершенно изолированы от внешнего мира. Только потом им разрешили изредка иметь свидания с близкими. Я была как раз у мужа, когда в комнату, где мы сидели, вошел Керенский и объявил, что всех их увезут завтра из Таврического дворца. Утром следующего дня состоялся переезд, мужа подвезли к Петропавловской крепости, но не высадили с другими, попавшими туда, а отвезли в тюрьму. Я почувствовала некоторое облегчение, так как начальники тюрем оставались пока на своих местах, были не изверги, а люди, и довольно отзывчивые, можно было с ними разговаривать, навещать своих два раза в неделю и передавать белье и посылки. В первое мое свидание с мужем уже в тюрьме он был в очень подавленном состоянии, и я, уйдя от него, не находила себе места, боясь, что вдруг муж над собой что-нибудь сделает.

Поздно вечером я позвонила по телефону начальнику тюрьмы и просила его зайти в камеру к мужу узнать, как он себя чувствует. Начальник тюрьмы это исполнил и сообщил мне, что мой муж вполне спокоен. Когда я пришла в следующий раз в тюрьму, муж рассказал мне, что, возвращаясь обратно в камеру после нашего свидания, он вдруг услышал сзади себя всхлипывание, обернувшись, он увидел, что сопровождавший его часовой плачет и на вопрос мужа, что с ним, ответил: «Ваше превосходительство, так тяжело, так тяжело смотреть на все это».

Первое время все арестованные в тюрьме находились вместе в одной большой камере и пользовались относительной свободой, но после одного неожиданного инцидента стало гораздо хуже. Один из уволенных тюремных сторожей, по злобе, провокационно вызвал по телефону Московский полк, наиболее большевистски настроенный, и сообщил, что арестованные взбунтовались и с оружием в руках стараются выбраться из тюрьмы. Московский полк и примкнувшая к нему по дороге большая толпа примчались к тюрьме и, угрожая, требовали впустить их внутрь. Начальник тюрьмы Попов — большевик, заменивший прежнего, — человек порядочный и неглупый, с тремя надзирателями (остальные все служащие разбежались) вышел к бушевавшей толпе, предварительно приказав закрыть за собою ворота на засов, и в течение трех часов уговаривал солдат и толпу успокоиться, что все арестованные сидят спокойно по камерам, никакого оружия при себе не имеют, и предложил им выбрать из своей среды десять человек делегатами, чтобы они сами могли убедиться, что все спокойно и что они были введены в заблуждение злостной провокацией. Они согласились, и он пропустил этих десять человек в тюрьму. Выбранные делегаты шумно ворвались в камеру, грубо ругаясь, и искали оружия, которого, конечно, не нашли. Видя, что на кроватях арестованных лежат соломенные тюфяки, сорвали их, сказав, что они могут спать и на голых досках, запретили свидания и передачу посылок и, наконец, убралась, потребовав перевести всех арестованных по отдельным камерам по двое и в одиночку. Мужа поместили в одну камеру с одним из его помощников, а когда того выпустили через три-четыре месяца, муж остался один и говорил мне, что его состояние духа было тогда самое ужасное.

На следующий день по городу распространился слух, что Московский полк ворвался в тюрьму и всех арестованных перебил. Бежали к тюрьме с плачем матери, сестры и жены. Я шла в этот день с детьми на свидание с мужем и слышала все это, но какое-то внутреннее чувство подсказывало мне, что это не так, что все обошлось благополучно. В тюрьму нас не пустили. Я вызвала начальника тюрьмы Попова и просила его честно сказать мне всю правду, и он рассказал, как все было, добавив, что нужно будет воздержаться на некоторое время от свиданий, что посылку, которую я принесла мужу, он постарается передать, если у камеры окажется сознательный часовой; часовой оказался сознательным.

Начиная с ареста наших мужей в Министерском павильоне мы, жены, бегали ко всем стоявшим тогда у власти лицам, требуя объяснения, за что, собственно, их держат и когда намерены, наконец, их выпустить. Больше всего мы посещали прокурора палаты Каринского. Это был тогда очень сухой человек, держал нас всегда очень долго в приемной, так как вставал не ранее одиннадцати часов. Он жил в здании Министерства юстиции и на все наши вопросы отвечал, что революция еще не кончилась и он не знает, когда наши мужья будут выпущены. Когда же одна из дам как-то заявила ему, что он дождется того, что жены арестованных начнут стреляться у него в кабинете, он испугался и никого больше не принимал. При большевиках ему пришлось самому бежать, и он поселился в Нью-Йорке.

Приходилось мне часто посещать министра юстиции Переверзева. Я думала, что в частной жизни, как знакомый, он был бы милейшим человеком, но как министр юстиции он никуда не годился: ни логики, ни понятия в административном отношении не имел никакого. Так как я имела возможность во время царского режима встречаться с людьми, занимавшими высо-

кие посты, то невольно бросалась в глаза глубокая разница между прежними опытными и знающими должностными лицами и теми, которые теперь случайно очутились на верхах. Часто при разговоре с ними мне казалось, что это большие дети, затеявшие игру в правительство, не подумав о последствиях ее. Задумывалась я также над тем, что неужели среди всех социалистов-революционеров не нашлось более серьезных, способных людей, как только адвокаты, занявшие все ответственные посты. Переверзев был человек приятный, неизменно принимал нас сидя в глубоком кресле и всегда с трубкой во рту, позировал, закатывая свои голубые глаза, которые действительно были у него красивые, и, по-видимому, даже любил с нами разговаривать, по крайней мере никогда нас не торопил уйти с ссылкой на то, что он очень занят.

Отталкивающий и пренеприятный тип был Муравьев, стоявший во главе образовавшейся Чрезвычайной комиссии для того, чтобы найти хоть какое-нибудь обвинение против прежних должностных лиц. Мы все его ненавидели. Порядочные и уважающие себя прокуроры, товарищи прокурора и судебные следователи из прежних не хотели с ним работать и уходили в отставку.

Переиду теперь к личности Керенского. Думаю, что мое личное мнение о нем и впечатление, которое я вынесла из моего разговора с ним после революции, когда он держал уже всю власть в своих руках, будет противоречить мнению о нем большинства людей. Не имея, конечно, в виду защиту Керенского, я все же должна сказать, что, по-моему, его роковая ошибка была в том, что он сунулся в воду не зная броду, приняв за истину все слухи, сплетни, распускаемые про Царскую семью и правительство. Рассказывали, что он сам поразился, сколько было во всем этом лжи. Керенский был всегда социалистом-революционером, не скрывал этого и всюду, где представлялась только возможность, ругал и набрасывался на правительство, и поэтому мне кажется, что лояльности нельзя было ожидать от него и что обвинять его можно в меньшей степени, чем других, которые чуть не коленопреклоненными слушали Государя, а за спиной готовили измену Ему и родине своей. Когда Родзянко после революции уговаривал великого князя Михаила Александровича отказаться от престола и ждть, пока народ не выберет его, Керенский держался в стороне, не уговаривая и не отговаривая великого князя Михаила Александровича. Хотя Государь был слаб и последние министры были заняты интригами между собой и только желанием удержаться на занимаемых постах — все же это были преходящие, могущие измениться сами по себе обстоятельства, ничтожные по сравнению с тем, до чего довела Россию революция, и если б Керенский, получив власть и увидев, сколько лжи, сплетен было распространяемо и что все не так ужасно было, как ему казалось со стороны, повернул бы по другому направлению, любя родину, то ему было бы легко добиться конституции, и положение не только России, но и всего мира было бы иное, чем теперь. Керенский, по-моему, был человек импульсов, о чем я могла судить, будучи однажды на заседании Государственной думы, когда Родзянко прочел указ Государя о ее временном роспуске; из боковой двери тогда вдруг выбежал Керенский, весь красный, взволнованный, и неистово закричал: «Долой полицию и жандармов» — и исчез.

Это было первый раз, что я его видела вообще, а во второй раз — уже после революции, когда, тщетно добываясь от Переверзева и Каринского [ответа] о причине ареста мужа и времени его освобождения, я решила отправиться к самому Керенскому. Не помню, в каком здании он тогда находился, но когда я вошла в зал, то увидела многих из прежних высших чиновников, в полной парадной форме трепетно ожидавших возможности представиться Керенскому. Я обратилась к докладчику, и он мне посоветовал пойти к товарищу министра, так как Керенский очень занят. Меня это не устраивало, я хотела лично говорить с Керенским и уселась в кресло, уставшая, разбитая морально, не думая ни о чем. В это время открылась дверь из кабинета и Керенский вышел, окруженный целой свитой, и направился в кабинет товарища министра. Ожидавшие представиться ему лица раболепно отвешивали низкие поклоны. Когда минут через десять Керенский возвращался

со свитой к себе, то я, за минуту перед этим не думавшая, что поступлю таким образом, вскочила и подбежала к нему. Керенский опешил, но остановился: «Я должна говорить с вами», — сказала я. «Ваша фамилия?» — спросил он. «Глобачева», — был мой ответ. «Свидания с мужем не дам», — ответил Керенский. «Я вас не о свидании прошу, а хочу говорить с вами». Он подумал и сказал: «Хорошо».

Этот краткий между нами разговор навсегда врезался в моей памяти. Тотчас же подошел ко мне адъютант и провел в комнату, смежную с кабинетом Керенского, где сидели уже несколько лиц, ждавших очереди быть вызванными. Раздался звонок из кабинета, адъютант пошел туда и, вернувшись, вызвал меня вне очереди к Керенскому. Я вошла и уселась в кресло, до того взволнованная, что многое из разговора пронеслось в голове как в каком-то тумане. Помню, что мы оба волновались, Керенский нервно ходил по комнате взад и вперед и на мой вопрос, почему арестован мой муж и когда будет освобожден, сказал, что он им нужен для дачи каких-то показаний, и как только опасность, грозящая арестованным со стороны народа, который, по-моему, даже не знал об их существовании, минует, то все они будут освобождены. На мою жалобу, что вся квартира, все имущество разгромлено и разграблено, Керенский заявил, что все убытки будут всем возмещены. Когда же, уходя, я обернулась к нему, заявив, что я и сын, мальчик, не имеем куда голову приклонить, так как все наши документы разграблены, а без них нигде нельзя устроиться, Керенский порывисто, минуя меня, выбежал вперед в смежную комнату, где за столом сидел его секретарь Сомов, и выкрикнув: «Найдите этой даме квартиру», быстро исчез обратно. Поглядев на меня своими сонными глазами, секретарь не знал, что ему делать. В то время в Петрограде невозможно было достать не только квартиры, но и комнату. И я сказала ему, чтобы он просто выдал для меня с сыном удостоверение личности, чтобы меня не беспокоили обысками, допросами и тому подобное, что он и сделал.

На следующий день при свидании с мужем я передала ему весь мой разговор с Керенским. Присутствовавший всегда при свиданиях начальник караула Знаменский, друг Керенского, сказал: «Керенский прекрасно знает, что вы видите с мужем». Знаменский по своим разговорам и тактичности производил впечатление очень порядочного и сердобольного человека. Посещая Переверзева, тогда уже министра юстиции, я доказывала ему, что они не имеют права так долго держать мужа без предъявления ему обвинения и что он должен освободить его. На это он мне ответил, что не может взять на себя такой ответственности, так как совет рабочих и солдатских депутатов сейчас же заявит протест. В то время советы начинали уже крепнуть и Временное правительство очень их побаивалось. «Хорошо, — сказала я Переверзеву. — Дайте мне честное слово, что если я вам достану бумагу от совета рабочих и солдатских депутатов, что они ничего не имеют против освобождения моего мужа, то вы его освободите». Переверзев на это согласился, и я его не видела почти два месяца, которые употребила на то, чтобы добиться нужной бумаги.

Прежде всего я отправилась в Таврический дворец с пропуском, выданным мне еще членами Государственной думы. Там меня окружила молодежь, спрашивая, чего я хочу, и отнеслась ко мне доброжелательно. Узнав, в чем дело, тут же они заявили мне, что моего мужа они очень уважали, но что его несчастье в том, что он служил при царе. Однажды в Таврическом дворце ко мне подошел какой-то артиллерист, прапорщик запаса, и заговорил, а при повторных моих посещениях он, не помню по какому поводу, рассказал мне, что у них имеется страшное орудие, еще не совсем усовершенствованное, и что если нажать на какую-то кнопку, допустим из Петрограда, то на любом расстоянии можно разрушить целый город. Я недоверчиво отнеслась к его рассказу, и он повел меня в одну из комнат, где стояла какая-то машина, похожая на большой волшебный фонарь. Фамилия этого прапорщика была Михайлов, был ли он социалист-революционер или большевик — не знаю, но думаю, что большевик, так как после большевистского переворота я его встретила на улице прекрасно одетым в военную форму; мне он не покло-

нился, и вид у него был чрезвычайно самонадеянный. В особенности принял во мне участие один студент, находившийся всегда в Таврическом дворце, по фамилии Муравьев Он познакомил меня с Чхеидзе — депутатом Государственной думы, игравшим тогда в Таврическом дворце большую роль, и рассказал ему, в чем дело, и Чхеидзе направил меня к секретарю совета рабочих и солдатских депутатов. Не называя своей фамилии, я только сказала, что мой муж, генерал, находится под арестом уже столько времени без предъявления ему обвинения, на что секретарь совета заявил мне, что они сами уже несколько раз обращали внимание Временного правительства на то обстоятельство, что арестованных держат не предъявляя обвинения. На мою просьбу выдать мне бумагу о том, что против освобождения мужа они ничего не имеют, он ответил, что уже было у него несколько жен генералов с подобной просьбой, но им в этом было отказано, я же доказывала необходимость получения такой бумаги, и он в конце концов обещал, что когда на следующий день будет совещание совета, то он заявит об этом ходатайстве.

Через три дня я пришла, и мне было сказано подать прошение в совет рабочих и солдатских депутатов. Вернувшись домой, долго раздумывала я над тем, как озаглавить бумагу: написать «прошение» казалось мне унижительным обратиться так к совету рабочих и солдатских депутатов, и я решила просто написать «заявление» жены начальника Охранного отделения в Петрограде С.Н. Глобачевой и явилась с ним к секретарю совета. Он принял меня довольно любезно, но, когда открыл бумагу и увидел заголовок, побагровел весь и закричал: «Как! К начальнику Охранного отделения нет никаких обвинений — невозможно!» Я отнеслась спокойно к его вспышке и сказала: «Как это ни странно вам может показаться с вашей точки зрения, но действительно никаких обвинений нет, кроме того, что он честно выполнял свой долг и обязанности». Мало-помалу он все же успокоился, взял мое заявление, обещая передать его на усмотрение совета рабочих и солдатских депутатов, и сказал прийти за ответом через неделю. Неделя прошла, и я отправилась узнать о результате. Секретарь вручил мне бумагу, в которой было сказано, что они ничего не имеют против освобождения моего мужа и предоставляют решить вопрос об освобождении его Временному правительству. Бумага эта в почти истлевшем виде находится у меня. Часто задумывалась я над тем, почему вначале, когда я посещала Таврический дворец, чтобы получить требуемую бумагу для министра юстиции Переверзева, большевики не относились ко мне враждебно. Я предполагала, что происходило это потому, что среди них были тогда еще идейные люди, которые, разочаровавшись в том, что происходило, постепенно уходили — или их убирали, уступив место большевикам другого сорта, других методов борьбы, со всем обманом, террором и ложью. Так, например, не зная, где живут офицеры, большевики пустились на хитрость и спустя некоторое время после своего воцарения издали декрет: явиться всем офицерам для регистрации, якобы для получения различных назначений. Многие отправились к ним, хотя муж и предупреждал легковых не ходить туда, говоря, что это ловушка; и, действительно, большевики, взяв их адреса, всех арестовали и расстреляли.

Радостно возвращалась я домой с бумагой от совета рабочих и солдатских депутатов и на следующий день отправилась к министру юстиции Переверзеву. «Вот вам бумага, теперь вы должны освободить моего мужа», — сказала я. «Я не могу его освободить», — ответил Переверзев. «Почему? — возмутилась я. — Почти два месяца мне пришлось хлопотать, чтобы ее получить, почему же вы теперь отказываетесь исполнить свое обещание?» — «Потому что он был начальником Петроградского охранного отделения», — услышала я в ответ. «Но вы же дали мне честное слово, что освободите его, как только я принесу вам бумагу от совета рабочих и солдатских депутатов». — «Ну, это было тогда, а теперь другое дело», — ответил «министр юстиции» Переверзев. «Имеете ли вы какое-нибудь другое еще обвинение, кроме того, что он занимал эту должность?» — спросила я. «Нет», — был его ответ.

Что можно было ответить на все это. Видя, что мне больше нечего говорить с ним, я ушла и больше с ним лично не имела дела, а обращалась только через товарища прокурора палаты Попова, который остался служить при Временном правительстве, оставаясь таким же честным и порядочным, каким был и при царском, несколько не изменившись, как это сделали многие другие из прежних должностных лиц. Через него я просила министра юстиции Переверзева перевести мужа из тюрьмы хотя бы на Фурштатскую улицу, где раньше находился штаб корпуса жандармов и куда доставляли также морских офицеров из Кронштадта, которых матросы арестовывали, обвиняя одних в том, что офицеры требовали содержать палубу в чистоте, других за то, что подтягивали за неряшество, за то, что были строгие, и тому подобное, но никого матросы не обвиняли в избиении или грубом обращении с ними. Товарищ прокурора палаты Попов передал мою просьбу Переверзеву, и тот сказал, что он должен сперва съездить в тюрьму и переговорить с мужем.

Несколько раз приходилось мне просить Попова поторопить Переверзева поехать в тюрьму, и каждый раз получался ответ, что завтра. Наконец Попов пришел сказать, что Переверзев сейчас едет, но так как и на этот раз я этому не поверила, то он успокоил меня, что при нем Переверзев заказал по телефону подать ему автомобиль, и на этот раз он действительно поехал. Я просила Попова сообщить мне по телефону о результате поездки, и он передал, что Переверзев сделал распоряжение о переводе мужа на Фурштатскую улицу, куда его и перевели на следующий день.

Режим там был нестрогий, арестованные были как бы на гауптвахте, жили в комнатах по несколько человек вместе, гуляли по двору без часовых, навещать можно было ежедневно и приносить посылки, караульным начальником там был молодой офицер грузин Наджаров, не плохой, но очень глупый, за что его арестованные прозвали «барашек». Два часовых дежурили днем и ночью и, сидя на стуле, все время спали с ружьями в руках. При желании можно было свободно уйти оттуда, но все это были люди царского режима, и никому такая мысль не приходила в голову. Там находились, между прочим, генерал Хабалов — главнокомандующий Петроградским военным округом, военный министр генерал Беляев, фрейлина Вырубова, министр юстиции Добровольский, генерал Балк — петроградский градоначальник, и многие другие, а также морские офицеры из Кронштадта и офицеры из армии. Приходящие навещать своих мужей, сыновей и братьев почти со всеми арестованными перезнакомились.

Как-то, навестив мужа после его перевода из тюрьмы на Фурштатскую, я спросила его, о чем с ним говорил министр юстиции Переверзев в тюрьме. Оказалось, что министр юстиции Переверзев приехал просить мужа помочь им разобраться в делах Охранного отделения, и муж согласился разъяснить и показать им, как все дело велось, но, видимо, новая власть, посоветовавшись между собой, все же не решалась прибегнуть для разъяснений к помощи начальника Охранного отделения, так как об этом больше не упоминалось.

Некоторые офицеры, перезнакомившись с нами, говорили, что как только их освободят, они уедут на юг России, другие решили, что останутся, так как армия распадается, и они будут нужны для поддержания дисциплины в армии, иначе немцы могут взять Россию голыми руками. Разрешалось арестованным читать, играть в шахматы и в другие игры, но не в карты, и я приносила для комнаты, в которой находился муж, разные игры для разнообразия. Кормили неплохо, но мало, пища варилась как для арестованных, так и для караула одинаковая, но хотя продукты вообще выдавались по карточкам, все же мне удавалось иногда приносить мужу для всей комнаты целый ящик яиц, получая его без карточек от лавочников, когда они узнавали, что он предназначен для арестованных. Муж рассказывал иногда забавные истории о своих сожителях по комнате. Так, например, генерал Балк и его помощник старичок-генерал Зендоров, собиравшийся подать в отставку еще перед революцией, садились каждый вечер друг против друга на свои постели и мысленно уезжали в ресторан Кюба, лучший в Петрограде, заказывали себе разные

вкусные блюда и, мысленно поужинав, ложились только тогда спать. Странно было видеть также такого важного сановника, как министр юстиции Добровольский, идущим с чайником на кухню за кипятком; потом в эмиграции ко всему такому мы постепенно привыкали, но в то время и больно и тяжело было смотреть на это. Добровольский после освобождения уехал в Крым и был зверски убит в Ялте большевиками на глазах у своей жены.

Так проходили дни за днями, положение становилось все тревожнее, большевики все крепили, а Временное правительство слабело, не принимая никаких мер против них. В одно из моих посещений мужа он мне сказал, что до его сведения дошло, что дело о нем находится у следователя по особо важным делам Ставровского и чтобы я пошла к нему и попросила скорее допросить мужа и так или иначе кончить эту канитель. Отправившись к Ставровскому и объяснив, в чем дело, я была поражена, что следователь Ставровский сильно взволновался, забегал по комнате, крикнув: «Я вам сейчас покажу, какое дело прислали мне о вашем муже для привлечения его к ответственности!» и принес мне показать бумагу от прокурора палаты Каринского с требованием привлечь моего мужа к ответственности за то, что он имел секретных агентов, приложив к своей бумаге вырезку из какой-то ничтожной газетки с именами некоторых секретных сотрудников. Зная, что, занимая должность начальника Охранного отделения, муж обязан был их иметь и каждое государство их имеет, следователь по особо важным делам Ставровский страшно возмутился такой бессмысленной бумагой «прокурора палаты» Каринского и сказал мне, что завтра же он будет у мужа, но допрашивать его, конечно, не будет, так как не о чем допрашивать, а только переговорит с ним и сделает распоряжение об его освобождении. Так он и поступил, как сказал, и мужа сейчас же освободили. Сам же следователь по особо важным делам Ставровский сейчас же после этого подал в отставку, не желая больше служить при таком положении дел. К счастью, мужа освободили как раз вовремя, так как вскоре после его освобождения произошел большевистский переворот и всех, которые находились еще под арестом, большевики расстреляли; тогда были расстреляны бывший министр внутренних дел Хвостов, товарищ министра Белецкий, вице-директор Департамента полиции Виссарионов и многие другие. Муж же после своего освобождения следователем Ставровским был зачислен в резерв при штабе Петроградского военного округа и даже получал жалование. После большевистского переворота все находящиеся в резерве продолжали получать еще жалование в течение двух месяцев, а потом их всех перевели на солдатский паек и через неделю или две уволили совсем. Без денег, без вещей, которые можно было бы продавать и покупать кое-какие продукты, муж, я и двое детей должны были оставаться в Петрограде на чрезвычайно голодном пайке, ожидая ежеминутно нового ареста, который теперь закончился бы расстрелом, а выехать не было никакой возможности. Брат мой помогал нам деньгами, и на это мы жили, то есть все мои фамильные драгоценности я держала дома, думая, что в квартире нашей, находящейся при Охранном отделении, они будут в сохранности, на деле же вышло иначе, и в первые же дни революции они были разграблены, как и все наше имущество, а деньги и ценные бумаги, находящиеся в Государственном банке, были конфискованы потом большевиками. Муж худел и терял силы не по дням, а по часам, так как его организм был и так подорван длительным тюремным заключением.

Большевики через некоторое время после своего воцарения начали заставлять всех ходить на общественные работы по уборке улиц и снега; посылались как мужчины, так и женщины, а следить за отправкой поручалось заведующему домом, выбранному квартирантами и получающему приказы от большевиков. Муж ходил на эти работы, а я никогда, несмотря на предупреждения заведующего домом, что меня могут расстрелять за неисполнение приказа, на что я ему ответила, что пусть меня расстреливают, но я не буду беспрекословно подчиняться диким приказам большевиков, и заведующий домом махнул на меня рукой и оставил меня в покое. Прибывших на работу

людей выкликали по фамилиям и снабжали каждого лопатой и киркой, после же окончания работы опять была переключка, чтобы узнать, все ли были на работе, но и тут не обходилось без увертывания от работы: некоторые при первой переключке отзывались, а потом, поставив в укромное место лопату и кирку, уходили по своим собственным делам и возвращались только к концу работы, ко второй переключке. Работающие представляли странное зрелище. Женщины в дорогах меховых пальто и модных шляпах лениво выстукивали по льду киркой определенное число часов, переговариваясь все время друг с другом, и после переключки уходили домой.

После большевистского переворота многие дамы общества пооткрывали разные кафе, главными посетителями которых были большевистские матросы, но вскоре кафе все закрылись за неимением продуктов. В начале переворота можно было еще доставать на базарах крупу и картофель, но вскоре большевики начали изгонять всех торгующих на базарах, арестовывали их и конфисковывали все продукты, так что последняя возможность кое-когда купить что-нибудь из продуктов пропала и приходилось жить только на то, что выдавалось за деньги по карточкам, но вскоре и эта выдача по карточкам уменьшилась, так как продукты совершенно исчезали и часто, имея карточки, ничего нельзя было получить по ним, так что питались мы вчетвером четвертушкой хлеба, перемешанного с какой-то трухой, выдаваемой на два дня. Утром и вечером пили чай без сахара, [довольствовались] двумя картошками, получали иногда треску по три рубля за штуку, но бросили ее покупать, так как невозможно было ее есть. Дети помогали в работе по домовому кооперативу, за что получали изредка сверх карточек сушеную зелень для супа — это был наш обед, суп варился только на воде, без мяса, конечно, и без всякого жира. Иногда мне удавалось, отправившись на вокзал в 5 часов утра, встретить какого-нибудь приехавшего из деревни крестьянина с хлебом и купить у него целый каравай за 10 рублей, отстаивая его от других желающих, и это было целое ликование, когда я приносила хлеб домой, и считалось громаднейшей удачей.

Одна наша знакомая, заведовавшая каким-то большим домовым кооперативом, рискуя быть расстрелянной, давала нам сверх наших еще хлебные карточки 1-го разряда, по которым выдавался большой паек как трудящимся, и это спасало нас от полного истощения. Как только большевики стали уплотнять квартиры, жена генерала Казнакова предложила нам поселиться с ними. В одно прекрасное утро явились к нам туда большевики с обыском, разыскивая оружие. Меня не было дома, а муж лежал больной. Перерыли все, оружия не нашли, но забрали все бумаги, которые только были. Без каких-либо документов нельзя было жить, а так как среди них были также очень важные и нужные, которые муж после своего освобождения получал из некоторых источников относительно разных прежних должностных лиц и некоторых офицеров, работающих на большевиков, то я на следующее утро отправилась в районный комиссариат доставать их. Там царил страшный шум и полный хаос, еле-еле добилась я у одного большевика, казавшегося мне более разумным, нужных сведений. Оказалось, что взятые бумаги находятся у них и они собираются отправить их в Чека на Гороховую улицу, но когда это будет — неизвестно. Тогда я предложила им, чтобы все наши бумаги в пакете они дали мальчику, служащему у них посыльным, а я с ним вместе отвезу их на Гороховую улицу. Они согласились на это, и на всякий случай я записала номер, под которым они отправляли пакет.

(Окончание следует)

За хлебом и нефтью

А.Г. Шляпников

17. О положении дела в Терской республике

На 15 июля Народный совет Терской республики назначил съезд всех народов, населявших республику. Однако казачьи восстания затрудняли своевременное его открытие, и руководители, члены правительства предполагали, что работы съезда начнутся с некоторым опозданием, примерно дня на два-три. Время до открытия съезда я решил использовать для обстоятельного изучения края, а также урегулирования ряда политических вопросов, связанных с осуществлением декретов о хлебной монополии, заготовками продовольственных продуктов и вывозом нефти в центр. На почве заготовок продовольствия между Чекпродом и Комиссариатом продовольствия Терской республики отношения были крайне обострены. В то же время Терский комиссариат продовольствия заключал договоры на заготовки продуктов для меньшевистской Грузии. Все такие неполадки нужно было устранить.

На предполагавшийся Съезд народов республики я тоже возлагал некоторые надежды в части борьбы с контрреволюцией и в деле восстановления железнодорожных путей от Грозного до Чир-Юрта, занятых во время налетов и борьбы вокруг Хасав-Юрта.

Изучение создавшегося положения в Терской республике я начал с личных бесед с членами правительства, с деятелями партийных и профессиональных организаций, а также и путем ознакомления с документами, доставленными в мое распоряжение.

Весьма ценный фактический материал о революционной борьбе с лета 1917 г. сообщил мне председатель совнаркома Ю.Г. Пашковский, весьма видный работник партии социалистов-революционеров того времени. Много вечерних часов провел я в беседах с Владикавказскими товарищами в помещении правительства, любуясь видами, открывавшимися с балкона на менявшиеся цвета снегового шатра Казбека.

Власть в Терском крае после свержения царизма перешла в руки буржуазии, поддержанной партиями социалистов-революционеров и социал-демократов-меньшевиков. В городах — Владикавказе, Пятигорске, Кисловодске, Моздоке, Георгиевске, Грозном — организовались советы, но первоначально существовали отдельно рабочие [советы —] от солдатских и крестьянских. Казачество удерживалось верхами в обособленном состоянии, организовалось

в военно-сословный «круг», центр которого был во Владикавказе. Атаманом Терского войска Временным правительством был назначен Караулов.

Февральская революция в горных районах — в Ингушетии, Чечне, Кабарде, Карачае и среди других племен Кавказа — убрала только царских полицейских, урядников, приставов. За исключением этого, все осталось по-старому. А между тем война еще до революции значительно расшевелила горское население Кавказа, заставила его задуматься о своей судьбе. Среди мусульманских верхов работали турецкая и немецкая агентура, но успехи ее были ничтожны. Победа же петербургских рабочих и солдат над царизмом вызвала среди горских племен смутные надежды на выход из угнетенного, бесправного и безземельного положения, в котором они находились до этого.

Однако дни шли, проходили недели и месяцы, а надежды горцев на улучшение своего положения от новой власти не оправдывались. Земля по-прежнему оставалась в руках богатых помещиков и казаков, не обрабатывалась ими, а сдавалась еще в аренду. И надежды у многих обездоленных ингушей, чеченцев, кабардинцев, карачаевцев и других народностей сменились отчаянием, а вместе с этим и начались попытки горцев с оружием в руках добыть для себя лучшее настоящее...

А оружия в горах было много. Об этом хорошо были осведомлены царское правительство, штаб Кавказской армии и Временное правительство. Вопросу о самовооружении горцев Кавказа был посвящен целый доклад с интересными данными о том, что «туземное население губерний: Бакинской и Елизаветпольской и областей: Дагестанской и Терской, особенно последних, с первых дней войны начало вооружаться всяким огнестрельным оружием, попадавшимся под руку; но со второго года войны вооружение началось с разбором¹. Всякий туземец считал своей священной обязанностью приобрести винтовку, по возможности австрийского образца, и наивозможно большее количество патронов, для каковой цели продавался последний домашний скот. Особенно интенсивно и настойчиво происходило вооружение за последнюю зиму 1916—1917 годов. Таким образом, туземное население указанных выше губерний и областей поголовно оказалось вооруженным.

Чеченское население в Терской области, состоящее из 280 000 душ, прекрасно поголовно вооружено, не только холодным оружием, револьверами лучших систем и трехлинейными австрийскими винтовками, но, как докладывают, имеются и пулеметы. При этом для всех вышеуказанных родов оружия у туземцев Кавказа патронов имеется в изобилии».

Так обстояло дело до Февральской революции. После Февральской революции вооружение горских народов не приостанавливалось, а наоборот, усилилось. Находившиеся в армии горцы не забывали свою родину и снабжали оставшихся в горах соплеменников трехлинейными винтовками, револьверами, патронами и другими видами вооружения. Доклад отмечал, что «вооружение и доставка патронов с настойчивостью продолжают и в настоящее время, так как ежедневно на ст. Грозный комиссаром арестовываются оружие и патроны.

Оружие и патроны, а также солдатские сапоги, белье, куртки и брюки вывозятся главным образом из Киева и Житомира, что удалось установить путем опроса и арестованной переписки у контрабандистов. Контрабандистами являются чины дикой дивизии, их родственники или просто кунаки».

После свержения царизма взаимоотношения горского населения с русскими жителями г. Грозного в начале революции установились весьма дружественные. В том же документе констатируется:

«Обрисовав вооружение туземного населения восточного Кавказа и Закавказья вообще и чеченского населения в частности, необходимо сказать, что с первых дней свободы Грозненский совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов принял все меры к тому, чтобы оповестить всю Чечню о случившемся перевороте в России и войти в тесную и дружескую связь с чеченским народом; что и было достигнуто в полной мере.

Братство и доверие между чеченским населением и рабочим классом, а вслед за этим и всем русским населением было полное. Отношения самые наилучшие и благожелательные с обеих сторон.

Контакт, надо сказать сильнее — дружба между Чеченским комитетом и Советом Р.С. и К. депутатов была весьма тесная и искренняя.

Так было до 10 сего мая, когда произошло совершенно неожиданное, случайное событие, омрачившее эти прекрасные отношения чеченцев и русских, заставившее пережить страх не только за судьбу этих отношений, но и за многое другое, что и заставляет призадуматься за будущее и сделать из этого некоторые выводы и заключения».

Какое же «случайное событие» вызвало сразу же и страх за судьбу хороших отношений и заставило власти Временного правительства призадуматься о будущем? Вот какое событие произошло в г. Грозном:

«10 сего мая в 2 часа дня в Терской области, центре чеченского населения и центре нефтяного района Северного Кавказа ², произошло следующее случайное событие. Встретились на базаре два или три солдата с двумя чеченцами, и те и другие были выпивши. Завели между собой разговор, перешедший в перебранку, во время которой один из солдат, схватившись за ножны кинжала, хотел его сорвать с чеченца. Но чеченец обнажил кинжал и ранил в руку солдата, после чего, вырвавшись, стал убегать; другие солдаты преследовали его. Преследуемый чеченец на бегу вынул револьвер и, обернувшись, убил солдата.

Видевшие это русские обыватели и солдаты, бывшие на базаре, побежали по трем параллельным улицам, ведущим к казармам, за винтовками, с криками, что чеченцы на базаре режут русских и солдат.

По всему городу возникла ужасная паника, и ближайшие патрули солдат, не разобравши в чем дело, под влиянием той же паники начали в разных частях города расстреливать залпами бегущих в панике чеченцев. Было убито: чеченцев 11 и солдат один или два и ранено — чеченцев восемь и солдат два.

Солдаты, кинувшиеся в казармы и вооруженные винтовками, своевременно были с трудом удержаны у казарм членами Совета Р.С. и К. депутатов и офицерами полка, благодаря чему не произошло катастрофы, определить и учесть размеры которой невозможно.

Экстренно собрался Совет Р.С. и К. депутатов и немедленно разослал делегации к солдатам, так как поступили сведения, что солдат, возбуждаемых окраинным населением, нет возможности удержать в казармах, ибо между ними царит страшное возбуждение против чеченцев. Кроме того, были немедленно отправлены делегации к чеченцам, в разных направлениях от Грозного, в аулы, дабы узнать настроение чечни в горах.

Делегации, состоявшие из представителей чеченской интеллигенции, Чеченского комитета и Совета Р.С. и К. депутатов, не теряя времени, несмотря на надвигавшуюся ночь, в 7 часов вечера на автомобилях и фаэтонах выехали в горы.

Одна из делегаций около 10 часов вечера верстах в 20 от Грозного встретила, при глубокой ночной темноте, с факелами и фонарями толпу чеченцев в несколько тысяч человек, вооруженных с ног до головы, с австрийскими винтовками в руках. В числе их были и женщины и подростки, также вооруженные.

Толпа эта двигалась в Грозный, и если бы не встретившаяся делегация, толпа эта была бы часам к 2 ночи в Грозном, и последствия были бы ужасны. Из переговоров выяснилось, что в горы дошли слухи, якобы в Грозном убиты все члены Чеченского комитета и что теперь солдаты режут чеченских жен и детей; они же спешат на выручку своих. И они крайне удивлены, видя перед собой члена Чеченского комитета т. Эльдарханова невредимым, тогда как они считали его уже убитым.

Когда Эльдарханов и другие делегаты рассказали истинное положение и что переданное в горы есть ложь и провокация, то успокоенные чеченцы по предложению Эльдарханова немедленно повернули обратно в горы и разошлись по аулам.

Другая делегация, направленная в селение Шали в 80 верстах от Грозного, находящееся в глубоких горах, вблизи границы Дагестана, прибыла в селение Шали лишь на другой день. Здесь делегацией было установлено формирование по аулам трех групп чеченцев в количестве, по словам члена делегации офицера-конвойца, чеченца, около 60 000 человек, вооруженных с ног до головы трехлинейными винтовками (австрийскими) и увешанных большим запасом патронов. Эти три группы уже выступили на лошадях верхом и пешие.

Когда и здесь делегация рассказала истинное положение, то и здесь возбуждение понемногу улеглось, и чеченцы свое выступление решили отложить, однако для проверки решили послать стариков».

Происшествие это в то время объясняли полицейской провокацией, так как «между прочим везде чеченцы выражали недоумение, что чеченцы боятся русских, а русские чеченцев. Это есть результат провокационной работы бывших чеченцев-полицейских, которые, как русские полицейские, не отправлены на фронт, а остались не у дел на местах».

Но дальнейшие соображения представителя Временного правительства показывали, что одной полицейской провокации было бы недостаточно, если бы самое горское население не походило на «пороховой бочонок», готовый взорваться от любой искры.

«Сам по себе вышеуказанный, кажущийся на первый взгляд незначительным, случай не представляется как бы случаем государственной важности, но если присмотреться ближе, то создавшееся положение в Восточном Кавказе и Закавказье представляет из себя ни более ни менее как пороховой бочонок, готовый взорваться от незначительной спички, от взрыва которого неминуемо должна взлететь вся Россия. Для взрыва же этого бочонка достаточно, как показало 10 сего мая, такого незначительного случая, как столкновение на базаре нескольких пьяных солдат и чеченцев.

Тем более, принимая во внимание заявление Чеченского комитета, что при втором таком случае комитет снимает с себя всякую ответственность и не ручается, что сможет предотвратить катастрофу, к этому вопросу необходимо подходить весьма и весьма осторожно, ибо туча, безусловно, висит. Но сказать, что эта туча разрядится, никто не может, как и никто не поручится, что она не разрядится. Ибо кто может поручиться, что сегодня или завтра не подерутся солдаты с чеченцами, или чего-нибудь в этом роде не случится.

Повторяю, что к этому вопросу необходимо подходить весьма осторожно, а главное — незаметно, ибо неосторожным ходом можно самим вызвать разряд. И поэтому все мероприятия должны проводиться под покровом глубочайшей тайны».

Давая такую характеристику создавшегося положения, доклад не содержал анализа причин, породивших его, не указывал и мероприятий к его улучшению, а ставил вопрос о «тайных мероприятиях» — тайных потому, что, став явными, они разоблачили бы насильническую политику соглашателей в национальном вопросе на Кавказе. Война в Закавказье с Турцией позволяла соглашателям прикрывать мероприятия, направленные против горских народов, военными соображениями. К тому же и призывал доклад, адресованный Временному правительству:

«Посмотрим же, насколько этот взрыв или разряд опасен для государства и опасен ли он действительно?»

Если произойдет восстание Кавказа, имея в виду прекрасно организованное и вооруженное туземное население, то железная дорога от Беслана до Тифлиса, единственный нерв, питающий Кавказскую армию, будет в руках восставших. Также будут в руках восставших и нефтяные промыслы Грозного и Баку, вследствие чего наши армии на турецком и персидском фронтах неминуемо, целиком должны погибнуть.

От захвата нефтяных промыслов, бакинских и грозненских, потеряет свою боеспособность наш флот, останутся Волжское судоходство и некоторые южные дороги. Произойдет полное расстройство транспорта, а вслед

за этим гибель наших армий на германском фронте. Вот где угроза существованию нашего Российского государства. Это маленький, незаметный пороховой бочонок Восточного Кавказа.

Трудно предсказать, какие меры предотвращения будут правильными. Но надо полагать, что в первую голову необходимо усилить гарнизоны: Грозненский, Воздвиженский, Хасав-Юртовский, Т.Х.Шуринский, Дербентский, Дешлагарский, Бакинский и Елизаветпольский. Усиление необходимо как личным численным составом, так и вооружением. Необходимо вооружение достаточным количеством пулеметов и трехлинейными магазинными винтовками.

Гарнизоны же: Грозненский, Воздвиженский, Хасав-Юртовский и Т.Х.Шуринский обязательно усилить артиллерией. Это благотворно и охлаждающе действует на горцев.

Кроме того, наблюдение за настроением горцев и руководство над гарнизонами сосредоточить в лице одного командира всех гарнизонов и комиссара при нем из местных сил, надежного русского человека, знающего как Кавказ, так и нравы и обычаи горцев.

Командир и комиссар сообща должны вести политику успокоительную и умиротворяющую, даже и в случае каких-либо эксцессов. И лишь в виду крайней безвыходности опираться на демонстрацию военных сил, вплоть до применения их в самую решительную минуту опасности.

Эти меры необходимо провести в жизнь под разными предложениями, с некоторой, но не растяжной постепенностью. Эти меры, между прочим, прекратят и грабежи русского сельского населения, которое разоряется абреками, что оказывает пагубное влияние на сельское хозяйство, и продовольственный вопрос весьма осложняется, ввиду все больше и больше развивающегося абречества, что не может также не отразиться на снабжении нашей армии. Это же абречество может привести к случаю, подобному 10 мая, и с ним необходимо бороться, это признают и сами чеченцы».

Затяжка и нежелание власти обеспечить решение национального и земельного вопроса создавали почву для столкновений между русскими и казачьими поселениями, с одной стороны, и горцами — с другой. Вместо удовлетворения справедливых требований горцев представители власти Временного правительства шли по пути принятия военно-полицейских мер против горской бедноты и просили по старому, известному еще со времен царизма шаблону прислать «инфантерии, артиллерии», кавалерия же у них была своя — казачья.

Гарнизоны были усилены, но положение от этих мероприятий к лучшему не изменилось: в июне и июле столкновения имели место во многих районах, граничивших с Ингушетией и Чечней. Весьма неспокойно было на Сунже и в Кизлярском районе. В начале июля (8-го или 9-го) произошло кровавое столкновение солдат с ингушами во Владикавказе. В столкновении был убит один солдат и 14 ингушей, ранено было 4 солдата и 9 ингушей.

Атаман Терского казачьего войска Караулов телеграфировал военному министру А.Ф. Керенскому о том, что русское население бежит из пограничных с горцами поселений, оставляя свои жилища, хутора и необработанные с полей урожай. «Меры морального воздействия исчерпаны, требуется реальная сила. Главнокавказного телеграфно просил Ставку командировать в мое распоряжение Терскую льготную дивизию, ответа нет. Прошу спешного приказа Ставки»³, — требовал Караулов.

Представитель Хасав-Юртовского округа на съезде крестьянских депутатов 26 сентября 1917 г. Пирогов сообщил, что положение в округе ухудшилось: «Грабежи идут ночью и днем, шайки в 100—300 человек окружают хутор и забирают весь скот; охрана в 20—30 человек ничего не может сделать. Направляясь на съезд, мы встретили 20 подвод с семьями. Поля совершенно не запаханы».

Другой делегат того же округа, Кирин, добавил, что «с 1 по 14 сентября ограблено скота 1800 голов, это зафиксировано протоколами, да 210 голов незапротоколированных. В Новогеоргиевском хуторе уведен весь скот, в ос-

тальных селениях уведено по 300, 200, 100 голов. С 14 сентября по день нашего отъезда ⁴ сюда уведено 1792 головы скота. Сюда не входят отдельные ограбления по дорогам, которые происходят ежедневно среди белого дня по всему округу. Власти в округе нет, куда ни обращались, куда ни телеграфировали, какие комиссии к нам ни приезжали — но все продолжается по-старому и мы остаемся беззащитными».

Делегаты просили вооруженной помощи против абреков, то есть против горских разбойников, не понимая, что они имеют дело уже не с одиночками-разбойниками, а с крупными вооруженными отрядами. Это свидетельствовало о том, что в «абречество» были втянуты значительные слои горского населения.

Да и посылки вооруженных отрядов (преимущественно солдат) не помогали делу, а скорее наоборот, обостряли отношения, толкали на вооруженное сопротивление остальных, более миролюбиво настроенных горцев.

Представитель краевого центра Андреев правильно указал, что «пока не разрешен в области земельный вопрос, добрососедских отношений нельзя достигнуть. Терская область — это пороховой погреб, около которого горит факел, достаточно качнуть факел, и вспыхнет пожар, который перекинется на весь Кавказ, а может быть, и в Россию. Карательная экспедиция ничего не достигнет: абреки тотчас уйдут в горы, а мирное население пострадает».

Но с разрешением земельного вопроса на Тереке не спешили так же, как и в остальной России. Временное правительство буржуазно-соглашательского блока откладывало это дело до Учредительного собрания. Горские же народы, так же как и миллионы крестьян-иностранцев станиц Дона, Кубани и Терека, не хотели ожидать и требовали исправления вековой «несправедливости» за счет помещиков, казачьих атаманов и крупных богатеев, требовали лишения их земельных богатств и передачи их крестьянам и горской бедноте. Но помещики, князья и казачья верхушка опирались на вооруженную силу и не хотели расставаться с земельными владениями. Пользуясь темнотой и неорганизованностью бедноты, буржуазия и помещики искусно натравливали горцев на русских, а русских и казаков на горцев и таким путем обессиливали их.

18. Октябрьская революция на Тереке

Свержение Временного правительства в Петрограде и переход власти к советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов вызвали на Юге России ожесточенное сопротивление всех помещичье-буржуазных и родственных им элементов. Партии социал-демократов меньшевиков и социал-революционеров (правых) были также против власти Советов и, по существу, поддерживали контрреволюционный блок.

На почве сопротивления массовому движению за власть Советов на местах организовывались контрреволюционные правительства, прикрывавшиеся национальными или географическими особенностями районов их власти. Так, в Донской области образовалось правительство «Всевеликого войска Донского», на Кубани создали свое правительство «Вольной Кубани», на Тереке и в Дагестане было несколько правительственных «зародышей» территориальных и племенных, была попытка создать единое Терско-Дагестанское правительство, опиравшееся на горскую буржуазию, князьков, помещиков, кулаков и верхи казачества.

Все эти местные правительства пытались создать «Юго-Восточный союз», объединенный правительственный орган власти. В состав этого Союза должны были войти контрреволюционные образования Юга, Северного Кавказа и Закавказья.

Терско-Дагестанское правительство имело и вооруженную поддержку атамана терских казаков Караулова, организованного им казачьего круга, а также пришедших с фронта полков дикой дивизии. Программа этого правительства заключалась в поддержании старого, покоившегося на националь-

ной розни порядка. Первым пунктом этой программы была борьба с большевизмом, а на Тереке и в горах Дагестана это означало насилие надо всеми наемными рабочими заводов, промыслов, рудников, железных дорог и других предприятий. В своей борьбе против большевиков Терско-Дагестанское правительство шло рука об руку с меньшевиками Грузии.

Когда по предложению советского правительства было установлено перемирие на фронте, войска Кавказского фронта низложили комиссаров — противников Советской власти, созвали съезд, приветствовали окончание войны и потянулись с оружием в руках на родину, меньшевистское правительство Грузии, так же как и контрреволюционное Терско-Дагестанское правительство, увидели в этом большевистскую опасность и повели борьбу с солдатами, стремясь всеми способами лишить их оружия.

Если меньшевикам Грузии и мусульманской буржуазии Азербайджана не удавалось разоружить войска, то по дороге через Дагестан и Терек этим делом занимались агенты Терско-Дагестанского правительства. Атаман Караулов в каждом эшелоне войск видел угрозу своей власти, поддержку большевикам, а поэтому принимал все меры к тому, чтобы дезорганизовать солдат, спойть их и взять через казаков лаской или натравить татар, кумыков, чеченцев, спровоцировать столкновение и погубить солдат, не желавших сдавать оружие.

Советская власть на Северном Кавказе возникла сначала в губернском городе Ставрополе. В конце декабря там происходило заседание общегубернского народного собрания, на котором и была принята резолюция от 1 января 1918 г., первый пункт которой гласил о том, что «вся власть в губернии переходит в руки советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов». За Ставрополем Советская власть утвердилась в г. Пятигорске, распространяя свое влияние на рабочие поселки, железнодорожные станции, депо и мастерские Владикавказской дороги.

Среди основных горских народностей: кабарды, чеченцев, осетин, ингушей, кумыков, балкарцев — единой власти не было. Каждая из этих народностей имела свой национальный комитет, в котором заседала своя интеллигенция и духовенство (муллы), представляющая от имени данной народности. Наряду и вместе с этими комитетами кое-где в аулах были выборные органы местной власти, но общего центра в то время не было ни у одной из горских народностей.

Горские национальные комитеты пытались занять положение, аналогичное тому, какое имел тогда казачий круг или Терско-Дагестанское правительство, и не только представлять от имени своего народа, но и править им. Эти попытки им удавались частично и только в националистическом направлении.

Эти национальные горские комитеты и стоявшая за их спиной горская буржуазия были организаторами разоружения русских военных гарнизонов и крепостей, находившихся на горской территории. Они же были инициаторами борьбы за города: Ингушетии — за Владикавказ, Чечни — за Грозный, кумыков и др. дагестанцев за Петровск, Темир-Хан-Шуру, Кабарды — за Нальчик.

Все эти города в то время самоуправлялись каждый по-своему. Владикавказ, будучи центром Терско-Дагестанского правительства, в то же время не подчинялся своему правительству, и городская дума осуществляла в нем всю полноту местной власти, вплоть до организации своей вооруженной самообороны.

В Грозном существовал совет рабочих и военных депутатов, профессиональные организации, но до конца января 1918 г. все находились на положении простых общественных организаций. В момент Октябрьского переворота в советах и союзах господствовали социал-демократы-меньшевики. По общему шаблону они не признавали «захватчиков власти большевиков», но не признавали также и власти Терско-Дагестанского правительства. Это отрицание власти привело город и его рабочее население в состояние полной анархии.

В конце концов власть в городе вынуждены были взять социал-демократы-меньшевики и эсеры через городское самоуправление, в котором они имели большинство гласных. Но вся политика этой власти того времени ограничивалась охраной города и урегулированием многочисленных и постоянных столкновений с горцами.

Не признавая на словах «захватчиков власти» слева, большевиков, а справа — контрреволюционного правительства Караулова и К^о, меньшевики и эсеры «не вмешивались» в стратегические распоряжения казачьих атаманов и дали возможность Караулову вывести из Грозного революционные надежные войска и отдать город и промыслы на поток и разграбление чеченским разбойникам-абрекам.

С октября 1917 г. и по март 1918 г. Грозный был в состоянии войны с Чечней. Контрреволюционное Терско-Дагестанское правительство горских помещиков и буржуазии умело использовало религиозные предрассудки горских племен, национальную их вражду к захватнической политике царизма и натравило народы Ингушетии, Чечни, Дагестана на русское население.

Города Владикавказ, Грозный, Петровск неоднократно подвергались налетам вооруженных горцев, жителей грабили и даже уводили в плен. Но особенно яростную борьбу вели чеченцы за разоружение солдат и за обладание городом Грозным.

В конце ноября на грозненские Новые промыслы чеченцы произвели массовый налет. Разграбили рабочее население, убили защищавшихся и подожгли промыслы. Самому городу был предъявлен ультиматум: вывести из него войска и сдать город чеченскому горскому комитету.

В этот период борьба велась только против русских солдат и рабочих. Казаков чеченцы тогда еще не трогали и сами казаки держались «нейтрально». В этом факте сказывалась провокаторская рука атамана Караулова, предавшая большевистски настроенных рабочих и солдат Грозного на расправу горским разбойникам, а под их прикрытием и другим националистическим элементам Чечни.

Рабочие послали гонцов во все концы за помощью: в Тифлис как краевой центр и центр Кавказской армии, в Баку, а также во Владикавказ, в Екатеринодар, в Ставрополь, в Ростов и даже к генералу Каледину на Дон, где «застраjali» назначенные в Грозный полки. Но везде их обманывали и помощи не давали. Контрреволюция сознательно лишала грозненских рабочих их солдат-союзников. Вот что писали об этом грозненские «Известия» в конце декабря 1917 года: «Это было недавно. Из города вывели солдат, и Грозный остался в добычу абрекам. Во все стороны России разбежались гонцы совета рабочих депутатов, городского самоуправления молить о помощи. И каждый час, каждый день разграбленное население ждало и верило: “Вот идут войска”, “Вот подходят”, “Пешком идут и ночью придут”.

Так говорили и ждали полмесяца. За это время были разграблены три слободки и разорились сотни семей. Было поразительно странно, казалось чудовищным, что никто не идет на помощь, и рабочие объявили стачку борьбы за охрану своей жизни.

То, что сюда не шли войска, объясняли нашей разрухой и анархией. Поговаривал народ, что кто-то заворачивал обратно шедшие на защиту Грозного войска, говоря, что там все успокоилось. На базаре в этом обвиняли М. Караулова. Впоследствии выяснится, кто виноват, что Грозный был отдан во власть разбойников.

Стачка рабочих Грозненского района лишней раз показала всю мощь и силу организованной борьбы пролетариата. Забастовка заставила послать к нам и броневики и войска.

Просматривая бакинские и тифлисские газеты, я неожиданно натолкнулся на следы стараний определенных групп, которые стремятся во что бы то ни стало выпроводить из Грозного бронированные поезда. В Грозном даже дети знают, что только появление броневиков спасло город от разгрома и выгнало из Грозного шайки абреков, его заполнившие. А поглядите, какую

телеграмму отправило в Тифлис самозванное Терско-Дагестанское правительство, состоящее из горско-казачьей буржуазии и помещиков:

“С трудом достигнутое примирение в районе Грозного рискует быть совершенно скомпрометированным ввиду безобразий, чинимых войсками. Проходящие эшелоны разгромили свыше 100 вагонов с продуктами и товарами в Гудермесе. Бронированный поезд вызвал к себе на помощь другой поезд, курсирует с ним по линии и обстреливает чеченские селения, что угрожает вызвать массовые выступления последних. Терско-Дагестанское правительство постановило принять самые решительные меры к восстановлению спокойствия и непрерывности движения по линии, что окажется совершенно неисполнимым в случае дальнейшего самочинного появления войсковых частей по вызову безответственных лиц и организаций”.

В Тифлисе давно узнали цену обещаниям горских и казачьих комитетов. Поэтому поезд оставался у нас. Все обещания самозванного правительства принять меры к охране дороги оказались, мягко выражаясь, неправдой, Знай, дорогу громят кругом.

Старания правительства убрать из Грозного броневик оказались бессильны. Тогда на помощь этому правительству приходит высшая администрация Владикавказской железной дороги.

По прямому проводу инж. Герман из Ростова говорит в Тифлис: “В Гудермесе тоже сильная паника вследствие бывших там столкновений солдат с чеченцами и ввиду неприбытия до сих пор казаков для охраны Гудермеса. В Гудермес прибыл второй бронированный поезд, вчера первый бронированный поезд ходил в Грозный и открыл по пути стрельбу, расстреливал чеченцев. Снаряды из орудий попадали в аул. Это, безусловно, вызовет возмущение чеченцев. Сейчас оба поезда ушли в Грозный, вероятно, наделают много бед; при таких обстоятельствах служащие покидают станции, так как, действительно, трудно заставить их оставаться на местах”.

Служащие бегут потому, что просили броневики!”

Уж не броневики ли сожгли и промыслы, г. Герман? Дальше он говорит: “Движение можно было наладить, и, не будь выступления солдат и бронированных поездов, часть вагонов из Гудермеса уже была бы отправлена и пропустили бы по одному поезду товарных с продовольствием. Если бы не было всех событий, о каких я вам докладывал, то, понятное дело, следовало бы бронированным поездам поручить препроводить поезда с продовольствием в Тифлис и более не возвращаться к нам, так как они вызывают только волнение. Считаю, что сейчас необходимо действовать согласно с чеченским комитетом, который постоянно принимал меры к поддержанию порядка.

В дополнение сообщаю: в Грозном чеченский комитет обещал с завтрашнего дня дать чеченскую охрану для восстановления между Грозным и Гудермесом телеграфной линии, исправления пути, причем заявил, что путь и телеграф впредь на этом участке будут неприкосновенны при условии, если не будут следовать эшелоны и если не будут курсировать бронированные поезда. Начальники обоих поездов, находящихся сейчас в Грозном, заявили, что считают с таким заявлением они не находят нужным и будут действовать по своим соображениям, и подчиняться кому-либо отказались; это еще более усиливает панику в Гудермесе и Грозном”.

Какая грубая ложь! Даже на подлость и обман пускаются те, кому пребывание броневиков в Грозном не по нутру.

Броневики отказались уехать, и поэтому Грозный в панике. Смешно читать, но вся эта ложь в Тифлисе принимается за правду.

Прочтите телеграмму чеченского комитета в Тифлис фронтовому съезду, которую приходится понимать так: не будь здесь броневиков — ничего бы не было. И промыслы бы не горели. Все броневики наделали, которых в то время здесь не было!

Все эти хитро согласованные телеграммы должны производить в Тифлисе сильное впечатление. Владикавказ, Ростов, Грозный — все молят о выводе бронированных поездов. И уже, как сообщают тифлисские газеты, их

действительно собираются убрать из Грозного. Тонкая игра. Немудрено, что в Грозный полмесяца не шло войско.

Невидимая крепкая сеть плетется сейчас ненавистниками свободы над трудовым классом по всей стране. И большая еще борьба предстоит пролетариату за его завоевания»⁵.

Одновременно с поисками помощи грозненские рабочие стали на правильный путь организации вооруженной самообороны. При помощи технических сил и средств предприятий город был обнесен проволочным заграждением, по которому в минуту опасности пускался электрический ток. Были вырыты окопы, пулеметные гнезда и устроены другие оборонительные сооружения. Эти мероприятия помогли рабочему населению сохранить жителям свою жизнь и свой скарб.

Как отнеслись грузинские меньшевики к просьбам грозненцев о помощи, рассказали ездившие в Тифлис гг. Ворожев и Хохонин на заседании исполнительного комитета Грозненского совета рабочих и военных депутатов 16 января 1918 года:

«М. Хохонин сообщает, что по выезде делегации из Грозного ей пришлось остановиться в Гудермесе, где и был сделан доклад железнодорожникам о событиях в Грозном.

Затем делегация прибыла в Баку; со стороны Бакинского совета рабочих и военных депутатов грозненские рабочие встретили живой отклик. После сделанного доклада о грозненских событиях Бакинский совет вынес резолюцию, в которой требовал от Закавказского комиссариата присылки войск на Северный Кавказ, в противном же случае Баку не даст для Закавказья ни одной цистерны нефтяных продуктов.

Делегация отправилась далее и прибыла в Тифлис.

Закавказские министры Донской и Гегечкори не вняли мольбам и просьбам грозненцев. «Вы провоцируете! Полтора часа тому назад получена телеграмма от Терско-Дагестанского правительства, что на Северном Кавказе все спокойно», — таков был ответ грозненцам. Когда же делегация вторично настаивала на своей просьбе, то закавказские «министры» ответили: «Мы вам войск не дадим, вы хотите зажечь пожар гражданской войны на Кавказе». И, как бы издеваясь над трупами жертв чеченских набегов, Донской говорил: «Пришлем к вам, в Терскую область, 400 юнкеров. Они вам и наведут порядки!»

В скором же времени наши делегаты попали и на заседание солдатской секции. В ярких красках скитающиеся грозненцы обрисовали истинное положение Грозного. Солдаты отзывчиво отнеслись к ним; была выделена особая комиссия по отправке войск на Северный Кавказ; комиссия в 48 часов должна была выработать план отправки войск. Сформирован был отдельный корпус, три бронированных поезда и авиационный отряд, все было готово к тому, чтобы отряд двинулся, но... войска двинулись, и в 12 верстах от Тифлиса, на ст. Навтлуг, были задержаны Закавказским комиссариатом, и первые шедшие поезда были заведены в тупик. Несколько дней солдаты пробыли на станции и, не имея железнодорожного наряда, возвратились на место отъезда.

Дальнейшие хлопоты делегации о посылке войск разбивались о преграды Закавказского комиссариата. Оставалась последняя надежда — ждать открытия армейского съезда. Но, как известно, съезд раскололся на два крыла: левое и правое, шла политическая ожесточенная борьба между двумя лагерями; после доклада грозненцев из правого крыла съезда перекочевало в левое 12 человек.

Левый сектор после окончания съезда стал формировать два корпуса добровольческих войск для посылки на Северный Кавказ. Но войска эти не представлялось возможным отправить по железной дороге, ибо изголодавшаяся армия бежит, захватывает вагоны и стремится скорей приехать к родному очагу; эти же два корпуса идут пешим порядком.

Касаясь положения турецкой армии, Хохонин говорит, что наши парламентарии (ведущие мирные переговоры с турками) сообщают: «Деморализо-

ванная турецкая армия ушла в глубь Турции от своих прежде занимаемых позиций, приблизительно верст на 250.

М. Ворожев дополняет доклад Хохонина. Он подробно останавливается на работе последнего краевого съезда совета рабочих депутатов в Тифлисе.

Выясняется из доклада, что на съезде никакой плодотворной работы не было, демократия опять-таки раскололась на два лагеря: правый занял позицию шовинизма; “генерал меньшевиков” Ной Жордания сказал левому крылу: “Мы общего языка с вами не найдем”. Далее докладчик рисует мрачную картину положения дел в Закавказье, где национальный антагонизм достиг своего апогея. Буржуазия спешно формирует национальные полки.

Только в Баку и на армейском съезде в Тифлисе делегаты нашли поддержку и готовность оказать помощь. Грузинские же меньшевики действовали заодно с северокавказскими контрреволюционными правительствами и открыто саботировали дело помощи Грозному.

В то время в Чечне были расположены гарнизоны в селении Хасав-Юрт, в слободе Воздвиженской и в крепости Ведено. Против солдат этих гарнизонов действовали крупные вооруженные силы чеченцев. В районе Гудермеса и Хасав-Юрта при попытке разоружить эшелон ехавших из Грузии войск произошло кровавое столкновение с чеченцами, от которого пострадали аул Гудермес, русские хутора и селение Хасав-Юрт. Солдаты проложили себе путь оружием, но впоследствии селение было разгромлено, русские жители ограблены и спаслись бегством в сторону г. Кизляра.

Гарнизон слободы Воздвиженской в составе четырех рот 111-го запасного пехотного полка был обезоружен обманом: чеченцы заверили солдат, что грозненский гарнизон также разоружен, и подтвердили это при помощи подставных «делегатов» из Грозного. 10 декабря обезоруженные солдаты гарнизона слободы Воздвиженской прибыли в г. Грозный, и тут только выяснили, что их обманули.

Гарнизон крепости Ведено был отрезан и выдерживал осаду чеченцев в течение нескольких месяцев, моральную поддержку осажденным оказывали рабочие и совет г. Грозного.

Что заставляло грозненцев поддерживать солдатские настроения «держат в своих руках» крепость Ведено, можно понять только исходя из анализа положения самого Грозного. В крепости Ведено было 19 орудий, хотя и устарелого образца, но все же обеспеченных боевыми запасами, 15 пулеметов, свыше 100 000 винтовочных патронов и много гранат, берданок и трехлинейных винтовок.

Руководители Грозненского совета рабочих и военных депутатов и городское самоуправление, фактически являвшиеся органами местной власти, удерживали солдат в крепости Ведено из опасений, что вооружение крепости, сданное чеченцам, будет использовано ими против Грозного. Кроме того, наличие русских вооруженных сил в гарнизонных районах Чечни отвлекало от наступательных операций на город значительные силы, задерживая их для осадных и прочих операций в районах гарнизонных расположений.

Подтверждение этому соображению мы находим в «Известиях» Грозненского совета, в статье «Ведено накануне сдачи чеченцам». Вот что писалось в ней по этому поводу: «На экстренном заседании центрального совета рабочих и военных депутатов 20 декабря с тревожным сообщением выступил офицер самарской дружины.

Из окруженной чеченскими полчищами крепости Ведено сюда приехало несколько солдат и офицеров. Они выехали ночью на лошадях. Ехали по ночам 9 дней в Дагестан. Им удалось прорваться в Петровск, откуда они по железной дороге проехали во Владикавказ. Обратились к генералу Половцеву, командующему войсками, с просьбой немедленно двинуть войска на выручку крепости. Половцев как-то странно отнесся к сообщению беглецов из Ведено. Генерал Половцев предложил им сдать крепость и орудия под расписку представителей чеченцев.

Тогда они приехали сюда, в Грозный, и просят идти на выручку крепости. Крепость надо спасать. В ней имеется 19 пушек, 15 пулеметов, 100 000

патронов, масса гранат. Запасов продовольствия только на несколько дней. Если не оказать ей помощи, она падет. Раньше солдаты в Ведено рассчитывали, когда у них кончится запас продовольствия, взорвать крепость, испортить пушки и с пулеметами пробиться в Грозный. Но чеченцы 28 и 30 ноября предложили им сдаться и под охраной ехать в Грозный. Солдаты отказались. Чеченцы заявили гарнизону крепости, что если пушки будут испорчены, то всем солдатам грозит гибель.

Среди воинских частей сейчас идет обсуждение вопроса о командировании на помощь Ведено отряда, чтобы вывезти из крепости имущество. Нужно мобилизовать 1000 подвод, придется производить всеобщую реквизицию. С уходом отряда на выручку крепости охрана города будет ослаблена. Совет должен позаботиться об охране. Если пушки попадут к Чечне, городу грозит гибель».

Какие цели преследовала горская буржуазия, обезоруживая солдат и натравливая чеченские массы на грозненских рабочих — понять было легко: рабочие нефтяных промыслов и нефтяных заводов выходили из-под власти промышленников и, по примеру Баку, накладывали свои руки на капиталистическую собственность. Представители отечественного и английского капитала уже не могли командовать рабочими, опираясь на солдат и даже казаков, ибо и те и другие были «заражены большевизмом». Свободными от этой заразы были в то время горские массы, которых обманывали буржуазия и ее приспешники из интеллигенции. Эти-то темные силы и намеревались использовать нефтепромышленники для покорения грозненской вольницы, поставившей в порядок дня экспроприацию нефтяных заводов и промыслов.

Кроме того, буржуазная верхушка Чечни находилась в связи с мусаватами Закавказья и агентами турецкого штаба, руководившего операциями Кавказского фронта. И мусаватам — партии мусульманских националистов, и военным властям Турецкой империи было выгодно развитие и обострение племенной и национальной розни на Северном Кавказе.

Сами чеченцы на заседании Центрального комитета горцев давали весьма туманное объяснение своим действиям под Грозным. Грозненские «Известия» от 21 декабря 1917 г. приводят выдержки из доклада Абдул-Кадырова ЦК горцев во Владикавказе, в котором сообщалось, что «после того, как положение в Грозном определилось, на очередь встала задача обезоружения Воздвиженского и Веденского гарнизонов и вывода одного из них на ст. Гудермес и другого на ст. Грозный.

Выполнение ее, сверх ожидания, оказалось легким, ибо оба гарнизона изъявили согласие сдать оружие, но при условии, если то же проделано уже грозненским гарнизоном.

Как я уже говорил, 111-й пехполк и Самарская дружина сдали все оружие, за исключением разве 200 винтовок, так что на каждые 12-15 человек их состава приходится одна винтовка. Это удалось установить статистически: из общего количества находящегося в Грозном оружия 3400 роздано красной гвардии, около 100 принято нами, остаток — около 200 — остался у них. Требование о разоружении красной гвардии не предъявлялось.

Одной из опасностей, угрожавших Грозному, была возможность входа в него озлобленных, собравшихся на тревогу чеченцев. Эта опасность была после долгих увещаний предотвращена, причем большую роль в этом сыграли муллы. Но по миновании этой опасности возникла другая: были получены сведения о движении к Грозному бронированного поезда в составе паровоза и двух вагонов. Поезд шел, поправляя разрушенный крушениями стратегический путь. По слухам, в нем находится отряд морской пехоты, стремящийся отомстить за только что происшедшие события.

Навстречу поезду была послана комиссия с предложением немедленно вернуться в Гудермес. Команда это предложение выполнить отказалась. Только новой делегацией железнодорожников удалось убедить команду поезда отступить. Но гарантий, что поезд не вернется, нет.

Пулеметная команда вышла из Грозного обезоруженной и сейчас к упрежнению в стрельбе из пулемета приступил существующий в Грозном союз городской молодежи, выделивший с этой целью из себя особый отряд».

Положение осажденных солдат в крепости Ведено служило поводом и русским националистам вести шовинистическую агитацию против горцев и требовать посылки на их [солдат] выручку войск. Предложения о выручке путем посылки вооруженной силы в Ведено обсуждались солдатами Грозного и казаками Сунженской линии. И те и другие выносили решения о походе в Чечню для освобождения осажденных и увода их в Грозный. Однако все эти постановления остались не выполнены: видимо, руководители военными силами Грозного и казаков Сунженской линии поняли, на какой опасный путь становились они, ибо поход в Чечню воинских частей и казачьих полков дал бы повод горской буржуазии и духовенству объявить газават, то есть священную войну неверным, в данном случае казакам, крестьянам и рабочим Грозненских промыслов.

В конце декабря в среде грозненских рабочих и солдат началось заметное полевение и отход от меньшевистской политики колебаний в сторону признания власти Советов и правильности большевистской политики. Влияние большевиков заметно выросло в заводских комитетах, промысловых советах и профессиональных союзах, бывших еще несколько месяцев тому назад в монопольном владении меньшевиков.

Среди чеченского народа также нарастало недовольство националистической политикой горских комитетов буржуазии, обострявшей отношения с русским населением и тем помогавшей только разбойникам, а не желавшему мирных и основанных на уважении к труду взаимоотношений с русским населением района. Мысли об отделении от России не пользовались успехом среди трудового чеченского народа. Часть горских аулов во главе с одним из ближайших к Грозному — Гойтами (Гойты), вошла в связь с Грозненским советом, а некоторые из молодых деятелей Чечни, как тов. А. Шерипов, связались с партийными кругами большевиков, усвоили их политику и повели энергичную агитацию в пользу сближения с большевиками и за установление на Чечне власти трудового народа. Аналогичный процесс разложения «национального единения» происходил и у других народностей: ингушей, осетин, кумыков, кабардинцев и т.д.

Рост недовольства в самой Чечне вынудил и горскую буржуазию искать, хоть для видимости, путей для установления мирных взаимоотношений с городами Владикавказом, Грозным, Петровском. Появились и организовались отдельные группы лиц из чеченской трудовой интеллигенции, стремившиеся положить конец вражде, угрожавшей бедствиями трудовому народу.

Горский комитет попытался взять на себя борьбу с абреками, договорился с Терско-Дагестанским правительством, а также городским самоуправлением Грозного о том, чтобы из города были выведены русские войска — 111-й запасный пехотный полк и Самарская дружина, тогда Горский комитет согласен ввести свой полк и обеспечить охрану города. Грозненские социал-демократы-меньшевики не протестовали против увода войск из города, а на ввод полка дикой дивизии дали свое согласие. Полк в первой половине декабря был введен в город под командой своих офицеров.

Этот вопрос обсуждался на экстренном заседании Грозненской городской думы 10 декабря. Из отчета об этом заседании мы узнаем и некоторые факты, связанные с выводом солдат и вводом чеченского полка в Грозный, при «нейтралитете» социал-демократов-меньшевиков и эсеров городской думы. Вот что изложено в протоколе, опубликованном в «Известиях»:

«Городской голова В.О. Потапов выступает с докладом. В начале своей речи мэр города извиняется перед гласными за то, что в пережитые бурные события не удалось созвать городской думы.

Время было бурное, паника царила в управе, и никакой планомерной работы не было. Далее городской голова в хронологическом порядке излага-

ет ход событий, заканчивавшихся изгнанием 111-го полка и 250-й самарской дружины.

Городская дума соблюдала в это время нейтралитет и не вмешивалась в стратегические действия. Городская управа была против кровопролития на улицах города. Но городскую же управу обвиняли в пассивности, одни хотели ее разогнать, другие — вынести ей смертный приговор.

Затем городской голова констатирует тот факт, что с уходом 111-го полка и 250-й самарской дружины и с приходом в город чеченского полка грабить стали «соптом и в розницу». Взволнованные горожане приходили в управу и требовали оружия. Были созданы на заседание представители всех общественных организаций.

Представители чеченского комитета на приглашение не явились. Казачий комитет (на силы которого так надеялись многие буржуазно мыслящие грозненцы) обнаружил свое полнейшее банкротство. «У нас нет сил», — был ответ казаков.

На следующий день приехал Е. Богданов, который хотел повлиять на рабочих и остановить бегство. По инициативе Е. Богданова были созданы вновь на заседание представители общественных организаций.

Представители чеченского комитета опять-таки на заседание не явились, несмотря на просьбу.

На этом заседании выяснилось, что городу действительно угрожает опасность от различных разбойничьих шаек чеченцев-абреков. Была избрана делегация от Думы, которой и поручено было просить 3-й Горско-Моздокский полк прибыть в город для несения охранной службы.

Касаясь далее характеристики грозненских погромов, оратор приходит к заключению, что между еврейскими погромами 1905 года и теперешними нашими есть много аналогичного. Так, например, в некоторых еврейских кварталах попадались как бы оазисы, то есть такие дома, которые совсем не были тронуты погромщиками, эти-то дома принадлежали казакам.

Затрагивая далее вопрос о том, кому принадлежит «пальма первенства» по организации самообороны, городской голова говорит, что «пальма первенства» не принадлежит домовладельцам, союз техников давно уже занимался детальным рассмотрением и обсуждением плана самообороны. Но так или иначе была избрана комиссия по самообороне.

На первое же заседание этой комиссии явилось так много посторонних граждан, что вместо делового собрания был митинг. Правда, со стороны было много деловых практических предложений.

На этом митинге была избрана комиссия из 20 лиц, которая выработала, во-первых, план народной охраны и, во-вторых, выделила из своей среды редакционную комиссию.

К этому же времени приурочивается «воскресение из мертвых» гражданского комитета. Созвано было экстренное заседание гражданского комитета, на этом заседании чувствовалась какая-то растерянность, отсутствие какой-либо определенной мысли, и творчество гражданского комитета было весьма поверхностно. Но все-таки члены гражданского комитета старались всячески лягнуть городское самоуправление, говоря, что оно молчит и ничего не предпринимает.

Городской голова отмечает, далее, один характерный штрих, из которого можно заключать, как наши промышленники-капиталисты, ратуя всегда за свободу слова, зажимают рот тем, чья речь им не по нутру.

Когда г. Бессмертный в гражданском комитете сказал по адресу представителей капитала: «до тех пор, пока не будет реальной силы, всякие гражданские комитеты ничто», то взрыв негодования на стульях нефтяников, крупных домовладельцев и купцов не поддается описанию.

Переходя затем к дальнейшему изложению событий, городской голова подробно останавливается на следующем заявлении чеченцев: «Мы снимаем с себя всякую ответственность, ибо справиться со своими массами не можем».

Ввиду угрожающего положения чеченец Токаев заявил, что он сможет выдворить из города “порочный элемент”. Для этой цели только надо отряд из 150 человек (30 казаков и 120 чеченцев). Гонорар всаднику определяется 300 рублей, а пешему 150 рублей. Так как организация такого отряда потребует больших затрат, а городская касса пуста, то со стороны управы было заявлено, что городское самоуправление расходы эти на себя взять не может. Но пришла на помощь в этом случае особая финансовая комиссия, которая и изыщет средства. На этом работы комиссии по обороне были закончены.

Отряд Токаева работает уже три дня, и пока довольно успешно; спокойствие же в городе понемногу восстанавливается.

В субботу 9 декабря состоялось заседание Чеченского комитета; на заседание были приглашены и представители от города. Горожане требовали от чеченского комитета оружие.

Когда же на заседании комитета был поднят вопрос о вооружении горожан, то поднялся шум. Много говорили, и спорили, и... наконец, решили выдать только 150 берданок.

Касаясь теперешнего состояния народной милиции, В. Потапов предлагает увеличить численный состав ее. Управой, например, был самочинно послан казачий офицер в станицы, которому поручено скомплектовать отряд всадников-казakov численностью до 50 человек.

Вместе с тем городской голова предлагает также учредить пост комиссара общественной безопасности, ибо, если Соловьев будет именоваться начальником милиции или комиссаром, то совет присяжных поверенных отзовет его.

В заключение оратор доводит до сведения думы, что управой послан гласный Косолапов (вместе с представителями от казачьего комитета и железнодорожников) на Екатерининскую дорогу для того, чтобы хлопотать о скорейшем прибытии двух полков в Грозный, которые задержаны в царстве Каледина.

Член управы Марченко: Я после удачных событий был в поездке и должен констатировать, что славушка о нашем крае плоха. Тифлис питается одними галетами, и царь-голод охватил Закавказье. Фронт — голодный фронт — безалаберно движется в тыл. За фронтом, как шакалы, движется народонаселение. Все надеются, что Северный Кавказ приютит. Оратор предлагает озаботиться устройством питательных пунктов, обращается к интеллигенции и просит ее сбросить пассивность. В заключение Марченко призывает всех приготовиться к новому бедствию: принятию беженцев Кавказской армии.

Гласный Лисициан загробным голосом пытается критиковать действия управы. По его мнению, все спали 9 месяцев и чего-то ждали; а вот проснулись и организовали самооборону. Сделав затем несколько практических предложений, гласный Лисициан с критики действий управы перешел на критику действий совета рабочих и военных депутатов.

Разбирая каждого работника совета по косточкам, он в конце концов обрушивается всецело на тех, кто в минуту общей растерянности уехал из города.

Не по нутру пришлась Лисициану и всеобщая забастовка, объявленная грозненским пролетариатом. Долго и долго говорил и “критиковал”, пока не был остановлен председателем Е. Богдановым. В конце концов Лисициан заявил, что все-таки управа занималась разрешением стратегических задач.

В. Потапов находит, что последнее заявление Лисициана не выдерживает никакой критики. Управа в последних событиях способствовала только мирному улаживанию создавшегося конфликта.

Ко мне же, продолжает городской голова, приходили и говорили: “Сдайся на милость победителю”, но на такую авантюру управа не пошла. Далее городской голова, касаясь бегства из города руководителей демократии, говорит: “Разве вся станица была забита только демократией?”

Гласный Лисициан просит городского голову назвать фамилии тех лиц, которые предлагали сдать на милость победителей. В.О. Потапов отвечает: “Гласные Сангурский, Гулиан и Лисициан предлагали сдать казакам, и такая точка зрения вполне понятна”.

Гласный Сангурский выступает с целью “восстановить истину”. Оратор, волнуясь, подробно останавливается на заседании представителей 111-го полка и казачьего комитета. Говорит о том, что 111-й полк долго не соглашался уйти из города, ибо это несовместимо с воинской честью, кроме того, граждане молили солдат не покидать город. Далее гласный знакомит думу с тем спором, который произошел между ним и Гредягиным. Последний утверждал, что городское самоуправление просило 111-й полк остаться в городе. Казаки отказались охранять город; тогда я, продолжает Сангурский, вместе с Лисицианом и Гулианом явился к городскому голове в кабинет и нарисовал истинное положение вещей. Речь только шла о том, какую позицию должно было занять городское самоуправление, — заканчивает свою речь гласный Сангурский.

Председатель Е. Богданов резюмирует речь В. Потапова и сводит ее к следующим пунктам. Дума должна санкционировать: 1) учреждение отряда Токаева, 2) утвердить должность комиссара общественной безопасности и 3) одобрить пополнение милиции.

Разбирая каждое это мероприятие в отдельности, Е. Богданов приходит к заключению, что гласные вряд ли что-нибудь будут иметь против учреждения отряда Токаева, но... платить этому отряду гласные едва ли согласятся. Логически рассуждая далее, Богданов приходит к выводу, что священная обязанность чеченцев выдворить “порочный элемент” из города. Касаясь третьего мероприятия, председательствующий находит, что оно малосостоятельно. Стража в 60 казаков не обеспечит “мирное житие” грозненцев, а только явится лишней “финансовой обузой” для истощенной городской кассы.

Попутно Е. Богданов дает и свое практическое предложение: “Задача городского самоуправления должна быть направлена к тому, чтобы в город прибыли в возможно кратчайший срок воинские части”».

Отношение полка к жителям города было двоякое: чеченские офицеры и их приближенные разместились на постой у домовладельцев, промышленников, купцов и тем самым взяли их под свою защиту. Казачьи дома в городе чеченцы также не трогали, но остальным жителям не давали покоя: их грабили, организовано, и днем и ночью.

Между абреками, осаждавшими или налетавшими на город, и Чеченским полком дикой дивизии все же было некоторое различие: абреки грабили сплошь, а солдаты Чеченского полка делали это по выбору, принимали откуп и в таком случае “защищали” своих данников от “неорганизованных” поборов.

Но полку долго стоять не пришлось: пьяные чеченцы подрались с пьяными казаками, и сам город едва не стал аренной взаимной вооруженной драки. Казачья станица потребовала от городского самоуправления удаления из города Чеченского полка. Ее поддержали другие станицы и Грозненский совет. Полк вынужден был покинуть город. Вместе с полком покинули город и чеченцы — жители Грозного.

Уход полка из города лишил некоторых жителей удобств и дохода: домовладельцы, торговцы, промышленники и темные люди имели от чеченцев некоторый доход и охрану собственности, а поэтому открыто выражали свое недовольство. Темные и уголовные элементы воспользовались уходом из города чеченцев и подвергли разграблению и погрому их жилища и имущество.

Вот как описывал эти события «Тунгус» в грозненских «Известиях»: «16 декабря по требованию представителей казачьих полков был выведен из города отряд дикой дивизии. Вывод чеченского отряда вызвал возмущение неосознательных слоев населения. Толпы женщин-солдаток и празднующегося люда, вчера еще прятавшиеся от страха перед дикой дивизией в подполье и бежавшие прятаться в станицы, негодовали, что чеченцы вышли из города, и требовали самосуда над виновниками вывода войск. Контрреволюционные элементы бросили в разъяренную толпу обвинение, что во всем-де виновата управа и городской голова. В толпе, подступавшей к управе с угрозами и воплями, были яро ненавидящие новую думу, свободу и революцию.

Шайка господ, кормившаяся прежде вокруг городского самоуправления, разворовавшая городское хозяйство, дружившая и пресмыкавшаяся прежде перед полицейскими и жандармами, ждет случая, чтобы разгромить народную думу, избранную рабочими и крестьянами.

И эта шайка теперь натравливает народ на думу бедноты. Раздавлив орган народный, они надеются снова хозяйничать в самоуправлении. Нет той лжи и клеветы, той гнусности, которую бы они не распускали про думу народную. Было больно и страшно видеть, как темные люди превратились в слепое орудие реакционеров.

Товарищи рабочие, казаки и все граждане, не поддавайтесь провокации. Объясняйте темным и несознательным, что управа и голова никогда не распоряжались ни одной частью. Дикая дивизия вошла в город, не спросив позволения у управы, и нелепо думать, что управа могла задержать дивизию, от которой ушел полк.

Но чем вздорней и нелепей клевета, тем сильнее верит ей бессознательная толпа. Она неистовствовала и по призыву готова была броситься на идейных борцов за право и справедливость, за интересы трудовых масс. Полные гнева и ненависти, темные люди ищут, на ком бы сорвать злость. Алчут места, жаждут крови, слепцы. Руководимые инстинктом, подстрекаемые сознательными и бессознательными провокаторами, массы начали громить брошенные чеченцами дома и имена. Громили, разоряли, растаскивали покинутое имущество мужчины, женщины и дети.

Вчера еще они переживали сами ужас погромов абреков. Сегодня сами творят дело абреков. Тащат домой всякую дрянь, копеечные вещи, позорят граждан и навлекают на себя и на весь город, быть может, новые страшные испытания.

Погром это тот же пожар. Загорится в одном месте — пламя моментально охватывает соседний дом, и море огня уничтожает все. И эти единичные пока погромы могут вылиться в стихийное явление, пожирающее все на своем пути. Когда громили войдут во вкус, они не разбираются, где чеченский, а где русский дом. Как саранча тогда толпа уничтожает все подряд. Словно сумасшествие охватывает массы, и нет в то время ничего отвратительней и ужасней ее.

Устраивая погромы, народ всегда громил самого себя.

Рабочие и вся демократия должны помнить, что все народные движения, переходившие в погромы, всегда затапливались потоками народной крови.

Рабочий класс и демократия должны знать, что все погромы черной сотней, жандармами направлялись против лучших борцов за свободу народную и народных организаций.

Грозный урок прошлого: дни погромов 1905 г., заканчивавшихся расстрелами, виселицами, были смертельными днями для революции. Погромы убили революцию. Похоронили свободу и отдали народ во власть палачей, заливших Россию кровью и слезами.

Спруты реакции, ненавидящие революцию и народ, пытаются повторить историю 1906 г. и погромами задушить революцию. Зловещая волна погромов уже катится по всей стране.

Берегитесь, товарищи и истинные граждане, чтобы у нас не повторилась кровавая история 1905 года!

Рабочий класс при проигрыше революции будет раздавлен на десятки лет. В случае победы погромщиков пролетариату грозит духовная, политическая, экономическая смерть.

Революционная демократия должна напрячь все свои силы и прекратить кошмарный погром. Слепые люди, растаскивающие тряпье и разную рухлядь, должны понять, что они в ослеплении громят революцию.

Погромщики убивают свободу. Они роют могилу себе и лучшему будущему, завоеванному народом. Они, трепетавшие несколько дней назад перед чеченской нагайкой, должны помнить, что тысячи разоренных жителей слободы Воздвиженской: женщины, дети, мужчины и старики — находятся в плену у чеченцев. И воздвиженцы умоляют Грозный не раздражать диких

орд. Иначе тысячи русских пленников могут пасть жертвой мести. За разгромы чеченских домов, за убийства случайных чеченцев чеченцы могут ответить нам избиением пленников. Растаскивающие копеечные вещи должны помнить, что их работа может убить крестьян, плененных чеченцами.

Так говорит населению городская дума, народная дума.

В толпе погромщиков видели заведомых черносотенцев. Бывшие городовые и даже охранники-провокаторы, недавно выпущенные из тюрьмы, науськивали толпу на разгромы.

Хулиганы, проходимцы и контрреволюционеры, пытающиеся использовать народные волнения в своих целях, должны знать, что у демократии всегда найдутся силы и средства не только дать отпор провокаторам и врагам народа, но и уничтожить их».

Из этой путаной декламации, смешивающей «народ» и контрреволюционный воровской сброд в одну кучу, все же видно, что погромное движение было спровоцировано заинтересованными буржуазными элементами Грозного. Грозненские меньшевики, имевшие в своих руках власть, даже после этого погрома оставили в покое основных виновников — капиталистическую свору.

Погромное движение в г. Грозном обсуждалось и на экстренном заседании городской думы 19 декабря. Что делал в эти дни совет, видно лишь из призыва к рабочим председателя Е. Богданова, а деятельность Грозненского совета была в основном деятельностью самих рабочих. Вот что говорится в отчете об этом заседании:

«Созванная на экстренное заседание народная дума в связи с погромным движением в городе оказалась на высоте своего положения.

Сказано народной думой было мало, но сделано было много — вот кратко выраженное впечатление от заседания 19 декабря. Результаты дружной и деловой работы социалистической думы сразу сказались: почти в продолжение двух часов был вынесен ряд постановлений, которые, вероятно, в корне уничтожат погромное движение в городе.

Заседание открывается т. Е. Богдановым, который и оглашает повестку дня: 1) ликвидация погромов, 2) мясной вопрос, 3) реорганизация самообороны и 4) переучет векселей. Начальник общественной безопасности И. Соловьев рисует яркую картину погромного движения в Грозном. После того, как чеченцы выехали из города, жители окраин ринулись громить покинутые дома.

Выносился из домов даже жалкий оставшийся скарб чеченцев. Милиция с этим движением бороться не в силах, ибо располагает только 40 милиционерами. Все надежды надо только возложить на прибывшие воинские части.

Член управы Акулов исходит в своей речи из того, что масса вообще враждебно настроена по отношению к чеченцам в связи с разгромом промыслов и слободы Воздвиженки.

По мнению оратора, необходимо: 1) посылать на улицы конные разъезды и 2) самоохрана должна действовать не только ночью, но и днем.

Гласный Голяков: Я, житель слободы Воздвиженки, прошу принять все меры к ликвидации погромов, ибо если узнают об этом чеченцы, то наши жены и дети погибнут в Воздвиженке.

Гласный Керсаевский предполагает, что некоторые лица, озлобленные разгромом промыслов чеченцами, ищут, где бы вылить свой гнев. Этим пользуются те, которые заинтересованы в погромах. Долг же городского самоуправления удержать население на высоте сознания. Погромы, начавшиеся на окраинах, могут перекинуться и в центр. Разнузданность страстей толпы приведет к разгрому города. Перед ужасными бедствиями стоит городское самоуправление, всем ясно, что чья-то опытная рука руководит всем этим погромным движением. Темных туч и так много кругом города, кому-то надо, чтобы эти темные тучи были и в городе.

Гласный Гредягин дополняет картину погромного движения, нарисованную Соловьевым. Услышали мы про погромы, говорит гласный, и двинулись из совета рабочих и военных депутатов на слободку; видели мы, как разъяренные толпы девушек и женщин рвались громить.

Член управы Полюхов предлагает думе: 1) выпустить воззвание к населению и заклеить и осудить погромное движение, 2) принять немедленные меры к ликвидации погромов и 3) участковым начальникам по охране обсудить меры к предотвращению погромов.

“В семье не без урода, — так начинает свою речь начальник гарнизона полковник Дерезглазов и далее продолжает: — Начальником общественной безопасности сказано, что в погромах принимают участие и казаки 3-го Горско-Моздокского полка, но жаль, что начальники охраны не назвали места и времени, где это происходило. Мало этого, трафарет на погонах «3-й Г.-М.» носят казаки и других полков. В 3-м же Горско-Моздокском полку ведутся каждый день беседы на темы о поведении казаков на улицах”. Касаясь далее охраны города, полковник заявляет: “Я все меры приму против преступного элемента и объявлю беспощадную войну абрекам”. (Шумные аплодисменты гласных и горожан заглушают последние слова полковника Дерезглазова.) Дерезглазов продолжает: “Я призываю всех горожан соединиться с нами, казаками, и уничтожить преступный элемент”. (Снова шумные аплодисменты.)

В то же самое время полковник Дерезглазов предостерегает граждан, чтобы они не преувеличивали своих сил. “Силы казаков невелики, и в нужный момент больше 1000 шашек не дадут. Чересчур не храбритесь и месьть выбрьсьте из головы”, — заканчивает свою речь полковник Дерезглазов.

Председатель Е. Богданов с большим подъемом произносит горячую речь, обращенную к рабочим: “Товарищи рабочие! Никто так не пострадает после ликвидации революции, как вы. Весь гнев выльется на вас. Вы, товарищи рабочие, должны помочь ликвидировать погромы. Работа грозненских провокаторов, бывших городских и выпущенных на свободу охранников, достигла апогея. С этим придется бороться демократической думе, и если наша дума не победит, то она очутится в тупике. Без вашей поддержки, товарищи рабочие, дума, одинокая дума, не выдержит борьбы. И если вообще демократия не справится с погромным движением в России, то страна захлебнется в море крови и наступят темные, беспросветные дни реакции. Я призываю вас, товарищи рабочие, к охране города и порядка. Вы когда-то создавали боевые дружины и не раз спасали город от банд абреков; надеюсь, и теперь то же самое сделаете. Долг всех голосовавших при выборах в думу за № 3 поддерживать в настоящий момент наше городское самоуправление. Ведь и революция 1905 г. захлебнулась в погромах. Поэтому все силы надо направить к тому, чтобы пресечь в корне погромное движение”».

Прибывшие с фронта казаки Терского войска отказывались быть на поводу атаманской шайки, заседавшей во Владикавказе с контрреволюционным Терско-Дагестанским правительством, и повели в станицах агитацию за признание Советской власти и осуществление ее в своем крае и в своих станицах. Эта агитация фронтовиков встретила живейший отклик и поддержку среди иногородних жителей станиц и крестьянских поселений Кизлярского района.

Рабочие, крестьяне и трудовые казаки и горцы Терека вскоре поняли, кому выгодна та кровавая национальная борьба, и через голову своих правителей и различных буржуазных комитетчиков начали протягивать друг другу руки и заключать местные мирные договоры. От Терско-Дагестанского правительства и карауловского казачьего круга отворачивались и горцы и казаки. Наконец, один из главарей и провокаторов национальной розни — атаман Караулов нашел свой конец: был убит 13 декабря 1917 г. на ст. Прохладная солдатами и беженцами из г. Грозного, пережившими все ужасы его политики.

Вот что сообщал об этом происшествии председатель Владикавказского совета рабочих и солдатских депутатов М.Д. Орахелашвили представителю армейского съезда Колпинскому в Тифлис по прямому проводу 16 декабря.

Из Тифлиса Колпинский просит: «Будьте добры сообщить последние события в Терской области.

Орахелашвили: Позавчера на ст. Прохладная совершено кошмарное убийство М.А. Караулова, его брата и хорунжего Белоусова толпой солдат и бе-

женцев из Грозного, что, помимо ужаса самой расправы, вносит страшную дезорганизацию в и без того запутанное положение области. Совет выразил свой протест против дикого самосуда. Грозный стоит, оттуда нет вывоза жидкого топлива; положение грозненцев отчаянное. Остатки 111-го полка в ст. Воздвиженской обезоружены и выдворены. Вчера здесь захвачена 44-я батарея, перешедшая [к] туземной дивизии. Предположено расформировать Самарскую дружину. Распущена Виленская конвойная команда. Еще раньше расформированы две пулеметные команды. Совет послал комиссаров в Государственный банк, который Терско-Дагестанское правительство объявило подчиненным себе. Печатают боны.

Колпинский: Сообщите отношение войскового правительства к солдатам Уфимской дружины. Правда ли постановление о расстреле? Возможно ли полномочной комиссии Краевого съезда армии проехать во Владикавказ по Военно-Грузинской дороге?

Орахелашвили: Отношение войскового правительства к Уфимской дружине мне точно не известно, а доверяться слухам не могу. Прибывший на ст. Прохладная из Владикавказа сводный отряд обстрелял из пулемета состав, в котором предполагались солдаты, но их не оказалось. На станции убиты два солдата и одна женщина. Других эксцессов не было. Проезд по Военно-Грузинской дороге, насколько мне известно, свободный. Когда открывается съезд советов?

Колпинский: 17 декабря, если не произойдет задержки. Оставайтесь во Владикавказе, ожидая приезда полномочной комиссии Краевого съезда.

На место убитого атамана Караулова Терско-Дагестанское правительство назначило генерала Половцева «главнокомандующим всеми войсками края».

Переговоры М.Д. Орахелашвили и Колпинского разоблачали двойную игру социал-демократов-меньшевиков и эсеров, которые, сидя в Грозном, «не признавали» контрреволюционное Терско-Дагестанское правительство, а меньшевики Владикавказа и Грузии его поддерживали и с ним сотрудничали. Эту двойственную политику социал-соглашателей скоро поняли и грозненские рабочие, а поняв ее и пережив все бедствия, связанные с ней, стали отворачиваться от меньшевиков и социал-революционеров и поддерживать большевиков.

Этот процесс осознания ошибочности политики соглашателей был снова нарушен националистической волной, вызванной нападением чеченского отряда на станичное правление ст. Грозной 29 декабря, повлекшим жертвы. Чеченцы были спровоцированы на выступление буржуазными элементами и действовали под флагом мести казакам за требование вывода из города чеченских войск.

Первую крупную победу одержали социал-демократы-большевики 21 января 1918 г. на совместном заседании заводских комитетов, профессиональных союзов и советов рабочих депутатов. На этом собрании президиум состоял из социал-демократов-большевиков и левого социалиста-революционера председателя П. Альтона, товарища председателя М. Ворожева и секретаря Н. Зайцева. В порядке дня были поставлены три вопроса: 1) о переговорах с нефтепромышленниками, 2) о переговорах с чеченцами, 3) о признании власти Совета народных комиссаров.

Из краткого отчета о заседании и прений по первому пункту видно, что дело касалось предъявленных рабочими требований о выдаче заработной платы тем группам из них, которые лишились работы не по своей вине, а также [требования] обеспечить возможность работы всем заводам и промыслам.

Рабочие высказывались за отобрание предприятий и промыслов у нефтепромышленников, если они не сумеют обеспечить их работу. Рабочий Шумик заявил: «Если гг. нефтепромышленники не удовлетворят наши справедливые требования, то пусть управляющие и директора уходят, а мы сами пустим в ход грозненскую промышленность».

Это заявление т. Шумика поддержал председатель собрания и предлагал рабочим взять промыслы в свои руки.

Далее отчет обрывается следующими предложениями: «Т. Пиллер настаивает на том, чтобы комиссия требовала от нефтепромышленников: 1) уплаты жалования всем рабочим и 2) нерасчета рабочих. Вместе с этим Пиллер считает нужным позаботиться скорее о восстановлении железнодорожного сообщения, ибо взоры всех революционеров на Северном Кавказе обращены теперь на Грозный, где также контрреволюционеры “работают”. В заключенные оратор призывает всех рабочих теснее сплотиться для борьбы с контрреволюцией и для защиты революции».

После некоторого еще обмена мнений по этому вопросу собрание выносит пожелание, чтобы политические партии и рабочие организации снова принялись за работу с тем энтузиазмом, каков был в первые дни революции».

Докладчиком по второму вопросу — о переговорах с чеченцами — был И. Альтон, но «Известия» не привели из его доклада ни одного слова, упомянув лишь о том, что он нарисовал в хронологическом порядке картину переговоров.

По вопросу о признании власти Совета народных комиссаров, избранных II Всероссийским съездом советов в Петрограде в октябре 1917 г., докладчиком выступал т. Гикало. Вот как изображены доклад и обсуждение его на этом заседании меньшевистским хроникером «Известий»:

«Докладчик по этому вопросу Гикало, указывая на контрреволюционную “работу” верхов казачества, в результате которой было разъединение трудовых масс, говорит, что промышленники бросили вызов рабочим. Грозненские рабочие давно уже подвергались разбоям, убийствам и грабегам со стороны чеченцев; все время лилась кровь рабочих, все возмущались, протестовали и 24 ноября дикие толпы Чечни, натравливаемые на рабочих, ворвались на промыслы и разгромили их. В заключение докладчик призывает всех признать советскую власть, и тогда, по его мнению, положение рабочего улучшится».

Тов. М. Ворожев находит, что революция уже в котле смерти и задача всех рабочих помочь народной власти в борьбе с контрреволюцией, и если пролетариат останется побежденным в этой борьбе, то тогда будет гибель революции».

Т. Семеряков возмущается тем, что против большевиков ведется травля, буржуазия кричит: “большевики работают на германские деньги”, “большевики враги народа”, но большевистская власть стремится к миру, большевистская власть дала землю крестьянам. Касаясь приказа прапорщика Крыленко об объявлении Германии священной войны, оратор говорит, что эта война объявляется не германскому народу, а всей буржуазии».

Тов. И. Альтон предполагает, что Крыленко не обдумал свой приказ об объявлении священной войны и что “германский народ не пойдет на революцию”.

Т. Пиллер, отвечая Альтону, говорит, что, вероятно, приказ Крыленко обсуждался всеми представителями демократии и уж после этого был опубликован».

Тов. А. Анисимов заявляет, что прежде чем говорить о признании советской власти, надо обсудить этот вопрос по фракциям. Лично я власти Совета народных комиссаров не признаю. Я признаю власть Всенародного Учредительного собрания. (В зале поднимается шум, кто-то из присутствующих кричит: “Долой! Долой!”) Т. Ворожеву удается успокоить собрание, и А. Анисимов продолжает свою речь: Очень жаль, что вы за 10 месяцев революции не научились уважать убеждения тех лиц, которые не согласны с вами. Я боролся за народ во времена царизма, и на моем знамени были лозунги: “Долой самодержавие!”, “Да здравствует Учредительное собрание!”

Т. Сороко предлагает вопрос о признании советской власти решить самим же рабочим на фабриках, заводах и промыслах, а настоящее собрание, по мнению оратора, не правомочно решать столь важный вопрос, ибо надо прислушаться к истинному голосу народа».

Т. Альтон говорит, что если созванное Учредительное собрание не выражает воли всего народа, то его “надо разогнать”, а власть Совета народных

комиссаров “надо признать, пока не соберется новое Учредительное собрание, выражающее волю народа”.

Затем фракция большевиков оглашает следующую резолюцию: “Соединенное собрание Совета рабочих и военных депутатов, заводских комитетов и представителей профессиональных союзов, выслушав ораторов, постановило: В лице истинных борцов революции Ленина и Троцкого горячо приветствовать и признать власть Совета народных комиссаров. Собрание заявляет, что установившаяся советская власть — единственный выход из создавшегося положения.

Приветствовать в лице прапорщика Крыленко революционную армию, которая стойко борется против контрреволюции. Только советская власть ведет к светлому будущему — социализму”».

Резолюция фракции социал-демократов-большевиков принимается 54 голосами против голосов единиц. Противников голосовало так мало, что хроникер число их совсем не привел.

По инициативе социал-демократов-большевиков Пятигорска и Владикавказа на 25 января 1918 г. созывался съезд всех народов Терского края в Моздоке. На этом съезде предполагалось разрешить все волновавшие жизнь трудового населения Терской области вопросы: 1) о мире между народностями, 2) о власти, 3) о земле.

Съезд трудящихся был неприемлем для контрреволюционеров, и они пытались различными способами помешать его созыву или сделать его неправомочным. В целях помехи объединению трудящихся, верхушка казаков и горской буржуазии решила действовать: казачий есаул Медяник, замещавший Караулова на посту атамана Терских казаков, назначил на то же время областной съезд казаков в станице Мариинской Пятигорского отдела.

Горские князьки и богатеи затеяли «свои» съезды и, кроме того, усилили разбойные нападения по железнодорожной линии Владикавказ—Беслан и на Сунженской линии.

Трудящиеся быстро раскусили эту контрреволюционную механику и выступили с публичным разоблачением ее значения. Инициатива выступления принадлежала грозненским организованным рабочим, устроившим вечером 21 января соединенное собрание Совета рабочих депутатов, заводских комитетов с участием многих сотен граждан города. На этом собрании была принята следующая резолюция:

«Обсудив вопрос о созыве контрреволюционером Медяником в ст. Мариинской областного съезда казаков, собрание считает нужным заявить во всеуслышание трудового казачества: 1) с первых дней революции войсковое правительство в лице Караулова, Медяника, Орлушина и др. браталось с Терско-Дагестанским правительством, вооружило чеченцев и ингушей, натравливало трудовые массы друг на друга, казаков на рабочих, чеченцев на солдат и пр. 2) Работая в тесном союзе с Терско-Дагестанским правительством, Юго-Восточным союзом и буржуазией — все время разъединяя трудящиеся массы, войсковое правительство являлось не выразителем воли трудового казачества, а верхов, то есть врагов трудового казачества, крестьян и рабочих. 3) Благодаря этой контрреволюционной политике войскового правительства и Терско-Дагестанского правительства Терский край объят пламенем гражданской войны. Сожжено много станиц, промыслов и сел. 4) Трудовое казачество, поддавшееся в первое время обману контрреволюционеров, горьким опытом, своей кровью поняло, к чему ведут руководители войскового правительства, и убедилось, что только в тесном объединении трудового казачества, крестьян и рабочих залог лучшего будущего. 5) Поняв это, казачество отвернулось от своих врагов — войскового правительства и создало в Грозном и Кизлярском отделе единую власть народа — военно-революционный совет. 6) Но карауловцы не теряют надежду, они в последних предсмертных судорогах хватают еще власть и хотят спасти свое положение. 7) Созываемый Медяником съезд есть попытка контрреволюционеров разбить создавшееся объединение трудового казачества, крестьян и рабочих и вызвать раскол. 8) Собра-

ние уверено, что трудовое казачество на эту удочку не пойдет и на приглашение Медяника скажет: руки прочь! долой обман! долой врагов народа!»

Чеченская буржуазия созывала на то же число свой Национальный съезд, ингушская — свой, в явных целях не допустить сближения этих народов с другими, ибо это сближение повлекло бы отход горских масс от правящей их делами буржуазной верхушки.

На том же собрании была оглашена резолюция Грозненского окружного военно-революционного совета, который заявлял:

«Ознакомившись с повесткой и [сполняющего] д[олжность] войскового атамана Терского казачьего войска Медяника о созыве им в станице Мариинской (Пятигорского отдела) съезда по инициативе “остатков” войскового Терского округа и членов войскового правительства на 25 января сего 1918 г., в день созыва съезда трудовых народов Терской области в г. Моздоке, [Военно-революционный совет] постановил протестовать против такого созыва, усматривая в действиях Медяника и остатков войскового правительства желание срыва моздокского съезда.

Военно-революционный совет просит все станицы Кизлярского, Сунженского, Пятигорского и Моздокского отделов не посылать своих представителей на созываемый Медяником съезд, а послать всех своих представителей на Моздокский съезд трудового казачества, крестьян, рабочих и солдат, где единственно можно разрешить все наиболее важные вопросы и создать истинную власть трудовых народов, объединяющую все трудовые элементы и могущую разрешить все насущные вопросы.

Созывая войсковой круг одновременно со съездом всех трудящихся народностей области, гг. Медяники стремятся вновь внести рознь в наши ряды, снова отделить казаков от солдат и иногородних и разрушить завоеванное ценой крови наше объединение».

Эти голоса протеста не были одиноки: станицы присоединились к нему и слали свои протесты против вносимого атаманами раскола в трудовую среду казачества.

(Продолжение следует)

Примечания

1. См. В[оенно-]И[сторический] А[рхив], дело арх. № 1765.
2. В г. Грозном.
3. См. дело ВИА № 1238.
4. Вероятно, по 24 сентября, так как съезд открылся 25 сентября.
5. Тунгус (подпись под цитированной статьей. — *Ред.*).

Русская военная разведка на Балканах в конце XIX века

М.Ю. Асиновская

Тема русской военной разведки конца XIX века уже привлекала внимание исследователей. Так, И.С. Макаров, рассматривая развитие разведывательных структур Главного штаба (ГШ) начиная с эпохи великих реформ вплоть до создания специального разведывательного органа в структуре Генерального штаба в начале XX в., приходит к выводу, что по ряду причин и, прежде всего, недостаточности финансирования процесс формирования центрального разведывательного органа не соответствовал задачам, решаемым им в условиях обострения военно-политической обстановки, и отставал от аналогичных процессов в ведущих западноевропейских державах. В двухтомнике М. Алексева «Военная разведка России от Рюрика до Николая II» и в «Очерках истории российской внешней разведки» внимание сосредоточено в основном на положении дел в Западной и Центральной Европе и на Дальнем Востоке, а ситуация на Балканах в интересующий нас период времени почти не освещена. Единственным специальным исследованием деятельности военно-морской разведки России, в том числе на Балканах в исследуемый период, является статья В.А. Петрова «Военно-морская агентурная разведка в первой мировой войне»¹. Зарубежные историки, занимающиеся русской военной разведкой, такие, как П. Хопкерк, Д. Схиммелпенник ван дер Ойе сосредоточили свое внимание на ситуации лишь в Центральной Азии, Афганистане, на Кавказе и на Дальнем Востоке².

В период царствования Александра III одной из приоритетных задач внешней политики России являлось получение контроля над турецкими проливами, так как пока они находились в руках Порты всему югу империи при любом европейском конфликте с участием России могло угрожать нападение иностранных держав. В связи с решением этой задачи руководство ГШ предполагало ограничиться занятием оборонительной позиции на Босфоре, а Дарданеллы оставить во владении султана. Обладание наступательной Дарданелльской позицией практически ничего не давало России в стратегическом плане по причине того, что морские силы ее главного потенциального противника в Средиземноморском регионе — Англии намного превышали возможности русского флота. Контроль же над Босфором если и не исключал, то существенно снижал возможность проникновения иностранных военных судов в русские воды и вероятность высадки десанта на черноморском побережье. После Берлинского конгресса, в корне изменившего политичес-

кую ситуацию на Балканах, наступление на Константинополь традиционным путем, через Балканский полуостров, стало предприятием почти невозможным. Турцию отделяли от России уже две границы: румынская и болгарская. Балканским коммуникациям русской армии угрожала враждебная Австро-Венгрия, а отношения России с Румынией, после отторжения от нее Бессарабии, оставляли желать много лучшего. В такой ситуации единственным выходом оставался морской десант русской армии на Босфор, подготовка которого, в том числе и разведывательная, стала одной из основных задач Военного министерства³.

Сама идея Босфорской десантной экспедиции начала рассматриваться Военным министерством не позднее января 1881 года. Об этом свидетельствует письмо военного министра Д.А. Милютиня Управляющему Морским министерством адмиралу А.А. Пещурову от 6 января 1881 года. Он просит адмирала об открытии Морского агентства в Турции, в Константинополе, мотивируя свою просьбу необходимостью интенсификации русской военной и военно-морской разведки в этом регионе. Милютин писал: «...Угроза оружием Оттоманской Порте только тогда становится действенной, когда подвергает опасности Константинополь и Босфор. Если и прежде занятие такого положения нашими сухопутными армиями было сопряжено с неисчислимыми затруднениями, то тем более в настоящее время трудно рассчитывать на успех и даже самую возможность наступления сухопутным путем. Отсюда возрастает значение морского десанта ... следовательно, необходимо тщательно изучить морские средства Турции, оборону ее берегов, пунктов высадки десанта и подступов к Босфору и Константинополю»⁴.

Военное министерство предпринимало все возможное для усиления собственной разведывательной деятельности в Балканском регионе. Наряду с военным агентством в Константинополе (до русско-турецкой войны 1877—1878 гг. единственным постоянным представительством русского Военного министерства в Балканском регионе), в 1881 г. было открыто аналогичное учреждение в греческой столице, во главе с А.П. Протопоповым. Русским военным агентом в Турции был назначен полковник В.Н. Филиппов. Офицеры, занимавшие должности военных агентов в Турции и Греции в период царствования Александра III, были людьми, обладавшими большими способностями к ведению разведки. Особо тщательным подбором кандидатур на данные посты ведала Канцелярия Военно-ученого комитета Главного штаба (ВУК ГШ). В 1888 г. Военное министерство назначило своих представителей в Сербию и Румынию, а в 1889 г. в Черногорию. В конце XIX в. военные агенты часто назначались не в одну страну, а в две и более.

Однако военные агентства эффективно работали лишь в Турции и Греции. Полковник Г.В. фон Поппен был аккредитован в Бухаресте и Белграде одновременно и поэтому был лишен возможности сообщать полноценные сведения. В Цетинье обязанности русского военного агента были возложены на воспитателя младшего сына черногорского князя Николая полковника Н.Р. Овсянова. Обязанности воспитателя почти не оставляли ему времени на разведывательную деятельность. Что касается представителя русского Военного министерства в Восточной Румелии, состоявшего при Генеральном консульстве в Филиппополе с 1879 по 1885 г., то сбором разведанных он практически не занимался, так как это не входило в сферу его прямых обязанностей. Все это говорит о том, что ГШ считал военные агентства в Турции и Греции ключевыми с точки зрения сбора разведывательной информации, а внутренним районам Балкан в тот период уделял меньше внимания.

Дополнительная информация о положении дел в регионе поступала от офицеров, командированных военным ведомством за границу на непродолжительный срок. Морское министерство тоже располагало собственными органами разведки. Таковыми были: корабли-стационары, то есть военные суда, постоянно находившиеся на стоянке в каком-либо иностранном порту, морские агенты (с 1894 г.), морские офицеры, отправлявшиеся за границу для сбора разведывательных сведений. Источниками информации, правда, в

небольшом объеме, могли служить все русские военные корабли, плававшие в Черном и Средиземном морях. В 80-е — начале 90-х годов XIX в. (до назначения морского агента в Турцию) фактическими руководителями военно-морской разведки на Балканах были военные агенты в Афинах и Константинополе, вынужденные заниматься сбором разведывательных сведений для Главного морского штаба (ГМШ), ввиду отсутствия постоянных представителей Морского министерства в данном регионе.

Организация военной разведки в Балканском регионе в 1880-е годы еще только налаживалась и поэтому военному агенту приходилось сталкиваться с огромным количеством трудностей, которые отсутствовали у их коллег в Западной Европе, где военные агентства существовали уже давно, и не требовалось начинать все с нуля. Но, несмотря на это, содержание русских военных агентов в Греции, Румынии или Черногории было на порядок ниже, чем у русских военных представителей, аккредитованных в Германии, Австро-Венгрии или Франции. Например, содержание военного агента в Вене, полковника Н.В. Каульбарса, составляло 8727 рублей золотом в год, а равному ему по чину военному агенту в Греции А.П. Протопопову выделялось лишь 4887 рублей (жалованье по чину — 687 рублей, столовые по должности военного агента 3000 рублей и 1200 рублей — на негласные расходы). Все русские военные агенты на Балканах были людьми небогатыми, никакой значительной собственности не имели и жили исключительно на жалованье, и выделяемых им денег было явно недостаточно, чтобы поддерживать реноме официального представителя России за границей и содержать семью. Вместо того, чтобы заниматься своими непосредственными обязанностями, военные агенты вынуждены были постоянно решать финансовые проблемы. На проезд от Севастополя до Константинополя Военное министерство выделяло лишь 69 рублей. «Но выехать в Константинополь с 69 рублями решительно невозможно, пришлось бы оставить семью в Одессе буквально без копейки, а с другой стороны и самому явиться в Константинополь в таких отрепьях, которые сохранились у меня от моей прошлой командировки. Положение затрудняется еще более тем, что мне совершенно не известно, когда получу первое свое содержание из ГШ по заграничному положению», — писал капитан Э.Х. Калнин, назначенный помощником военного агента в Константинополе. Интендантское управление постоянно задерживало выплату и столь мизерных денежных средств. Эти 69 рублей были ассигнованы Калнину 4 сентября 1890 г., но он не смог отыскать следов этих денег ни в Одесском окружном штабе, ни в Интендантстве даже к декабрю месяца. Выплата содержания военным агентам часто задерживалась на 2—3 месяца, в продолжение которых официальные представители Военного министерства были вынуждены перебиваться подачками из русской миссии или занимать деньги под огромные проценты у местных ростовщиков⁵.

На негласные или экстраординарные расходы, то есть на ведение собственно разведки, военным агентам выделялась мизерная сумма — 1200 рублей. Из этих денег военный агент должен был оплачивать агентуру, почтовые расходы, поездки по стране с разведывательными целями и т.д. Подполковник М.М. Чичагов, исполняющий должность военного агента в Восточной Румелии, писал на имя Управляющего Канцелярией ВУК ГШ: «Получаемый мною оклад на негласные расходы достаточен лишь для того, чтобы принимать один раз в неделю местное общество и болгарских офицеров, что положительно необходимо и приносит видимую пользу сближению и солидарности русских и болгарских офицеров»⁶. Только расходы на поездку из Филиппополя в Константинополь составляли 350—400 рублей, а чтобы справляться со своими обязанностями военный агент в Восточной Румелии должен был несколько раз за год посетить Константинополь и Софию и съездить в 5—6 пунктов в провинции. Располагая суммой в 1200 рублей, никаких серьезных сведений собрать было нельзя. Даже самые дешевые агенты стоили не менее 15—17 турецких лир в месяц (140—150 рублей), а за план дислокации турецких войск необходимо было заплатить не менее 280 лир

(2520 рублей). К тому же на сколько-нибудь крупные расходы военный агент должен был посылать запрос в ГШ, который решал, выделять деньги или нет. Но и в случае положительного решения из-за длительности переписки с Канцелярией ВУК русские разведчики часто теряли возможность приобретения ценнейших документов. Однако руководство Канцелярии ВУК все же старалось изыскивать запрашиваемые разведчиками средства.

Еще хуже с финансированием разведывательной деятельности в Балканском регионе обстояли дела у Морского министерства, которое не желало тратить деньги на сбор разведывательной информации. Дошло до того, что военный агент в Константинополе полковник В.Н. Филиппов, человек весьма сдержанный, направил в августе 1885 г. в ГМШ довольно эмоциональное письмо, в котором критиковал скупость морского ведомства, перешедшую всякие границы разумного. «Если Морское министерство может удовольствоваться сведениями такого рода (т.е. основанными на слухах. — М.А.), приобретенными даром, то нужно выжидать благоприятного случая, который может не предоставиться долго... Если Морское министерство желает знать все, что делается в Турции, то нужны деньги, т.к. правительственные распоряжения здесь держатся в тайне и в литературу не проникают... Без расходов Морское министерство будет введено в заблуждение на основании слухов, как это, сколько мне известно, было уже не раз... В Константинополе все можно достать за деньги, но задаром ничего, если только по знакомству, но из-за частой смены офицеров кораблей-стационаров заводить такие знакомства невозможно, да и обходится это дорого (расходы на угощение и т.д.) и требует много времени... часто напрасно... Если Морское министерство не разрешит расходы, то предписания его не приведут ни к чему»⁷.

Стремясь к экономии Морское министерство запретило морским офицерам, занимавшимся разведывательной деятельностью, содержать постоянную агентуру. Разведчики должны были расплачиваться с агентами только за конкретные доставленные ими сведения и только после их проверки⁸. Найти людей, согласных работать на таких условиях, было очень трудно, а качество и количество предоставляемой ими информации оставляло желать лучшего. Такая политика приводила к тому, что Морское министерство имело весьма смутные представления о военно-морских силах Балканских государств и эскадрах других стран, базировавшихся в данном регионе. Фактически вся ценная информация по морской части была получена ГМШ через военных агентов, чья деятельность финансировалась Военным министерством.

Недооценка Морским министерством разведывательной деятельности объясняется довольно скептическим в 1880-х годах отношением его руководства к возможности осуществления Босфорской операции, подготовка к которой являлась главной целью деятельности русской разведки в этом регионе. Определенную роль сыграли и недружественные отношения между главами Военного и Морского министерств. Управляющий Морским министерством контр-адмирал Шестаков сменивший на этом посту Пещурова в 1882 г., считал Н.Н. Обручева, главу ГШ и главного идеолога Босфорской десантной экспедиции, в лучшем случае «фантазером», а все его проекты «брედовыми»⁹. Такая позиция не могла не сказаться на разработке совместных проектов Военного и Морского министерств, каковым и была Босфорская экспедиция.

Основным документом, регулировавшим деятельность военных агентов за границей, являлась разработанная Канцелярией ВУК ГШ «Инструкция военным агентам (или лицам, их заменяющим)»¹⁰, утвержденная Военным министерством 16 декабря 1880 года. В соответствии с инструкцией, военные агенты назначались «для доставления правительству возможно полных, точных и своевременных сведений о военных силах и средствах иностранных государств». В их задачу входило изучение состава и комплектования вооруженных сил этих государств, расположения войск и способов их мобилизации, устройства их материальной и хозяйственной части; сбор сведений о тактическом обучении войск (уставы, занятия во время сборов), бюджете

государства; общей системе обороны страны и т. д. Военные агенты были обязаны также следить за проектированием и возведением новых фортификационных сооружений и важных в стратегическом отношении путей, за сборами и передвижением войск, за общим направлением военной деятельности, за настроением в армии и наиболее важных материалах в печати. На агентов возлагалась обязанность тщательно собирать и обновлять все военно-статистические сведения о государстве, в котором аккредитованы, и изучать подготовку их как театров военных действий. Последнее положение относилось не вообще ко всем русским военным агентам за границей, а к тем, кто был назначен в страны — потенциальные противники России (Германию, Австро-Венгрию, Турцию). Военной статистике ГШ придавал чрезвычайно большое значение, часто отождествляя ее с разведкой как таковой. В общем, военные агенты должны были дать Военному министерству ясный и верный отчет об оборонительной и наступательной готовности государства, в котором они работали.

Несмотря на столь детальную проработку разведывательных задач, в инструкции практически ничего не говорилось о сборе сведений экономического характера, хотя этот аспект играет огромную роль в оценке военного потенциала страны. По мнению авторов инструкции, военный агент в вопросах военно-экономической разведки должен был ограничиваться изучением «фабрик и заводов, производительность которых касается до военного дела, знать качество их продукции». По-видимому, такие вопросы, как размеры неприкосновенных запасов на случай войны (что давало бы представление о длительности военных действий, которую может выдержать государство), степень зависимости от иностранных держав в производстве вооружений и предметов первой необходимости, торговые связи страны и т.п. представлялись Военному министерству незначительными и в «Инструкцию» не вошли. Даже о военных заказах не было сказано ни слова.

Вместе с тем при ознакомлении с перечнем обязанностей, перечисленных в инструкции, неизбежно возникает вопрос, насколько реально было выполнение подобной программы. Штат военных агентов, аккредитованных в Балканских государствах, был весьма ограничен. Все агентство фактически состояло из самого военного агента, не считая секретаря, писаря и переводчика, но они выполняли чисто техническую работу. Ни одному военному агенту Балканского региона не полагалось иметь помощника, за исключением военного агента в Константинополе, в распоряжение которого время от времени командировались молодые офицеры Генерального штаба. Но, как правило, опыт заграничной, а тем более разведывательной работы у этих офицеров отсутствовал, специфики региона они не знали и времени ознакомиться с ней не имели, так как командировались не более чем на год.

Однако самым главным недостатком этого документа, да и всей организации военной разведки на местах было то, что абсолютно не был проработан вопрос, как должен был военный агент заниматься сбором разведывательной информации, то есть вести разведку. Военные агенты на Балканах, как и вообще все лица, занимавшиеся разведывательной деятельностью, профессиональной разведывательной, а тем более агентурной подготовки перед назначением на должность за границей не получали ¹¹. В «Инструкции» методика сбора разведывательной информации была освещена очень скудно. В ней лишь говорилось, что «при собирании сведений военный агент должен поступать с крайней осторожностью, избегая всего того, что могло бы возбудить малейшие подозрения известного правительства». Совет, бесспорно, правильный, но проблема состояла в том, что агенты не получали никаких указаний, как этому совету следовать. Разведывательные сведения они собирали, полагаясь на свои собственные, надо сказать весьма смутные, представления об этой деятельности ¹².

Помимо этой инструкции, общей для всех русских военных агентов за границей, существовали дополнительные инструкции, разработанные в соответствии со спецификой конкретной страны. В этих инструкциях указыва-

лось, на что военный агент обязан был обратить особое внимание при сборе разведывательной информации в конкретной стране, чего следует опасаться и т.д. Наиболее важным в дополнительной инструкции было то, что она более или менее четко обрисовывала главные задачи сбора разведывательной информации, так как исполнение всех пунктов программы, изложенных в общей инструкции, было физически невозможно и могло привести лишь к распылению сил и средств военного агента без какого-либо положительного результата. Так, в соответствии с этим документом, главной целью представителя Военного министерства в Турции было исследование Босфора и Дарданелл, их оборонительных средств, подступов к Босфору и Константинополю, Черноморского побережья и ближайших на нем к Босфору пунктов высадки десанта¹³. Военный агент в Афинах обязан был уделить самое пристальное внимание изучению турецких проливов, прибрежной полосы Греции, всех островов Эгейского моря и прибрежной полосы Турции на юг от Дарданелл. Он должен был основательно ознакомиться с теми опорными пунктами, которые могут служить базой для действия неприятельских морских сил, а равно и с наличным составом судовых средств морских держав в Средиземном море. Имелась в виду в основном английская средиземноморская эскадра, базировавшаяся в Греческом архипелаге в нескольких часах хода от Дарданелл. В связи с напряженными отношениями с Великобританией русское правительство опасалось прорыва англичан через проливы в Черное море. Опасность такого развития событий многократно возрастала в случае осуществления десанта на Босфор. Афинскому военному агенту также вменялось в обязанность информирование Военного министерства «о положении дел на острове Крит, в Албании и Македонии, о гарнизонах в Гибралтаре, на Мальте и Кипре, о движении английских войск и судов через Суэц, о положении англичан в Египте, о положении итальянцев в Массове»¹⁴.

Как видим, константинопольский и афинский военные агенты должны были собирать сведения в основном о турецких проливах и британском флоте, то есть информацию, необходимую для подготовки и осуществления Босфорской операции. Общность задач, поставленных перед ними, свидетельствует о том, что ГШ рассматривал военные агентства в Турции и Греции как единое звено, чья деятельность была направлена против двух основных противников России в Балканском регионе — Порты и Великобритании.

Исполняющий обязанности военного агента в Филиппополе был ориентирован не столько на сбор разведывательной информации о вооруженных силах Восточной Румелии, сколько на развитие и поддержание боеспособности румелийской милиции на уровне, достигнутом к 1879 г., когда Восточную Румелию покинули русские войска, а также на усиление «действенного контроля над оставшимися в Румелии русскими офицерами»¹⁵. По-видимому, в Военном министерстве считали, что заниматься разведкой в Восточной Румелии, где практически все милицейские начальники, начиная с ротных командиров, являлись русскими офицерами, не имело особого смысла: войска и так управлялись в соответствии с инструкциями русского военного ведомства. Фактически, Филиппопольский военный агент был не разведчиком, а политической фигурой, оказывавшей значительное влияние как на политику Восточной Румелии, так и на ее военное строительство.

Что касается русского военного агента в Бухаресте и Белграде, то он должен был в первую очередь изучать пограничные с Россией области Румынии и собирать информацию о направленной против России линии укреплений Серета (Фокшаны-Галац)¹⁶. (Большая оборонительная линия, строительство которой началось в 1883 г. по проекту бельгийского генерала Бриальямона, после заключения австро-румынского союза).

Как видим, программа для военных агентов, изложенная в дополнительных инструкциях, была более реалистична по сравнению с программой инструкции общей. Однако механизм реализации поставленных перед агентом задач предусмотрен не был и здесь. В этом свете особо неудовлетворительным было положение военного агента в Афинах, которому вменялось в

обязанность информировать ГШ о положении дел фактически во всем Средиземноморье. При этом не было предусмотрено ни дополнительного штата, ни необходимых для этого финансовых средств.

Одной из наиболее важных, если не важнейшей проблемой деятельности военных агентов на Балканах, как и вообще всех разведчиков, были источники получения интересовавшей Военное министерство разведывательной информации. Определенную часть интересовавших ГШ разведывательных сведений военные агенты добывали легальным путем, используя свое официальное положение: они имели право запрашивать в военных министерствах стран, где были аккредитованы, информацию о национальных вооруженных силах. Естественно, только ту, которая не являлась государственной тайной. Сведения об армии, флоте, статистические данные и т.д. добывались с помощью изучения местной прессы, официальных изданий военных органов типа ежегодников Румынской (Сербской, Греческой и др.) армии, исследований, издававшихся как в самой стране, так и за ее пределами, посвященных вооруженным силам той страны, где военный агент работал. К информации, почерпнутой из газет и журналов, следовало относиться крайне осторожно. Очень часто эти сведения не соответствовали действительности или были сильно преувеличены. Русские разведчики иногда невольно попадали в такую ловушку. В донесении от 30 октября 1891 г. военный агент в Румынии, исходя из газетных сведений, сообщал, что Румыния объявила пробную мобилизацию. После личной проверки выяснилось, что «на самом деле вся мобилизация сводится к обычным осенним упражнениям частями не более бригады». Еще менее достоверным, чем газеты, источником информации были слухи. Капитан Н.Н. Пешков, командированный в Турцию Кавказским военным округом в 1885 г., а затем русский военный агент в Константинополе, основываясь на слухах, сообщал в ГШ о мобилизации редифа (резерва) в количествах, явно превышавших общую численность всей турецкой армии¹⁷.

Оставляла желать много лучшего и надёжность информации, полученной официальным путем из Военного министерства. Силу сосредоточенной в Фессалии в 1885 г. армии греческое военное министерство определяло в 300 тысяч человек. Однако по агентурным сведениям и личному наблюдению выяснилось, что эти войска нуждаются во всем и не имеют никакой сплоченности, так что правильнее было бы назвать их не армией, а «толпой вооруженных людей, выставленных для целей демонстрационных, а не военных»¹⁸. Официальные сведения так часто не соответствовали действительности, что предупреждение об этом было внесено особым пунктом в инструкции для военных и морских агентов в Балканском регионе. В этом нет ничего удивительного. Вряд ли какое-нибудь государство, обладающее минимальной степенью самосохранения, станет доверять свои военные тайны иностранному военному агенту, являвшемуся, по сути дела, официальным шпионом.

Серьезной проблемой во взаимоотношениях между русскими военными агентами и официальными властями Балканских стран был то, что представлять запрашиваемую агентом информацию военные ведомства не были обязаны, даже если требуемые сведения не являлись секретными. Положение осложнялось тем, что в царствование Александра III отношения России с большинством Балканских государств были весьма прохладными и, следовательно, большого желания сотрудничать с русскими офицерами официальные власти не испытывали. Афинский военный агент в 1883 — 1884 годах для получения из греческого военного министерства необходимых и вполне легальных сведений о греческой армии был вынужден прибегать к услугам английского посланника, Г. Форда, к которому греческое военное министерство относилось много лучше, чем к русскому офицеру. Русский военный представитель в Бухаресте с той же целью использовал адъютанта румынского военного министра, с которым находился в дружеских отношениях.

Еще одним источником разведывательной информации были личные наблюдения военных агентов. Главная его ценность состояла в том, что этот

источник был самым надежным и достоверным. По мнению военного агента в Греции полковника Р. фон Траубенберга некоторые данные могут быть почерпнуты военным агентом из книг, карт и документов, выданных официальными учреждениями. Но многие сведения политического, военного и бытового характера не могут быть собраны и проверены иначе как лично на месте (о способе управления, о войсках, о тех или других явлениях общественной или политической жизни и др.). «Без этого нельзя давать верной оценки фактам, происходящим в стране»¹⁹. К сожалению, личная осведомленность была возможна далеко не всегда. Все военные агенты находились под пристальным наблюдением местной полиции, что существенно препятствовало сбору разведывательной информации. Поимка военного агента на сборе секретных сведений грозила дипломатическим скандалом, так что часто приходилось жертвовать тщательностью исследований в пользу необходимой конспирации.

Помимо путей нелегальных существовали и официальные. Иностранцы военные агенты получали приглашения присутствовать на маневрах, могли добиться разрешения на осмотр укреплений, посещение воинских частей, складов, заводов, выпускавших военную продукцию и т.д. Однако получить такие разрешения было далеко не просто, все опять же зависело от отношения официальных учреждений к русским военным агентам. В странах, не желавших сориться с Россией, это не составляло труда. Сербский военный министр, желая угодить представителю русского военного ведомства, специально выделил особого офицера генерального штаба, которому вменялось в обязанность показывать фон Поппену все, что тот пожелает, и предоставлять ему всю интересующую его информацию. Конечно, функции такого офицера были двойными, он не только помогал военному агенту, но и контролировал, чтобы тот ненароком не увидел и не услышал что-нибудь такое, чего знать русскому офицеру было не положено. Но такой контроль был все же намного приятнее, чем откровенные отказы и даже оскорбления, которые встречал тот же полковник фон Поппен со стороны румынских властей. В общем, официально разрешенные мероприятия по личному осмотру военных объектов, армейских частей и т.д. приносили некоторую пользу, но не очень большую. Местные военные власти зорко следили, чтобы военный агент увидел только то, что ему хотели показать.

Дополнительным препятствием на пути сбора необходимой русской разведке информации как официальным, так и неофициальным путем был беспорядок, царивший в управлении местными армиями. Константинопольский военный агент в период балканского кризиса в 1885 г. постоянно жаловался в ГШ, что «беспорядочность и сбивчивость распоряжений, постоянно изменяемых или вовсе отменяемых уже во время исполнения так велика, что нет никакой возможности разобраться в этом хаосе»²⁰. В некоторых случаях сведения из военных управлений можно было проверить лично или через агентуру, но чаще всего это было сделать невозможно. Не мог же военный агент самостоятельно пересчитать численность офицерского корпуса или проверить, на сколько расходов реальное количество хранящегося на складах обмундирования с заявленным в официальных отчетах. Таким образом, местные официальные учреждения, сами того не подозревая, вводили в заблуждение русский Главный штаб. В связи с этим изучение иностранных государств, их военной политики, намерений и планов, а также вооруженных сил не могло быть сведено к сбору сведений только через официальные инстанции.

Как правило, информация, относящаяся к состоянию и перспективам развития вооруженных сил зарубежных стран, планам мобилизации армии и ее боевого применения с началом боевых действий являлась секретом государства и охранялась им. К секретным относились и сведения по ряду важнейших аспектов деятельности вероятного противника в политической и военно-технической областях²¹. Получить такую информацию в подавляющем большинстве случаев можно было исключительно тайными путями —

через третьих лиц, то есть используя агентуру. ГШ не требовал от военных агентов ведение агентурной разведки, специальная статья расходов на этот вид сбора разведывательной информации отсутствовала, но косвенно Военное министерство поощряло военных агентов на Балканах на вербовку собственной агентуры. Руководство Канцелярии ВУК ГШ всеми способами старалось изыскать денежные средства на так называемые «негласные» или «экстраординарные» расходы, под которыми в основном подразумевались как раз расходы на шпионов.

Ведение агентурной разведки было связано с большим риском для ее руководителей. Было бы много лучше, если бы сбором сведений с помощью шпионов занимался не официальный представитель Военного министерства, поимка которого на столь «грязном» деле нанесла бы ущерб репутации России, а «негласный» агент, не имеющий никакого официального отношения к дипломатическим представительствам. Правда, в этом случае куда большей опасности подвергалась бы сама личность разведчика. Если официальный военный агент в случае его поимки на незаконной деятельности мог быть только выслан из страны, то негласному агенту, не имеющему дипломатического иммунитета, за шпионаж могла грозить смертная казнь. Но, так или иначе, институт «негласных» военных агентов появился в русской армии только в 1892 г., и использовались они сначала лишь в некоторых государствах Западной Европы и на Дальнем Востоке. В Балканский регион таких агентов стали посылать в XX веке²². Таким образом, единственной кандидатурой, которая могла вести агентурную разведку, был официальный военный агент. Из всех разведчиков, которыми располагало Военное и Морское министерства в этом регионе только военные агенты направлялись в страну на достаточно долгий период времени, необходимый для того, чтобы основательно ознакомиться с местными условиями и начать вербовку агентов.

Активно агентурной разведкой занимались военные агенты в Турции и Греции, остальные военные агенты в Балканском регионе этот способ сбора информации практически не использовали. Причина этого состояла, во-первых, в том, что риск, с которым неизбежно связано ведение агентурной разведки, должен быть прямо пропорционален приносимой пользе, а, во-вторых, такой способ сбора сведений стоит очень дорого. Бюджет Военного министерства был не в состоянии обеспечить финансирование агентурной разведки во всех государствах Балканского региона. ГШ выделял деньги на агентурную разведку только в тех странах, сведения о которых представляли первостепенную важность для России. В связи с подготовкой Босфорской операции наибольший интерес русского Военного и Морского министерств вызывали сведения, поступавшие от военных агентов в Константинополе и Афинах. А планы турецких укреплений на Босфоре и Дарданеллах, сведения об их вооружении, точную информацию о передвижении английской эскадры и т.д. невозможно было достать иным путем, кроме как через агентуру. Без этой информации деятельность русской военной разведки в Балканском регионе теряла смысл, так что риск был полностью оправдан. Сербия, Болгария, Черногория и Румыния в тот период времени интересовали Военное министерство значительно меньше, поэтому можно было удовлетвориться официальными источниками информации о вооруженных силах этих государств.

Большим преимуществом русской военной разведки на Балканах было то, что в отличие от стран Западной Европы (Франции, Англии, Германии), где отсутствовали межнациональные конфликты, и, следовательно, довольно трудно было найти добровольных шпионов, русские военные агенты в Афинах и Стамбуле таких проблем не испытывали. Большая часть территории, пользовавшейся особым вниманием русской разведки (Босфор, Константинополь, Дарданеллы, Мраморное море и т.д.), принадлежала турецкому государству, но греки составляли значительную часть населения этих областей. Несмотря на все проблемы во взаимоотношениях Греции и России, многие греки, особенно проживавшие в областях, все еще принадлежавших Порте,

продолжали видеть в России главную опору для освобождения греческих территорий от турецкого владычества. К тому же отношения между тайным агентом и его, так сказать, нанимателем устанавливались не на межгосударственном, а на межличностном уровне. Греки, по крайней мере по сообщениям русских разведчиков, относились к русским с большой симпатией, что неудивительно, учитывая конфессиональную и историко-культурную близость наших народов. Не все они забыли ту роль, которую сыграла Россия в освобождении Греции. Еще одним немаловажным фактором, заставлявшим греков становиться добровольными агентами русской разведки, были их анти-турецкие настроения. Неоценимую помощь (и по тем же причинам) русской разведке оказывали также армяне, проживавшие на территории Порты.

Одной из важнейших обязанностей военных агентов (как впоследствии и морских) было «заблаговременное приискание надежных лиц, через посредство которых можно было бы поддерживать связи со страной в случае разрыва и получать верные сведения даже тогда, когда официальное наше представительство ее оставит»²³. В те годы ГШ сомневался в возможности использования агентуры во время активных военных действий. Считалось, что подобная агентура приобретает особое значение лишь в период, непосредственно предшествующий мобилизации и при полной мобилизации и сосредоточении, так как в течение этого времени вряд ли будет возможность получать сведения о противнике каким-либо другим путем²⁴. Военные агенты в Афинах и Константинополе были не согласны со столь узким использованием глубокой агентурной разведки во время возможной войны с Турцией. Пешков и Траубенберг считали, что идеальными агентами могли служить греки, населявшие все побережье азиатской Турции и Балкан плюс все острова греческого архипелага. По их мнению, греки могли бы доставлять русской армии необходимые ей сведения о противнике, а также снабжать углем и провизией. Траубенберг был уверен даже в возможности вербовки греков в диверсионные отряды, которые бы действовали в тылу противника. «Меня убеждают, — писал он в своем донесении от 22 февраля 1889 г., — что в случае надобности (то есть при высадке русского десанта на Босфор. — *М.А.*) можно будет по первому приказанию привести во временную негодность орудия на батареях Босфора. За успех не ручаюсь, но ничего невозможного нет: из греческого населения можно набрать за деньги банду с верным человеком во главе, и на несколько часов орудия замолчат»²⁵. Фактически, Траубенберг говорил об организации диверсий в тылу противника, что являлось принципиально новым этапом разведывательной деятельности.

В зависимости от места действий агента и ценности доставляемой информации всю агентуру официальных представителей Военного министерства в Турции и Греции можно разделить на несколько типов. Во-первых, агенты из местных жителей, использовавшиеся для сбора разведывательной информации путем наблюдения. Сам военный агент, будучи чересчур заметной фигурой, не мог всюду бывать, да и времени на постоянные разведки у него не было. Подобные агенты доносили о численности кораблей английской эскадры, количестве рабочих, занятых на строительстве Дарданелльских укреплений, иногда могли срисовать внешний вид крепости и т.п. Такие агенты вербовались в основном из греков, служили глазами и ушами военных агентов и могли как постоянно проживать в стратегически важном для русской военной разведки пункте, так и специально направляться в то или иное место для сбора сведений. Никаких сверхсекретных сведений вроде тактико-технических характеристик новейших британских броненосцев такие агенты, конечно, собрать не могли. Однако на основании на первый взгляд малозначительных сведений военные агенты делали выводы об обороноспособности и ближайших намерениях противника. Например, сокращение количества прогулочных пароходов на Босфоре могло свидетельствовать о скором открытии военных действий: они служили транспортными средствами для перевозки войск.

Наиболее ценными информаторами русских военных агентов были лица, имевшие доступ к высшим государственным секретам: как правило, высокопоставленные турецкие должностные лица, занимавшие ответственные посты в армии, на флоте, в МИДе и других официальных учреждениях. Продажность турецких чиновников не составляла секрета. Самые высокопоставленные из них не просто принимали деньги в обмен на некоторые услуги, но откровенно требовали взятку. Агент французской судостроительной компании «Forger et Chantiles», получившей заказ на строительство миноносцев для Турции, Жезн, осенью 1885 г. сообщал Филиппову, что турецкий морской министр требует от него взятку, угрожая в противном случае передать заказ другой фирме. В донесении от 16 июня 1886 г. Филиппов сообщал в ГШ: «Через одного из хорошо известных мне агентов я вошел в сношение с турецким адмиралом, председателем Главного Морского Совета, согласившимся за вознаграждение в 500 турецких лир доставлять самые полные и подробные сведения о флоте, а именно: список всех судов флота с показанием свойств их состояния и снабжения каждого; число чинов на каждом судне в мирное и военное время и в настоящую минуту; чертежи всех броненосцев; вооружение (артиллерийское) каждого судна с показанием системы и калибра орудий; вся минная часть; подробные сведения о рабочих, имуществе и работах в Адмиралтействе; о бюджете Морского министерства. Сверх того доставит и другие сведения по программе, которая должна быть ему дана заблаговременно»²⁶. Сведения эти, конечно, были весьма ценными для российского Морского министерства.

К этой же категории агентов относились информаторы из иностранцев, как служивших в турецкой армии и флоте, так и агенты европейских компаний, выполнявших для Турции и Греции военные заказы. Они доставляли сведения в основном технического характера (чертежи кораблей, новых орудий и т.д.). Например, английский майор Герри, торговый представитель завода Армстронга в Греции, регулярно снабжал Протопопова самыми подробными сведениями о вооружении английского флота вообще и кораблей британской эскадры Средиземного моря, базировавшейся в греческом Архипелаге, в частности. Командир турецкого миноносца (немец по национальности) информировал русскую разведку как о тактико-технических характеристиках своего корабля, так и о программе плавания кораблей турецкого флота²⁷.

Существовала еще одна категория лиц, в некоторых случаях предоставлявшая русским военным агентам на Балканах полезную информацию и даже помогавшая им в самом процессе сбора сведений. Имеются в виду иностранные дипломатические представители, в частности военные агенты, их коллеги. Бывало что военные агенты, представлявшие разные государства, обменивались друг с другом собранной информацией для рационализации разведывательной деятельности. Нельзя сказать, что это являлось повсеместной практикой, но исключением подобные случаи назвать никак нельзя. Самое любопытное состояло в том, что порой подобные услуги оказывали друг другу военные агенты враждебных государств. Турецкий военный агент в Греции снабжал Траубенберга подробными сведениями о персидской армии, которыми интересовалась Канцелярия ВУК, в обмен на информацию о французском флоте²⁸. Как уже говорилось выше, английский посланник в 1883—1884 гг. помогал Протопопову получать информацию о греческой армии. Хотя, как правило, сотрудничали представители дружественных держав — таких, как Россия и Франция. Особо следует отметить сотрудничество русских военных агентов в Турции с греческими консулами. Греческие консулы (в Измире, на островах Архипелага) не только оказывали содействие русским офицерам в организации сбора разведанных, но и непосредственно передавали сведения о вооруженных силах Турции, политической ситуации в стране и т.д. Информация, получаемая от греческих дипломатов, отличалась большой точностью и надежностью, т.к. они имели обширные связи среди своих соотечественников, во множестве населявших побережье, и, та-

ким образом, возможности для агентурной разведки, как ни у одного другого военного и гражданского представителя.

Одним из ключевых аспектов, от которого зависит успех деятельности любого разведчика, в том числе и военного агента, является связь с центральными органами разведки. Все русские разведчики, включая командиров стационаров, военных и морских агентов, доставляли свои донесения по одной схеме. Исключением являлись только офицеры, временно командировавшиеся за границу: они представляли свои доклады начальству лично по возвращении из командировки. В соответствии с инструкцией²⁹, свои донесения военный агент (военно-морской, командир стационара) адресовал через курьеров посольства, особенно тайные и важные — на имя Военного министра (Управляющего морским министерством), все прочие — на имя управляющего Канцелярией ВУК (ГМШ), на обязанности которых лежало дальнейшее направление донесений во все прочие учреждения и министерства «по специальности». Донесение или переписка, не имевшая секретного или особо важного значения отправлялись «обычным путем по почте заказными или простыми пакетами». Секретные донесения, отправлявшиеся по почте для выигрыша времени, шифровались.

В общем и целом такая система ни по одному пункту не выдерживала критики. Дипломатические курьеры были самым надежным средством (среди всех вышеперечисленных) для пересылки секретных донесений, но их состав «допускал возможность при помощи определенной суммы денег ознакомиться с содержанием порученной им архисекретной и важной почты»³⁰. К тому же дипкурьеры отправлялись посольством не чаще 2—3 раза в месяц, в результате чего донесения в ГШ и обратно шли 1,5—2 месяца, а переписка по какому-нибудь вопросу могла занять и полгода. Отправка донесений по почте не намного повышала скорость передачи информации, зато еще более снижала степень ее секретности.

Пакет с надписью «Управляющему Канцелярии ВУК ГШ» не мог не вызывать повышенного интереса со стороны контрразведки иностранного государства. Порядок пересылки секретной переписки русским разведчикам и обратно по почте на официальные адреса приводил к ее перлюстрации и огромной потере времени. На ненадежность такого способа связи жаловались практически все военные агенты на Балканах. Однако ГШ никаких изменений в существующей системе не сделал. Как известно, в разведке важны не только сами разведанные, но и своевременность их передачи, а пока донесения разведчиков из Балканского региона шли в Петербург, сведения, в них заключенные, успевали значительно устареть. В мирное время это еще не стало катастрофой, но в период первой мировой войны, когда дорога была каждая минута, плохая организация связи и, как результат, длительные задержки в передаче сведений привели к фактическому провалу всей русской разведки в Балканском регионе³¹.

Не лучше обстояло дело с хранением секретной документации. Военные агенты хранили свои документы, в том числе шифры, в сейфах в помещениях военных агентств или в собственных квартирах. Пикантность ситуации состояла в том, что помещения эти у Балканских военных агентов находились не на территории посольств, а в частных домах, доступ в которые открыт каждому, что не способствовало сохранению государственных тайн России. У морских разведчиков ситуация была еще хуже. В архиве стационара в Константинополе шхуны «Псезуане» хранились все сведения, связанные с подготовкой Босфорской экспедиции за 10 лет, включая донесения военных агентов, офицеров, командировавшихся за границу с разведывательными целями и т.д. Более полное собрание разведанных по этому вопросу имелось только в ГШ, в Петербурге. Но никто не отдавал себе отчета в опасности хранения подобных сведений на корабле, стоявшем на рейде Константинополя. Если бы кто-нибудь посторонний получил доступ к этому архиву, последствия были бы катастрофическими, вплоть до войны с Турцией, а, возможно, и Англией.

Русская военная разведка действовала бы более эффективно, если бы ее руководители чаще прислушивались к новаторским идеям своих подчиненных, так как разведчики, непосредственно занимавшиеся сбором информации, куда более четко видели недостатки в организации разведывательной деятельности, чем их начальники в Санкт-Петербурге. В этом смысле показательна судьба проекта наблюдения за английским флотом в Средиземном море, прорыва которого через проливы так опасались в Морском министерстве. Протопопов предлагал на ряде островов Архипелага открыть пункты наблюдения за движением английского (и вообще любого неприятельского) флота. Наблюдать за движением судов должны были нанятые за 300—400 франков в месяц лодчаны или рыбаки, которые «на своих лодках будут постоянно плавать в проливе, нисколько не возбуждая подозрений ... наблюдать с берега, особенно в туманный день, невозможно». Собранные таким образом сведения они должны были передавать русским консулам, живущим на этих островах, а те, в свою очередь, — военному агенту в Афинах, который переправлял бы эти сведения в Севастополь. Этот проект не был осуществлен, так как Шестаков полагал, что организация системы наблюдения в Архипелаге не имеет смысла. Он считал, что сведения от консулов на Цикладских островах о судах, направляющихся в Дарданеллы «никакой цены не будут иметь для нас, так как неприятельские суда успеют дойти по назначению почти во столько же времени, сколько потребуется для доставления нам сведений о проходе их известными проливами в Архипелаге». С Шестаковым трудно согласиться, так как все острова, на которых планировалось организовать пункты наблюдения, имели телеграфную связь с Афинами³². Но после его отрицательной резолюции проект Протопопова был положен под сукно.

Можно с уверенностью сказать, что военные агенты были наиболее ценными разведчиками Военного и Морского министерств. Именно они, проживая в стране в течение длительного времени и имея возможность вести агентурную разведку, доставляли наиболее ценные сведения о Балканском регионе. Успех деятельности русской военной разведки почти исключительно зависел от личных качеств разведчиков, работавших на местах, так как тактическое руководство со стороны центральных органов разведки практически отсутствовало. ГШ обрисовывал лишь общую задачу их деятельности. В некоторых вопросах (например, какие конкретно сведения собирать) военные агенты были нередко предоставлены сами себе. Очень часто военный агент затрачивал огромные силы и средства, чтобы добыть информацию, которая оказывалась Петербургу не нужна. В других же вопросах опека ГШ являлась в отношении деятельности разведчиков ненужным, связывающим их тормозом.

Но, несмотря на все это, имелись и положительные сдвиги в использовании возможностей разведки, подходе к организации сбора разведанных. Расширяется понимание самого термина «военная разведка», ее постепенно перестают отождествлять с военной статистикой. Подготовка к Босфорской экспедиции, успех которой во многом зависел от точности и глубины собранных сведений, вынуждает разведчиков шире использовать информацию, полученную агентурным путем, задумываться об использовании возможностей разведки мирного времени для создания многоцелевой агентуры военного времени, в частности для подготовки диверсий в тылу противника.

Основным направлением русской военной разведки в период царствования Александра III была подготовка к Босфорской десантной экспедиции, начавшаяся не позднее 1881 года. При этом этапы разведывательной деятельности были четко связаны с политикой Военного и Морского министерств. До 1885 г. разведка собирала в основном информацию о гидрографии и топографии Босфора, данные о его укреплениях и т.д. После Балканского кризиса 1885 г., который, по мнению Александра III и начальника ГШ Обручева, окончательно похоронил возможность захвата Босфора сухопутным путем, со стороны Балканского полуострова, подготовка к высадке десанта русской армии на Босфоре стала одной из основных задач военного и

морского ведомств. В связи с этим русская разведка приступила к военной обработке собранных сведений вплоть до разработки проектов Босфорской экспедиции и подготовки партизанской войны с помощью миноносков в Греческом архипелаге³³. Таким образом Военное министерство от общих идей относительно десанта русской армии на Босфор с 1885/1886 гг. перешло к подробному планированию операции, которое было практически завершено, по крайней мере в разведывательной части, к середине 1890 годов.

Подводя итоги, можно сказать, что русские военные разведчики поставленные перед ними задачи выполнили, хотя сама организация военной разведки на Балканах и ее центральное руководство оставляли желать много лучшего.

Примечания

1. МАКАРОВ И.С. О процессе формирования организационной структуры военной разведки Российской Империи (последняя треть XIX — начало XX веков). — Многоликая история. Сборник статей Российского университета Дружбы народов. К 70-летию Т.В. Батаевой. М. 1997; АЛЕКСЕЕВ М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Т. 1—2. М. 1988; Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1—4. М. 1996—1999; ПЕТРОВ В.А. Военно-морская агентурная разведка в первой мировой войне. — Русское прошлое. СПб. 1998, № 8. См. также РЫБАЧЕНОК И.С. Проекты решения проблемы Черноморских проливов в последней четверти XIX века. — Вопросы истории, 2000, № 4—5.
2. НОРКИРК Р. The Great Game. Lnd.-N.Y., 1994; СХИММЕЛПЕННИК ВАН ДЕР ОЙЕ Д. Свет с Востока. — Родина, 1995, № 11.
3. АЙРАПЕТОВ О.Р. Забытая карьера «русского Мольте». Николай Николаевич Обручев (1830—1904). М. 1998, с. 250, 251.
4. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 410, оп. 2, д. 4084, л. 10—11.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 401, оп. 4, д. 2, л. 57, 316; оп. 4, д. 13, л. 306об., д. 15, л. 351.
6. Там же, оп. 4, д. 2, л. 90.
7. РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 197, л. 19.
8. Там же, ф. 410, оп. 2, д. 4084, л. 28.
9. Там же, ф. 26, оп. 1, д. 4, л. 16.
10. Там же, ф. 417, оп. 1, д. 441, л. 4—5.
11. АЛЕКСЕЕВ М. Ук. соч. Т. 1, с. 95.
12. ИГНАТЬЕВ А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М. 1989, с. 372—373.
13. РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4084, л. 14—15.
14. РГВИА, ф. 401, оп. 4, д. 13, л. 16—20, 20об.
15. Там же, оп. 4, д. 5, л. 21.
16. Там же, оп. 4, д. 8, л. 12, 12об.
17. РГВИА, ф. 401, оп. 4, д. 8, л. 30; оп. 4, д. 10, л. 28, 28 об.
18. Там же, д. 7, л. 83.
19. Там же, оп. 4, д. 13, л. 19.
20. Там же, оп. 4, д. 10, л. 31.
21. АЛЕКСЕЕВ М. Ук. соч. Т. 1, с. 87.
22. Там же, с. 90—91.
23. РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 988, л. 13—15, 15об.; д. 441, л. 5, 6.
24. ЧЕРНОЗУБОВ. Служба генерального штаба. Разведывательные органы армии. Т. 1. СПб. 1901, с. 11.
25. РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 575, л. 32.
26. РГВИА, ф. 401, оп. 4, д. 10, л. 23; РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 197, л. 15.
27. РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 197, л. 17; РГВИА, ф. 401, оп. 4, д. 7, л. 13—14.
28. РГВИА, ф. 401, оп. 4, д. 7, л. 28; оп. 4, д. 7, л. 85—87, 87об.
29. РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 441, л. 4, 5.
30. ЗВОНАРЕВ К.К.. Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914—1918 гг. Т. 1. М. 1929, с. 2.
31. АЛЕКСЕЕВ М. Ук. соч. Т. 1, с. 92; ПЕТРОВ В.А. Ук. соч., с. 167.
32. РГВИА, ф. 401, оп. 4, д. 7, л. 63, 68, 69; РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 69, л. 14, 16—20; оп. 1, д. 1010.
33. РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 575, л. 35.

Английский писатель-путешественник Стефан Грэхем о России начала XX века

С.Н. Третьякова

Накануне первой мировой войны в Великобритании чрезвычайную популярность получили сочинения молодого писателя Стефана Грэхема (Stephen Graham, 1884—1975 гг.)¹, который совершил несколько пешеходных путешествий по России и сразу же прослыл знатоком русского народа и «загадочной» русской души.

Интерес к России возник у С. Грэхема под влиянием русской литературы (в первую очередь Ф.М. Достоевского), он даже начал учить русский язык. В первый раз Стефан приехал в Россию в 1905 г. и провел здесь около месяца, а через несколько лет он бросил спокойную лондонскую жизнь и отправился «открывать» Россию своим соотечественникам. Его корреспонденции стали печатать британские газеты. Грэхем писал в популярном литературном жанре того времени — путешествий. Он побывал на Кавказе и Урале, в северных и южных губерниях России, в Средней Азии и Сибири. Одно из интереснейших путешествий Грэхем совершил по «заповедному» Северу, пройдя пешком от Архангельска до Москвы. Это странствие будет впоследствии описано им в книге «Неоткрытая Россия»². До приезда на Север британец уже провел около года в России: в Москве среди студенческой молодежи и на Кавказе, путешествуя в одиночестве вдоль Черноморского побережья и среди «диких» горцев³. Но его российские друзья считали, что найти подлинно русских можно только на Севере, где не было ни татар, ни крепостного права. Поэтому летом 1910 г. Грэхем отправился в Архангельск, проехав три тысячи верст с дальнего юга до Крайнего Севера царской империи. Он прибыл в край, где «в течение двух месяцев в году стоит непрерывный день и в течение двух месяцев тянется бесконечная ночь», когда «в час ночи можно читать с той же легкостью, как и в час полудни». Именно здесь, словно наяву, он увидел «Святую Русь».

Знание русского языка и соответствующий внешний вид (в лаптях, с бородой, в русской косоворотке) облегчали общение британского путешественника с русскими людьми. Крестьяне именовали его Степаном Петровичем, на сельских дорогах часто принимали за странника-богомольца. А старообрядцы относились к нему благосклонно, как он считал, из-за бороды, которую он отрастил за время путешествия. Грэхем ловил с крестьянами рыбу белыми ночами, учил народные песни, исследовал пещеры на Пинеге, участвовал в деревенской свадьбе и гуляниях, ночевал под открытым небом, где-нибудь на берегу реки или в стоге сена, а в непогоду останавливался в домах простых крестьян. Такой способ он выбрал не случайно, считая, что иностранцу практически невозможно войти в русскую жизнь полностью и потребуются много времени, прежде чем «западная интеллектуальная избалованная особа» сможет привыкнуть к жизни пилигрима, идущего от часовни к часовне или к жизни отшельника в лесу.

Наблюдения Грэхема во время путешествия по заповедному северу России во многом подтвердили его первоначальные представления о русском народе — крестьяне живут по старинке, сохраняя многие традиции, практически не используют железные предметы и все делают своими руками, а женщины в сундуках бережно хра-

Третьякова Светлана Николаевна — кандидат исторических наук, Северодвинск.

няют стародавние наряды. Они верят в чудеса и очень суеверны, не любят официальных названий и имен, а используют народные или придумывают меткие прозвища. Русские крестьяне напоминают ему англичан, «какими они были во времена Эдуарда III». Русский мужик ближе всего к действительности со всеми его собственноручно сделанными, выдолбленными топором деревянными вещами. Он знает происхождение вещей, знает от чего зависит его процветание и счастье. «Бог создал леса: следовательно, Бог дал ему его колыбель, его дом, его церковь, его гроб». В промышленных же предметах крестьянин не увидит их связи с богом.

Грэхем, характеризуя русских крестьян, в первую очередь подчеркивает их коллективизм и общинный характер. Они все делают вместе: вместе поют, вместе молятся, любят большие компании на свадьбах и похоронах, собираются вместе в церквях и на рынках, любят вместе мыться в общественных банях, вместе работать на поле и в лесу. Они не замыкаются в себе, их двери всегда открыты: как двери их домов, так и двери их сердец. Это то золотое достоинство, которое, как сокрушается Грэхем, англичане потеряли в своей культуре. Русским присуща «жажда общения», они, в отличие от англичан, охотно идут на контакт с незнакомцем и очень интересуются друг другом, любят говорить бесконечно, даже ни о чем.

Ему никогда не отказывали в крове, даже если приходилось спать на полу в комнате с десятком других. Его угощали молоком и домашним хлебом, мясом, как писал путешественник, было редкостью. И не просили ни копейки взамен, потому что он был странником. Отмечая, что русские крестьяне самые бедные и неграмотные в Европе, британский путешественник писал, что они в то же время наименее недовольные, самые гостеприимные и самые милосердные. Чтобы подчеркнуть свое восхищение этой чертой, он добавляет, что трудно понять настоящее русское гостеприимство тем иностранцам, которые никогда не бывали в России.

Не упускает из виду Грэхем и недостатки русских людей, среди которых на первом месте стоят их пьянство, лень и непрактичность. Но даже недостатки Грэхем умеет повернуть другой стороной, считая их не виной русских людей, а бедой. Русские воруют — верно, но «они не воровали в деревнях, пока не появились железные дороги, принесшие воров»; они лгут — «это предмет для психологического исследования», они лгут не так, как это делают англичане; они жестоки, но англичане такие же, а русские также и чувствительны. Но даже если допустить и принять все, что может быть сказано против и вычтено это из Святой Руси, то все равно Святая Русь останется ⁴. Этот вывод для Грэхема непреложен.

Первые публикации, а затем и книги Грэхема были встречены в Великобритании очень доброжелательно, рецензенты практически единодушно отмечали литературный дар молодого автора и тот энтузиазм, с которым он относится к предмету своего повествования. Грэхем умеет завладеть вниманием читателя и знает, как «сделать привлекательными и живыми сокровенные картинки скромной жизни». Его рассказы «служат здоровым коррективом к впечатлениям о русской жизни», полученным от многих современных писателей и сообщений в газетах. В английской прессе его даже сравнили с Верещагиным, назвав «художником пера», что совсем немало важно для восприятия предлагаемого материала.

Главное преимущество России, по убеждению Грэхема, состояло в том, что в ней не было проблемы «возвращения к земле». Англичане, перестав быть «отважными мелкими землевладельцами», превратились в нацию лавочников, клерков и продавцов. Это отразилось и на духовной жизни общества — литература, искусство, религия, философия — «все погрязло в коммерции как в болоте». Буржуазный строй, избравший девизом индивидуальную свободу, на деле создал условия для еще более жестокого насилия над личностью и для духовного рабства. Признавая, что России не хватает политической свободы, Грэхем видел в ней поразительно много свободы личной, духовной. Понимая, что британское общество не питает симпатий к российским самодержавным порядкам, Грэхем делал акцент на том, что именно такое управление и необходимо России. Россия — это консервативная страна, а «истинный консерватор желает сохранить свою страну в хорошем определенном состоянии процветания и счастья». Идеалом консерватора является «Святая Русь», основу которой составляет крестьянство, каркасом является церковь, а верхушкой — царь ⁵.

В отличие от большинства английских наблюдателей этого периода, связывавших беды и негативные явления в России со слишком быстрыми темпами развития капитализма, Грэхем был убежден, что России вообще следует избегать этих процессов. Возможные последствия приобщения крестьянства к плодам цивилизации Грэхем рисует в очень мрачных тонах. Секуляризация русского крестьянина коренным образом изменит русский народ и вызовет самые негативные последствия. «Каждый крестьянин, пришедший на фабрику, шахту или железную дорогу означает человека,

которого надо вычесть из сил царя и прибавить к партии социал-революционероv... В России есть жажда крови, что заставит всю Европу содрогнуться от ужаса, когда это произойдет»⁶. Все остальные классы и сословия Грэхем противопоставляет крестьянам, подтверждая слова великого писателя, что «народ один понимает братство», а интеллектуализм создает нацию непримиримых эгоистов. Даже эмоциональная окраска основных характеристик показывает, на чьей стороне находятся симпатии британского путешественника. Если народ постоянно рисуется «счастливым», то интеллигенция — это «нервные», «печальные», «отчаявшиеся», «эмоциональные и капризные» люди «с болезненным воображением» и «желанием быть несчастливыми». Особенно негативно писатель относится к русской буржуазии, считая ее «бедой России» и искренне беспокоится о том, что развитие капитализма неизбежно ведет к разрушению традиционного русского общества, и как следствие, к потере религиозности.

Именно религиозность Грэхем считал одной из отличительных и характерных черт русского народа. Как и другие иностранцы, он поражался множеству церквей в России, которые есть в каждом городе и каждой деревне. На своем пути Грэхем не раз встречал часовни в глухом лесу, кресты на дорогах. Его удивляло, что в городе могло не быть уличного освещения, мостовых, парикмахерской и театра (обязательных по западным меркам), но непременно — несколько соборов! Неотъемлемым атрибутом каждого русского помещения являлись иконы, которые были даже в «залах ожидания железнодорожных вокзалов, банях, домах терпимости, ночлежках, тюрьмах и больницах». Особый интерес у Грэхема вызвал феномен паломничества, так распространенный на Руси. Богомольцы, идущие от одного монастыря к другому, зимой и летом, останавливаясь на ночлег у добрых людей, а то и под открытым небом — привычная картина на дорогах России. Именно странничество, по его мнению, подлинно выражает духовную суть России. В 1912 г. британский путешественник отправился вместе с русскими паломниками в Иерусалим и по Святым местам. Одинокое скитание, общество русских крестьян у гробницы Христа и на берегах Иордана, как он сам писал позже, помогли ему стать таким, каким он был в последующие годы. Его друзьями были те, кто «лежали ночами под звездами Черного моря или зачарованно стояли в церквях Православного Востока». Отправляясь в это путешествие, Грэхем руководствовался не простым любопытством, а «желанием сердца», подсказавшим ему узнать Иерусалим именно через Россию. Он вспоминал позже, что там были сотни англичан и американцев, но, стоя рядом с богатыми туристами-соотечественниками, он был счастлив, что не приехал туда таким образом. Литературным итогом паломничества стала новая книга «Вместе с русскими паломниками в Иерусалим»⁷.

На следующий год Грэхем отправился в другое «паломничество» — на корабле с иммигрантами он пересек Атлантический океан и оказался в Америке. Газета «The New-York Times» откликнулась на его приезд большой статьей, в которой приводились выдержки из его книг о российских путешествиях. Грэхем также поделился своими первыми впечатлениями от Америки и планами пешеходных путешествий по стране. Перед взором британского путешественника предстала страна, столь отличная от России, что он не смог избежать сравнения: «контрасты в национальном духе настолько остры, что каждый помогает увидеть другого отчетливее». Россию и Америку Грэхем противопоставил как Восточный и Западный «полюса мысли» соответственно. Если Россия развивается как «величайшая художественная, философская и мистическая нация в мире», то Америка проявляет себя как место, где нация «действительно честна в своей попытке осуществить величайшую мечту человеческого прогресса». Если для американца идеалом является «сильное, победное и здоровое», и он вдыхает жизнь полными легкими, то в России слабость привлекает гораздо более, чем сила. В России, в отличие от Америки, вы столкнетесь с нацией, для которой «больные, пьяные, преступники, бедные женщины на улицах более драгоценны». Подтверждение этому Грэхем находит в примерах жизни многих известных людей России: «ее величайший романист Достоевский был эпилептиком; ее национальный поэт Некрасов был пьяницей; Врубель страдал слабоумием; Чехов был безнадежно болен чахоткой. Она не отрицает хорошее и здоровое, но страдание для нее ближе, более понятно»⁸. На личном опыте Грэхем мог сравнить отношение к «бродяге» в США и России. В Америке такой человек является объектом неприязни, он почти преступник и его образ жизни воспринимается как богохульство, направленное против американского идеала. А в России ни на кого не смотрят добрее, чем на бродягу или паломника. Их миллион летом на дорогах, они — характеристика России. Если Россия может дать веру, то Америка может дать остальное. Если Америка верит в деньги, то русские убеждены, что узы братства важнее, чем лишения⁹.

Религия Америки — это религия жизни, религию же России автор охарактеризовал как религию смерти. Эта тема получила свое развитие в книге Грэхема «Путь

Марфы и путь Марии». Сравнение очень разных стран — России, США и Англии, их разительная непохожесть заставили Грэхема задуматься над тем, что такое «национальная идея». Размышления о русской идее привели его к вопросу о Русском христианстве, а затем и к сравнению Восточного и Западного христианства. Чтобы завершить свое исследование, Грэхем весной 1915 г. отправился в Египет и посетил монастыри пустыни, «источник источников вдохновения Восточного христианства». Из Египта он вернулся в Россию тем же путем, каким туда пришло христианство. Книга «Путь Марфы и путь Марии» была посвящена описанию этого путешествия и размышлениям о восточном христианстве и христианской религии в целом.

«Русское христианство резко контрастирует с западным христианством своей характерной идеей отрицания «мира», противостоянием нашей западной идее принятия мира и «преобразования» его. Основная идея в Русском христианстве — отрицание «мира», отрицание этой смертной жизни как реальной жизни, отрицание материальной силы как реальной силы, отрицание речи как реальной речи»¹⁰. Для подтверждения Грэхем использовал библейскую притчу о сестрах Лазаря (от Луки, гл. 10, ст. 38—42), воплощающих две стороны благотворительности: реальную помощь обездоленным и духовное милосердие. Образы двух сестер — «деятельной Марфы» и «созерцательной Марии» олицетворяли две ветви христианства — западную («путь Марфы») и восточную («путь Марии»).

Мировая война, по мнению Грэхема, стала особенно ярким подтверждением религиозной силы русских людей. Пытаясь ответить на волновавший многих вопрос: почему же, несмотря на все трудности и тяготы войны русские побеждают, основной источник силы России Грэхем видел в ее мистическом духе. «Они уступают в пушках, самолетах, уступают в качестве сапог. Они мерзли и голодали так, как ни один немец не смог бы. Но они побеждают...»¹¹. Смерть, как заверял автор своих читателей, не пугает русских солдат, напротив, «мысль о славной смерти является духовной пищей для них. Погибший в бою становится наподобие святого. Это делает русских практически непобедимыми. Единственное, что может разрушить энтузиазм русских войск — это сознание того, что они сражаются за неправо дело. Пушки не являются их ultima ratio. Техническому превосходству немцев ...противостоит и сдерживает религиозная отвага русских крестьян...»¹².

Акцентируя внимание на том, что «русская религия это религия страдания и смерти, религия, которая помогает встретить страдание спокойно и всегда быть готовым к смерти», Грэхем проводил своеобразную параллель между паломничеством русских в Иерусалим и их походом на войну. «Русские маршируют на сражение как будто они идут к святыням. Смерть не является для них бедствием. Она трижды прекрасна и трижды свята как кульминация жизненного паломничества»¹³.

Особое внимание к данной теме в годы мировой войны, помимо всего прочего, объясняется теми надеждами, которые союзники возлагали на Россию. Противников же союза с царской Россией в Великобритании было не мало. Грэхем становится самым активным участником прорусской компании и пропагандистом «загадочной русской души». Будучи членом Общества друзей России, он выступал перед своими соотечественниками с лекциями о России. Новое и живое Христианство, идущее из России — тема большинства лекций Грэхема. Хотя, как он замечал, его и критиковали за чрезмерную идеализацию России, он был убежден, что «Святая Русь это живая реальность, прекрасная, духовная индивидуальность нации». Однако в среде деятелей русской культуры книга вызвала в основном негативные отзывы. Их авторы считали, что подобная интерпретация России наносит ей вред и дает неверное представление союзникам о России и русском народе. Русские буржуазно-либеральные круги, стремясь к союзу с Британией, видели в таком сближении условие для политических реформ и преобразований в России. Образ России, которая «сидит за прялкой и молится, пока остальные нации борются во имя материальных благ», не мог устроить проанглийски ориентированную часть российского общества.

В конце 1916 г. Грэхем покинул Россию на время, но как оказалось, навсегда. Революционные события в России, серьезно повлиявшие на все страны-участницы мирового конфликта, сказались и на судьбе Грэхема. Его утверждения о преданности русского крестьянина царю и верности союзническому долгу (а правильнее будет сказать — их желанием умереть на войне) оказались блефом. В британской прессе он подвергся сильнейшей критике. Никогда еще его выступления, как он вспоминал позже, не прерывались такими шумными возгласами. В газетах можно было встретить ироничные фразы: «вот что выходит, если много читать Достоевского», в которых содержался явный намек на Грэхема.

Вновь побывать в России Грэхему уже не довелось, он не получил визу, объясняя это тем, что всегда оставался независимым журналистом и это, по-видимому, не

устраивало советские власти. Но он продолжал постоянно следить за событиями в стране, регулярно получал советские газеты. Грэхем был против участия Британии в интервенции, позже он активно выступал за поддержание с большевистской Россией торговых отношений. Но особенно в первые послереволюционные годы его волновала судьба русской эмиграции. В 1921 г. Грэхем побывал в переполненном беженцами Константинополе, заметив с горечью, что по иронии судьбы русские наконец-то «получили Константинополь». По вопросу их бедственного положения он обращался в своем письме в «The Times».

В 1925 г. Грэхем совершил поездку вдоль советской границы (от Ладожского озера до Черного моря), через малые государства, граничащие с Россией на западе — санитарный кордон — «разделяющую линию между цивилизацией и варварством». Книга, получившая соответствующее название «Разделенная Россия»¹⁴, содержит размышления автора о России новой и России потерянной. Грэхем также делится своими впечатлениями от встреч с представителями русской литературной эмиграции в Париже — И. Буниним, А. Куприним, А. Ремизовим, Д. Мережковским и З. Гиппиус. Мысль, высказанная Мережковским, что разделяющая граница проходит не между государствами, а в душах людей, видимо и дала название этой книге, вложив в нее двойной смысл.

На какое-то время Грэхем перестал писать о России. Это можно объяснить и тем, что его надежды на возвращение Святой Руси не оправдались, а новую Россию — противоположную Святой Руси — он не принял. Грэхему обидно, что у власти оказались те, кто, по его мнению, всегда были враждебны России. Революция забрала власть у знати и среднего класса, землевладельцев и работодателей, но она не отдала ее рабочим. Власть оказалась у группы людей неработающего класса, называемой коммунистами.

Не имея возможности вновь побывать в России, Грэхем решил обратиться к русской истории. Героями его повествований стали российские правители — Иван Грозный, Борис Годунов, Петр Великий, Александр II и Сталин¹⁵. Это его начинание, с одной стороны, вызвало положительные отзывы (как первые подобные повествования на английском языке), с другой — критику в виду слабого исторического научного освещения. Наиболее успешной в тот период была его издательская деятельность. При участии Грэхема вышли англоязычные издания Н. Гоголя, А. Куприна, В. Дорошевича, Ф. Сологуба, В. Катаева, П. Романова, Р. Гуля, а также объемная — более тысячи страниц — антология «Великие русские рассказы»¹⁶, выдержавшая несколько переизданий. На склоне лет автор пишет и издает свои воспоминания, большая часть которых относится к первой половине его жизни и к России¹⁷.

Умер Грэхем в Лондоне в марте 1975, в возрасте 90 лет. На его смерть «The Times» отозвалась искроломом под названием «Писатель, который путешествовал пешком». В нем было отмечено, что иностранной страной, которую он знал лучше всего, была дореволюционная Россия, «которой он был популярным и энтузиастным интерпретатором», хотя и вводившим в заблуждение. «В то время, когда Россия была далекой и неизвестной страной для большинства англичан, яркие и сокровенные наброски Грэхема не имели недостатка в вдохновении. Они были, тем не менее, приукрашены в стиле и часто наивны в исторической аргументации»¹⁸.

Примечания

1. Мы придерживаемся традиционного русского написания — Стефан Грэхем, хотя в отечественных источниках встречаются и другие варианты транскрипции фамилии и имени писателя.
2. GRAHAM S. Undiscovered Russia. L. 1912.
3. Idem. A Vagabond in the Caucasus: with Some Notes of His Experiences Among the Russians. L. 1911.
4. Idem. Russia in 1916. N-Y. 1917, p. 147—148.
5. Idem. Changing Russia. L. 1913, p. 62.
6. Ibid, p. 11.
7. GRAHAM S. With the Russian Pilgrims to Jerusalem. L. 1913.
8. Idem. With Poor Immigrants to America. L. 1914, p. XIV.
9. Ibid, p. XVI.
10. GRAHAM S. The Way of Martha and the Way of Mary. N-Y. 1915, p. 111.
11. Idem. Russia and the World. L. 1917, p. 34.
12. Ibid, p. 70—71.
13. GRAHAM S. The Russians and the War. — Atlantic Monthly, 1915, v. 115, p. 387.
14. GRAHAM S. Russia in Division, L. 1925.
15. Idem. Peter the Great; a Life of Peter I of Russia. L. 1929; Idem. Stalin. An Impartial Study of the Life and Work of Joseph Stalin. L. 1931; Idem. Ivan the Terrible. Life of Ivan IV of Russia. L. 1932; Idem. Boris Godunov. L. 1933; Idem. A Life of Alexander II, Tsar of Russia. L. 1935.
16. Great Russian Short Stories, ed. by S. Graham. L. 1929.
17. GRAHAM S. Part of the Wonderful Scene, an Autobiography. L. 1964.
18. Obituary. — The Times. 1975, March, 20.

Атлетизм в Древней Греции: любители и профессионалы

Т.Б. Гвоздева

В 776 г. до н. э. в небольшом поселке Олимпия, расположенном в древнегреческой области Элида, состоялись первые соревнования, давшие старт будущим Олимпийским играм (Paus. V. 8. 1—5). Эти состязания постепенно приобрели большую популярность во всей Греции, сделав олимпийский праздник панэллинским, а олимпиоников — национальными героями¹. Собственно физические состязания были известны еще в древних Микенах (кулачный бой и состязания колесниц). На территории Олимпии были найдены бронзовые статуэтки колесниц, датируемые IX—VIII в. до н. э.² Самые ранние упоминания о спорте встречаются в эпических поэмах Гомера — погребальные игры в честь павшего Патрокла (Hom. Il. XXIII. 318—855) и игры на празднике у царя Алкиноя (Hom. Od. VII. 100—188). Состязания, скачки на колесницах, кулачный бой, борьба, бег, прыжки, метание копья и диска, стрельба из лука — все это было нацелено на военную подготовку героев. В Спарте военная гимнастика входила в обязательную физическую подготовку как юношей, так и девушек. Олимпийские игры положили начало спортивному атлетизму, объединенному с военным. В VI в. до н. э. к ним присоединились новые панэллинские игры — Пифийские, Истмийские и Немейские. Широкая известность и важнейшее общественно-политическое значение этих игр способствовали популяризации спорта в Древней Греции. Во многих полисах шло масштабное строительство стадионов, палестр и гимнасиев, в которых каждый гражданин мог развивать свои физические умения, навыки и способности.

Как правило, спортсмены начинали собираться в Олимпии за месяц до начала соревнований. Этот месяц был посвящен так называемым отборочным состязаниям. Атлеты должны были продемонстрировать свою подготовку, постоянно тренироваться, соблюдать режим, включая и особое питание. Вопрос о диете спортсменов освещен в источниках крайне фрагментарно. Интересную информацию мы можем почерпнуть в сочинении Флавия Филострата «О гимнастике» (III в. н. э.). Эпоху любительского спорта он называет «старой школой», а профессионального — «новой школой». О старой спортивной школе Филострат отзывался с большим уважением, ставя во главу угла хорошую физическую подготовку спортсменов и специальную систему питания. Последняя включала в себя ячменные лепешки, особенно способствующие укреплению мышц ног, пресный хлеб из непросеянной пшеницы, мясо быков, волов, козлов и косуль, а также масло из дикой маслины (Philost. Gymn. 43). Такая пища укрепляла здоровье спортсменов, а постоянные тренировки не давали им быстро стариться. Сильные и выносливые атлеты были готовы к тяжелой походной жизни. Спортивная тренировка рассматривалась ими как боевая подготовка.

Многие атлеты начинали выступать на Олимпийских играх в юном возрасте (в подгруппе «мальчиков»)³. Благодаря этому они участвовали в восьми, а то и девяти

Гвоздева Татьяна Борисовна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Литературного института им. А.М. Горького.

Олимпиадах (Philost. Gymn. 43). Наиболее яркий пример — судьба легендарного атлета Милона Кротонского. Его первый успех относится к 540 г. до н. э., когда на Олимпийских играх он одержал победу в борьбе среди мальчиков. После этого Милон побеждал на последующих пяти Олимпиадах (с 536 по 520 гг. до н. э.), а также шесть раз на Пифийских играх, десять раз на Истмийских и девять раз на Немейских (Paus. VI. 14. 5). Пять раз он был удостоен почетного титула переодоника (pereodonic) ⁴. О силе Милона ходили легенды.

«Был Милон таковым: четырехгодовалой телицы
Тяжесть он поднял с земли, празднуя Зевсовы дни.
Эту громадину он пронес на плечах как ягненка,
Словно пушинку, посреде люда, пришедшего в храм.
Все изумились. Но он совершил большее чудо.
Друг! Пред тем как обряд жертвы писейской жрецы
Стали свершать, быка для процессий, не знавшего пашни,
Он заколол, и один съел на виду у толпы» ⁵.

Ежедневный рацион Милона включал в себя шесть килограммов пшеницы и десять литров вина.

На первом месте у спортсменов были мясные блюда. Традиционная пища греков включала в себя густой овощной суп, хлеб, сыр, оливки, фрукты, масло, медовые лепешки, рыбу. Мясом же они лакомились в основном по праздникам, на пиру после жертвоприношения.

«До отвала наевшись рубцов отварных
На гулянии панафинейском
Ты не чувствовал шума и гуда в кишках
И бурчанья в стесненном желудке?» ⁶.

В источниках нет единого мнения — кто же ввел в рацион атлетов мясо. Павсаний считал, что этим человеком был стимфалиец Дромей, победитель в двойном беге, одержавший победы дважды на Олимпийских, дважды на Пифийских, трижды на Истмийских и пять раз на Немейских играх (Paus. VI. 7. 10). Успехи Дромея Павсаний связывал с употреблением в пищу мяса, в то время как до него атлеты питались в основном сыром. Согласно другой версии, первым «мясную» диету использовал Пифагор для атлетов кротонской школы. Именно эта диета якобы и стала решающим фактором в подготовке будущего победителя в борьбе Эвримена из Самоса (Diog. Laert. VIII. 12). До этого борцы питались в основном смоквами, мягким сыром и пшеничным хлебом. Пифагор же разработал специальную систему, в которой важное место занимала тщательно подобранная пища. «На завтрак они ели хлеб с медом и сотами, а вина днем не пили. Питались вином, ячменными лепешками, пшеничным хлебом, мясом и овощами, как вареными, так и сырыми. Мясо подавалось только жертвенных, подлежащих заклятию животных, а рыбу ели редко, так как некоторые виды ее в силу известных причин вредны для здоровья» ⁷. Употребление мяса в пищу противоречило теории Пифагора о переселении душ. Это отмечал Диоген Лаэртский, добавляя при этом, что запрещая есть мясо, Пифагор сам угощал им других (Diog. Laert. VIII. 13). Результат этой мясной диеты вскоре проявился: с 564 по 510 гг. до н. э. в списках победителей Олимпийских игр значились 13 побед кротонцев ⁸. Недаром, в это время вошла в обиход поговорка «последний из кротонцев равен первому среди греков» (Strab. VI. 1. 12).

С переходом к профессиональному спорту (VI в. до н. э.) изменяются как внешний облик атлетов, так и их образ жизни. Бегуны должны были укреплять мышцы ног, борцы — брюшной пресс (Philost. Gymn. 34). Тщательно продуманная и сложная физическая подготовка поглощала практически все время спортсменов. Высокие результаты могли быть достигнуты только при условии узкой специализации. Платон с горечью отмечал, насколько бегуны или борцы несостоятельны в других видах спорта (Plat. Anter., 135e). Различные виды спорта требовали и специальной системы питания, что вызывало острые насмешки современников. Еврипид называл атлетов «рабами своего желудка» (Eur. Avtol. Fr. 282), Аристофан высмеивал борцов за чрезмерную прожорливость:

«Ну лопай, трескай, брюхо набивай едой,
Пока не разорвешься ненароком сам!
Да, ну и жрет, проклятый! Как силач-борец
Налег на корм и челюстями лязгает,
И головою вертит, и ногами мнет...» ⁹

Профессионалов попрекали не только склонностью к обжорству. Многие приравнивали спортсменов к глупцам. Диоген говорил, что все атлеты глупы, потому что «сделаны из мяса свиней и быков» (Diog. Laert. VI. 49). Описывая спортсменов «но-

вой» школы, то есть профессионалов, Филострат отмечал, что они пользуются услугами лучших поваров и поставщиков продовольствия, и с их помощью превращались в эпикурейцев и обжор. Их постоянными блюдами были хлеб грубого помола, обильно посыпанный маком, а также рыба. Основное время спортсмены тратили на рассуждения и беседы о влиянии той или иной среды обитания на вкусовые качества рыб. Рыба с наиболее жирным мясом водится в болотистых местах, с самым нежным — близ утесов, а особенно крупная рыба — на глубине моря. Рекомендовалось употреблять в пищу только мясо тех свиней, которые откармливались кизилом и желудями. Забой свиней неподалеку от рек и вблизи морских берегов запрещался, поскольку допускалось, что эти животные питались вредным для мяса морским чесноком (Philost. Gymn. 44). Подробные филостратовы описания «важных» бесед спортсменов об их питании должны были лишней раз подчеркнуть ничтожество профессионалов по сравнению с героями «старой» школы. Дион Христом отмечал, что Геракл, великий герой Эллады, вряд ли совершил бы все свои подвиги, если бы ел так много мяса и так бы долго спал (Dion. Chrys. Orat. VIII. 30). Кратер Фиванский при виде молодого атлета, нагоняющего себе мускулатуру постоянными тренировками и мясным питанием, назвал его безумцем, который сам себе строит тюрьму (Anton. 36).

Суть всех этих замечаний и претензий сводилась, в общем, к тому, что профессиональный спорт отделился от своей первоначальной основы — боевой подготовки атлетов «старой» школы, которые рассматривали сражения как тренировку к гимнастике, а гимнастику, как тренировку к боям. Они отлично выступали на стадионах и бились на полях сражений, добывая себе как спортивные призы, так и завоевывая военные трофеи (Philost. Gymn. 34).

Сократ в беседе с Эпигном так говорил о физической подготовке гражданина: «Люди крепкие телом и здоровы и сильны. Благодаря этому многие с честью выходят невредимыми из сражений с неприятелями и избегают всех тяжелых последствий войны; многие помогают друзьям, приносят пользу отечеству и за это удостоиваются благодарности, приобретают великую славу, достигают самых высоких почестей и остаток жизни проводят в большой радости и славе, а детям своим доставляют возможность жить в лучших условиях»¹⁰.

Самые четкие претензии к профессиональным атлетам сформулировал Платон. Он утверждал, что каждому мужчине необходимо заниматься гимнастическими упражнениями для того, чтобы развивать в себе смелость и отвагу, а не просто для развития мышц (Plat. Res. Pub. 410b). Эти упражнения должны включать в себя элементы военных игр: стрельбу из лука, различные виды метания, верховую езду, а также строевые занятия, умение разбивать лагеря, вести походную жизнь (Plat. Leg. VII. 813d-e). Специфический же образ жизни профессиональных спортсменов влечет за собой большую потребность во сне и может являть серьезную опасность их здоровью при малейшем отклонении от установленного режима. С такой подготовкой атлеты вряд ли смогут принимать участие в военных походах, где требуется такое здоровье, которое бы не пошатнулось от перемены воды, пищи, от изменений погоды в случае зноя и ненастья (Plat. Res. Pub. 404 a-b). Таким образом профессионалы должны отличаться от прочих граждан полиса — и не только своим внешним видом, но и образом жизни.

Физические упражнения для древних эллинов были делом повседневным. Они с детства уделяли большое внимание спорту. Свободное время они с удовольствием проводили в гимназиях и палестрах, совершенствуя там не только телесные, но и душевные качества. Диоген утверждал, что спортивные упражнения, целью которых является только физическая сила, а не величие духа, не могут быть благом (Stob. Anthol. VII. 18). В спортивных павильонах греки занимались не только тренировками, но и вели беседы на философские и литературные темы, слушали мудрецов и ораторов. Таким образом их досуг носил не только спортивный, но и интеллектуальный характер. Не случайно, что профессиональные атлеты, занятые в основном проблемами режима и диеты, вызывали, как уже отмечалось, насмешки и презрение. Плутарх отмечал, что беседы тренеров и атлетов о качестве пищи могут довести до головной боли (Plut. Mor. 638).

Некоторые философы заявляли, что одностороннее физическое воспитание может нанести ущерб всестороннему развитию личности, а в первую очередь, интеллекту. Вместо приятного и достойного времяпрепровождения, профессионалы «истязают» себя тренировками и диетами. Они-то как раз и поломали полисный идеал гражданина: «атлета-земледельца-воина». Достойное стремление обратить свои навыки на благо отечества (воин — защитник полиса) они променяли на честолюбивые помыслы о «победе ради победы». Ксенофан Колофонский (VI в. до н. э.) так оценивал достижения атлетов:

«Если кто резвостью ног над всеми одержит победу
Иль пятиборствуя — там, где возле Писы меж рек
Зевса священный предел, в Олимпии, — если в кулачном
Кто одолест бою, боль от ударов стерпев,
Или в борьбе, или в том, что панкратий зовут, состязанье
И на него зсляки с гордостью будут смотреть,
Если сидеть впереди он заслужит победами право,
Или в ристаньях успех столько ж наград ему даст,
Все же достойным меня я его не признаю; ведь наша
Мудрость прекрасней любой силы людей и коней.
Глупо тут думать, как все, и с правдой ничуть не согласно
Силу мышц почитать мудрости выше благой.
Будет ли в нашем народе кулачный боец превосходный,
Будет ли мощный борец иль пятиборец средь нас,
Или бегун резвоногий (за что его все прославляют),
Словом, лучший из всех в подвигах силы людской, —
Благозаконнес город не станет от этого вовсе,
Городу, правду сказать, радости малое того,
Что победил кто-нибудь, на Писейских брегах состязаясь:
Тем не умножит добра он в городских кладовых.»

(Пер. С. Ошерова) ¹¹.

И тем не менее профессиональный спорт развивался и ничто уже не могло остановить этого процесса. Новых победителей — олимпийщиков сопровождали восторженные толпы поклонников, им вручали ценные призы и венки, посвящали статуи и хвалебные оды. Перед престижем Олимпийских игр благоговели эллинистические династии и римские императоры. Их общественно-политическое и культурное значение было настолько велико, что в XIX веке привело к возобновлению этих соревнований.

Примечания

1. MORETTI L. Olympionikai i vincitori nelle antichi agoni olimpici. — Atti delle Accademia nazionale dei Lincei Roma. 1957, ser. 8, vol. 8, fasc. 2; BOHRINGER F. Cultes d'athletes en Grece classique: propos politiques, discours mythiques. — Revue des études anciennes, 1979, t. 81, p. 5—18; ЗЕЛЬИН К.К. Олимпионики и тираны. — Вестник древней истории, 1962, № 4, с. 20-29; КУЗИШИН В.И. Олимпийские игры как феномен древнегреческой и мировой культуры. — Вопросы истории, 1997, № 1, с. 48 и др.
2. HIGGINS R. Minoan and Mycenaean Art. Lnd. 1967; CHADWICH J. The Mycenaean World. Cambridge. 1976; YALOURIS N. The Olympic Games Through the Age. Athens. 1976.
3. На Олимпийских играх все спортсмены выступали в двух возрастных группах — *paides* («мальчики») и *andres* («мужчины»). На всех остальных панэллинских играх были три возрастные группы — *paides* («мальчики»), *ageneioi* («безбородые», т. е. юноши) и *andres* («мужчины»).
4. Переодоником считался спортсмен, последовательно победивший на всех панэллинских играх (Олимпийских, Пифийских, Истмийских, Немеийских) в течение одного олимпийского года.
5. ДОРИЕЙ. Пер. Ю. Голубца. Зевсовы дни — Олимпийские игры, посвященные Зевсу Олимпийскому; посреди люда, пришедшего в храм — в первый день Олимпийских игр все спортсмены и зрители собирались у храма Зевса Олимпийского для церемонии торжественного открытия игр; писейские жрецы — на церемонии открытия совершалось крупное жертвоприношение Зевсу Олимпийскому.
6. АРИСТОФАН. Облака. Пер. Адр. Пиотровского.
7. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни. Пер. А.В. Лебедева.
8. RENFREW J. M. Food for Athletes and Gods: A Classical Dict. — The Archaeology of the Olympics. Lnd. 1988, p. 176; ЗВЕРЕВ Я.И. Олимпийский огонь в общественном сознании афинян VI в. до н. э. — Древний восток и античный мир. Вып. III. М. 2000, с. 60.
9. АРИСТОФАН. Мир. Пер. Адр. Пиотровского.
10. КСЕНОФОНТ. Воспоминания о Сократе. Пер. С.И. Соболевского.
11. Пятиборство на Олимпийских играх включало в себя бег, прыжки, борьбу, метание копья и диска. В программу игр в 708 г. до н. э. было введено: с 648 г. до н. э. панкратий — борьба, с разрешением всех возможных приемов. В Афинах олимпионики получали право сидеть в первом почетном ряду театра Диониса.

И.Х. УРИЛОВ. *История российской социал-демократии (меньшевизма). Часть первая. Источниковедение. 288 с. Часть вторая. Историография. 352 с.* М. Издательство Раритет. 2001.

Доктор исторических наук И.Х. Урилов (Институт российской истории РАН) в первой части своего нового труда дал источниковедческий анализ материалов, относящихся к истории социал-демократического движения в России. Во второй исследуется историография меньшевизма, эволюция взглядов российских и западных историков, изучавших проблемы возникновения теории и практику РСДРП, деятельность меньшевистских лидеров.

Автор исходит из того, что российская социал-демократия прошла длительный и трагический путь поисков в своем развитии. «Начав с идеализации теории Маркса, она, пережив искусственную физическую ликвидацию в стране «победившего социализма», вместе со своими западными коллегами пришла к пониманию марксизма как культурно-исторической ценности и исторического факта» (ч. 1, с. 41). Без полноценной истории российской социал-демократии невозможно, считает автор, понимание не только прошлого, но и настоящего и будущего России.

Урилов предпринял масштабную попытку анализа документов по истории РСДРП, прежде всего меньшевизма. Вынесенные за рамки научной разработки эти источники оставались практически невостребованными. Автор стремится восполнить этот пробел. Им охарактеризованы основные фонды Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального архива Феде-

ральной службы безопасности РФ, архива Дома Г.В. Плеханова. Интересна история формирования документальных коллекций по истории российского социал-демократического движения, собранных в Международном институте социальной истории в Амстердаме и в Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете в США, в которых работал автор.

Урилов подробно рассмотрел роль Б.И. Николаевского в собирании, хранении и изучении социал-демократических документов, а также его научную деятельность по истории меньшевизма. Благодаря коллекции Николаевского (более чем 250 фондов), которую он в 1963 г. передал Гуверовскому институту, ученым стали доступны богатейшие материалы по истории российской социал-демократии. В работе содержится описание неопубликованных документов меньшевиков, отпложившихся не только в России, но и у частных лиц. Особое внимание уделено источникам, относящимся к жизни и деятельности Ю.О. Мартова, Г.В. Плеханова, В.П. Акимова, Ф.И. Дана.

В книге представлен обзор важнейших документальных публикаций меньшевиков, которые до начала 1920-х годов выходили в свет в Советской России. В 1922—1927 гг. отдельные источники по дооктябрьскому периоду истории меньшевизма включались в издания Института К. Маркса и Ф. Энгельса: собрание сочинений Г.В. Плеханова, «Ленинские сборники», публи-

кации из архива «Искры», сборники документов группы «Освобождение труда» и т.д. Многое можно обнаружить и в журналах: «Пролетарская революция», «Красная летопись», «Красный архив», «Каторга и ссылка». Но уже в 1930—1940-е годы крупных документальных публикаций по истории российской социал-демократии практически не было. С начала 1960-х годов в сборники документов о революции 1905—1907 гг. включались и материалы, связанные с деятельностью меньшевистской партии, хотя и преподносились они в рамках узаконенной официальной доктрины, направленной на «разоблачение» меньшевиков как «агентов буржуазии» (ч. 1, с. 112).

Иная обстановка сложилась в зарубежной историографии. В конце 1950-х годов резко активизировались исследования по истории РСДРП: подготовка к 80-летию Л.О. Дан, работа над книгой «Мартов и его близкие», «Menshevik Project» (1959 г.); научным руководителем этого проекта стал американский историк Л. Хеймсон. Б.М. Сапир в 1967 г. возглавил издание уникальных документов из амстердамского архива («Russian Series on Social History»).

Благодаря совместным усилиям российских и американских историков в 1990-е годы было осуществлено трехтомное издание документов «Меньшевики в 1917 году» (М. 1994—1997). Этот сборник автор определяет как «этапный», «кардинально изменивший традиционное для российских читателей негативное представление о меньшевизме» (ч. 1, с. 117), хотя и не лишенный ряда недостатков: отсутствовали документы о провинциальных меньшевистских организациях, неубедительна мотивировка сокращения текста документов, не было внутренней критики публицистических источников. Касаясь специфики мемуаров — «современных историй» — Урилов показывает различие в оценках истории РСДРП мемуаристов, которые сохранили верность меньшевизму (Н.Н. Суханов), и авторов, перешедших на позиции большевизма (И.М. Майский) (ч. 1, с. 137—139).

Серьезное внимание автор уделил эпистолярному наследию, исходя из того, что письма писались непосредственно по следам происшедших событий, были очень насыщены информацией (ч. 1, с. 202). Письма иногда являются единственным источником, раскрывающим те или иные факты и сюжеты развития меньшевистской партии, не говоря уже о том, что дают понимание психологических аспектов, личностной подоплеку фракционных разногласий и идейной борьбы в социал-демократическом движении.

Особый раздел посвящен социал-демократической периодике, центр которой в 1920-е годы переместился за пределы России. Наиболее

популярным и авторитетным становится «Социалистический вестник», созданный по инициативе и под руководством Ю.О. Мартова в Берлине в 1921 году.

Вывод, к которому пришел автор, рассмотревший ведущие периодические издания меньшевиков в эмиграции, состоит в том, что в отличие от советской прессы, всегда выражавшей интересы Коммунистической партии и советского государства, меньшевистские газеты и журналы выступали в качестве «демократической, неофициальной, альтернативной» периодики и не выполняли какой-либо социальной заказ, поскольку «у них были разные источники информации и разные цели» (ч. 1, с. 267). Думается, партийная печать неизбежно является носителем и распространителем определенной партийной идеологии и программы и уже по этой причине не может быть свободна от определенной социальной и политической заданности.

В историографической части своего труда Урилов выделяет конец XIX — начало XX вв., когда появились первые работы марксистских публицистов и историков (П.Б. Аксельрод, В.И. Засулич, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, Ю.О. Мартов, П.Б. Струве). Мартов был автором первой статьи по истории меньшевизма, подготовленной по просьбе библиографа Н.А. Рубакина и монографического исследования «История российской социал-демократии». Первые обобщающие труды по истории РСДРП — и большевиков, и меньшевиков — были опубликованы в России в годы революции 1905 — 1907 годов. Принадлежность авторов к противостоящим фракциям предопределила различие авторских подходов, концепций и оценочных характеристик. «Прошлое социал-демократии сразу же становилось предметом политической борьбы» (ч. 2, с. 97).

Зарубежную историографию меньшевиков автор сопоставил с официальной советской. В меньшевистских работах, подчеркивает Урилов, развивалось дореволюционное меньшевистское направление социал-демократической историографии, которое с течением времени становилось все более остро не принимающим политику большевиков и их действия как правящей партии в СССР. Советская же «официальная историография продолжала следовать ленинским, большевистским традициям антагонистического отношения к своим идейным противникам и, пользуясь государственными возможностями, селекционировала издания по истории российской социал-демократии» (ч. 2, с. 161—162).

Меньшевистским авторам-эмигрантам не удалось создать всеобъемлющий труд по истории РСДРП. Наиболее крупным исследованием

в эмигрантской литературе явилась монография Ф.И. Дана «Происхождение большевизма. К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян» (Нью-Йорк. 1946). Книга эта отличалась ярко выраженной политической заданностью, в ней высказывалась надежда на неизбежное демократическое преобразование сталинского режима, сближение меньшевизма и большевизма, которые перестанут быть антиподами. Концептуально и фактологически, пишет Урилов, работа Дана базировалась на утверждении, что большевизм — «исторически неизбежное» явление. Исследование одного из старейших меньшевистских лидеров носило «скорее публицистический характер...» (ч. 2, с. 213).

Последняя попытка написать историю меньшевизма была предпринята меньшевиками-эмигрантами в 1959 г. (Л.О. Дан, Николаевский, Сапир). Анализ планов-перспектив подготавливаемого издания позволил Урилову сделать заключение, что этот труд по истории меньшевизма имел бы много общего с изданными ранее книгами по истории большевизма (ч. 2, с. 235). Не реализованные в полной мере планы по созданию истории меньшевизма способствовали появлению уже упомянутого «Menshevik Project», что активизировало исследовательскую деятельность на Западе, а в 1990-е годы вылилось в активное научное сотрудничество с российскими историками.

Привлечение российских архивов рядом зарубежных историков (А. Ашер, В. Рубол, Р. Сервис) в 1970—1980-е годы повлияло на написание биографий вождей российской социал-демократии. Работы З. Галили, Л. Хеймсона, Л. Либиха 1990-х годов о борьбе меньшевистской партии и ее лидеров в 1917 г., деятельности меньшевиков-эмигрантов и Заграничной делегации РСДРП отличаются широтой и глубиной проблематики.

Урилов справедливо не соглашается с мнением некоторых российских и зарубежных историков, ссылавшихся на Л. Д. Троцкого, который считал, что «при отсутствии в Петрограде Ленина не было бы Октябрьской революции». Для победного завершения революции, считает автор, желая только вождей и даже руководимых ими партий явно недостаточно. Меньшевикам, будь они у власти, не удалось бы справиться со страной, считали Ф. Дан и солидарный с ним Хеймсон, «без тех методов, которые использовали большевики» (ч. 2, с. 320).

Автор обращает внимание на наиболее значимые периоды в развитии советской историографии меньшевизма. В 1920—1950-е годы складывалась и утверждалась политико-обвинительная концепция меньшевистской истории (ч. 2, с. 180). Во второй половине 1950—1960-х

годов, хотя и начался отход от наиболее одиозных догм «Краткого курса истории ВКП(б)», однако отказа от восприятия меньшевиков как «оппортунистов, извращающих марксистскую теорию», не произошло, что нашло свое отражение в многотомной «Истории КПСС». В 1970—1980-е годы КПСС, продолжая яростно защищать социалистический выбор, отстаивала незыблемость идей Ленина и большевизма. Многие историки выступали активными пропагандистами партийной политики, что привело к появлению большого числа работ, посвященных «краху», «банкротству» деятельности «мелкобуржуазных» партий, включая меньшевизм. Вместе с тем, в это время были изданы труды К.В. Гусева, Л.М. Спирина, К.Н. Тарновского, в которых наряду с расхожими клише «оппортунизма» и «банкротства», содержались важные сведения по истории социалистических, в том числе и меньшевистской, партий. По мнению Урилова, в работах этих ученых, даже в условиях сильнейшего идеологического давления, высказывались резонные суждения, что помогло российским ученым в последующие годы «быстро и достойно войти в мировую историографию» (ч. 2, с. 220).

Труды С.В. Тютюкина, В.В. Шелохаева, В.И. Миллера, А.П. Ненарокова, В.В. Журавлева, П.В. Волобуева и других историков, создание энциклопедических, монографических, диссертационных исследований наглядно свидетельствуют не только о кардинальном пересмотре прежних постулатов, но и о широком использовании разнообразных источников, современных методов научного осмысления, выработке новых концепций и взглядов на историю меньшевизма. В заключении Урилов делает вывод: «Ныне развитие отечественной историографии социал-демократического движения привело к возможности и необходимости создания его полноценной истории» (ч. 2, с. 350).

Касаясь классификации источников и выделяя специфику тех, что исходят от политических партий и движений, хорошо было бы в историко-ведческом обзоре обосновать критерии классификации источников по истории социал-демократии, дать более подробную периодизацию как меньшевистской эмигрантской, так и западной литературы. Работа не свободна от определенной апологетики Мартова, в то время как творчество других меньшевистских авторов дается либо в сопоставлении с его работами, либо остается в тени.

В целом же труд Урилова развивает и углубляет традиции в историко-ведении и историографии истории российской социал-демократии.

А.И. ЗЕВЕЛЕВ, М.И. СМЕРНОВА

Иркутское книжное издательство и Мемориальный музей декабристов продолжили серию «Полярная звезда», в которой уже увидели свет сочинения и письма таких деятелей декабризма, как М.А. Фонвизин, В.Ф. Раевский, С.П. Трубецкой, Н.И. Лорер, А.Е. Розен, А.Н. Муравьев, А.Ф. Бриген, М.С. Лунин, Н.В. Басаргин, А.В. Поджио, П.А. Муханов, И.Д. Якушкин, А.М. Муравьев...

Э.А. Павлюченко впервые собрала воедино письма декабриста Никиты Муравьева, чье эпистолярное наследие по своему масштабу не имеет аналогов в истории декабризма. Сохранилось больше 1000 писем. Подавляющее их большинство никогда не публиковалось.

Настоящее издание восполняет значительный пробел в декабристоведении. Оно содержит письма Н.М. Муравьева периодов граничных походов русской армии в 1813—1815 годах, активной деятельности в тайном обществе, послания из крепости до отправления в Сибирь, а также первую записку Муравьева из Читинского острога (28 января 1827 г.). (Предыдущие публикации писем Никиты Муравьева были немногочисленны.) Письма предваряет вступительная статья — биография автора писем.

Издание охватывает период с августа 1813 по январь 1827 года. Оно насчитывает 258 писем, из которых 197 написаны до заключения в крепость, а 60 из крепости. 198 писем адресованы матери декабриста Е.Ф. Муравьевой; 53 жене А.Г. Муравьевой; 2 двоюродному брату М.С. Лунину; 2 родственнику К.Н. Батюшкова П.А. Шипилову, а также по одному письму Н.Н. Муравьеву и младшему брату А.М. Муравьеву. Одно письмо адресовано Николаю I.

Письма подтверждают органическую связь декабризма с просветительством, о чем уже писали С.С. Ланда и А.Г. Тартаковский. Дискуссия в историографии по поводу предпосылок декабризма между сторонниками «феноменологии» (М.В. Нечкина) и «эволюции» (С.С. Ланда) получает очередной аргумент в пользу последних.

Никита Муравьев до сих пор — один из самых таинственных персонажей русской истории XIX века. Лидер Северного общества декабристов, он всегда был четко вписан в известную схему: Пестель — представитель радикального течения в декабризме, сторонник республики, Муравьев — либерал, отстаивавший утопическую теорию о введении в России после победы восстания конституционной монархии. В сознании людей, изучавших декабристов, Муравьев всегда был нерешительным, сомневающимся интеллигентом, обреченным на неудачу. Возможно, в прагматическом смысле это и так, но, очевидно, что

движение декабристов имеет не столько политические аспекты, сколько этические, нравственные. Поэтому так важно понять сложный и противоречивый путь, пройденный Муравьевым.

Склонность к глубоким уединенным размышлениям, жажда научного знания, анализ своих поступков, граничащий с «самоедством» — все эти черты будущего декабриста отмечали многие современники, лично его знавшие (В.А. Оленина, М.С. Лунин). Здесь, по-видимому, действительно можно говорить об особом типе поведения декабриста в повседневной жизни, когда каждому без исключения поступку придавалось значение исторического факта, и каждое действие совершалось с опорой на опыт великих деятелей прошлого¹.

На основании всего массива писем Н. Муравьева Павлюченко выстраивает вектор развития личности декабриста: от юношеского восторженного экстремизма к зрелому и мудрому либерализму в философии в сочетании со стоицизмом в жизни. При этом автор с глубоким пониманием и уважением относится ко всем подчас весьма резким изменениям в поведении и мировоззрении Муравьева, пытаясь найти им объективное объяснение. В этом отношении в историографии не было единой точки зрения. Всегда в большей или меньшей степени в оценке личности Н.М. Муравьева доминировали бескомпромиссно-эмоциональные, субъективные мотивы. Многие соратники Муравьева по тайному обществу (например, Ф. Вадковский, П. Муханов) впоследствии жестоко осудили его за поведение после ареста и во время следствия, приписав ему «чистое отсутствие всякой воли». Самоуглубленность, медитативность, замкнутость и сдержанность в обращении дали повод некоторым современникам обвинить Н. Муравьева в эгоизме и даже отказать во «всякой самобытности». Действительно, «осознав несоответствие декабристских идеалов российской действительности, пересмотрев проблему соотношения целей и средств, в частности, отказавшись от крайностей, грозящих кровью, Н.М. Муравьев оказывается практически в изоляции» (с. 50). В этом смысле Павлюченко, представив на суд исследователя полное муравьевское эпистолярное наследие, подходит к качественно новому, предметному изучению личности декабриста.

Письма Муравьева передают двойственность его существования, разделение жизни явной и потаенной. В посланиях, написанных до 14 декабря 1825 г., не содержится ничего, что могло бы натолкнуть на мысль о тайной жизни молодого человека. Армейские будни, маневры и парады, скверная работа почты, постоянные задержки писем, волнения о здоровье родных и близких,

просьбы купить орденские знаки, прислать книги, однообразие минского периода, жизнь в дороге, упоминание мимоходом о строительстве в Москве Манежа и открытии памятника Минину и Пожарскому, аферы Сиверса и Зеленкова, тяжбы в Сенате, деревенские реалии, беспокойство о детях, разлука и одиночество — все это становится привычным и обыденным. Но вот происходит восстание, во время которого Муравьев находится далеко от Петербурга, в орловском имении Чернышевых Тагино, и начинается совершенно другой период в жизни декабриста.

Н.М. Карамзин, входивший в число ближайших знакомых семьи Михаила Никитича Муравьева и весьма далекий в своих убеждениях от взглядов молодых декабристов², был потрясен и чрезвычайно расстроен тем, что сыновья Михаила Никитича, и в частности Никита, оказались активными участниками заговора. 19 декабря 1825 г. он пишет Дмитриеву: «Катерина Федоровна Муравьева раздирает сердце своею тоскою. Вот нелепая трагедия наших безумных либералистов». А 3 января 1826 г. добавляет: «К нашему сокрушению, оба сына Катерины Федоровны Муравьевой взяты как члены этого законопреступного Общества. Никита, то есть старший, был даже одним из начальников» (с. 53).

В письмах из крепости Муравьев глубоко раскаивается в содеянном, испытывает сильнейшую вину перед родственниками за то, что не был с ними до конца откровенен. В послании из крепости матери и жене, он пишет: «Ежедневно я со слезами молю Господа простить меня за то, что я участвовал в этом безумстве и беззаконии и трудился над созданием этой новой вавилонской башни» (5 января 1826 г.). «Я предаюсь суровым и искренним размышлениям, перед моим умственным взором проходят последние годы — мое сердце разбито, моя душа больна, но я не поддаюсь унынию» (8 января 1826 г.). Подавленность и смятение пробуждают в нем сильнейшее религиозное чувство. Он все больше уходит в себя.

Корпус писем Муравьева к супруге — А.Г. Муравьевой, урожденной Чернышевой, проникнут пронзительным мотивом любви и нежности. «Попробуй, пытайся каждый день отвоевать клочок земли у себя самой... Ты сама писала мне, что твоя печаль еще не повод для того, чтобы не совершать добрых дел» (16 января 1826 г.). «Мой добрый друг, я поставил себе за правило радоваться всем сердцем любому выпадающему на мою долю удовольствию и не печалиться ни из-за каких огорчений: это наиболее благоразумно» (29 января 1826 г.). Оригиналы писем Муравьева к жене, а также фрагменты остальной переписки написаны по-французски.

Изучение писем Муравьева позволяет подойти к разработке некоторых проблем в современ-

ном декабристоведении. В частности, многое становится ясным во взаимоотношениях декабриста с его ближайшим окружением. Здесь невозможно переоценить влияние отца — известного литератора, просветителя, попечителя Московского университета — Михаила Никитича Муравьева, под руководством которого Никита делал первые шаги в становлении собственной личности. Под влиянием отца он ощутил стремление к изучению наук, среди которых особое место отводилось истории.

Многочисленные родственные и дружеские связи позволяют проследить генезис и развитие идей, воплотившихся впоследствии в программных документах декабризма. Многолетнее общение и дружба с такими людьми, как Карамзин, Батюшков, Лунин, Муравьев-Апостол сыграли решающую роль в формировании характера и мировоззрения Н.М. Муравьева.

Совершенно по-новому открывается образ матери декабриста — Екатерины Федоровны Колокольцовой. В историографии очень сильна традиция, в соответствии с которой женитьбу Михаила Никитича Муравьева на Е.Ф. Колокольцовой представляют как *marriage de raison*, весьма выгодное предприятие³. Письма Муравьева, в большинстве своем адресованные к матери, показывают удивительные душевные качества этой женщины. Составитель издания немало сделала для достижения объективности в оценке личности и роли Е.Ф. Колокольцовой⁴.

Исключительное значение в контексте развития конституционной мысли России имеет законодательный проект Н.М. Муравьева. Как справедливо заметила Павлюченко, «особый либерально-конституционный тип революционности, представленный в декабризме Муравьевым, прорастет в будущем в одну из центральных проблем российской истории, а потому требует дальнейшего научного осмысления» (с. 66).

Собрание писем Муравьева подготовлено на очень высоком уровне. Создан прекрасный научный аппарат. Вступительная статья, комментарий и указатель имен отличаются исчерпывающей полнотой и тщательностью исполнения. В комментариях искусно соткана канва эпохи.

Н.Е. ТЮРИКОВА

Примечания

1. ЛОТМАН Ю.М. Декабрист в повседневной жизни. — Литературное наследие декабристов. М. 1975, с. 25—74.
2. См.: МИНАЕВА Н.В. Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н.М. Карамзина. — История СССР, 1982, № 5, с. 150—159.
3. ДРУЖИНИН Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М. 1933.
4. ПАВЛЮЧЕНКО Э.А. Добрейшая Катерина Федоровна. — Памятники Отечества. 1992, № 4 (28).

В последние годы увидели свет многие исследования о Рюриковичах и Романовых. К сожалению, наряду с серьезными, научными работами появляются поверхностные, непрофессиональные издания, псевдоисторические публикации. Книги доцента Российского государственного гуманитарного университета, кандидата исторических наук Е.В. Пчелова носят научно-популярный характер. Автор подчеркивает, что ставил своей целью не очередное изложение российской истории, а характеристику самих личностей, оказавших заметное влияние на развитие страны, в том числе и малоизвестных современному читателю. В значительной степени ему это удалось. Книги носят историко-антропологический «оттенок», в них высвечиваются характеры и наиболее яркие события из биографий героев. Сам автор принцип своего изложения называет генеалогическим. Освещается целостная история рода на всем протяжении его существования, создается своеобразная «биография» династии. Книги можно отнести к просопографическим работам, то есть представляющим коллективные биографии обоих родов.

Книга «Рюриковичи» открывается на первый взгляд парадоксальным утверждением: «В 2001 году исполнилось 1139 лет Русскому государству». Конечно, имеется в виду дата 862 г. — появление на севере Руси князя Рюрика, основателя династии, правившей русскими землями на протяжении 740 лет. В советское время на «призвании варягов» предпочитали не акцентировать внимание. Пчелов предлагает вернуться к традиционной точке зрения, полностью отдавая себе отчет в том, что «возникновение государства — сложный и долгий процесс, результат экономического и политического развития» (с. 4). Стремление автора возродить к жизни упомянутую дату как «начальную точку» российской истории, пусть и с оговорками, может вызвать определенное недоумение и выглядит излишне категоричным. Ведь не вызывает сомнений существование государственных образований на территории будущей Древней Руси задолго до «призвания варягов». Впрочем, в какой-то степени авторский пафос оправдан, поскольку, с одной стороны, книга посвящена истории самой династии Рюриковичей, а с другой, упоминание 862 г. как некоего начального года русской государственности — во многом реакция на попытки «укоротить» русскую историю в связи с возникновением независимых Украины и Беларуси. Пчелов подчеркивает единство восточнославянских народов, показывая их историю и глубокие корни русской государственности — через призму единой династии.

Но проблемы генезиса государства не стоят в центре внимания автора. Далее он переходит к характеристике общей этногеографической картины Руси, сложившейся к середине IX века, сопровождая свое повествование обширными цитатами из различных источников — от Прокопия Кесарийского до Ибн Хордадбеха. Неоправданно большое внимание уделяется походам викингов, варяжско-славянским взаимосвязям на Руси в конце IX — начале X веков. Автор предлагает общий обзор истории «норманнской теории», ее сторонников и противников. Пчелов делает вывод: «полемика по поводу норманизма имела смысл лишь тогда, когда считалось, что происхождение династии напрямую связано с образованием государства». Поскольку «на современном уровне развития исторической науки совершенно ясно, что от национальной принадлежности правящего рода сам процесс образования государства не зависит», то «около норманистские споры просто потеряли всякий смысл» (с. 20). Варяги «сыграли определенную роль в ранней русской истории», но она не была решающей, и их, конечно, «нельзя считать создателями нашего государства». Таким образом, автор четко обозначил отделение вопроса о происхождении династии от проблемы происхождения русского государства.

Пчелов упоминает о различных точках зрения на летописную легенду о «призвании варягов», отмечая в ней как легендарные, так и реальноисторические мотивы. Далее он касается нескольких гипотез о личности и происхождении самого основателя династии — князя Рюрика. Особый интерес представляет глава, в которой рассмотрены версии о происхождении Рюрика — славянская и скандинавская¹. Автор анализирует все аргументы за и против и приходит к выводу, что Рюрик мог иметь смешанные славяно-скандинавские корни. Пчелов отвергает ставшую хрестоматийной версию о том, что летописные братья Рюрика Синеус и Трувор обязаны своим возникновением неверному переводу древнескандинавских словосочетаний. Автор предлагает считать и Синеуса и Трувора реальными историческими персонажами, возможно и связанных с Рюриком родственными отношениями.

Киевским князьям «до Олегова» времени в книге уделено недостаточное внимание. Следовало бы подробнее остановиться на таких фигурах, как Кий, Аскольд, Дир. Они обозначены весьма конспективно, хотя и с привлечением иностранных свидетельств, например, «Истории Тарона» Зеноба Глака или «Хронографии» Продолжателя Феофана. Зато личность князя

Олега охарактеризована достаточно подробно. Примечательно, что здесь приводятся не только известные рассказы об этом князе из «Повести временных лет» (ПВЛ), но и повествование саги об Одде Стреле, как известно, обнаруживающее параллели с летописной информацией. Автор полагает, что и летопись и сага имели один источник: «древнерусский князь Олег был настолько значительной фигурой в истории того времени..., что предания, связанные с его личностью, сохранились как в «Повести временных лет», так и в далекой полумифической саге — русском историческом и скандинавском эпическо-литературном произведении» (с. 50).

Широкое обращение к источникам разных стран и народов — характерная черта книги. Это касается и разделов, посвященных Игорю, Ольге, Святославу, Владимиру и другим князьям. Используются и достижения современной исторической науки.

Особую ценность представляет та часть книги, которая посвящена «земельным» династиям Рюриковичей. По сути это очерки истории всех ветвей рода, правивших в различных землях распавшегося Древнерусского государства. Так, самостоятельные разделы рассматривают полоцкую, галицкую, туровопинскую, черниговскую, рязанскую, волынскую и многие другие династии. Главное внимание опять-таки сосредоточено на личностях князей и княгинь, на их роли в политической, военной, духовной истории страны. Перед читателем предстает увлекательная галерея образов Всеслава Вещего и Ефросиньи Полоцкой, Олега «Гориславича» и Михаила Черниговского, Ярослава Осмомысла и Ивана Берладника, Мстислава Удатного и Даниила Галицкого. Практически ни одна из ветвей Рюриковичей не осталась в стороне. Большой интерес представляет раздел о Великом княжестве Литовском, вслед за некоторыми историками (И.Б. Греков, С.В. Думин и др.) рассматриваемом как центр объединения западных и южных русских земель, в орбиту влияния которого попали многие из «земельных» династий.

Пчелов не просто проследил историю княжеских династий, но охарактеризовал и их дальнейшее потомство. Такое соединение под одной обложкой и древнерусских князей XII—XV веков и их потомков более позднего времени, вплоть до XX века, ново в исторической литературе. Скрупулезно перечислены все княжеские и дворянские роды, возводившие себя к Рюриковичам, охарактеризованы наиболее известные яркие представители этих родов — и по мужской, и по женской линиям. Заинтересованный читатель найдет в книге очерки о князьях Долгоруковых и Кропоткиных, о дворянах Мусоргских и Татищевых, о князьях Вяземских, Щербатовых, Воро-

тынских, Оболенских, Ухтомских, Гагариных и многих других. Прослежено немало интересных генеалогических связей. А среди потомков Рюриковичей по женским линиям оказались не только Пушкин и Лев Толстой, но и Витте, Блаватская, Столыпин, Набоков, Фонвизин. Богатейший генеалогический материал связывает многих прославленных деятелей российской истории и культуры разных эпох (к сожалению, в книге отсутствует именной указатель).

Отдельно рассмотрена история московской княжеской династии. Этот раздел малооригинален, хотя некоторые московские правители у Пчелова освобождаются от идеализации и получают в целом скорее отрицательную характеристику (Иван Калита, Василий II, Иван Грозный). Подход автора сравнительно взвешенный, но страдает определенными крайностями. Так, Иван Грозный предстает преимущественно в черном цвете, в то время как Федор Иоаннович выглядит как чуть ли не достойный канонизации. Сжато и емко изложено Смутное время, когда появился первый всплеск русского самозванства.

Причину неудачи кандидатур Рюриковичей на Земском соборе 1613 г. автор видит в том, что потомки этой династии «уже не воспринимались народом как члены правящей династии. Московская же династия пресеклась, более важным оказалось родство именно с последними царями этой семьи, а не происхождение от одного с ними предка» (с. 387).

В приложении к книге — хронологический перечень всех киевских, владимирских и московских великих князей и царей из рода Рюриковичей. Жаль, что отсутствуют хронологические перечни правителей всех русских княжеств. Тематически к ней примыкает схема некрополя Архангельского собора Московского кремля с указанием захороненных в нем князей и царей. В приложения вошли «Материалы к библиографии по истории рода Рюриковичей», также двенадцать родословных таблиц. Среди приложений выделяется еще одно, на первый взгляд кажущееся инородным — «Рюриковичи в русской поэзии». Каждое произведение предваряет комментарий.

Вторая книга — «Романовы. История династии» также построена по генеалогическому принципу. Но в данном случае этот принцип выдержан более последовательно. Во введении дается краткий обзор литературы по теме. Представлена широкая панорама истории всего романовского семейства. Автор стремился воссоздать живые образы практически всех представителей романовской династии. Он проработал всю имеющуюся литературу по истории династии, привлек богатый генеалогический материал, преимущественно из редких и малодос-

тупных иностранных изданий. Пчелов консультировался и с ныне живущими потомками Романовых, предоставлявшими в его распоряжение необходимую генеалогическую и биографическую информацию.

В основе книги — родословная роспись Романовых, в которой присутствует 190 человек. О каждом вначале дается краткая биографическая справка с указанием служебной деятельности, семейного положения. Затем, как правило, следует очерк о жизни и деятельности данного лица, написанный живо и увлекательно, с акцентом на характер рассматриваемого персонажа, наиболее примечательные события, с ним связанные. В библиографических списках представлены основные источники и литература, посвященные данному лицу. Таким образом книга является ценным справочником.

Не все очерки равноценны. Об одних Романовых информации больше, другие обозначены конспективно, но никого автор не обделил своим вниманием. Выделяются очерки о великих князьях второй половины XIX — начала XX века. Здесь упомянуты и совсем малоприметные, такие, скажем, как Петр Николаевич или Дмитрий Константинович. Многие из них оставили заметный след в самых различных, казалось бы неожиданных, областях. Например, великий князь Николай Михайлович известен преимущественно как историк, специалист в области русской истории начала XIX века. А между тем он был и выдающимся ученым-энтомологом.

Автор не удержался и от некоторой идеализации ряда своих героев, например, Александра III и Николая II. В личностном плане они мо-

гут вызвать определенную симпатию, но государственная деятельность Романовых-правителей осталась в стороне. Впрочем, после очерков о правивших Романовых приводятся краткие хронологии основных событий их царствования, отбор которых неизбежно субъективен, но в целом вполне оправдан. Некоторые Романовы получили отрицательные характеристики, например, великий князь Николай Константинович, печально «прославившийся» кражей семейных драгоценностей. Весьма сдержанно автор пишет и о великом князе Кирилле Владимировиче, в эмиграции заявившем о своих правах на российский престол. Разделы о жизни Романовых в эмиграции и современных потомках этого рода представляют немалый интерес.

В приложении даны хронологическая справка, избранные статьи Свода основных государственных законов Российской империи, список шефов гвардейских полков, родословные таблицы.

Богат иллюстративный ряд обеих книг. К сожалению качество иллюстраций не всегда может удовлетворить читателя.

Книги Пчелова будут полезны не только любителям истории, но и профессионалам, которые найдут в них для себя немало новой и интересной информации.

И.Е. ГОРЕЛОВ

Примечания

1. См. также ЯМАНОВ В.Е. Рорик Ютландский и летописный Рюрик. — Вопросы истории, 2002, № 4.

И.В. ПОЗДЕЕВА, В.П. ПУШКОВ, А.В. ДАДЫКИН. *Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618—1652:*

от восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона. М. Издательство объединения «Мосгорархив». 2001. 544 с.

Книга выросла из исследовательской и публикаторской деятельности Археографической лаборатории при кафедре источниковедения исторического факультета МГУ. Эта деятельность началось более десятилетия назад и направлена была на всестороннее изучение феномена Московского печатного двора (МПД), как одного из крупнейших культурных центров Московского государства в XVII веке. Результатом столь длительной исследовательской программы явился фундаментальный труд, состоящий из трех частей. Это, во-первых, собственно авторские очерки университетских археографов (с. 7—156); во-вторых, публикация комментированных

источников по истории русского книгопечатания за почти вековой период — с середины XVI — до середины XVII вв. (с. 157—436); наконец, в-третьих, данные о кадровом составе работников МПД и распространении его продукции, взятые из приходно-расходной документации и представленные в табличном виде (Приложения II—IV, с. 444—530). В книгу включены также и иные материалы вспомогательного характера.

Научный редактор книги И.В. Поздеева отмечает своего рода историографический перекос в отношении старомосковского книгопечатания. Настоящий вал исследовательской литературы, обобщающих и научно-популярных изданий, по-

священных Ивану Федорову и его сотрудникам, несопоставим с ничтожным количеством специальных работ, в которых изучается труд «его наследников и продолжателей» (с. 3). С этим можно согласиться: объем научных работ по истории МПД в конце XVI—XVII вв. значительно уступает историографии Ярего, но краткого «Федоровского» периода. Рецензируемый сборник призван в какой-то мере испривить названный перекокс, что авторам в общем и целом удалось.

В обобщающем предыдущие работы автора очерке И.В. Поздеевой «Историко-культурное значение деятельности Московского печатного двора в первой половине XVII в.» дается ответ на вопросы: с какой целью издавались книги различных типов, на какие общественные круги была рассчитана книгоиздательская деятельность. В статье содержатся важные сведения о тиражах и ценах на печатные книги в указанный период, а также о развозе продукции МПД по городам и регионам Московского государства в 1621—1624 годах.

Совместная работа трех упомянутых выше авторов «Документы Приказа Книгопечатного дела как исторический источник. Краткая история изучения архива» — источниковедческо-историографическое введение в данную тему.

Очерк В.П. Пушкова «Деятельность Московского печатного двора по распространению духовной литературы в 7145 (1636/37) году» — чуть ли не первое серьезное исследование книжного рынка в Московском государстве. Анализировалась типичная по своему формуляру приказная книга¹. Автор считает, что: «достаточно уверенно можно определить годовую емкость книжного рынка изданий Московского печатного двора не менее 7.000 экземпляров 13 наименований» (с. 84).

Удачен очерк А.В. Дадькина «О производстве и распространении первых двух изданий Пролога на Московском печатном дворе (по данным архива Приказа книгопечатного дела)». История старопечатных Прологов воссоздана с помощью эффективной исследовательской техники: данные приказных материалов, принадлежащих названному архиву, сопоставляются с экземплярами Прологов, дошедшими до наших дней (или с их описаниями), особенно с записями на страницах книг, сделанными в разное время. Это позволяет воссоздать судьбу книги от момента производства до настоящего времени, порой — достаточно полно. Автор собрал данные по 182 экземплярам, ему удалось выявить и проанализировать 161 запись, относящуюся только к XVII веку. Общий тираж двух первых изданий московского Пролога (1641 и 1642—1643 гг.) составляет 3.600 экз. Таким образом, Дадькин работал со сведениями по 5% от об-

щего количества экземпляров. Это вполне репрезентативная выборка для реконструкции «культурной биографии» тиража в целом. Подобная исследовательская техника была предложена И.В. Поздеевой, испытана на практике в дипломной работе ее ученицы О. Черноусовой², и получила наиболее полное выражение в данном очерке.

Опубликованные источники представляют огромную ценность и, видимо, эта часть книги станет своего рода «хрестоматией» для изучающих историю МПД. Первая группа этих источников призвана представить информацию о возникновении книгопечатания в России в середине XVI в., его месте в церковной культуре и связи с общегосударственными задачами просвещения. Наиболее ценна для специалиста публикация предисловий и послесловий к старопечатным изданиям 60-х — 80-х гг. XVI в., к московским изданиям Евангелия 1606 г., Псалтири учебной 1615 г. и целому ряду более поздних. Несколько излишним представляется помещение в сборнике отрывков из Стоглава: специалисты вряд ли испытывают необходимость в этом, а до широкой публики не дойдет сама книга, вышедшая тиражом 700 экз. и оформленная как академическое научное издание.

К следующей группе относятся приказные материалы непосредственно по истории МПД в 20-х — 60-х гг. XVII века. Абсолютное большинство опубликованных источников взято из фонда 1182 (Приказ книгопечатного дела) (РГАДА). Сам по себе этот выбор правилен: названный фонд представляет собой самое крупное собрание документов по данной теме, и массивная публикация наиболее значимой его части давно стояла на повестке дня. Авторы с успехом решили эту задачу. Названный источниковый комплекс представлен во всем многообразии. Напечатаны материалы, разносторонне характеризующие МПД: и как крупное промышленное предприятие, и как средоточие справы богослужебных книг, и как важнейший центр, распространения печатной продукции, и как государственное учреждение, составляющее часть политики царствующего дома. Кроме того, в сборник попали весьма важные документы по истории функционирования маленькой типографии Василия Бурцева.

Эта репрезентативная публикация фактически смещает фокус поиска новых архивных материалов по истории МПД на иные фонды, содержащие приказные документы XVII века.

Несколько снижает академическую планку публикации отсутствие археографического описания приходно-расходных книг из архива Приказа книгопечатного дела. Авторы объясняют это тем, что с одной стороны, дела публикуются не

полностью, порой оттуда взяты «только одна-две записи» (с. 160); с другой, некоторые сведения такого рода уже содержатся в других публикациях (с. 164); а также тем, что в Приложении I приведены краткие сведения о четырех десятках приказных книг (с. 441—443). Аргументация резонная, однако из-за отсутствия подобного описания возникают неточности. Так, например, утверждается, что фонд 1182 «охватывает период деятельности Печатного двора с 1620 по 1722 г.». А в фонде имеются материалы, содержащие сведения по более позднему времени, да и сами публикаторы поместили в своей книге отрывок из приказной книги № 1, начинающейся с осенних месяцев 1619 г. (над соответствующим местом в тексте источника ошибочно помечено «1620 год»). Надо полагать, составление и издание новой описи фонда 1182 (или хотя бы приказных книг, входящих в этот фонд), усиленной подробными сведениями о составе и содержании каждой единицы хранения, является одной из актуальных задач.

В приложениях содержатся материалы, собранные Пушкиным и Дадыкиным, но по тем или

иным причинам не вошедшие в их авторские очерки. Большую ценность представляет список московских храмов, причт которых приобрел книги в лавке МПД в течение 7145 г. (Пушков), а также данные о подьячих Приказа книгопечатного дела и работниках МПД (Дадыкин), органично дополняющие справочники С.Б. Веселовского и С.К. Богоявленского³.

Небольшие недочеты, указанные в отзыве, ничуть не заслоняют очевидного факта: вышло высокоинформативное, можно сказать, этапное для истории русского книгопечатания издание.

Д. МИХАЙЛОВИЧ

Примечания

1. РГАДА, ф. 1182 (Приказ книгопечатного дела), оп. 1, д. 29 (приходная книга 1636/1637 г.).
2. См. также Мир старообрядчества. Вып. 1. М. 1995.
3. БОГОЯВЛЕНСКИЙ С.К. Приказные судьи XVII в. М.-Л. 1946; ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М. 1975.

Зарубежные книги и журналы, поступившие в редакцию

Contending with Stalinism. Soviet Power and Popular Resistance in the 1930 s. Ed. by Lynne Viola Cornell University Press. Ithaca and London. 2002. 235 p.

Czasopismo Prawno—Historyczne (Poznań). Tom LIII — Zeszyt 2. 2001, Tom LIV — Zeszyt 1. 2002.

R. Forsstrom. Possible Worlds. The Idea of Happiness in the Utopian Vision of Louis-Sébastien. Mercier. Helsinki. SKS. 200. 326 p.

W.Z. Goldman. Women at The Gates. Gender and Industry in Stalin's Russia. Cambridge. 2002. 294 p.

Historia Critica. Revista del Departamento de la Facultad de Ciencias Sociales de la Universidad le los Andes. Bogotá, Colombia. № 23. Enero-junio 2002.

M. Jansen and N. Petrov. Stalin's Loyal Executioner. People's Commissar Nikolas Ezhov, 1895—1940. Stanford. Hoover Institution Press. 2002. 274 p.

E. Lähteenmäki. Ruotsin suomalaismetsien synty ja savolainen liikkuvuus vanhemmalla Vaasa-kaudella. SKS. Helsinki. 2002. 212 s.

O. Matikainen. Verenperijät. Väkivalta ja yhteison murros itäisessä Suomessa 1500—1600—luvulla. SKS. Helsinki. 2002. 238 s.

J. Rantala. Kansakonlunopettajat ja kapina. Vuoden 1918 punaisuussytökset ja opettajan asema paikallisyhteisössä. SKS. Helsinki. 2002. 194 s.

M. Sach. Hochmeister und Grobfürst. Quellen und Studien zur geschichte des östlichen Europa. Franz Steiner Verlag. Stuttgart. 488 S.

K. Vainio—Korhonen. Ruokaa, vaatteita, hoivaa. Naiset ja yrittäjyys paikallisena ja yleisenä ilmiönä 1700—luvulta nykypäivään. SKS. Helsinki. 2002. 177 s.

P. Vatanen. Sääty-yhteiskunnan kirjastosta kansalaisyhteiskunnan kirjastoksi. Yleisten kirjastojemme murroskausi 1890—luvulta 1920—luvulle. SKS. Helsinki. 2002. 216 s.

Vukceovich I. Rex Germanorum, populos sclavorum. An Inquiry into the Origins & Early History of rhe Serbs/Slavs of Sarmatia, Germania & Illyria University Center Press. Santa Barbary. 2001. 602 p.

Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft. Berlin. 2002. № 3, 5, 7, 8, 9.